ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА ХЛѢБНИКОВА.

ГЛАВА I.

Мое первоначальное образованіе въ Тульской гимназіи.—Поступленіе въ Главное Инженерное Училище.—Тогдашнее состояніе этого заведенія.—Генералъ Шарнгорстъ.—Выпускъ на службу въ Кіевское инженерное управленіе.—Переводъ въ Севастополь.—Неудачное плаваніе въ Одессу.—Мои работы въ Севастополѣ.

Родители мои происходили оба изъ хорошихъ дворянскихъ семей, были общительнаго характера, мать живого ума и съ отзывчивымъ сердцемъ. Отецъ вслѣдствіе тяжелой раны старался быть всегда спокойнымъ, былъ серьезный и сдержанный. Оба они пользовались въ кругу своихъ знакомыхъ полнымъ уваженіемъ.

Какъ видно изъ документовъ, отецъ мой, Дмитрій Егоровичъ, родился въ 1792 году и въ 1807, 15-тилѣтнимъ юношей, поступилъ на службу въ Роченсальмскій полкъ подпрапорщикомъ; въ 1808 и 1809 гг. сражался въ Финляндіи противъ Шведовъ и въ 1810 году перешелъ въ Тульскій пѣхотный полкъ, произведенъ въ офицеры и, не разставаясь съ этимъ полкомъ до конца своей военной службы, участвовалъ въ безпрерывныхъ походахъ и многихъ славныхъ сраженіяхъ. 23 Мая 1813 г. въ сраженіи при г. Лукау противъ французскихъ войскъ подъ начальствомъ маршала Удино, отецъ мой, командиръ стрѣлковой цѣпи, былъ тяжело раненъ пулею, которая и осталась у него въ груди. Черезъ 4 съ небольшимъ мѣсяца, 6 и 7 Октября 1813 г. отецъ снова участвовалъ въ кровавыхъ бояхъ подъ Лейпцигомъ, въ Ноябрѣ былъ въ Амстердамѣ, а съ началомъ 1814 г. во Франціи и 19 Марта въ Парижѣ. По окончаніи кампаніи онъ оставилъ военную службу и, благодаря покровительству комитета о раненыхъ, опредѣленъ въ службу гражданскую.

Отецъ женился въ 1818 г. на дочери Романа Васильевича Горбачевскаго, и отъ этого брака было пятеро дѣтей: Николай, Екатерина, Константинъ, Василій и Надежда. Въ 1836 г. вслѣдствіе сдвиженія пули съ того мѣста, гдѣ она до того времени держалась приросшею къ внутренней сторонѣ одной изъ грудныхъ костей, отецъ мой умеръ.

Семья наша существовала службою отца, и съ его кончиною разомъ оборвались наши матеріальныя средства.

Вскорѣ послѣ смерти отца наша мать должна была отправиться въ Петербургъ хлопотать о своей пенсіи и объ опредѣленіи младшихъ трехъ дѣтей въ учебныя заведенія. Старшій мой братъ Николай находился въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, а сестра Екатерина оканчивала образованіе въ Патріотическомъ Институтѣ (ей пришлось, выходя изъ Института, явиться на свѣтъ Божій въ глубокомъ траурѣ). Я и братъ Василій учились въ Тульской гимназіи, а младшая сестра Надежда находилась дома.

Ученіе мое въ гимназіи не отличалось большимъ усердіемъ; я держался постоянно въ благословенной серединѣ и, каждый годъ переходя въ слѣдующій классъ, достигъ пятаго.

Кромѣ обычныхъ гимназическихъ занятій къ намъ приходилъ на домъ старичекъ Французъ Туссенъ (m-r Toussin), и тутъ мои успѣхи были также не велики.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, зимою 1836—37 гг., повезли насъ въ Петербургъ. Мы долго тянулись въ крытомъ возкѣ, на долгихъ, по безпрерывнымъ ухабамъ и сугробамъ. Помню, какое тяжелое чувство охватило меня когда возокъ нашъ повернулъ по Кирочной улицѣ въ ворота дома № 24, и мы въѣхали на довольно просторный дворъ, окаймленный съ трехъ сторонъ каменнымъ двухъ-этажнымъ строеніемъ, а съ четвертой домомъ выходящимъ на улицу. Матушка занимала небольшую, въ 2—3 комнаты, квартиру, и намъ показалось это такъ бѣдно и тѣсно послѣ обширной, совершенно барской, казенной нашей квартиры въ Тулѣ съ громаднымъ дворомъ и садомъ.

Начались мытарства. Мать представила насъ съ братомъ г-ну Пошману, который сказалъ, что до экзаменовъ остается еще довольно времени, и потому онъ назначилъ намъ экзаменъ предварительный, чтобы видѣть, въ чемъ мы слабѣе и на что слѣдуетъ налечь въ приготовительныхъ работахъ. Такая проба пера состоялась вскорѣ; мы съ братомъ показали себя по всѣмъ предметамъ молодцами, но по древнимъ языкамъ оба были плохи. На этомъ основаніи г. Пошманъ наотрѣзъ отказалъ допустить насъ къ экзаменамъ, и какъ мать ни умоляла, заливаясь горькими слезами, оказать намъ какое-нибудь снисхожденіе, г. Пошманъ (какъ мнѣ казалось тогда) былъ не только непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, но даже и недостаточно участливъ и вѣжливъ къ дамѣ, съ мужемъ которой онъ находился прежде въ дружескихъ отношеніяхъ. При видѣ слезъ крайне стѣсненной въ матеріальныхъ средствахъ матери моей и отказовъ г. Пошмана, меня такъ и рвало прекратить эту тяжелую сцену какою-нибудь рѣзкою выходкою противъ директора Учи-

лища; слово п..... такъ и вертѣлось на языкѣ. Взбѣшенный и раздосадованный, я уходилъ отъ него съ твердымъ рѣшеніемъ не домогаться болѣе опредѣленія въ Училище и никогда не являться къ нему, не смотря на его приглашенія не забывать стараго друга нашего отца.

Я думалъ тогда, что Пошманъ изъ эгоизма предпочитаетъ наполнять свое Училище сыновьями людей вліятельныхъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы укрѣпиться на своемъ мѣстѣ и пойти далѣе и потому пренебрегаетъ нами бѣдняками.

Въ Петербургѣ однако въ то время не одинъ былъ Пошманъ, къ покровительству котораго могла прибѣгнуть наша мать: другой благопріятель отца былъ Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ, стоявшій тогда во главѣ почтоваго вѣдомства. Онъ съ давняго времени находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ Пошману, и вотъ при помощи Прянишникова мать успѣла добиться отъ Пошмана небольшой уступки, а именно онъ предложилъ помѣстить насъ на годъ въ Третью Гимназію, съ директоромъ которой онъ былъ въ отношеніяхъ пріятельскихъ, обѣщая черезъ годъ допустить насъ къ экзамену въ Училище Правовѣдѣнія.

Я съ твердостію отказался отъ такой сдѣлки. Я не вѣрилъ словамъ Пошмана и просилъ матушку дать мнѣ средства подготовиться къ экзаменамъ въ Главное Инженерное Училище: шагъ рѣшительный, за который не разъ благодарилъ я судьбу. Братъ же мой Василій поступилъ въ Третью Гимназію и, пробывъ тамъ 2—3 года, перешелъ затѣмъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія; о принятіи его въ Училище Правовѣдѣнія Пошманъ конечно и не заикался. Я сдержалъ свое слово: никогда больше его не видалъ.

Приготовить меня въ Инженерное Училище взялъ на себя дежурный офицеръ роты юнкеровъ Училища Павелъ Ѳедоровичъ Ферморъ (впослѣдствіи начальникъ Военно-Юридической Академіи); болѣе же всего занимался со мною другъ Фермора, инженеръ-подполковникъ Бенецкій (женившійся вскорѣ на сестрѣ Фермора). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ Училище въ началѣ Января 1838 года.

Въ это время я и братья мои подружились и часто проводили свободные часы съ семействомъ Квиста. Бывшая сверстница матушки по пансіону, дочь Ивана Васильевича Горбачевскаго Анна *), вышла замужъ за Квиста и имѣла трехъ сыновей: Александра Ильича (въ то время юнкера Главнаго Инженернаго училища, а впослѣдствіи инженеръ-генералъ-лейтенанта, даровитаго профессора Николаевской Акаде-

*) Сестра декабриста Ив. Ив. Горбачевскаго, оставившаго Записки, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 года. См. также „Русскій Архивъ“ 1890, III, 112. П. Б.

міи Генеральнаго Штаба), Оскара Ильича, готовившагося въ то время въ Училище Правовѣдѣнія, и Вадима Ильича младшаго изъ всѣхъ насъ, учившагося дома, а затѣмъ поступившаго въ Главное Инженерное Училище и умершаго въ чинѣ инженеръ-генералъ-маіора въ Одессѣ.

Въ Училищѣ, въ мое время, было четыре юнкерскихъ класса и два офицерскихъ; теперь первые и составляютъ собственно Николаевское Инженерное Училище, тогда какъ офицерскіе классы названы Николаевскою Инженерною Академіею.

Въ началѣ 1838 г. я поступилъ въ младшій, 4-й классъ, а въ тоже время въ Училище приняты были въ 3-й классъ К. Я. Звѣревъ (впослѣдствіи товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части) и Г. Е. Паукеръ (бывшій впослѣдствіи министръ Путей Сообщенія).

По окончаніи годичнаго курса меня перевели въ 3-й классъ послѣднимъ по баламъ ученикомъ. Въ 3-мъ классѣ оставлено было на второй годъ нѣсколько юнкеровъ, и меня посадили чуть ли не на самой послѣдней скамейкѣ вмѣстѣ съ ними; классъ былъ многочисленный и шумный, и притомъ эти неудобные сосѣди мѣшали мнѣ внимательно слѣдить за лекціями. Недовольный состоять въ числѣ послѣднихъ, явныхъ лѣнивцевъ, я обратился къ начальству съ просьбою перевести меня обратно въ низшій, 4-й классъ. Это обстоятельство обратило на меня вниманіе многихъ, въ особенности директора Училища, извѣстнаго своею ученостію, генерала Шарнгорста. Онъ очень одобрялъ мое рѣшеніе; товарищи же и знакомые мнѣ юнкера верхнихъ классовъ, въ томъ числѣ Роше и Александръ Квистъ, говорили, что напрасно я такъ поступилъ, что пребываніе юнкера въ ротѣ дѣло не легкое и что года черезъ два я буду раскаеваться въ моемъ поступкѣ. Но я не раскаивался, сначала потому, что не тяготился бытомъ юнкера; а дальше, познакомившись ближе со своими товарищами, я даже полюбилъ Училище. Помню, въ 3-мъ классѣ рядомъ со мною сидѣлъ Трутовскій, впослѣдствіи славный художникъ. Однажды ему вздумалось нарисовать мой портретъ. «Сиди, Хлѣбниковъ, смирно и вотъ такъ, сказалъ онъ, я нарисую тебя», и я сидѣлъ терпѣливо нѣсколько минутъ. На грубой сѣрой бумагѣ Трутовскій нарисовалъ меня въ профиль. Я до сего времени сохраняю эту юношескую работу; самого же Трутовскаго я и въ глаза не видалъ съ того времени. Въ 3-й классъ поступилъ Д. И. Романовскій, съ которымъ мы шли до самаго выпуска изъ Училища. Первый годъ служили и бѣдствовали вмѣстѣ въ Кіевѣ, оттуда онъ черезъ годъ уѣхалъ на Кавказъ, съ переводомъ въ пѣхотный полкъ, а затѣмъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и впослѣдствіи былъ покорителемъ Ходжента. Нашъ 3-й классъ заявилъ себя серьознымъ отношеніемъ къ учебнымъ занятіямъ; почти всѣ мы работали усердно и въ

свободное время охотно читали подходящія къ нашему возрасту сочиненія. Такъ шло и далѣе сквозь остальные классы Училища; словомъ, по замѣчанію нашихъ преподавателей, мы представляли собою группу искреннихъ поклонниковъ знанія. Въ нижнемъ офицерскомъ классѣ къ намъ присоединились Аппельбергъ, сильный математикъ, Седергольмъ, славный защитникъ кр. Кинбурна въ 1855 г., извѣстный самостоятельный писатель по фортификаціи Небольсинъ, сподвижникъ мой при осадѣ кр. Силистріи въ 1854 г. и герой Севастополя, гдѣ онъ погибъ смертельно раненый. Въ юнкерскихъ классахъ кромѣ Романовскаго моими товарищами были Бекетовъ (родной братъ профессора Бекетова), Бирюлевъ (родной братъ извѣстнаго моряка), Сальковъ и нѣсколько другихъ, все люди съ дарованіями далеко недюжинными. Впереди же насъ шли К. Я. Звѣревъ, Г. Е. Паукеръ, А. И. Квистъ, Д. В. Григоровичъ, Ѳ. М. Достоевскій, Ѳ. Ѳ. Радецкій, М. П. Кауфманъ, столь извѣстные современному обществу. Въ числѣ другихъ моихъ товарищей былъ Безобразовъ, сынъ сенатора, любившій и хорошо понимавшій пѣніе; благодаря его старашямъ, мы иногда имѣли очень пріятное развлеченіе: домашніе, исключительно въ своемъ кругу, вокально-музыкальные вечера.

Помню также, какъ Ѳ. М. Достоевскій и Бережецкій увлекались совмѣстнымъ чтеніемъ, если не ошибаюсь, Шиллера. Бывало, читаютъ, читаютъ и вдругъ заспорятъ, и затѣмъ скоро, очень скоро пойдутъ чрезъ всѣ наши камеры или спальни, одинъ впереди, какъ бы убѣгая, чтобы не слышать возраженій другаго, что дѣлалъ обыкновенно Бережецкій, а его преслѣдовалъ Достоевскій желая досказать ему свои мысли. А когда мы были уже въ офицерскихъ классахъ, то случалось, что собирались Сальковъ, я и еще кто нибудь у Моисеепко-Великаго, для занятій сообща, и при этомъ засиживались иногда до полупочи, когда занятія были уже окончены, и мы просто болтали. Къ намъ приходилъ Ѳ. М. Достоевскій и завоевывалъ наше общее вниманіе къ своимъ вдохновеннымъ разсказамъ; уже далеко за полночь, всѣ мы сильно уставши, а Достоевскій стоитъ схватившись за половинку двери и говоритъ съ какимъ-то особенно нервнымъ одушевленіемъ; глухой, совершенно грудной звукъ его голоса наэлектризованъ, и мы прикованы къ разсказчику.

Вообще, въ мое время, Училище, благодаря его директору генералу Шарпгорсту, человѣку ученому и любившему заниматься науками до конца своей жизни, имѣло весьма серьезное направленіе.

Не могу не сдѣлать здѣсь отступленія и не сказать нѣсколько подробнѣе объ этомъ замѣчательномъ начальникѣ. Генералъ-маіоръ Василій Львовичъ Шарнгорстъ свое воспитаніе получилъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія; 7-го Апрѣля 1835 г. произведенъ въ

генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ Главнаго Инженернаго Училища. Съ 1839 года В. Л. былъ и членомъ существовавшаго тогда при Инженерномъ Департаментѣ Военно-Ученаго Комитета. Съ самаго основанія спеціальнаго изданія «Инженерныя Записки», въ 1826 г., В. Л., въ теченіи 30 лѣтъ, принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе, въ особенности же за время его предсѣдательства въ Комитетѣ, когда «Инженерныя Записки» издавались подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Онъ помѣстилъ въ нихъ много своихъ собственныхъ трудовъ въ видѣ извлеченій изъ извѣстныхъ иностранныхъ сочиненій, переводовъ, рецензій и библіографическихъ обзоровъ. Его занимали самые крупные вопросы строительнаго искусства, какъ напримѣръ, опредѣленіе посредствомъ вычисленій условій устойчивости сводовъ и ихъ упоровъ, толстоты эскарпныхъ стѣнъ, подводныя работы въ морскихъ гаваняхъ и т. п., а изъ области военныхъ наукъ—атака и оборона крѣпостей, и по этимъ предметамъ работы В. Л. доставили нашему спеціальному изданію цѣнный вкладъ. Въ 1857 г. В. Л. основалъ, взамѣнъ «Инженерныхъ Записокъ», Инженерный Журналъ и издавалъ его непрерывно до преобразованія въ 1860 г. Во время же, когда В. Л. былъ предсѣдателемъ Инженернаго Отдѣленія Военноучепаго Комитета имъ были составлены два изданія «Памятной Книжки» для инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. Первое изданіе этого труда, въ которомъ В. Л. принималъ самое дѣятельное участіе, редижируя лично всѣ вошедшія въ составъ его статьи, было выпущено въ свѣтъ въ 1845 г. Къ трудамъ В. Л. принадлежатъ также: Положеніе объ Инженерномъ Комитетѣ, замѣнившемъ Общее Присутствіе Инженернаго Деп-та по искуственной части и Инженерное Отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, Положеніе о конкурсахъ на преміи, замѣнившихъ прежнія экзаменныя задачи, разработка новаго Положенія объ «Инженерномъ Журналѣ» и наконецъ, самое главное, какъ по объему, такъ и по значенію, составленіе Частныхъ Инструкцій комендантамъ крѣпостей Имперіи (составлены инструкціи комендантамъ 18 крѣпостей). Этотъ почтенный трудъ, весьма тщательно обработанный, какъ и все выходившее изъ подъ пера В. Л., съ надлежащими разсчетами по снабженію, вооруженію и приведенію каждой крѣпости въ оборонительное положеніе, составилъ слишкомъ 1800 писанныхъ листовъ, и весьма многое въ немъ составлено и написано имъ было на-черно собственноручно. Онъ любилъ науку и трудъ и не замѣтно успѣвалъ внушить намъ любовь къ знаніямъ. Это былъ выдающійся начальникъ училища, который на своемъ посту дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, не допуская никакого вліянія со стороны. Онъ подавалъ собою примѣръ въ любознательности, трудолюбіи, точности, приличіи во всемъ, въ хладнокровной строгости безъ малѣйшаго увлеченія когда либо, справедли-

вости во всемъ и къ каждому и отсутствіи тѣни лицепріятія или злопамятства. Его идеалы были чистые и возвышенные; его воспитательныя и вообще служебныя заслуги достойны долгой и благоговѣйной памяти въ потомствѣ. Онъ умеръ 11 Ноября 1873 г., и я помню, какое единодушіе было проявлено тогда въ средѣ инженеровъ; всѣ считали кончину В. Л. Шарнгорста большою потерею для Инженернаго Корпуса и со всѣхъ сторонъ слышалось тогда одно: необходимо тѣмъ или другимъ способомъ увѣковѣчить имя этого почтеннаго дѣятеля и, если не ошибаюсь, остановились на учрежденіи въ Училищѣ стипендіи имени Василія Львовича.

Профессоровъ и преподавателей генер. Шарнгорстъ избиралъ съ большою разборчивостію. Изъ бывшихъ въ юнкерскихъ классахъ я помню преподавателя физики Эвальда, а въ офицерскихъ классахъ съ большимъ вниманіемъ мы слушали у геніальнаго математика Остроградскаго дифференціальное и интегральное исчисленія и съ большимъ интересомъ слушали знаменитаго строителя Николаевскаго моста инженера путей сообщенія Кербедза, который читалъ механику; введеніе къ ней, прочитанное имъ въ первой лекціи, привело насъ въ восторгъ, и мы съ трудомъ воздержались отъ аплодисмента.

Въ моей памяти врѣзался одинъ разговоръ Шарнгорста съ Остроградскимъ. Это было во время переводныхъ экзаменовъ младшаго офицерскаго класса. Кому-то изъ моихъ товарищей досталось изъ интегральнаго исчисленія довольно сложная и трудная задача. Шарнгорстъ, обратясь къ Остроградскому, сказалъ вполголоса: «Вотъ вчера мнѣ пришлось взять этотъ интегралъ, и представьте, я съ этимъ дѣломъ не сладилъ».—«А вы попробуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ ему Остроградскій, видоизмѣнить подъ-интегральную функцію, и тогда скоро дойдете до конца». Вотъ, думаю, каковъ нашъ начальникъ: онъ и до сихъ поръ занимается высшею математикою. Какъ же тогда намъ, юнымъ птенцамъ, не заниматься ею! И это было въ такое время, какъ царствованіе императора Николая I-го, когда во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ обученіе фронту, маршированію и дѣланію различныхъ пріемовъ съ ружьемъ отведено было первое мѣсто; благодаря нашему разумному начальству, у насъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, мы почитали науку, а на такія эквилибристическія упражненія, какъ напримѣръ, на маршированіе тихимъ шагомъ въ три пріема, смотрѣли болѣе чѣмъ равнодушно, просто съ пренебреженіемъ; также сознавали, что всѣ увлеченія Государя, его занятія съ войсками, никакого соотношенія съ настоящимъ военнымъ дѣломъ не имѣютъ.

Никогда не забуду того страха, который я испыталъ въ минуту раздраженія Государя послѣ одного изъ ученій, которое онъ дѣлалъ

въ Петергофѣ отряду военно-учебныхъ заведеній. На заднемъ отъ нашего лагеря полѣ было грязно, много лужъ. Когда приходилось идти черезъ воду, то натурально, что многіе предпочитали или обойти лужу или прыгнуть черезъ нее. Государь за это былъ нами недоволенъ и по окончаніи ученья, подойдя къ нашей ротѣ, началъ кричать на насъ. Въ свою очередь мы были утомлены, голодны, а слѣдовательно и нетерпѣливы; двое или трое изъ насъ, довольно громко, въ отвѣтъ на его брань, посылали по его адресу очень рѣзкіе эпитеты. Я думалъ, что если только онъ услышитъ, то бѣда намъ всѣмъ неминучая; но къ счастью онъ въ пылу гнѣва не слыхалъ, и дѣло окончилось благополучно.

Генералъ Шарнгорстъ оставилъ свой постъ, когда я оканчивалъ курсъ верхняго офицерскаго класса, такъ что на окончательныхъ нашихъ экзаменахъ предсѣдательствовалъ назначенный на его мѣсто генералъ Ломновскій. Замѣна была не въ пользу Училища: безпристрастіе, строгая справедливость и уваженіе къ знаніямъ замѣнились соображеніями иного свойства. Но я слишкомъ увлекаюсь своимъ Училищемъ, которому искренно признателенъ за просвѣтленіе моего умственнаго кругозора, а еще болѣе за внѣдреніе во мнѣ охоты трудиться для пріобрѣтенія новыхъ знаній.

Послѣ Училища я занимался очень долго надъ различными отраслями знаній и въ этихъ трудахъ находилъ большую усладу и успокоеніе отъ житейскихъ треволненій и огорченій.

Мнѣ необходимо вернуться нѣсколько назадъ и сказать, что вслѣдъ за помѣщеніемъ меня въ Инженерное Училищѣ, а брата Василія въ Третью Гимназію, мать наша принялась работать надъ опредѣленіемъ младшей нашей сестры Надежды въ институтъ. Въ то время не было еще женскихъ гимназій, и потому помѣщеніе дѣвочки въ институтъ было сопряжено съ невообразимыми трудностями; но энергія матери была не изъ слабыхъ. Какъ однако ни настойчивы были ея домогательства, однако помѣстить дочь въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ не удалось и пришлось согласиться на опредѣленіе ея въ Екатерининскій Московскій Институтъ.

Съ большимъ интересомъ слѣдила мать за нашимъ образованіемъ, радовалась каждому нашему успѣху, печалилась вмѣстѣ съ нами при всякой неудачѣ.

Въ 1842 г. Августа 8-го я произведенъ въ офицеры съ оставленіемъ въ Училищѣ для продолженія своего образованія въ офицерскихъ классахъ. Я жилъ вмѣстѣ съ матерью и ходилъ ежедневно въ классы, которые начинались въ 9 ч. утра и оканчивались въ 3 часа. Ходить было довольно далеко, что особенно чувствовалось въ ненастную осен-

мою погоду, по утрамъ, когда на улицахъ свѣтились еще фонари, а первая лекція начиналась при лампахъ. Конокъ въ то время не было, ѣздить же на извощикахъ было не по средствамъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1843 г. я переведенъ былъ въ верхній офицерскій классъ и 19-го того же Августа произведенъ въ подпоручики.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1844 г. приходилось приготовиться къ отвѣту, куда я желаю быть назначеннымъ на службу. Порядокъ въ этомъ случаѣ наблюдался такой, что старшимъ по выпускному экзамену офицерамъ предоставляли право выбора, а послѣднихъ назначали по усмотрѣнію начальства. Мнѣ хотѣлось уѣхать на Югъ, который манилъ меня и своимъ климатомъ, и вообще новизною для меня своей природы. Я намѣтилъ себѣ Севастополь и сообщилъ о томъ матушкѣ, но она была не согласна со мною, говорила, что тамъ царствуютъ лихорадки и просила выбрать что нибудь поближе. Я остановился на Кіевѣ.

30-го Августа 1844 г. я произведенъ по экзамену въ поручики, первымъ, а за примѣрное прилежаніе, поведеніе и отличные успѣхи въ наукахъ записанъ на почетной доскѣ въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ.

Мать, кажется, и ногъ подъ собою не слышала отъ радости, что я выпущенъ изъ училища первымъ и мое имя будетъ навѣки красоваться на мраморной доскѣ; во что бы ни стало, ей хотѣлось хотя-бы взглянуть на эту надпись. Тутъ явилась у нея мысль, чтобы я воспользовался своимъ правомъ перваго по выпуску и заявилъ, что я желаю быть назначенъ въ гвардейскій саперный баталіонъ. Баталіонъ этотъ въ то время былъ недосягаемою мечтою для многихъ, въ томъ числѣ и для молодаго сапернаго офицера Э. И. Тотлебена. Мать, конечно, не думала о такомъ производствѣ; ей болѣе всего улыбалась мысль имѣть возможность не разставаться со мною. Но я, ни на минуту не колеблясь, наотрѣзъ отказалъ матери, ибо не могъ выносить фронтовой службы, тогда какъ карьера ученаго инженера меня плѣняла, и я зачитывался описаніями работъ по возведенію какихъ-нибудь сооруженій, когда приходилось бороться съ природою; какъ напримѣръ возведеніе Эдистонскаго маяка. Да кромѣ того я не любилъ Петербурга за его ужасный климатъ и всегда думалъ, что молодой человѣкъ, окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, долженъ немедля бѣжать изъ него, искать лучшей природы, болѣе нормальнаго образа жизни, болѣе разнообразной дѣятельности.

Не могу я сожалѣть, что не пошелъ въ гвардейскіе саперы. Вмѣсто Петербурга я былъ годъ въ Кіевѣ и затѣмъ семь лѣтъ въ Севастополѣ на берегу Чернаго моря, гдѣ и запасся на всю жизнь здо-

ровьемъ. Для опыта жизни и вообще для умственнаго кругозора, кажется, выгоднѣе побывать въ разныхъ краяхъ, видѣть разныхъ людей, видѣть Русскую жизнь въ различныхъ ея проявленіяхъ, чѣмъ оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ, особенно такомъ какъ Петербургъ.

Нечего и говорить, что если бы пошелъ я въ гвардейскіе саперы, то теперь былъ-бы уже давнымъ давно полнымъ генераломъ. Но что же изъ этого?

7-го Октября 1844 г. я явился на службу въ Кіевъ. Туда-же назначены были поручики: Романовскій, Бекетовъ и Баумъ и подпоручикъ Максимовъ.

Съ молодыхъ лѣтъ я не любилъ ходить въ церковь, стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ было для меня утомительно; но въ Кіевѣ я съ большимъ наслажденіемъ приближался иногда къ главнымъ входнымъ дверямъ Собора въ Лаврѣ, вечеромъ, во время всенощной; громадное зданіе Собора съ высокими мрачными сводами, разукрашенными старинною живописью, громадный иконостасъ, сильный басъ дьякона, облака курящагося ладана и художественное пѣніе хора пѣвчихъ, все это способно было переносить мысли и мечты человѣка далеко отъ толчеи житейской.

Начальникомъ крѣпостного инженернаго управленія или, какъ тогда называли, командиромъ Кіевской Инженерной команды былъ инженеръ-полковникъ Бурманъ.

Я жилъ въ Печерской части, въ домѣ маіора, состоявшаго по особымъ порученіямъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ; маіоръ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, женатъ на простой дебелой бабѣ, которая была отличная хозяйка и кормила меня превосходно. Одноэтажный, небольшой деревянный домикъ маіора выходилъ на улицу, а на дворѣ была изба, въ одной половинѣ которой помѣщалась кухня маіора, а на другой половинѣ избы двѣ маленькія комнаты составляли мою квартиру; одна комната смотрѣла во дворъ, а другая въ садъ. И служебныя занятія и наша общественная жизнь въ Кіевѣ были довольно безцвѣтны; мы нуждались въ деньгахъ, мало гдѣ бывали и не пользовались никакими общественными развлеченіями. Ходишь бывало вмѣстѣ, ходишь вечеромъ по берегу Днѣпра и затѣмъ отправляешься къ кому-нибудь изъ насъ чаевать.

Въ Кіевѣ я служилъ одинъ только годъ и въ концѣ Октября 1845 года былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ оставался до конца 1852 года, и кажется, что эти годы съ 23-хъ лѣтняго до 30-ти лѣтняго возраста моей жизни были годами наилучшими. Въ эти годы я много работалъ надъ самимъ собою и много учился.

Въ то время Севастополь, находившійся подъ исключительнымъ начальствомъ знаменитаго героя Наварина, адмирала Михаила Петровича Лазарева, представлялъ собою въ нѣкоторомъ смыслѣ оазисъ, гдѣ жилось всѣмъ намъ привольно. Петербургскія тиски для стѣсненія человѣческихъ мозговъ не досягали тогда Севастополя. Въ мое время это былъ не городъ, а исключительно только военный портъ. Увидѣть штатскаго была большая рѣдкость; моряки составляли единственное населеніе Севастополя, и въ этой массѣ была совершенно незначительная частица инженеровъ морской строительной части, военныхъ инженеровъ и армейской пѣхоты. Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Новосильскій, Панфиловъ, Метлинъ и Матюшкинъ были при мнѣ капитанами 1-го ранга, командовали флотскими экипажами и кораблями. Андрей Александровичъ Поповъ и Иванъ Александровичъ Шестаковъ были лейтенантами. Съ Поповымъ, Штофрегеномъ и многими другими моряками я былъ знакомъ.

Общественной жизни въ настоящемъ смыслѣ слова не было; благовоспитанныхъ и хорошо образованныхъ дамъ и дѣвицъ, обыкновенно столь украшающихъ общество, почти совсѣмъ не было; дамы же моряковъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, не вносили интереса въ общественную жизнь, и потому какъ ни мила была намъ привольная жизнь въ Севастополѣ, она подъ часъ душила однообразнымъ и столь исключительнымъ составомъ общества.

Когда случалось съѣздить въ Одессу, полную тогда жизни и въ гаваняхъ, и на улицахъ, то она очаровывала насъ: какъ будто-бы попадалъ въ какой-то новый обще-человѣческій міръ, гдѣ все прекрасно. Теперешняя Одесса на половину городъ Жидовскій, тогда какъ въ старое время главными негоціантами были Итальянцы и Греки, и потому улицы пестрѣли людьми красивыми и щеголевато одѣтыми. Въ 40-хъ годахъ въ Одессѣ была прекрасная Итальянская опера. Босседжіо и Брамбилли были знаменитыя пѣвицы, привлекавшія въ театръ множество посѣтителей.

Изъ за желанія насладиться ихъ пѣніемъ я порядочно однажды пострадалъ.

Подъ Вознесеніемъ императоръ Николай производилъ въ 1846 году маневры, по окончаніи которыхъ 13-я пѣхотная дивизія была направлена въ Одессу съ тѣмъ, чтобы Черноморскій флотъ перевезъ дивизію изъ Одессы въ Севастополь, гдѣ она была постоянно расположена. Для такой перевозки назначена была значительная эскадра изъ двухъ и трехдечныхъ парусныхъ кораблей (въ то время у насъ только поговаривали о паровыхъ судахъ, и въ Черноморскомъ флотѣ было только три парохода, весь-же флотъ былъ парусный).

Въ началѣ Октября 1846 г. эскадра отправилась въ Одессу и очень скоро вернулась, привезя одну бригаду пѣхоты. Знакомый мнѣ лейтенантъ началъ меня уговаривать ѣхать съ нимъ въ Одессу на кораблѣ «Три Іерарха». «Погода превосходная, въ Одессѣ на дняхъ будетъ бенефисъ Брамбилли, мы отлично проведемъ время». Я послушался пріятеля, взялъ двухъ-недѣльный отпускъ и наканунѣ ухода эскадры въ Одессу для забора второй бригады 13-й дивизіи, отправился вечеромъ на корабль въ каюту своего пріятеля. Сняться съ якоря должны были раннимъ утромъ. Когда я на другой день вышелъ на верхъ, то былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что мы были все еще въ виду Севастополя: въ морѣ полный штиль. На другой и третій день тоже самое. Наконецъ задулъ вѣтеръ, прямо намъ въ лобъ. Пришлось лавировать. Началась сильная качка, и я вынужденъ былъ по цѣлымъ днямъ, спасаясь отъ морской болѣзни, лежать въ своей койкѣ (лежачаго меня не мутитъ). Кораблемъ «Три Іерарха» командовалъ капитанъ 1-го ранга Вукотичъ, на кораблѣ сверхъ того находился контръ-адмиралъ Колтовской, командовавшій двумя кораблями эскадры. Частныхъ лицъ кромѣ меня были гувернантка Колтовскихъ и нѣсколько женщинъ и мужчинъ изъ простонародья. Погода засвѣжѣла, корабль нашъ былъ изъ старенькихъ, скрипѣлъ и шумѣлъ во всѣхъ концахъ; паруса убавили и, если не ошибаюсь, то мы были подъ однѣми только марселями; посуда была закрѣплена, и только нѣсколько забытыхъ стульевъ въ каютъ-компаніи, которыя не были закрѣплены, бросались съ одной стороны каютъ-компаніи на другую. Это было въ Октябрѣ. Вдругъ громадный шумъ въ кормѣ; рубка или деревянный колпакъ, маскировавшій стержень руля, запрыгалъ; моряки кинулись къ мѣсту катастрофы и, по осмотрѣ руля, объявили, что крыло руля отломилось отъ стержня. Энергичный капитанъ мгновенно распорядился бросить нѣсколькихъ матросовъ въ воду, которые должны были схватить крыло, притянуть его къ стержню и затѣмъ такъ приладить, чтобы руль могъ продолжать службу безъ участія стержня, а повороты крыла дѣлались бы при помощи канатовъ, прикрѣпленныхъ къ обѣимъ сторонамъ крыла и пропущенныхъ черезъ шкивы на ютъ. Температура была совсѣмъ не теплая, и я любовался ловкостію и выносливостію матросовъ, привязанныхъ на веревкахъ, какъ боролись со всѣми трудностями работы въ свѣжей водѣ и при сильномъ волненіи. Но дѣло однако было сдѣлано, и корабль принялъ правильное направленіе. Надо сказать, что Вукотичъ пользовался репутаціею хорошаго моряка. Человѣкъ самолюбивый и нервный, онъ былъ крайне обезпокоенъ случившеюся поломкою руля, и для него это было тѣмъ болѣе непріятно, что на кораблѣ находился адмиралъ, котораго онъ считалъ гораздо ниже себя въ смыслѣ знанія морской службы.

Поговаривали, что между капитаномъ корабля и адмираломъ были два-три крупные разговоры и что капитанъ будто бы началъ заговариваться, что̀ въ его жизни случалось два уже раза. Вѣтеръ между тѣмъ продолжалъ быть сильнымъ; мы шли только подъ марселями взятыми на 2—3 рифа, и надо же было на бѣду Вукотича, чтобы сломалась гротарея. Скандалъ былъ окончательный. Подали сигналъ о такомъ событіи начальнику эскадры и получили въ отвѣтъ приказаніе «Идти по способности, въ конвоиры назначается корабль «Ростиславъ». Бѣдный мой Вукотичъ совсѣмъ сошелъ съ ума, волновался, говорилъ всякій вздоръ. Адмиралъ и не смѣлъ показываться на глаза капитану, который говорилъ адмиралу дерзости.

Мы отдѣлились отъ эскадры и понеслись къ Турецкому берегу; на другой день укрылись отъ свирѣпствовавшей бури за мысомъ Калиакра, что̀ немного выше Варны. Вукотичъ настаивалъ на томъ, чтобы идти на присоединеніе къ эскадрѣ, что никакой опасности нѣтъ и быть не можетъ; но адмиралъ настоялъ на своемъ стать на якорь и назначилъ комиссію изъ старшихъ офицеровъ обоихъ кораблей, которой поручилъ осмотрѣть состояніе руля и рѣшить вопросъ что̀ дѣлать далѣе, идти ли въ Варну или Константинополь для починки или вернуться домой, не задаваясь болѣе намѣреніемъ зайти въ Одессу за войсками. До рѣшенія комиссіи положено не сноситься съ Турецкимъ берегомъ, дабы избѣжать необходимости выдерживать, по возвращеніи въ Севастополь, карантинъ.

Между тѣмъ, независимо отъ претерпѣнныхъ нами бѣдствій, у насъ въ каютъ-компаніи оказались бѣдствія другого свойства: голодъ и для курильщиковъ недостатокъ въ сигарахъ и папиросахъ. Всѣ мы уходили изъ Севастополя съ полною увѣренностію быть въ Одессѣ, во всякомъ случаѣ, чрезъ 2—3 дня и тамъ сдѣлать всѣ свои закупки и запасы. Но мы плавали уже дней десять. Когда за обѣдомъ вносили въ каютъ-компанію блюдо съ кашею, то надо было затыкать носъ, до такой степени прогоркло масло; прислуживавшіе намъ за столомъ матросы получали отъ насъ порученіе сбѣгать на бакъ, спросить тамъ хотя-бы тютюну; но и то приносили по небольшимъ щепоткамъ, цѣна на каковыя возрастала съ каждымъ днемъ. При такихъ бѣдствіяхъ было для насъ радостнымъ событіемъ отыскать въ какомъ-то углу корабля ящикъ съ сотнею коробокъ сардинокъ и нѣсколько дюжинъ портера; это была закупка, сдѣланная при первомъ рейсѣ въ Одессу и которую не успѣли сдать въ Севастополѣ за неявкою получателя, содержателя кухни нашего Военнаго Собранія.

Въ Воскресенье я былъ приглашенъ адмираломъ къ обѣду, и большое было затрудненіе побриться при страшной качкѣ; позвали цирюль-

ника. Я сѣлъ на свою койку, а онъ vis-à-vis меня, на орудійный станокъ, прочно прикрѣпленный къ борту; сдѣлаетъ одно два-движенія своею бритвою, и вдругъ ударъ волны, все содрогнется, а мой цирульникъ мгновенно поднимаетъ руку съ бритвою на воздухъ и ожидаетъ возстановленія спокойствія. Обѣдъ у адмирала въ щегольски отдѣланной обширной каютѣ и хорошо меблированной прошелъ превосходно; Француженка-гувернантка дѣлала кофе, и на минуту можно было вообразить, что вы не на кораблѣ, злополучно плавающемъ среди разсвирѣпѣвшихъ волнъ, а сидите гдѣ-нибудь въ городѣ, въ богатомъ домѣ.

Комиссія, которую назначилъ адмиралъ для осмотра руля и рѣшенія поставленныхъ ей вопросовъ, на катерахъ, подробно послѣдовала дѣло и въ засѣданіи, бывшемъ на нашемъ кораблѣ, рѣшила, не сносясь съ берегомъ, произвести нѣкоторыя работы подручными средствами и затѣмъ идти прямо въ Севастополь. Согласно такому рѣшенію адмиралъ отдалъ приказанія; работы начались немедленно, и черезъ сутки мы пустились въ плаваніе. Вѣтеръ началъ стихать, погода дѣлалась болѣе сносною, и больные изъ частныхъ лицъ, всего больше женщины и дѣти, начали поправляться. Судовой докторъ былъ молодой человѣкъ, родной братъ знаменитаго Польскаго поэта Мицкевичъ, которому я много былъ обязанъ: онъ снабжалъ меня Французскими книгами.

Какъ-то вечеромъ пришли сказать мнѣ, что Вукотичъ желаетъ меня видѣть. Крайне неохотно я пошелъ къ нему на шканцы, и долго пришлось мнѣ бесѣдовать съ человѣкомъ, если не совершенно сумасшедшимъ, то по крайней мѣрѣ находившимся въ сильно возбужденномъ состояніи. Адмиралъ имѣлъ намѣреніе лишить Вукотича права управленія кораблемъ и, связавъ его, запереть въ каютѣ. Для этого онъ поручилъ Мицкевичу произнести свое мнѣніе на счетъ состоянія умственныхъ способностей капитана; но докторъ былъ человѣкъ чрезвычайно осторожный и отвѣчалъ, что признать капитана сумасшедшимъ еще нельзя, но лишеніе свободы способно сдѣлать его вполнѣ умопомѣшаннымъ.

Въ разговорѣ со мною Вукотичъ видимо высказывалъ опасенія за свое поведеніе съ адмираломъ и сравнивалъ себя съ тѣмъ капитатомъ 1-го ранга Балтійскаго флота, который не задолго передъ тѣмъ былъ разжалованъ въ матросы за дерзость, сказанную на кораблѣ своему начальнику.

На другой или третій день мы были недалеко отъ южнаго берега Крымскаго полуострова, и къ намъ начала садиться на снасти корабля и даже на палубу птица, оторванная сильными вѣтрами отъ материка. Матросы хватали птицу руками, и Вукотичъ пригласилъ меня пообѣ-

дать съ нимъ, дабы раздѣлить, какъ онъ говорилъ, манну небесную посланную намъ Богомъ.

На 16-й день по выходѣ изъ Севастополя мы шли хорошимъ попутнымъ вѣтромъ на створъ Севастопольскихъ маяковъ, когда съ вершины мачтъ матросы закричали, что вдали видна наша эскадра, возвращавшаяся съ войсками изъ Одессы. Вскорѣ и эскадра насъ увидала, и съ корабля ея начальникомъ поданъ былъ сигналъ намъ: присоединиться къ эскадрѣ.

Съ радостію мы влетѣли въ Севастопольскій рейдъ. Но наши два корабля «Три Іерарха» и «Ростиславъ» подняли карантинный флагъ и отправили катеръ въ карантинъ для объясненія, что мы, хотя и были у Турецкихъ береговъ, но съ берегомъ не сносились. Часа черезъ полтора привезено было изъ карантина разрѣшеніе спустить карантинный флагъ.

Я кинулся скорѣе съ корабля домой къ своимъ друзьямъ, давая себѣ мысленно слово никогда не связываться съ парусными судами.

Генералъ Павловскій, мой начальникъ, къ которому я явился на другой день и извинялся, что просрочилъ два дня, не пожалѣлъ язычка, чтобы посмѣяться надо мною, какъ хорошо я слушалъ пѣніе Брамбилли.

Да, далась мнѣ эта Брамбилли! И нельзя вѣдь сказать, что я вернулся домой, не солоно хлѣбавши: довольно наглотался я въ эти дни морской воды.

Старшимъ начальникомъ военныхъ инженеровъ въ Севастополѣ былъ упомянутый строитель Севастопольскихъ укрѣпленій инженеръ-генералъ-маіоръ П. М. Павловскій. Между сослуживцами у меня не было ни товарищей по Училищу, ни людей, съ которыми я сошелся бы до отношеній пріятельскихъ. Я жилъ въ наемной квартирѣ одинъ, ни у кого не бывалъ, и ко мнѣ никто не заходилъ. Въ это время я усиленно занимался изученіемъ Французскаго языка, а затѣмъ принялся за теорію строительнаго искусства и переводилъ съ Французскаго языка на Русскій Теоретическую Механику Понселе.

На второй годъ моей службы въ Севастополѣ я назначенъ былъ производителемъ всѣхъ новыхъ и ремонтныхъ работъ на сѣверной сторонѣ рейда, гдѣ были трехъ-ярусныя казематированныя батареи, Константиновская и Михайловская, обширная съ открытою обороною земляная батарея № 4-й и Сѣверное укрѣпленіе.

Главный недостатокъ Севастопольскихъ укрѣпленій состоитъ въ отсутствіи при нихъ прѣсной воды, и такъ какъ рытье колодцевъ въ каменистой почвѣ было затруднительно и не могло привести къ удовлетворительному рѣшенію вопроса, то мнѣ предложено было заняться составленіемъ проекта и выполненіемъ работы по устройству (сообраз-

ной съ величиною гарнизона батареи № 4-й), цистерны, куда можно было бы собирать дождевую воду, которая въ теченіе года выпадаетъ на площади укрѣпленія и на всѣ его отлогости. Эту работу мнѣ удалось выполнить съ полнымъ успѣхомъ, и въ бытность мою въ 1888 г. въ Севастополѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть первое свое произведеніе, существующее уже болѣе 40 лѣтъ. Чертежи и описаніе цистерны помѣщены были мною въ Инженерномъ Журналѣ.

Вторая моя работа состояла въ укрѣпленіи берега при батареѣ № 4-й отъ прибоя морскихъ волнъ. Проектъ составленъ былъ не мною и надѣлалъ мнѣ много заботъ.

Батарея № 4-й, существующая и по сіе время, состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней батареи. Въ верхней батареѣ, вдоль ея двора, замѣчена была трещина. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что вся масса земли верхней батареи, вмѣстѣ съ землею всей половины внутренней площади, наклонна сдвинуться съ своего мѣста, вслѣдствіе того, что вся эта масса земли покоилась на толстомъ каменномъ пластѣ съ поверхностію наклоненною къ морю. Эта поверхность была покрыта тонкимъ слоемъ глины, поверхъ которой находилась земля. Послѣ большихъ дождей мнѣ случалось наблюдать небольшое движеніе глины и земли по поверхности толстаго каменнаго слоя, при чемъ ясно были видны отпечатки шероховатой поверхности камня.

Для меня ясно было, что предложенный мнѣ для исполненія проектъ укрѣпленія берега батареи имѣлъ въ виду предохранить берегъ только отъ дальнѣйшаго его разрушенія прибоемъ волнъ; но ничего не было назначено сдѣлать съ цѣлію задержать сползаніе половины верхней батареи, и потому надо было опасаться, что проектированная набережная стѣна не только не удержитъ землю отъ движенія, но будетъ ею опрокинута. Поэтому я медлилъ открытіемъ работъ по устройству набережной стѣнки и изыскивалъ средства съ цѣлію отложить ихъ до слѣдующаго года, чтобы пересоставить утвержденный уже проектъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, когда я распоряжался на батареѣ № 4 разными другими работами, я замѣтилъ большой 12-ти весельный, зеленый катеръ съ тентомъ строителя, который, выйдя изъ артиллерійской бухты на рейдъ, повернулъ на право и взялъ направленіе прямо на батарею № 4. Быть бѣдѣ, подумалъ я, зная петерпѣливость и вспыльчивость генерала Павловскаго. И дѣйствительно, убѣдившись, по осмотрѣ батареи, что ничего не сдѣлано для приступленія къ работѣ по укрѣпленію берега, строитель разразился громкимъ выговоромъ, долго кричалъ, и наконецъ потребовалъ, чтобы въ туже минуту, въ его присутствіи, я распорядился постановкою рабочихъ на работу.

Дѣлать было нечего, я началъ работу, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно принялся за составленіе чертежа и расчета, которыми старался доказать, что набережная стѣна будетъ неминуемо опрокинута, и даже показалъ видъ ея разрушенія. Все это я представилъ при рапортѣ начальству, а самъ заботился только о томъ, чтобы матеріалъ и самое выполненіе работъ по устройству набережной стѣны были вполнѣ безупречны, чтобы никто не могъ сказать, что стѣна повалилась не отъ дурного проекта, а отъ дурного производства работы.

Работы эти окончены были своевременно. Съ наступленіемъ осени я переселился въ городскую свою квартиру. Одно время преусердно шли дожди, и предсказанный мною результатъ устройства набережной стѣны не замедлилъ своимъ появленіемъ. Я получилъ отъ присмотрщика полуграмотную записку съ батареи № 4, извѣщавшую, что вновь возведенная мною набережная стѣна разрушена. Я поспѣшилъ на мѣсто происшествія, захвативъ съ собою черновой чертежъ, чтобы повѣрить, такъ ли именно повалилась стѣна, какъ я предсказывалъ въ своемъ рапортѣ начальству. По осмотрѣ обвала, къ моему скрытому удовольствію, я убѣдился, что все обстоитъ благополучно: стѣна обрушилась совершенно такъ, какъ я и предполагалъ. Это случилось осенью 1850 г., а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1851 года, по тщательномъ разборѣ дѣла командированнымъ изъ Петербурга инженернымъ генераломъ Дзичканцомъ, я награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

Работа эта подала мнѣ поводъ къ чтенію многихъ сочиненій относительно производства работъ въ морѣ и на морскихъ берегахъ и къ изученію особенностей Севастопольскаго рейда, послѣ чего была мною составлена и помѣщена въ Инженерномъ Журналѣ статья объ укрѣпленіи береговъ Севастопольскаго рейда противъ разрушительнаго дѣйствія морскихъ волнъ. Статья эта обратила на себя вниманіе профессора Инженерной Академіи Паукера и нѣсколько позднѣе я узналъ, что и профессоръ строительнаго искуства въ Инженерной Академіи Герсевановъ (нынѣ директоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія) ссылается въ своихъ лекціяхъ на произведенныя мною изысканія надъ разрушительнымъ для построекъ изъ дерева въ Севастопольскихъ водахъ дѣйствіемъ червяка, называемаго корабельный шашень.

Строительныя работы въ Севастополѣ въ мое время не были особенно замѣчательны, и у насъ, инженеровъ, было много свободнаго времени. Пользуясь этимъ, я принялся за изученіе Англійскаго языка. Съ годами я дошелъ до того, что свободно читалъ въ подлинникѣ лучшихъ писателей Англійской литературы и спеціальныя по инженерной части сочиненія, а когда бывалъ въ Англіи, то, въ случаѣ надобности, и произносилъ въ общественныхъ собраніяхъ спичи.

Военные инженеры въ Севастополѣ болѣе всего дружили съ инженерами морской строительной части, во главѣ которыхъ находился Артуръ Романовичъ Мейнардъ, человѣкъ любившій общество и весьма гостепріимный. Онъ женатъ былъ на Александрѣ Петровнѣ Матвѣевой, отлично воспитанной и образованной, которая и составляла притягательный центръ нашего кружка. Она хорошо понимала музыку и любила ее; на фортепіано она играла превосходно, любила книги, постоянно слѣдила за современною литературою и, наконецъ, любила общество и отличалась въ немъ бойкимъ, живымъ умомъ. Въ настоящую минуту Александра Петровна Мейнардъ, вдова, живетъ въ Кронштадтѣ и много уже лѣтъ состоитъ начальницею женской гимназіи, пользуясь, какъ и вездѣ, всеобщимъ уваженіемъ и благосклоннымъ къ ней расположеніемъ великой княгини Александры Іосифовны. 30 Августа 1893 года исполнится 25 лѣтъ со времени основанія этой гимназіи и 25-ти лѣтней въ ней службы главной распорядительницы ея.

Я болѣе всего сблизился съ инженеромъ морской строительной части Мартыномъ Михайловичемъ Бородатовымъ и поселился съ нимъ въ одномъ домѣ, принадлежавшемъ негоціанту Синодино, который не жилъ въ Севастополѣ и два своихъ дома, съ однимъ общимъ дворомъ, отдавалъ въ наемъ инженеру Николаю Семеновичу Гѳра. Николай Семеновичъ, построившій въ Севастополѣ Мортоновъ элингъ, былъ впослѣдствіи главнымъ строителемъ Одесскихъ гаваней. Гѳра занималъ одинъ домъ, а другой отдавалъ въ наемъ Бородатову и мнѣ. Первый домъ стоялъ фасадомъ къ Востоку, къ Малахову кургану, а нами занимаемый домъ смотрѣлъ на Западъ, и съ нашего балкона былъ чудный видъ на море.

Морская библіотека, подлѣ которой мы жили, была для насъ большимъ подспорьемъ. Мнѣ удалось найти тамъ прекрасное сочиненіе Voyage autour du Caucase et en Crimée, par Dubois de Montperreux, 6 томовъ, изъ коихъ два послѣдніе посвящены историческому и геологическому описанію Крыма. Намъ вздумалось провѣрить нѣкоторые геологическіе разрѣзы, съ показаніемъ напластованія различныхъ каменныхъ породъ, и вотъ мы, человѣкъ 6—8 инженеровъ, по временамъ предпринимали поѣздки во внутрь Крымскаго полуострова, верхомъ на Татарскихъ скакунахъ. Затѣмъ поѣздки наши участились, и вошло въ обычай каждую весну и каждую осень совершать поѣздки на Южный берегъ, гдѣ Алупка была мѣстомъ нашей главной остановки, откуда мы предпринимали поѣздки верхомъ во всѣ почему нибудь замѣчательныя мѣста живописнаго Южнаго берега.

Когда вспоминаешь это старое, благодатное время, полное жизни, то невольно напрашивается вопросъ, а кому мы обязаны были за всю

нашу порядочность въ самую бурную пору нашей молодости? Обдумывая теперь издалека этотъ вопросъ, приходится мысленно благодарить главу нашего кружка, Александру Петровну Мейнардъ за то благодѣтельное вліяніе, которое она, какъ женщина талантливая и высоко нравственная, имѣла надъ нами. Мы были въ одно и тоже время и друзьями ея, и учениками, невольно подчиняясь незамѣтному, но могущественному, неотразимому ея воздѣйствію.

Въ Апрѣлѣ 1849 г. въ Петербургѣ открылось дѣло Петрашевскаго, по которому въ числѣ обвиненныхъ былъ И. М. Дебу, сосланный въ арестанскія роты въ кр. Килію. Въ 1851 г. онъ былъ переведенъ въ Севастопольскую военно-рабочую роту, и какъ только Бородатовъ и я узнали, что въ такой-то день Дебу долженъ быть доставленъ по этапу въ Севастополь, то рѣшили познакомиться съ нимъ и постараться облегчить его участь *).

Знакомство наше съ И. М. Дебу кончилось тѣмъ, что онъ вскорѣ перешелъ къ намъ жить, бросилъ солдатскую одежду, надѣлъ пиджакъ, познакомился въ семейныхъ домахъ нашего круга и началъ проповѣдывать намъ ученіе соціалистовъ Фурье, Консидерана и другихъ.

У насъ появились подходящія къ предмету нашихъ занятій книги, начались общія чтенія и безконечные споры. Фаланстеры соціалистовъ мнѣ представлялись абсурдомъ несогласнымъ съ природою человѣка, и я постоянно возражалъ нашему новому знакомцу. Такъ дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ, расколъ въ кружкѣ былъ явный, и потому я предложилъ продолжать общія занятія, но съ условіемъ совершенно измѣнить предметъ занятій, бросить утопическія бредни Французскихъ соціалистовъ и заниматься науками положительными.

При этомъ мнѣ вспоминается одно занятіе, носившее нѣсколько юмористическій характеръ. Въ Севастополѣ строился соборъ обыкновенной Византійской архитектуры съ куполомъ; своды и паруса были сведены, и образовано уже кольцо, на которомъ положено нѣсколько рядовъ кладки стѣнъ фонаря, какъ было замѣчено нѣсколько трещинъ въ стѣнахъ. Работы были остановлены, и нашему пріятелю инженеръ-подполковнику Матвѣеву (брату А. П. Мейнардъ) поручено было освидѣтельствовать работу и повѣрить по проэкту устойчивость зданія.

Желая помочь Матвѣеву, я и Бородатовъ рѣшились провѣрить устойчивость проэктированнаго собора путемъ вычисленій, а для этого предварительно считали полезнымъ прочесть объ устойчивости сводовъ,

---

*) Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается на стр. 129-й въ книгѣ: „Біографія, письма и замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго 1883 г.“

статью Паукера; но оказалось, что этотъ трудъ почтеннаго профессора изложенъ съ такою непроходимою сухостію и безжизненностію, что сколько нибудь продолжительное чтеніе неотразимо влекло насъ ко сну: засыпалъ то я, то Бородатовъ, между тѣмъ прочесть до конца оставалось еще много.

Чтобы поощрить насъ какъ нибудь, Бородатовъ предложилъ, въ случаѣ если мы въ теченіи дня не прочтемъ столькихъ-то страницъ убійственнаго трактата Паукера, то лишаемся права пить за вечернею закускою эль; а эль у насъ тогда, привезенный знакомыми моряками изъ заграницы, былъ чудо какой вкусный и дѣйствовалъ на нервы замѣчательно успокоительнымъ образомъ: послѣ стакана эля получался сонъ спокойный и глубокій. Имѣлъ же почтенный Германъ Егоровичъ талантъ и терпѣніе составить трактатъ объ устойчивости сводовъ такъ томительно-скучно!

Въ 1852 году въ Севастополь пріѣзжалъ инспекторъ инженернаго корпуса инженеръ-генералъ Денъ, и его сопровождалъ генералъ Дзичканецъ. Цѣль ихъ пріѣзда была ознакомиться съ окрестною мѣстностію и указать линію обороны Севастополя съ сухого пути. Тогда же генералъ Денъ указалъ на значеніе для обороны высотъ Зеленой горы и на правомъ берегу Килен-балки. Для составленія проэкта генералъ Денъ избралъ меня и приказалъ назначить меня въ распоряженіе генерала Дзичканца. Вслѣдствіе сего, въ концѣ 1852 г., послѣдовало распоряженіе о переводѣ меня въ С.-Петербургскую Инженерную команду, для занятій при чертежной Инженернаго Департамента.

ГЛАВА II.

Переводъ въ Петербургъ.—Назначеніе къ князю Горчакову.—Бумажное недоразумѣніе съ княземъ Горчаковымъ.—Штабъ князя Горчакова.—Высочайшая инструкція князю Горчакову.—Ея неопредѣленность.—Капитанъ Красовскій.—Характеристика князя Горчакова.—Его замѣчательная разсѣянность.—Штабныя личности.—Разъѣзды по Валахіи.—Неудобства почтовой ѣзды.

Изъ Севастополя я уѣзжалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ: мнѣ жаль было разставаться съ моремъ.

Въ Петербургъ я явился въ Январѣ 1853 года къ неописанной радости матери, которая жила съ замужнею моею сестрою Екатериною Дмитріевною Чупиною; онѣ жили въ Измайловскомъ полку, и я нанялъ въ томъ же домѣ въ нижнемъ этажѣ небольшую квартирку.

Вскорѣ я переселился на Большую Морскую, нанявъ квартиру со столомъ отъ жильца, почтеннаго старика Дюкерлея, преподавателя Французскаго языка въ институтахъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей; кромѣ меня тутъ были Вл. Ив. Захаровъ, учитель

древнихъ языковъ въ Первой гимназіи *), лейтенантъ Елагинъ, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Гартманъ и штабсъ-капитанъ Семеновскаго полка Буссе, всѣ съ одною что и я цѣлію пользоваться обществомъ Французовъ для пріобрѣтенія привычки свободно говорить по французски. Я засталъ генерала Дзичканца обремененнаго работою по составленію многихъ проектовъ для различныхъ крѣпостей; но болѣе всего онъ работалъ и заставилъ меня помогать еще въ окончаніи его проектовъ для новой крѣпости, которую имѣлось въ виду построить около Луцка или Дубно хорошо не помню; послѣ я припялся за Севастополь.

Мнѣ не удалось однако долго оставаться въ Петербургѣ. Только что переѣхали мы съ Дюкерлеями на дачу въ Маѣ мѣсяцѣ 1853 года, на Крестовскій Островъ, какъ на другой же день моего переселенія, когда я только что вышелъ совершить мирнымъ образомъ свою утреннюю прогулку, ко мнѣ подошелъ писарь и подалъ пакетъ съ предписаніемъ немедленно явиться къ начальнику штаба инженернаго корпуса генералу Политковскому.

Я поспѣшилъ исполнить въ точности полученное приказаніе. Генералъ прежде всего спросилъ меня въ какомъ положеніи находится составленіе проекта обороны Севастополя съ сухого пути, на что я доложилъ, что направленіе линіи сухопутныхъ укрѣпленій выработано и нанесено на общій планъ Севастополя карандашемъ, что планъ этотъ инспекторъ инженернаго корпуса инженеръ-генералъ Денъ докладывалъ Государю Императору и Его Величество одобрилъ общую идею укрѣпленій, и что за тѣмъ работа эта по случаю отсутствія генерала Дена, выѣхавшаго въ свой маіоратъ Козеницы, пріостановлена.

Выслушавъ меня, начальникъ штаба объявилъ мнѣ, что по волѣ Государя Императора часть нашихъ войскъ должна занять временно Дунайскія княжества Молдавію и Валахію,, что командующимъ этими войсками назначается ген.-адьют. князь М. Д. Горчаковъ и что отъ инженернаго корпуса предполагается въ распоряженіе князя назначить меня. Я поблагодарилъ начальника штаба за вниманіе ко мнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ рѣшительнымъ тономъ просилъ избрать для такой командировки кого нибудь другого, изъяснивъ, что я столь продолжительное уже время отсутствовалъ изъ Петербурга, который привязываетъ меня моими близкими родными, а во 2-хъ я никогда не служилъ при войскахъ и опасаюсь не исполнить хорошо возлагаемаго на меня порученія. Генералъ Политковскій выразилъ удивленіе моему уклоненію и сказалъ, что занятіе княжествъ не есть еще объявленіе войны, что

*) Въ послѣдствіи начальникъ Плоцкой учебной дирекціи.

все можетъ обойтиться мирно и что тогда я могу скоро вернуться въ Петербургъ, получивъ награду за такую командировку. Въ концѣ онъ прибавилъ, что сегодня же я долженъ быть на пристани Петергофскихъ пароходовъ въ такомъ-то часу. «Я поѣду съ вами въ Петергофъ представить васъ военному министру и князю Горчакову», сказалъ онъ.

Военнымъ министромъ былъ тогда князь Долгоруковъ. Онъ принялъ насъ любезно и скоро отпустилъ, сказавъ, что я долженъ быть представленъ Горчакову.

Князя Горчакова я видѣлъ въ первый разъ. Высокій худощавый, въ очкахъ, онъ поразилъ меня узкимъ хотя и высокимъ черепомъ; мнѣ показалось, что онъ не обладаетъ спокойствіемъ и увѣренностію человѣка дѣлающаго дѣло хорошо ему извѣстное; какая-то озабоченность и подавленность отъ несомаго имъ груза произвели на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Кажется, что и я, въ свою очередь, не вполнѣ удовлетворилъ князя, отвѣтивъ на его вопросы, что въ саперахъ я никогда не служилъ, организаціи понтонныхъ баталіоновъ не знаю, и что кромѣ производства крѣпостныхъ работъ и ничѣмъ другимъ не занимался. По крайней мѣрѣ мнѣ говорили, что князь возражалъ противъ назначенія меня, ссылаясь на то, что, по волѣ Государя штабъ, формируемый для князя какъ командующаго войсками 4-го и 5-го армейскими корпусами, долженъ быть самый ограниченный, и потому единственнаго инженера, котораго ему давали, онъ желалъ бы имѣть болѣе опытнаго въ военномъ дѣлѣ, служившаго при войскахъ на Кавказѣ или принимавшаго участіе въ Венгерской кампаніи. Мое инженерное начальство успокоило князя на счетъ меня, распространившись на счетъ особенно отличныхъ качествъ, будто-бы за мною числившихся, и дѣло кончилось тѣмъ, что князь Горчаковъ призвалъ меня къ себѣ еще разъ и приказалъ выѣхать одновременно съ нимъ въ Кишиневъ.

Начальникъ штаба инспектора по инженерной части сообщилъ мнѣ что высочайше повелѣно выдать мнѣ въ пособіе полугодовое жалованье по усиленному окладу, и сверхъ того двойныя прогонныя деньги до м. Леово, въ Бессарабіи, на р. Прутѣ.

Мое имущество находилось и у матери, на зимней квартирѣ въ Измайловскомъ полку, и у Дюкерлея, на его квартирѣ на Большой Морской, и на дачѣ. Надо было все собрать, привести въ порядокъ, отдѣливъ, что надо было взять съ собою, и наконецъ повидаться съ матерью и сестрою, которыя жили тогда чуть ли не въ Царскомъ Селѣ, проститься съ пріятелями и явиться къ начальству, и все это надо было сдѣлать въ какихъ-нибудь 3—4 дня. Помню, что всѣ дни проходили въ переѣздахъ съ острововъ въ городъ, оттуда въ Петергофъ, и обратно въ городъ и въ Царское Село.

Наконецъ усталый и измученный сборами, я выскочилъ изъ Петербурга (проживъ въ немъ всего около 4-хъ мѣсяцевъ) въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца 1853 года.

Я ѣхалъ на перекладной по курьерской подорожной, безостановочно день и ночь и такъ подъ конецъ усталъ, что подъ утро ямщики обыкновенно вынимали меня изъ телѣги, приговаривая: барина то укачало. Помню, какъ на одной станціи утромъ мнѣ приготовляла кофе какая-то хорошенькая дѣвушка, и я вздумалъ обратиться къ ней съ любезною фразою, но на срединѣ рѣчи заснулъ въ креслѣ.

Въ Кишиневѣ я засталъ князя Горчакова въ большой суетѣ; штабъ его не былъ еще вполнѣ сформированъ, мы не знали что дѣлать и для исполненія какихъ обязанностей кто изъ насъ призванъ.

Изъ Измаила пріѣхалъ къ князю саперный генералъ, ген. лейт. Бухмейеръ, командированный еще ранѣе на Югъ, чтобы озаботиться подготовленіемъ мостовъ для переправы чрезъ Дунай. Послѣ доклада своего у князя, Бухмейеръ потребовалъ меня къ себѣ и засадилъ писать множество бумагъ отъ имени князя къ военному министру, къ князю Меншикову бывшему тогда въ Севастополѣ, къ Новороссійскому генералъ-губернатору, къ командирамъ 4 и 5 корпусовъ и ко многимъ другимъ лицамъ. Я никогда не занимался въ управленіяхъ письменною частію, а Бухмейеръ не больше меня понималъ это дѣло. Мы старались съ нимъ изложить только суть дѣла и нисколько не позаботились на счетъ стиля и тѣхъ пріемовъ, которые употребляются при сношеніяхъ служебныхъ съ лицами выше или ниже стоящими. Ночью мы окончили работу, и Бухмейеръ тотчасъ же уѣхалъ куда-то. Какой-то писарь переписалъ наши черновыя, и за тѣмъ я не знаю кому были отданы бумаги для доклада князю, который, какъ извѣстно, всю свою жизнь потратилъ на сочиненіе и шлифовку бумагъ въ качествѣ начальника штаба у главнокомандующаго пѣхотной арміею князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго. Легко себѣ представить, какъ возмущенъ былъ князь Горчаковъ при чтеніи бумагъ изготовленныхъ на живую нитку Бухмейеромъ и мною. Къ несчастію, все его негодованіе излилось на меня совершенно неповиннаго, такъ какъ я даже и не былъ при докладѣ Бухмейера и не зналъ какія приказанія отдавалъ ему князь Горчаковъ. На его выговоры я смѣло отвѣчалъ, что написалъ я то, что приказывалъ мнѣ ген. Бухмейеръ и что къ нему князь долженъ обратить свои замѣчанія. Сцена эта вышла нѣсколько бурная, и я, вернувшись на квартиру, написалъ тотчасъ-же рапортъ о болѣзни, а къ генер. Политковскому письмо, въ которомъ просилъ его объ отозваніи меня изъ арміи. Рѣшивъ не служить подъ начальствомъ князя Горчакова, я оставался спокойно дома и не дѣлалъ никакихъ распоря-

женій, чтобы приготовиться къ походу, не покупалъ ни верховой лошади, ни упряжныхъ и экипажа.

Чрезъ нѣсколько дней навѣстилъ меня адъютантъ князя и, сообщивъ по его порученію, что главная квартира командующаго войсками на дняхъ должна выступить въ походъ, переправиться черезъ р. Прутъ у Скулянъ и идти на Яссы, спросилъ меня о моемъ здоровьи и буду ли я въ состояніи слѣдовать со штабомъ князя. Я отвѣчалъ, что все еще боленъ и чувствую себя не въ силахъ ни заниматься службою, ни ѣхать въ Яссы.

Около 1-го Іюля 1853 года штабъ командующаго войсками выѣхалъ изъ Кишинева. Между тѣмъ отвѣта отъ генерала Политковскаго я не получалъ. Не помню, кто изъ моихъ знакомыхъ зашелъ ко мнѣ и началъ уговаривать, чтобы я ѣхалъ къ князю; кажется, что былъ у меня Бухмейеръ, вернувшійся изъ Измаила и говорилъ мнѣ въ томъ же духѣ. Я послушался этихъ совѣтовъ и поѣхалъ чрезъ Скуляны въ Яссы. Въ послѣдствіи я узналъ, что, по полученіи моего письма, Политковскій писалъ къ Бухмейеру и просилъ его уладить мое дѣло.

Въ Яссахъ я явился къ командующему войсками и генералъ маіору С. П. Бутурлину, назначенному на должность генералъ-квартирмейстера. Вообще къ этому времени организація штаба уже ясно обозначилась. Мнѣ поручено было завѣдывать въ управленіи генералъ-квартирмейстера отдѣленіемъ инженерно-артиллерійскимъ, а равно и дѣлами по Дунайской флотиліи, состоявшей изъ 27 канонерскихъ лодокъ, находившихся тогда въ Измаилѣ.

Въ этомъ управленіи были генеральнаго штаба полковники графъ Остенъ-Сакенъ, Веймарнъ, Меньковъ, Эрнротъ и капитаны Макшеевъ, Залѣсовъ и др. Для завѣдыванія артиллерійскимъ отдѣленіемъ прибылъ, когда мы были уже въ Букарестѣ, капитанъ гвардейской конной артиллеріи Гольдманъ, и за тѣмъ я былъ начальникомъ отдѣленія только инженернаго, къ которому относилась и флотилія. Съ появленіемъ моего въ Яссы отношеніе ко мнѣ князя Горчакова было всегда внимательное, и онъ возлагалъ на меня столь серьезныя порученія, что и нельзя было сомнѣваться, что я пользуюсь у него довѣріемъ. Это все что мнѣ нужно было, и скоро я привыкъ къ канцелярской работѣ и хотя занятій было всегда много, я не тяготился своимъ положеніемъ.

Изъ Яссъ мы вскорѣ двинулись по дорогѣ къ Букаресту. Князь Горчаковъ требовалъ, чтобы я не двигался походнымъ порядкомъ съ его штабомъ, а переѣзжалъ съ одного пункта на другой одновременно съ нимъ на почтовыхъ.

Въ Текучѣ, 8 Іюля 1853 г., призвавъ меня къ себѣ, князь сообщилъ, что, на случай перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, имѣются,

у него слѣдующія средства: 1) Плотовой мостъ въ Измаилѣ длиною 360 саж., изъ коего половина наведена уже и служитъ сообщеніемъ между Измаиломъ и островомъ Чаталомъ, а другая предназначается для соединенія сего послѣдняго съ правымъ берегомъ Дуная; 2) два понтонныхъ парка, №№ 4, 5, могущіе составить мостъ въ 152 саж. и 3) канонирскія лодки числомъ 17, если употребить только оставшіеся свободными за разстановками другихъ по Дунаю, или 27, если употребить полное ихъ число, могущее служить устоями моста длиною 85—135 саж. Все это вмѣстѣ составитъ мостъ длиною 597—647 саж. Но князь Горчаковъ полагалъ, что по ходу дѣлъ можетъ случиться: а) что переходъ нашъ черезъ Дунай надо будетъ совершить не въ Измаилѣ, а выше сего пункта и б) что намъ нужно будетъ совершить его въ двухъ пунктахъ, на низовьѣ рѣки около Измаила или Исакчи и выше на пространствѣ между Галацомъ и Гирсовымъ. Въ первомъ случаѣ перемѣщеніе Измаильскаго плотового моста вверхъ по Дунаю, при быстромъ его теченіи, затруднительно; а во-второмъ случаѣ, для устройства моста изъ канонерскихъ лодокъ, надобно будетъ пріобрѣсти, кромѣ желѣза и канатовъ, лѣсу въ количествѣ, какое окажется по разсчету.

По этимъ соображеніямъ князь Горчаковъ поручалъ мнѣ собрать точныя свѣдѣнія о томъ, какіе пункты на Дунаѣ между Галацомъ и Гирсовымъ, по мѣстоположенію своему, представляютъ болѣе удобства для устройства переправы; во вторыхъ, я обязанъ былъ узнать что можно найти на этомъ протяженіи рѣки къ построенію новаго моста изъ мѣстныхъ средствъ, а также, гдѣ удобнѣе пріобрѣсть матеріалы для устройства онаго изъ нашихъ канонирскихъ лодокъ.

Для этого командующій войсками приказалъ мнѣ отправиться въ Галацъ, дабы 1-) разузнать тамъ подъ рукою о наводненіяхъ при этомъ пунктѣ Дуная, когда они обыкновенно начинаются и когда вода упадаетъ настолько, что устройство моста дѣлается возможнымъ; 2-е) осмотрѣть берега и опредѣлить болѣе удобный пунктъ для переправы; 3-е) соображаясь съ шириною и глубиною рѣки, быстротою ея теченія, формою и натурою береговъ и дна рѣки, разсмотрѣть, принимая во вниманіе мѣстныя средства, какого рода мостъ удобнѣе устроить въ Галацѣ. Такъ какъ это пунктъ торговый, то можетъ быть представится возможность пріискать небольшія суда могущія служить къ составленію моста; въ тѣхъ же видахъ, на случай недостаточнаго числа подобныхъ судовъ въ Галацѣ, я обязанъ былъ справиться, нѣтъ ли таковыхъ на низовой части Серета, которая судоходна, и узнать, возможно ли покупкою или другимъ какимъ-либо образомъ собрать ихъ при надобности и съ какими издержками можетъ быть сопряжено уст-

ройство подобнаго моста. Я долженъ былъ также справиться въ Галацѣ, имѣются ли въ продажѣ матеріалы необходимые для моста на канонерскихъ лодкахъ, какова ихъ цѣнность и какія есть средства для передвиженія ихъ, равно какъ и устроеннаго на мѣстѣ моста, вверхъ противъ теченія рѣки.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія въ Галацѣ, я обязанъ былъ, съ тою же цѣлію и также безъ огласки, подъ какимъ нибудь другимъ благовиднымъ предлогомъ, переѣхать въ Брайловъ, а оттуда въ Кіору (что̀ противъ Гирсова), гдѣ, продолжая скрывать цѣль своего пріѣзда, высмотрѣть самымъ тщательнымъ образомъ удобное мѣсто для постановки моста черезъ Дунай и разузнать о мѣстныхъ для того средствахъ; развѣдать также, можно ли сплавлять лѣсъ въ Кіору по рѣкѣ Яломицѣ и въ случаѣ если рѣка эта сплавная, то узнать, въ какихъ мѣстахъ по оной можно легче найти лѣсъ и другіе матеріалы, необходимые для моста и можно ли сыскать ихъ въ требуемомъ количествѣ.

Сверхъ того князь Горчаковъ поручилъ мнѣ узнать число и степень прочности мостовъ на р. Серетѣ отъ г. Максинени внизъ по ея теченію до пересѣченія съ дорогою изъ Браилова въ Галацъ черезъ Водени, и состояніе сообщенія между Галацомъ и Рени.

Для облегченія возложеннаго на меня порученія мнѣ дано было письмо къ консулу нашему въ Галацѣ и кромѣ прогонныхъ денегъ еще 150 рублей на непредвидимыя издержки.

Князь совѣтовалъ мнѣ, при изслѣдованіи береговъ и дна Дуная, нарядиться казакомъ и вмѣстѣ съ другими казаками купаться, а чтобы еще лучше маскировать цѣль моей поѣздки, онъ далъ мнѣ за своею подписью предписаніе отправиться въ Галацъ и Брайловъ для осмотра помѣщенія расположенныхъ тамъ отрядовъ и размѣщенія постовъ Карантинной, Молдавской и Валахской стражи на пространствѣ отъ Галаца до Браилова.

Чрезъ два дня по полученіи этого порученія я долженъ былъ выѣхать въ Галацъ; но въ теченіи этого времени князь Горчаковъ получилъ изъ Вѣны отъ нашего чрезвычайнаго посланника и полномоченнаго министра при Австрійскомъ дворѣ, т. е. барона Мейендорфа свѣдѣнія, какъ мнѣ показалось, успокоительнаго свойства относительно переговоровъ съ Портою, и поѣздка моя признана была преждевременною и потому отсрочена.

Князь Горчаковъ, трудолюбивый въ высшей степени и заботливый, всегда стараясь все предусмотрѣть и заранѣе приготовиться на всѣ случайности, былъ въ ту пору до крайности стѣсненъ данными ему императоромъ Николаемъ инструкціями. Въ собственноручной запискѣ Императора, сообщенной князю 28 Мая 1853 г., сказано, что Государь

не желалъ войны, какъ по гибельному вліянію климата Турціи, такъ и по неопредѣленности цѣли, которую онъ можетъ назначить нашимъ военнымъ дѣйствіямъ. Ежели хотимъ избѣгнуть конечнаго ниспроверженія Турецкой имперіи, онъ предполагалъ, въ случаѣ неуспѣха послѣдней попытки къ склоненію Оттоманской Порты на принятіе предложенныхъ нами условій, обратиться къ понудительнымъ мѣрамъ, усиливая ихъ сообразно ходу обстоятельствъ, въ слѣдующей постепенности:

1-я эпоха. По полученіи окончательнаго отказа Порты въ принятіи нашихъ условій, переправить черезъ Пруть войска, на Молдавской границѣ собираемыя, и занять Дунайскія княжества, не объявляя войны, но объяснивъ, что войска наши займутъ эти области *въ залогъ*, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи При совершеніи этого предпріятія отнюдь не переправляться черезъ Дунай и избѣгать враждебныхъ дѣйствій и пр.

2-я эпоха. Если упорство Оттоманской Порты заставитъ насъ усилить понудительныя мѣры, то и тогда предполагается, не переходя черезъ Дунай, объявить блокаду Босфора и, смотря по обстоятельствамъ, разрѣшить нашимъ крейсерамъ брать Турецкія суда въ Черномъ морѣ. Тогда же имѣется въ виду предварить Турецкое правительство, что дальнѣйшее его упорство можетъ имѣть послѣдствіемъ объявленіе независимости Дунайскихъ княжествъ и Сербіи. Желательно, чтобы Австрійцы, раздѣляя наши виды, заняли Герцеговину и Сербію.

3-я эпоха. Если же не подѣйствуетъ эта угроза, то наступитъ время ее исполнить, и въ такомъ случаѣ признаніе независимости княжествъ будетъ, безъ сомнѣнія, началомъ разрушенія Оттоманской имперіи.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1853 года мы, вступая въ княжества, были еще въ началѣ 1-й эпохи; переходъ черезъ Дунай не имѣлся вовсе въ виду, по мыслямъ императора Николая, а князь Горчаковъ уже заботился о средствахъ къ преодолѣнію такого серьознаго препятствія какъ Дунай. Мостъ въ Измаилѣ строился вслѣдствіе бывшаго, но уже миновавшаго, предположенія Государя занять Бабадахскую область, что замѣнилось занятіемъ Дунайскихъ княжествъ.

Въ Текучѣ мы пробыли около двухъ недѣль. Жары были сильныя, и я радъ былъ подышать сельскимъ воздухомъ среди полей и богатой растительности.

Въ бытность нашу въ Текучѣ явился въ наше управленіе генералъ-квартирмейстера какой-то армейскій офицерикъ, поручикъ или штабсъ-капитанъ Красовскій. По его разсказу, генералъ Бутурлинъ, при своемъ проѣздѣ въ Яссы, смотрѣлъ находившійся на его пути полкъ и, обративъ на Красовскаго вниманіе, приказалъ ему прибыть

въ штабъ-квартиру командующаго войсками. Извѣстный впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Красовскій мало-по-малу втерся въ нашу среду и занялъ должность ординарца при начальникѣ штаба нашихъ войскъ, генералъ-адъютантѣ Коцебу.

Послѣ Текуча мы не останавливались по долгу на промежуточныхъ пунктахъ и проѣхали такимъ образомъ въ Бухарестъ, гдѣ намъ, чинамъ штаба командующаго войсками, были отведены очень хорошія квартиры и по возможности поближе къ дому занятому княземъ Горчаковымъ и генералъ-адъютантомъ Коцебу. Они жили въ одномъ домѣ, вверху князь, а внизу Коцебу; домъ былъ окрашенъ желтою краскою, что̀ и служило къ нескончаемымъ шуткамъ и разсказамъ о томъ что дѣлается въ желтомъ домѣ. Тутъ юмористъ и веселый разсказчикъ И. И. Красовскій порядочно-таки поработалъ языкомъ. Придя однажды съ докладомъ къ князю, я зашелъ на минутку къ Красовскому, который жилъ внизу, занимая одну изъ переднихъ комнатъ квартиры Коцебу.

— Ну, что хорошаго у васъ дѣлается? спросилъ я.

— Ахъ, что̀ ни день, то все бѣда и больше. Вѣдь вы знаете, что наша безалаберная жизнь, вѣчные доклады и нескончаемое писаніе бумагъ, безъ опредѣленнаго часа для отдыха и сна, такъ надоѣли этому маленькому Коцебу, что онъ рѣшился, наконецъ, сказать князю, что такъ жить дольше невозможно, что необходимо служебные часы ограничить извѣстнымъ предѣломъ и затѣмъ съ наступленіемъ ночи запирать двери и всѣмъ спать. Князь согласился, и вотъ со вчерашняго вечера мы рѣшили жить благоразумно; въ 11-мъ часу Коцебу заперся и улегся, я послѣдовалъ его примѣру. Не прошло и часа, какъ послышался шумъ на парадной лѣстницѣ князя. Какъ я послѣ разузналъ, онъ тоже легъ спать, но не утерпѣлъ: вскочилъ съ постели, надѣлъ фуражку и, прикрывшись одѣяломъ, направился къ парадной лѣстницѣ, на передней площадкѣ которой стояли часовыми два казака съ обнаженными саблями. Увидѣлъ длинную и тощую фигуру князя въ фантастическомъ нарядѣ, казаки съ просонокъ шарахнулись въ сторону, какъ отъ привидѣнія; затѣмъ слышу, продолжалъ разсказывать Красовскій, князь пробирается въ мою комнату, зоветъ:—«Красовскій, Красовскій!» Но я притворился спящимъ и ни гу-гу. Въ потемкахъ князь наталкивается на ширму, и она полетѣла; князь добирается до моей кровати и сдергиваетъ съ меня одѣяло, я вскакиваю.

— Что̀ прикажите, ваше сіятельство?

— Прикажите отпереть квартиру начальника штаба, сказалъ князь.

Красовскій принужденъ былъ на-скоро одѣться и пойти черезъ дворъ къ камердинеру Коцебу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія послышалось послѣдовательное отпираніе дверныхъ замковъ въ анфи-

ладѣ комнатъ начальника штаба, который въ шинелькѣ встрѣчаетъ князя вопросомъ:

— «Что, ваше сіятельство, вѣроятно изволили получить важныя депеши изъ передовыхъ отрядовъ?»

— «Нѣтъ, никакихъ депешъ не получалъ, а я думаю....» И при этомъ князь, въ сапогахъ, шапкѣ и обернутый своимъ одѣяломъ, вваливается къ ужасу Коцебу въ его чистенькую кроватку.

— «Думаю», продолжалъ князь, «что Омеръ-паша насъ разобьетъ, разобьетъ непремѣнно! Мы совсѣмъ не готовы къ войнѣ. Напримѣръ: представьте, что завтра нужно намъ выступать въ походъ, и что же, у насъ нѣтъ для похода самаго необходимаго, складныхъ столовъ, чтобы штабные могли работать въ каждую минуту. Сверхъ того я полагаю, что у большинства чиновъ штаба нѣтъ даже верховыхъ лошадей. Я увѣренъ, продолжалъ князь, что, напримѣръ, у Хлѣбникова нѣтъ верховой лошади.

—«Помилуйте, князь, что вы такъ безпокоитесь объ этомъ», старался Коцебу успокоить нервнаго старика; «все это мы завтра же устроимъ, и въ три дня нашъ штабъ будетъ готовъ къ выступленію; Турки вѣдь нигдѣ еще не переходили на нашу сторону Дуная, и нигдѣ не видно малѣйшей къ тому попытки съ ихъ стороны.

Мало-по-малу князь успокоился, поднялся съ чужой постели и возвратился къ себѣ. Остальная часть ночи прошла спокойно.

Надо было слышать такой разсказъ молодого Красовскаго, чтобы не быть въ состояніи удержаться отъ смѣха.

И въ самомъ дѣлѣ, при появленіи моемъ съ докладомъ, первый вопросъ князя былъ о лошади. Я обѣщалъ ему купить себѣ верховую лошадь въ первый же базарный день.

Князь, должно быть, не имѣлъ зубовъ и потому говорилъ такъ будто бы у него каша была во рту, и смотрѣлъ всегда крайне серьезно; по крайней мѣрѣ мнѣ рѣдко случалось видѣть улыбку на его лицѣ; обыкновенно же лицо его выражало озабоченность постоянною умственною работою, а не рѣдко и утомленіе отъ непрерывнаго гнёта.

Разсѣянность его всѣмъ извѣстна. Мнѣ разсказывали, что когда Столыпинъ пришелъ къ нему въ Варшавѣ просить руки его дочери, князь казался слушающимъ, а между тѣмъ продолжалъ рыться въ своихъ бумагахъ, и когда увидѣлъ, что Столыпинъ уже кончилъ, сказавъ все, что хотѣлъ сказать и смотрѣлъ на него вопросительно, ожидая отвѣта, то князь отвѣчалъ ему:

—«Подайте мнѣ объ этомъ докладную записку».

—«Князь, возразилъ Столыпинъ, я прошу у васъ руки вашей дочери!»

—«А-а! произнесъ князь; это дѣло, mon cher, до меня не касается; идите къ моимъ дамамъ».

Мы штабные разъ навсегда были приглашены обѣдать у князя и отъ времени до времени считали своею обязанностію бывать у него; обыкновенно же ходили обѣдать въ чечмеджи, общественный садъ, гдѣ былъ порядочный ресторанъ. Иногда къ намъ присоединялся и генер. Бутурлинъ. Вечеръ, какъ и утро, приходилось сидѣть въ управленіи, гдѣ въ частую засиживались до полуночи. Я помню, напримѣръ, когда пріѣхалъ въ Букарестъ (кажется, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 года) фельдмаршалъ Паскевичъ, то мнѣ пришлось въ одинъ вечеръ отправить одного курьера съ приказаніемъ двинуть въ княжества часть осаднаго парка, черезъ часъ я отправилъ другого съ приказаніемъ отмѣнить движеніе, опять черезъ часъ двинуть часть парка, затѣмъ отмѣна, и наконецъ, пятый курьеръ повезъ окончательно распоряженіе о движеніи парка. Значитъ, по мѣрѣ того, какъ подвигался разговоръ фельдмаршала съ княземъ относительно возможныхъ, предстоявшихъ дѣйствій въ Турціи, осады или только наблюденія за крѣпостью Силистріею, заботливый князь посылалъ послѣдовательно свои записки съ приказаніями и съ отмѣною.

Говорили, что въ какомъ-то иностранномъ карикатурномъ журналѣ изобразили князя съ распростертыми руками; на правой ладони было надписано: ordre, на лѣвой—contre-ordre, а на лбу désordre; но это немного зло по отношенію къ горячему патріоту и въ высшей степени добросовѣстному труженику.

Князь говорилъ не совсѣмъ внятно, но писалъ еще хуже, просто чрезвычайно неразборчиво; а между тѣмъ писалъ ужасно много. Я очень часто получалъ отъ него цѣлыя бумаги, которыя требовалось только переписать на бѣло, но отдать ихъ писарю было невозможно; приходилось сидѣть надъ писаремъ и разбирать почеркъ князя какъ бы какіе-нибудь іероглифы (для памяти я до сего времени сохраняю у себя нѣсколько бумагъ, написанныхъ карандашомъ рукою князя Горчакова). Случалось и такъ, что поздно вечеромъ, когда всѣ мы были уже порядочно уставши и подумывали, что пора уже по домамъ, казакъ приносилъ записку отъ князя; генералъ Бутурлинъ принимался ее разбирать и въ случаѣ трудности, кривляясь на всѣ стороны, дѣлая разныя гримасы, выражавшія нетерпѣніе, бралъ наконецъ лупу и, склоняя голову то направо, то налѣво, старался разобрать хотя отдѣльныя слова, по которымъ можно бы добраться до смысла записки. Раздражаясь окончательно, Бутурлинъ начиналъ сердиться вслухъ:

«Графъ, графъ», кричалъ онъ намъ въ комнату, призывая графа Остенъ-Сакена, «вы служили въ Турціи; не разберете ли, что̀ это онъ

намъ тутъ написалъ; вѣдь это невозможно, ночь на дворѣ, мы уставши, на все есть свой предѣлъ». Общими силами мы разбирали записку.

Князь зналъ въ совершенствѣ Французскій языкъ и владѣлъ имъ такъ же легко какъ и Русскимъ; мнѣ довелось прочитать много его писемъ къ военному министру князю Долгорукову, къ князю Меншикову и др., съ которыми онъ постоянно сносился на Французскомъ языкѣ, и я любовался изяществомъ, съ которымъ писалъ князь по-французски. Вотъ и эти почныя записки бывали къ намъ часто на Французкомъ языкѣ (одна изъ нихъ, написанная на клочкѣ бумаги, сохранилась у меня). Случалось и такъ, что мы не успѣвали ничего разобрать изъ его каракуль, и тогда Бутурлинъ отправлялся къ князю съ извиненіемъ. Князь терпѣливо принимался за чтеніе собственноручной записки, но конечно разобрать ее не могъ и тогда обыкновенно восклицалъ: «самъ чортъ не разберетъ, что̀ я тутъ намаралъ». Тѣмъ дѣло и оканчивалось. Князь не могъ даже припомнить мысли, которая его озабочивала въ минуту писанія злополучной записки.

Я все говорю о князѣ Горчаковѣ, а слѣдовало бы начертить силуеты и ближайшихъ къ нему лицъ, начиная съ начальника штаба П. Е. Коцебу. Въ непосредственномъ подчиненіи главнокомандующаго были генеральнаго штаба полковники Веймарнъ (убитый въ Крыму, въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ, 4 Августа 1855 г.), Меньковъ и Эрнротъ. Въ управленіи генералъ-квартирмейстера, начальникомъ котораго былъ генеральнаго штаба г.-м. Бутурлинъ, ближайшимъ его помощникомъ былъ полковникъ гр. Остенъ-Сакенъ, затѣмъ шли начальники отдѣленій шт.-кап. Залѣсовъ, артиллеристъ Гольдманъ и я. Многое можно было бы сказать о поименованныхъ лицахъ, но многое уже извѣстно, если только не почти что все.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда я служилъ въ Варшавѣ, ко мнѣ совершенно неожиданно заѣхалъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ въ Букарестѣ, генеральнаго штаба полковн. Гланоецкій. Скоро мы разговорились о нашемъ прошломъ и вспомнили С. П. Бутурлина; при этомъ гость мой сообщилъ, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» появились разсказы Залѣсова о нашемъ сидѣніи въ Бухарестѣ, при чемъ Николай Гавриловичъ, съ свойственною ему наблюдательностію, не пропустилъ выставить и меня въ своихъ описаніяхъ. Вскорѣ я досталъ указанный мнѣ номеръ 4-й «Отечественныхъ Записокъ» за 1873 годъ и пожалѣлъ, что, неизвѣстно мнѣ, по какимъ соображеніямъ было предложено Залѣсову превратить печатаніе слѣдующихъ главъ его разсказа. Тѣмъ не менѣе, послѣ его смерти, наслѣдники почтеннаго генерала подарили публикѣ интересное чтеніе, напечатавъ «Записки П. Г. Залѣсова, помѣщенныя въ 1903 г. въ «Русской Старинѣ». А въ

Декабрьской книжкѣ этого журнала (1903 г.) помѣщены Записки адъютанта Н. Залѣсова, въ которыхъ онъ описываетъ лицъ составлявшихъ управленіе генералъ-квартирмейстера г.-м. Бутурлина (Бутуровъ); графъ Остенъ-Сакенъ названъ здѣсь Саксомъ Карломъ Ивановичемъ; оба эти лица изображены съ замѣчательнымъ сходствомъ. Ротмистръ гвардейской конно-артиллеріи Гольдманъ названъ Гольцомъ, а я Никифоровымъ. За тѣмъ появились Дневники и статьи «Дунай и Нѣмцы» П. К. Менькова, въ которыхъ читатель найдетъ характеристику лицъ дѣйствовавшихъ на Дунаѣ и подъ Силистріею въ 1853—1854 г.г.

Въ началѣ Августа мѣсяца 1853 года, я отправился съ генераломъ Бутурлинымъ въ Ольтеницу, къ истоку Арджиса, и тамъ 7 и 8 чиселъ произвелъ глазомѣрную съемку мѣстности, которая чрезъ 2½ мѣсяца служила полемъ кровавыхъ и неудачныхъ для насъ схватокъ съ Турками. Я не пожалѣлъ труда и съ возможною точностію измѣрилъ ширину Дуная (212 сажень), осмотрѣлъ строеніе карантина на нашемъ берегу, мѣсто и величину Турецкихъ лагерей на правомъ берегу рѣки, число и величину Турецкихъ батарей и постарался все это изобразить на планѣ.

Разъѣзды наши по княжествамъ мы совершали на почтовыхъ лошадяхъ въ собственныхъ экипажахъ или на перекладныхъ въ миніатюрныхъ 4-хъ колесныхъ телѣжкахъ, называемыхъ каруцами. Въ такую каруцу запрягали цугомъ двѣ пары лошадей, и ямщикъ, красивый Валахъ, съ длинными черными волосами, вьющимися кудрями, опоясанный по чистой бѣлой рубахѣ широкимъ, прикрывающимъ весь животъ, краснымъ кушакомъ, садился верхомъ на лѣвую упряжную, изъ пары ближайшей къ экипажу. Въ собственный же экипажъ, смотря по его тяжести, запрягали по четыре и шести паръ лошадей и для каждыхъ двухъ паръ коней одинъ ямщикъ. Я помню, разъ, приходя въ управленіе, я видѣлъ экипажъ Бутурлина, запряженный нѣсколькими парами лошадей; экипажъ стоялъ во дворѣ, а передніе пары цуга вытянулись на улицу.

Почтовыя лошади Валахскія, мѣстной породы, небольшія ростомъ и слабосильныя, но ямщики лихіе и ѣздятъ шибко, заставляя лошадей съ мѣста скакать во всю прыть, покрикивая и размахивая длиннымъ бичемъ. Постройка каруцъ самая примитивная; обода колесъ не имѣютъ желѣзныхъ шинъ, и потому не рѣдко мнѣ приходилось наблюдать картину постепеннаго разрушенія колеса: сперва выскочитъ одинъ кусокъ обода, за тѣмъ другой, колесо къ ужасу сѣдока скачетъ концами спицъ, и наконецъ эти послѣднія летятъ, и вы съ трудомъ, многократными криками, домогаетесь обратить на такое бѣдствіе благосклонное вниманіе скачущаго во всю прыть и не обращающаго ни малѣйшаго

на васъ вниманія краснаго Валаха. А случалось и такъ, что, при внезапномъ прыжкѣ каруцы, выскакиваетъ шкворень, каруца съ сѣдокомъ кувыркается въ пыли, а Валахъ продолжаетъ себѣ скакать и хлопать бичемъ; вы кричите ему, а онъ и ухомъ не ведетъ, только и видно какъ его черноволосые кудри развѣваются на воздухѣ.

Перегоны отъ станціи до станціи, кажется, верстъ 20—25; ѣзда постоянно вскачь, но на срединѣ дороги каруца останавливается, ямщикъ слѣзаетъ съ коня и, усаживаясь спокойно на обочинѣ дороги, закуриваетъ свою коротенькую трубку. Какъ бы вы ни торопились, ямщикъ на всѣ заявленія нетерпѣнія отвѣчаетъ вамъ однимъ словомъ: «джемутати». Что означаетъ это слово, я не знаю (половина дороги или отдыхъ), но такая сцена повторялась неизмѣнно при всѣхъ моихъ разъѣздахъ по краю.

При проѣздѣ вслѣдъ за княземъ въ Букарестъ, въ моей каруцѣ отлетѣлъ уже весь ободъ одного колеса, за тѣмъ началось разложеніе другого колеса; но лихой Валахъ утѣшалъ меня и увѣрялъ, что доскачемъ до станціи, случилось же такъ, что оба задніе колеса постепенно растеряли свои спицы и задъ каруцы сѣлъ на землю. Очевидно, что продолжать путь было невозможно, и Валахъ, осыпая каруцу бранью, принялся подбирать по дорогѣ спицы. Между тѣмъ экипажи лицъ свиты командующаго войсками одинъ за другимъ обгоняли меня, засыпая страшною пылью; но вотъ одна карета останавливается: это былъ Ѳ. К. Затлеръ, интендантъ нашихъ войскъ, который привѣтливо пригласилъ меня ѣхать съ нимъ, и такимъ образомъ я былъ не только выведенъ изъ затрудненія, но имѣлъ сверхъ того случай познакомиться съ интереснымъ человѣкомъ, обогатившимъ впослѣдствіи нашу военную литературу солидными сочиненіями по интендантской части.

ГЛАВА III.

Неопредѣленность положенія дѣлъ.—Генералъ Затлеръ.—Его система исполнять распоряженія главнокомандующаго.—Генералъ Даненбергъ. — Букарестское общество.—Заявленіе Омеръ-паши.—Бой у Исакчи.—Синопскій бой, письмо о немъ.—Мое участіе въ дѣлахъ.—Князь Горчаковъ и полковникъ Веймарнъ.—Генералъ Шильдеръ.—Неутомимая дѣятельность князя Горчакова и постоянное исканіе лучшаго рѣшенія вопроса. — Обезпеченіе устьевъ Дуная отъ вторженія непріятеля.—Переписка съ Валахскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Невредусмотрительность Измаильскаго коменданта.

Неопредѣленное положеніе политическихъ переговоровъ Западныхъ державъ между собою и съ Россіею все еще продолжалось и сильно вліяло на распорядительность нашего командующаго войсками, который часто отдавалъ приказанія и послѣ того видоизмѣнялъ и отмѣнялъ ихъ. Мы штабные захлебывались отъ писанія безконечнаго числа бумагъ, и

наши поздніе сидѣнія въ управленіи генералъ-квартирмейстера не спасали меня отъ того, что доберешься, бывало, домой и уже въ постели, а вотъ длинная фигура казака въ киверѣ оповѣщаетъ, что его превосходительство изволитъ просить меня къ себѣ: это значило, что Бутурлинъ получилъ новую записку отъ безпокойнаго князя, и надо идти что-нибудь еще приготовить къ завтрашнему докладу.

Засидѣвшись однажды въ управленіи до полуночи и изготовивъ какія-то спѣшныя распоряженія, я выслушалъ отъ генер. Бутурлина слѣдующее.

«Теперь, остается только поспѣшнѣе извѣстить интенданта о сдѣланномъ нами перемѣщеніи войскъ. Вотъ вы, капитанъ, идете мимо него; не будете ли столь обязательны, отдать ему этотъ пакетъ въ руки и предупредить на словахъ, что перемѣны въ сдѣланномъ перемѣщеніи войскъ нельзя ожидать, и потому онъ долженъ немедленно распорядиться подвозомъ продовольствія къ новымъ мѣстамъ?»

Я взялъ пакетъ и, зайдя въ квартиру Ѳ. К. Затлера, засталъ его одиноко сидящимъ. Посреди комнаты находился круглый столъ заваленный бумагами, вскрытыми и еще не вскрытыми конвертами; по стѣнамъ расположенъ былъ диванъ приподнятый надъ поломъ, какъ бываетъ въ биліардныхъ комнатахъ, со ступенькою вдоль всего дивана. Мнѣ показалось, что Ѳ. К. Затлеръ сидѣлъ, сильно задумавшись надъ чѣмъ-то. Онъ принялъ меня съ обычною вѣжливостію и, выслушавъ о причинѣ ночного визита, просилъ положить пакетъ на столъ и сѣсть подлѣ. У насъ завязался разговоръ, ничего не имѣющій общаго съ дѣломъ, по которому я пришелъ къ нему; полагая, что онъ не разслышалъ моихъ словъ о значеніи принесеннаго мною пакета, я позволилъ себѣ, при первой паузѣ въ разговорѣ, сказать, что генер. Бутурлинъ придаетъ большую важность принесенной мною бумагѣ.

«Да хорошо, пускай полежитъ дня-три, тогда я ее прочту», сказалъ Затлеръ. «У князя не меньше семи Пятницъ на недѣлѣ», продолжалъ интендантъ, «я и такъ поразбросалъ по княжествамъ продовольственные запасы; вѣрите ли, что вотъ у насъ и войны еще нѣтъ, и если бы намъ приказано было вернуться теперь во свояси и сдать наши дѣла въ архивы, то, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какой-нибудь изслѣдователь, пересматривая мои дѣла, могъ-бы подумать, что мы имѣли дѣло съ противникомъ чрезвычайно предпріимчивымъ и храбрымъ, который не давалъ намъ ни минуты покоя и нападалъ на насъ, то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ. Поэтому я рѣшилъ не читать о распоряженіяхъ князя никакихъ бумагъ ранѣе трехъ дней: въ этотъ промежутокъ времени налетятъ перемѣна и отмѣна, и я дѣйствую уже по бумагѣ, полученной въ концѣ третьяго или четвертаго дня».

Черезъ нѣсколько минутъ я простился съ почтеннымъ генераломъ, пожелавъ ему спокойной ночи.

Когда мы были еще въ Кишиневѣ, и войска только что начинали вступать въ княжества, у насъ появились иностранцы-врачи, вѣроятно по вызову нашего правительства за недостаткомъ своихъ. Такъ къ командиру 4-го пѣхотнаго корпуса явился врачъ Американецъ, не говорившій ни на какомъ другомъ языкѣ кромѣ Англійскаго. Генералъ Даненбергъ былъ человѣкъ очень образованный, большой лингвистъ, прекрасно говорилъ и по-французски, и по-англійски, человѣкъ вполнѣ свѣтскій и больше человѣкъ общества, нежели военный. Пригласивъ явившагося къ нему Американскаго врача придти къ нему вечеромъ на чашку чая, Даненбергъ озаботился позвать еще одного-двухъ человѣкъ и, узнавши, что я говорю по-англійски, пригласилъ и меня къ себѣ. Сдѣланное такимъ образомъ знакомство съ почтеннымъ генераломъ продолжалось и въ Букарестѣ, а впослѣдствіи и въ Петербургѣ. Въ Букарестѣ, въ свободные (болѣе всего въ Воскресные) дни получалъ я отъ него приглашенія обѣдать; когда наступила осень 1853 года и грязь на улицахъ Букареста была невылазная, то Даненбергъ говорилъ, что Букарестъ слѣдуетъ называть Букирестъ (boue qui reste).

Кромѣ своего военнаго круга, я имѣлъ случай, чрезъ свою хозяйку-владѣтельницу дома, въ которомъ мнѣ отведена была квартира, познакомиться съ нѣсколькими семейными домами высшаго круга въ Букарестскомъ обществѣ. Французскій языкъ тамъ распространенъ повсюду, многіе изъ молодыхъ людей и дѣвицъ получили образованіе въ Парижѣ. Щегольская обстановка квартиръ, богатые туалеты дамъ, прекрасные экипажи и лошади въ Англійской сбруѣ, все это составлялъ обычный видъ семьи, числящейся въ кругу хорошаго общества. Объ истинномъ образованіи, т.-е. о научномъ и о добрыхъ нравахъ, нѣтъ конечно и помину; вѣтренность дамъ, пристрастіе мужчинъ къ азартнымъ играмъ, безпечность, праздность и легкомысленное прожиганіе состояній, вотъ обыкновеный родъ жизни свѣтскаго общества въ Букарестѣ.

Климатъ въ княжествахъ благодатный, а почва тучная, способная сторицею вознаградить трудъ земледѣльца.

27-го Сентября 1853 года князь Горчаковъ получилъ отъ главнокомандующаго Турецкою арміею Омера-паши письмо, въ которомъ тотъ приглашалъ князя очистить Дунайскія княжества, предупреждая, что если чрезъ 15 дней не будетъ дано удовлетворительнаго отвѣта, то со стороны Турціи послѣдуетъ открытіе военныхъ дѣйствій.

Ну и слава Богу, оканчивается наше неопредѣленное время! Намъ надоѣла вѣчная боязнь князя не выполнить приказанія Государя,

состоявшаго въ томъ, чтобы никогда съ нашей стороны не послѣдовало перваго выстрѣла, дабы Европа не могла насъ обвинять въ началѣ войны. Эта мысль не заключающая въ себѣ и малѣйшей доли здраваго основанія, такъ какъ для западныхъ державъ было совершенно безразлично съ чьей стороны послѣдуетъ первый выстрѣлъ, не давала покоя князю.

Требованіе Государя и письмо Омера-паши послужили поводомъ къ оригинальной работѣ мозговъ князя Горчакова. Онъ и прежде находилъ полезнымъ поднять Дунайскую флотилію изъ Измаила по Дунаю выше впаденія Прута. Канонерскія лодки по его мнѣнію могли быть съ пользою поставлены въ Галацѣ и въ Браиловѣ, въ каждомъ пунктѣ въ числѣ 3—4 лодокъ съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ зимы, когда замерзнетъ Дунай, лодки эти, вооруженныя каждая тремя орудіями, были бы вмѣсто батарей для отраженія набѣговъ Турецкихъ отрядовъ, которые могли нападать на поименованные города; прочія же лодки могли бы сослужить службу при наводкѣ мостовъ.

Но двинуть эту флотилію до срока, назначеннаго Омеромъ-пашею, для начала военныхъ дѣйствій, было для князя немыслимо. Какъ это можно намъ начать военныя дѣйствія? Насъ обвинитъ Европа! Срокъ данный Омеромъ-пашею былъ 15 дней, т. е. до 12 Октября; слѣдовательно въ этотъ день мы могли, по мнѣнію князя, начать военныя дѣйствія. Дунай отъ впаденія Прута и выше составлялъ нераздѣльную собственность Турціи, тогда какъ Дунай ниже впаденія Прута принадлежалъ и Россіи и Турціи. Но бѣда, по мнѣнію князя, была въ томъ, что на Турецкомъ берегу, ниже впаденія Прута, находилась Исакча, крѣпостца или группа батарей съ жерлами орудій къ сторонѣ рѣки; канонерскія же лодки наши были парусныя, не паровыя, и ихъ надо было буксировать, для чего въ Измаилѣ нашлось два годныхъ для этой цѣли парохода «Прутъ» и «Ординарецъ». Каждый изъ нихъ могъ взять на буксиръ только по четыре лодки, и потому на первый разъ положено было ограничиться поднятіемъ только восьми лодокъ.

Буксированіе слабыми пароходами восьми лодокъ по Дунаю, противъ теченія, крайне медленное, и потому князю хотѣлось провести лодки мимо Исакчи такъ, чтобы въ нихъ не стрѣляли или стрѣляли бы при невыгодныхъ условіяхъ прицѣливанія. По сему о движеніи лодокъ къ Галацу и Браилову князь составилъ предписаніе къ ген.-адъют. Лидерсу въ такомъ смыслѣ, чтобы лодки двигались передъ Исакчею, ночью. Съ 11 на 12 Октября на такую мысль князя сдѣлано было возраженіе, что при движеніи ночью можно сѣсть на мель, и тогда, съ разсвѣтомъ, флотилія наша, находясь подъ близкимъ огнемъ Турецкихъ орудій, можетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. Князь призналъ

замѣчаніе справедливымъ и передѣлалъ свое распоряженіе: флотилія должна пройти передъ Исакчею въ такую часть ночи, когда есть лунное освѣщеніе. Затѣмъ князя спросили: а какъ должна поступить флотилія, если Турецкія батареи, не смотря на то, что еще не наступилъ срокъ для открытія военныхъ дѣйствій, начнутъ стрѣльбу по нашимъ судамъ? Князь принялся за составленіе третьяго проэкта предписанія, въ который включилъ указаніе, что въ случаѣ если Турки откроютъ огонь по насъ, то флотилія отвѣчать не должна, а слѣдуетъ выслать парламентера, который объяснилъ бы Туркамъ, что мы-молъ идемъ только до устья Прута, а по Дунаю, выше впаденія въ него Прута, не пойдемъ. На это замѣтили князю, что если ужъ Турки откроютъ огонь, то молчать съ нашей стороны и посылать парламентера невозможно, во 1-хъ потому что ночью и во время стрѣльбы нашего парламентера никто не увидитъ, а во 2-хъ не отвѣчать Туркамъ на ихъ выстрѣлы значитъ позволить имъ разстрѣливать наши войска и суда (на судахъ должны быть посажены пѣхотныя роты) самымъ мѣткимъ огнемъ. Князь поручилъ мнѣ передѣлать предписаніе. За тѣмъ ему доложили, что лунное освѣщеніе, на которое онъ разсчитывалъ, уже не существуетъ; опять перемѣна проекта, и такимъ образомъ въ теченіи какой-нибудь недѣли было написано 17 проектовъ предписаній. Одинъ разъ князь было подписалъ уже предписаніе, но я не успѣлъ выйти изъ его кабинета, какъ онъ вернулъ меня и, надорвавъ свою подпись, сказалъ, что опять не хорошо; послѣдній же проектъ, который былъ имъ утвержденъ, подходилъ ближе всего къ первому, который составилъ князь.

11-го Октября, въ $8\frac{1}{2}$ час. утра флотилія появилась передъ Исакчею, и бой начался.

Изъ донесенія о немъ я не безъ удовольствія увидѣлъ, что генер.-адъют. Лидерсъ нисколько не руководился указаніями князя и, будучи не менѣе его опытенъ въ бояхъ, распорядился дѣломъ самостоятельно, согласно мѣстныхъ условій; значитъ, не зачѣмъ намъ было съ княземъ и огородъ-то городить.

Октябрь 1853 г. въ Бухарестѣ былъ превосходный. Въ свободные отъ службы часы я съ удовольствіемъ совершалъ прогулки верхомъ въ окрестностяхъ города. Когда я прогуливался такимъ образомъ 23-го ч., мнѣ показалось, что съ южной стороны я слышу артилерійскую канонаду; я приказалъ сопровождавшему меня казаку соскочить съ коня и прилечь къ землѣ; казакъ подтвердилъ, что дѣйствительно стрѣльба слышна, о чемъ я и передалъ генер. Бутурлину; оказалось, что дѣйствительно въ это время завязался бой при Ольтеницѣ, находящейся въ 60 верстахъ отъ Бухареста.

По полученіи оффиціальнаго донесенія о дѣлѣ князь, въ сопровожденіи Бутурлина, отправился въ Ольтеницу. Дѣло, какъ извѣстно, было неудачное, и мы понесли большую потерю. Подойдя къ войскамъ, князь думалъ совсѣмъ о другомъ.

Qu'est-ce qu'on dira à Pétersbourg? сказалъ онъ Бутурлину.

«Поздоровайтесь съ войсками и поблагодарите ихъ за храбрость», отвѣчалъ ему въ полголоса Бутурлинъ.

18-го Ноября 1853 г. былъ въ Черномъ морѣ славный для нашего флота Синопскій бой, и вскорѣ другъ мой Мартынъ Михайловичъ Бородатовъ сообщилъ мнѣ подробныя свѣдѣнія о ходѣ боя. До сего времени я сохраняю его письмо, въ началѣ котораго помѣщенъ начерченный его рукою планъ самаго Синопа, прибрежныхъ батарей, расположенія судовъ Турецкой эскадры и мѣста занятыя нашими кораблями.

«Нахимовъ», писалъ Мартынъ Михайловичъ, «распорядился молодцомъ à la Nelson. Подобравъ нижніе паруса, онъ дошелъ безъ выстрѣла до мѣста, бросилъ шпрингъ, т. е. якорь съ кормы, чтобы стоять не по вѣтру, а бортомъ къ непріятельскимъ судамъ, и въ это время былъ осыпанъ градомъ ядеръ и картечи въ рангоутъ. Вѣроятно предполагали перебить команду при уборкѣ парусовъ, но онъ распорядился подобрать паруса только на штовы; по несчастію, первымъ же залпомъ ему перебили кормовой якорь, и корабль поставило вѣтромъ подъ продольные выстрѣлы. Не дѣлая ни одного выстрѣла, онъ снова подъ страшнымъ огнемъ завезъ другой шпрингъ и, подтянувшись какъ слѣдуетъ, началъ дѣйствовать орудіями тотчасъ послѣ полудня. Черезъ $2^1/_2$ часа все уже было покончено. Отлично, говорятъ, громилъ своими бомбическими орудіями «Константинъ»; первый залпъ его взорвалъ на воздухъ корветъ № 9, второй срылъ одно изъ береговыхъ укрѣпленій. Не совсѣмъ хорошо распоряжался «Три Святителя»; какъ видите по плану, онъ дурно сталъ. Остальныя дѣйствовали, говорятъ, очень обстоятельно и не торопясь».

«Но не въ томъ, какъ кажется, состоитъ главная заслуга Нахимова, что онъ разгромилъ и сжегъ эскадру, а въ томъ, что онъ подстерегъ ее, когда она зашла въ этотъ портъ, заперъ и удержалъ ее, оставаясь въ продолженіи трехъ сутокъ только съ двумя кораблями. Къ его эскадрѣ принадлежали еще три старые корабля; онъ бродилъ съ ними въ морѣ въ теченіи 7-ми недѣль, выдерживалъ страшные штормы, которые попортили стариковъ такъ, что они должны были укрыться скорѣе въ Севастополь и, оставаясь только съ двумя кораблями и не выпуская этой Турецкой эскадры изъ Синопа, далъ знать въ Севастополь, и къ нему присоединили эскадру Новосильскаго, состоящую изъ 4-хъ кораблей; онъ тотчасъ же покончилъ дѣло».

Письмо это было читано княземъ Горчаковымъ, Коцебу, Бутурлинымъ и другими съ величайшимъ интересомъ. Само по себѣ событіе имѣло великое значеніе въ общемъ ходѣ тогдашнихъ политическихъ дѣлъ, и кромѣ того всѣ читавшіе находили, что описаніе боя составлено весьма обстоятельно и съ надлежащею полнотою, словомъ составлено было такъ даровито, какъ только и можно было ожидать отъ моего талантливаго друга Мартына Михайловича; несказанно благодаренъ ему былъ я за такое сообщеніе.

Осенью я началъ посѣщать Французскій театръ и оперу и одинъ разъ неудержимо смѣялся при разсказѣ одного изъ адъютантовъ князя. Князя Горчакова всѣ мы очень уважали, но въ тоже время считали его субъектомъ способнымъ невольно устроить комическую сцену. Адъютантъ разсказывалъ мнѣ, что онъ ѣхалъ съ княземъ въ оперу вдвоемъ; ѣхали они молча, но вотъ адъютанту, подъ стукотню экипажа по мостовой, послышалось, что князь что-то бормочетъ. Адъютантъ вытянулся, руку подъ козырекъ и спрашиваетъ: «что изволите, ваше сіятельство, говорить?» Отвѣта нѣтъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять такое же бурчаніе со стороны князя; адъютантъ опять руку подъ козырекъ, и тотъ же вопросъ.—«Оставьте меня въ покоѣ», ворчитъ князь: «это я пою». Хорошъ пѣвецъ!

25-го Декабря 1853 г. было кровавое дѣло при Четати, послѣ чего князь рѣшилъ стѣснить Турецкія войска, тамъ расположенныя и заставить ихъ замкнуться въ Калафатѣ, для чего онъ поѣхалъ туда и въ числѣ другихъ пришлось и мнѣ скакать за нимъ; впрочемъ, по случаю ужаснаго состоянія дорогъ, мы не скакали, а тащились. Мы пріѣхали туда и размѣстились въ Быйлешти въ первыхъ числахъ Января 1854 года; мнѣ досталось жить въ землянкѣ, занятой на половину картофелемъ.

16-го Января 1854 года я участвовалъ въ наступательномъ движеніи Мало-Валахскаго отряда къ с. Гуніо и Модлавитѣ близъ Калафата, и на другой день я принялъ участіе въ рекогносцировкѣ Калафатскихъ укрѣпленій, произведенной подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова. Среди этого дѣла князь поручилъ мнѣ передать приказаніе Уланскому полку двинуться противъ непріятельской кавалеріи и вогнать ее въ укрѣпленія. Передавъ приказаніе командиру полка, я сталъ на правомъ флангѣ 1-го эскадрона и кинулся вмѣстѣ съ нимъ въ атаку; такимъ образомъ я, инженерный офицеръ, въ первый разъ подъ огнемъ былъ кавалеристомъ. Землянка въ Быйлешти была тѣсная и мрачная, такъ что оставаться въ ней днемъ было невозможно, и потому приходилось цѣлые дни проводить подъ открытымъ небомъ. Ко мнѣ подошелъ однажды генеральнаго штаба полковникъ Веймарнъ и разсказалъ слѣдующее.

«Сегодня я былъ у князя и получилъ отъ него престранное рѣшеніе моей судьбы. Я докладывалъ ему, что по моей службѣ мнѣ слѣдовало бы получить теперь полкъ, чтобы затѣмъ имѣть право на производство въ генералы, но князь, не давъ мнѣ докончить, отвѣчалъ: «для меня нѣтъ ничего удобнѣе, какъ имѣть васъ при себѣ и именно въ чинѣ полковника; я могу васъ командировать въ отрядъ и къ старшему и къ младшему васъ въ чинѣ, и всегда вы сдѣлаете мнѣ то что нужно; я вѣчно буду держать васъ полковникомъ, а когда буду умирать, то оставлю завѣщаніе, чтобы васъ произвели прямо въ генералъ-лейтенанты и дали вамъ дивизію».

Тутъ же въ Быйлешти составлялось донесеніе Государю съ подробнымъ описаніемъ Четатскаго дѣла. На сколько это описаніе было сходно съ дѣйствительностію, можно судить по тѣмъ дебатамъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые, не участвуя въ дѣлѣ, старались подогнать движеніе каждаго баталіона подъ указки тѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, какія они вынесли изъ Академіи. Когда описаніе это было закончено, то Бутурлинъ справедливо замѣтилъ: «ну, теперь, остается только дать Баумгартену прочесть это описаніе боя, добы онъ зналъ, какъ онъ сражался».

19-го Января мы отправились съ княземъ въ Букарестъ, и я послѣ всевозможныхъ лишеній, претерпѣнныхъ въ поѣздкѣ, особенно же въ Быйлешти, съ большимъ удовольствіемъ вошелъ въ свою комфортабельную квартиру, гдѣ гостепріимная хозяйка встрѣтила меня превосходнымъ ужиномъ.

Въ концѣ 1853 года къ 4 и 5 пѣхотнымъ корпусамъ, занимавшимъ Дунайскія княжества, двинутъ былъ туда и 3-й пѣхотный корпусъ ген.-адъютанта барона Остенъ-Сакена. Вмѣстѣ съ симъ князь Горчаковъ просилъ военнаго министра о назначеніи къ нему инженеръ-генерала Шильдера: «En grâce, obtenez moi le général Schilder, je donnerais une division pour l'avoir», писалъ князь Горчаковъ князю Долгорукову 14 Декабря 1853 г. «Schilder m'est bien indispensable. C'est l'homme de la chose».

Шильдеръ прибылъ въ Букарестъ не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ хорошо ему извѣстныхъ; въ числѣ ихъ были подполковникъ Тотлебенъ, капитанъ Фолькмутъ и штабсъ-капитанъ Гидебель. Изъ нихъ я зналъ прежде, и то весьма мало, одного Тотлебена, котораго видѣлъ разъ въ Кіевѣ на практическихъ саперныхъ работахъ и затѣмъ встрѣтилъ однажды въ Петербургѣ, гдѣ онъ показывалъ мнѣ составленный имъ чертежъ по минной войнѣ.

Сдѣлавши нѣсколько поѣздокъ къ Дунаю и познакомившись съ

тивъ кордоннаго расположенія нашихъ силъ по Дунаю, въ видѣ безсильныхъ, наблюдательныхъ постовъ, поддерживаемыхъ совершенно незначительными резервами. Шильдеру хотѣлось во что бы ни стало размѣстить, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, войска въ болѣе самостоятельныхъ отрядахъ; такъ онъ желалъ занять передъ крѣпостью Рущукомъ островъ, хотя онъ и находился подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій. Съ этою цѣлію Шильдеръ передвинулъ 2—3 баталіона по своему усмотрѣнію, не спрашивая о томъ князя Горчакова. Князь испугался такого перемѣщенія; но Шильдеръ увѣрялъ, что съ Турками надо именно такъ дѣйствовать,что они не посмѣютъ разстрѣливать наши войска. Затѣмъ князь писалъ Шильдеру, что въ арміи надо распоряжаться только одному, прочіе же должны исполнять приказанія и, стараясь урезонить расходившагося старика, увѣрялъ Шильдера, что будетъ соглашаться со всѣми его предположеніями, лишь бы онъ предварительно писалъ о нихъ князю и штабъ зналъ бы, гдѣ и какія войска размѣщены; но Шильдеръ не слушался и продолжалъ дѣйствовать по своему. Князь Горчаковъ неутомимо посылалъ одну бумагу за другою къ Шильдеру, но тотъ пересталъ даже распечатывать ихъ.

Шильдеръ и сподвижники его Тотлебенъ, Фолькмутъ и Тидебель продолжали разъѣзжать на различные пункты Дуная, то для составленія проектовъ укрѣпленія такихъ-то позицій ни для кого ненужныхъ, то для рекогносцировокъ никому невѣдомыхъ, и все это они дѣлали не вслѣдствіе распоряженій князя, а по вдохновенію пламеннаго Шильдера, и потому у насъ, въ штабѣ, когда кто-нибудь упоминалъ о дѣятельности инженеровъ, то это обыкновенно вызывало улыбку слушающихъ.

Въ одно прекрасное утро за мною прислалъ ген.-адъютантъ Коцебу и когда я явился къ нему, онъ съ ядовитою улыбочкою разсказалъ мнѣ, что вчера Шильдеръ сидѣлъ у князя до глубокой ночи и насочинилъ ему въ это время десятки различныхъ проектовъ, обѣщая князю для осуществленія ихъ выѣхать изъ Букареста сегодня же въ 6 час. утра. «Интересно узнать», добавилъ Коцебу, «уѣхалъ ли ген.-адъютантъ Шильдеръ». По справкѣ оказалось, что энергичный старецъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Букареста въ 10 час. утра.

Всю осень 1853 года, зиму и первые мѣсяцы 1854 года князь Горчаковъ страшно работалъ. По моей части его озабочивало прежде всего собраніе свѣдѣній о расположеніи Турецкихъ войскъ на правомъ берегу Дуная, устройство ими на занятыхъ позиціяхъ укрѣпленій и батарей, коими они могли-бы препятствовать попыткѣ нашей переправиться чрезъ Дунай, и общія соображенія относительно выбора пунктовъ для переправы нашихъ войскъ. Во-вторыхъ, князя заботили устрой-

ство мостовъ для переправы чрезъ Дунай и оборона устьевъ Дуная. Онъ желалъ построить два моста, каждый въ 360 сажень длиною. Одинъ мостъ князь желалъ построить въ Измаилѣ или Галацѣ, а другой въ Малой Валахіи, гдѣ окажется удобнѣе, но преимущественно на рѣкѣ Ольтѣ. Части мостовъ, до наведенія ихъ чрезъ Дунай, должны были служить для перевоза на веслахъ передового отряда войскъ, почему въ составъ ихъ должны входить способныя для гребли суда.

Вскорѣ оказалось, что необходимаго числа гребныхъ судовъ и якорей невозможно было достать въ княжествахъ, и потому князь обратился къ нашему чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Австрійскомъ дворѣ т. с. барону Мейендорфу. Сначала князь распорядился послать меня по этому дѣлу въ Вѣну; но тутъ какъ нарочно подвернулся ему бывшій нашъ *инженеръ*-титулярный совѣтникъ баронъ Оффенбергъ, который перебилъ у меня это дѣло и поѣхалъ въ Вѣну съ отзывомъ отъ князя къ барону Мейендорфу. При этомъ князь просилъ нашего посланника о покупкѣ, кромѣ якорей, до 70 гребныхъ судовъ и парохода достаточной величины, дабы его можно было вооружить нѣсколькими орудіями.

Другая въ это же время забота князя была обезпечить устья Дуная отъ прорыва Турецкихъ пароходовъ, а также привести наши крѣпости на Дунаѣ, Измаилъ и Килію, въ оборонительное положеніе. Но прежде надо сказать нѣсколько словъ о соображеніяхъ князя относительно пунктовъ для переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Несмотря на то, что князь Горчаковъ, съ самаго вступленія нашихъ войскъ въ княжества, постоянно занимался этимъ вопросомъ, постоянно собиралъ нужныя для сего свѣдѣнія и отъ времени до времени сообщалъ военному министру, для доклада Государю Императору, свои соображенія, но Императоръ Николай I-й приказалъ министру спросить по сему предмету мнѣніе генер. адьют. Лидерса, подчиненнаго, какъ командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса, князю Горчакову.

Лидерсъ, конечно, счелъ своею обязанностію прибыть въ Букарестъ и доложить объ этомъ запросѣ князю. Послѣдняго, по всей вѣроятности, задѣло такое недовѣріе Государя къ его соображеніямъ, и онъ писалъ по этому поводу къ военному министру: «Съ давняго времени я озабочивался собраніемъ требующихся свѣдѣній, въ особенности о Гирсовѣ, и посылалъ къ этому пункту офицера еще въ Августѣ мѣсяцѣ. Рекогносцировка укрѣпленій при Исакчѣ была произведена передъ прослѣдованіемъ изъ Измаила къ Галацу Дунайской гребной флотиліи, и генеральный планъ сихъ укрѣпленій представленъ былъ мною вмѣстѣ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Государю Императору о бывшемъ 11-го Октября дѣлѣ при Исакчѣ. Съемка же мѣстности при Гир-

совѣ была произведена въ Августѣ мѣсяцѣ во время полноводія, и потому я нынѣ приказывалъ повѣрить ее и затѣмъ посылаю теперь планъ Гирсова согласно послѣдней съемки. Что же касается Тульчи и Мачина, то, по распоряженію генер.-адъют. Лидерса, посланы довѣренные люди на правый берегъ рѣки, чтобы высмотрѣть укрѣпленія на сихъ пунктахъ надлежащимъ образомъ и коль скоро мнѣ будутъ доставлены планы ихъ, я не замедлю препроводить оные къ вашему сіятельству. Относительно же того, что Государь Императоръ спрашиваетъ мнѣнія генерала Лидерса о возможности форсировать переправу у Сатунова или Гирсова и о томъ, какъ ее форсировать, то имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что генералъ Лидерсъ былъ недавно здѣсь и, пользуясь его присутствіемъ, я обсуждалъ съ нимъ вообще о способахъ переправы и вслѣдствіе нашихъ по этому совѣщаній, долгомъ считаю изложить слѣдующее. Для переправы чрезъ Дунай ниже Силистріи имѣются въ виду 5 пунктовъ: а именно у Тульчи, Сатунова, Галаца, Мачина и Гирсова. Для переправъ сихъ мы имѣемъ одинъ мостъ въ Измаилѣ, который можетъ служить для перехода у Тульчи и у Сатунова. Другой мостъ предполагается устроить въ Галацѣ, который будетъ служить для трехъ прочихъ пунктовъ. Въ которомъ же именно изъ сихъ 5-ти пунктовъ выгоднѣе будетъ учинить переправу, въ настоящее время сказать никакъ нельзя; ибо безъ сомнѣнія непріятель, провѣдавъ, что мы готовимъ мостъ въ Галацѣ, усугубитъ мѣры обороны возведеніемъ новыхъ укрѣпленій, и поэтому только весною можно будетъ сдѣлать положительное о семъ заключеніе. Генералъ Лидерсъ имѣетъ въ виду, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, еще весьма удобный для переправы между Галацомъ и Рени (въ 10 верстахъ ниже сего послѣдняго города) пунктъ, о коемъ будетъ сообщено вамъ въ послѣдствіи».

Теперь обратимся къ заботамъ князя Горчакова по обезпеченію устьевъ Дуная противъ покушеній непріятеля. Въ началѣ Января мѣсяца 1854 года князь получилъ изъ довольно вѣрнаго источника извѣстіе, что главнокомандующій Турецкою арміею Омеръ-паша просилъ у своего правительства о доставленіи ему моремъ въ Дунай четырехъ малыхъ пароходовъ для дѣйствія ими противъ нашей флотиліи въ Дунайскихъ водахъ и что вслѣдствіе сего Турецкое правительство увѣдомило его, что пароходы эти наняты и при первой возможности будутъ доставлены къ мѣсту назначенія.

Предваривъ о семъ князя Меншикова и прося его принять всѣ мѣры для воспрепятствованія исполненію сего намѣренія Турокъ, князь Горчаковъ принялъ однако во вниманіе, что, по причинѣ присутствія въ Черномъ морѣ иностранныхъ эскадръ, князь Меншиковъ не въ состояніи будетъ сего сдѣлать, и предписалъ въ тоже время командиру 3-го

пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену принять всѣ дѣйствительныя мѣры, дабы пароходы не были допущены вступить въ большой Дунай ни Килійскимъ рукавомъ, ни Сулинскимъ или Георгіевскимъ рукавами.

Князь считалъ невѣроятнымъ, чтобы Турки отважились пройти Килійскимъ рукавомъ, ибо имъ бы надлежало проходить подъ огнемъ крѣпостей Килія и Измаила; тѣмъ не менѣе онъ приказалъ принять мѣры, чтобы въ случаѣ если бы они на то рѣшились, то могли быть потоплены выстрѣлами съ сихъ крѣпостей, для чего, если нужно, устроить береговыя батареи, вооруживъ ихъ крѣпостными орудіями.

Для воспрепятствованія же Туркамъ проникнуть въ большой Дунай князь предписывалъ построить батареи на мысѣ Четалѣ и около кордона № 131 для крѣпостныхъ орудій; послѣднюю батарею расположить такъ, чтобы она могла обстрѣливать мѣсто, гдѣ отдѣляется отъ большаго Дуная Килійскій рукавъ. Къ этимъ батареямъ приказано было назначить надлежащее прикрытіе отъ пѣхоты, а для усиленія огня крѣпостныхъ орудій командировать вмѣстѣ съ пѣхотою полевыя батареи, которыя, въ случаѣ появленія непріятельскихъ судовъ, должны были занять устроенные для нихъ окопы. Для жительства войскъ на мысѣ Четалѣ и у кордона приказано было устроить землянки, а для своевременнаго извѣщенія о появленіи судовъ организована сигнализація. Въ третьихъ, усилить Сулинскій портъ назначеніемъ къ находящимся тамъ двумъ канонерскимъ лодкамъ еще двухъ таковыхъ такъ, чтобы кромѣ береговой батареи было канонерскихъ лодокъ въ Сулинѣ всего четыре.

Оборона Сулина чрезвычайно озабочивала князя, и различныя свои соображенія по сему вопросу онъ сообщалъ то командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, то начальнику флотиліи контръ-адмиралу сначала Мессеру, а послѣ Кузнецову, то капитану порта Гуляеву. Недопущеніе непріятельской флотиліи войти въ Дунай, дабы она не могла вредить настоящимъ и будущимъ нашимъ предпріятіямъ составляло, по мнѣнію князя, предметъ первѣйшей важности.

Кромѣ батарей пушечныхъ и мортирныхъ и укрѣпленій тщательно обдуманныхъ, возведенныхъ, вооруженныхъ и надлежащимъ образомъ снабженныхъ боевыми припасами, какъ въ Сулинѣ такъ и у мыса Четала, устье Сулинскаго рукава было загражденно поставленными на якоряхъ поперекъ фарватера судами, которыя приказано связать цѣпью или надежнымъ канатомъ; устье же Георгіевскаго рукава загражденно затопленіемъ въ немъ 4 или 5 судовъ.

Независимо сего, князь находилъ нужнымъ объединить дѣйствіе всѣхъ силъ сосредоточенныхъ на нижнемъ Дунаѣ, и потому 19 Марта

1854 г. за № 765 онъ предписалъ контръ-адмиралу Кузнецову стать во главѣ этой обороны.

Въ этомъ предписаніи, между прочимъ, сказано: «Хотя устье Сулинскаго рукава и прегражденo бонами и защищено береговою батареею и 4-мя канонерскими лодками, но не менѣе того статься можетъ, что непріятель, владѣя большими средствами на морѣ, уничтожитъ оборону нашу у Сулина и прорвется съ флотиліею въ Сулинскій рукавъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ встрѣтить непреодолимую преграду при мысѣ Четалѣ, гдѣ форватеръ обстрѣливается и тремя сильными береговыми батареями и канонирскими лодками. Но дабы въ дѣйствіи батарей этихъ и флотиліи было необходимое въ этомъ случаѣ единство, я нахожу полезнымъ подчинить всѣ наши оборонительныя средства одному начальнику, испытанной опытности и храбрости. Избравъ для сего ваше превосходительство, я поручилъ г.-л. Ушакову (начальнику 7-й пѣхотной дивизіи 3-го корпуса, смѣнившей въ концѣ Января 1854 г. войска 5-го пѣхотнаго корпуса на нижнемъ Дунаѣ) поставить васъ о томъ въ извѣстность и распорядиться, чтобы вамъ были немедленно подчинены не только вся артиллерія, находящаяся на батареяхъ какъ правого и лѣваго береговъ Дуная, такъ и на мысѣ острова Четала, но и всѣ войска, составляющія прикрытіе оныхъ. Мнѣ остается только присовокупить, что строжайшая обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы отнюдь и во что-бы то ни стало не пропустить мимо мыса Четала непріятельскую флотилію и, что, ввѣряя вамъ защиту этого важнаго пункта, я вполнѣ убѣжденъ, что вы скорѣе положите жизнь свою чѣмъ допустите непріятеля прорваться въ Дунай. О мѣрахъ какія примете донесите по начальству и прямо мнѣ».

Все это написано было 19-го Марта, но проходитъ лишь 24 часа, и князь снова пишетъ тому же контръ-адмиралу Кузнецову:

«Имѣя въ виду, что батарея устроенная на лѣвомъ берегу Сулинскаго рукава близъ мыса Четала, въ случаѣ если непріятель прорвется въ Сулинѣ, можетъ быть малымъ десантомъ взята въ тылъ, предписываю вашему превосходительству сколь можно скорѣе ее разоружить, а орудіями оной усилить вашу батарею на лѣвомъ берегу, что̀ близъ кордона № 131».

Еще пять дней, и князь опять пишетъ командиру Сулинскаго порта Гуляеву:

Изъ отчета, который мнѣ представилъ полковникъ Крыжановскій *), я вижу, что устья Сулина могутъ быть весьма хорошо защищаемы и отстоены противъ покушеній непріятеля; надобно только съ упорствомъ

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и Оренбургскій генералъ-губернаторъ.

и распорядительностію ихъ защищать. Приложите всевозможную дѣятельность къ скорѣйшему окончанію работъ и потомъ постепенно усиливайте и усовершенствуйте ихъ. Конечно невозможно отстоять устья Сулина противъ флотовъ, но подобнаго ожидать нельзя, а если васъ атакуютъ, то вѣроятно какое либо отдѣленіе пароходовъ. Противъ сего защищайтесь съ величайшимъ упорствомъ. Я велѣлъ усилить вашъ гарнизонъ и проч. Податель сего предписанія поручикъ Родошковскій, расторопный и надежный офицеръ, который вамъ будетъ хорошею помогою. Я увѣренъ, при извѣстной распорядительности и храбрости вашей, что въ случаѣ покушенія непріятеля вы его отобьете съ честію для вашего имени».

Сообщая объ этомъ распоряженіи генер.-лейт. Ушакову, князь пишетъ ему: «Не теряйте изъ виду, что главное дѣло ваше теперь отстаивать Дунай отъ покушеній Англо-Французовъ».

Не знаю, въ какой степени справедливо, ибо переписка у меня въ рукахъ не была, но въ управленіи генералъ-квартирмейстера сослуживцы мои говорили, что генералъ Ушаковъ написалъ къ князю, что онъ получилъ отъ него столько уже указаній по оборонѣ Сулина, не согласныхъ между собою, что онъ, Ушаковъ, не знаетъ что̀ ему дѣлать съ Сулиномъ и потому проситъ князя взамѣнъ всѣхъ предыдущихъ противорѣчивыхъ приказаній дать одно положительное приказаніе оборонять или не оборонять Сулинъ.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ занятій князя Горчакова, которыя проходили черезъ мои руки, въ это же время, т.-е. зимою 1853—1854 гг., надо было обезпечить склады пороха и вообще всѣ артиллерійскіе склады отъ покушеній противника. Съ этою цѣлію князь приказалъ обратить подъ склады строенія стеариновой фабрики въ Фокшанахъ, Молдавской стороны, и прикрыть какъ строенія этой фабрики, такъ и пороховые погреба укрѣпленіями расположенными, по указанію князя, какъ на Молдавской, такъ и на Валахской сторонахъ Фокшанъ. Производство работъ онъ возложилъ на командира 3-го сапернаго баталіона полковника Клемепса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь предложилъ чрезвычайному и полномочному комиссару въ Придунайскихъ княжествахъ генералъ-адъютанту Будбергу, управлявшему этими княжествами со времени выѣзда изъ нихъ Молдавскаго и Валахскаго господарей, оказать полковнику Клеменсу содѣйствіе по доставкѣ къ работамъ необходимыхъ матеріаловъ и наряду отъ населенія, мастеровыхъ и рабочихъ людей за плату по цѣнамъ утвержденнымъ княземъ.

Работы эти подвигались медленно. Въ началѣ Февраля мѣсяца 1854 года князь потребовалъ меня къ себѣ и, показавъ полученное отъ

полк. Клеменса донесеніе, приказалъ сѣсть за его рабочимъ столомъ и продиктовалъ мнѣ предписаніе къ Клеменсу въ весьма суровомъ тонѣ, что̀ не было обычно у князя. Объясняя себѣ такое раздраженіе случайнымъ явленіемъ, я надѣялся, что князь измѣнитъ или значительно смягчитъ редакцію бумаги, когда я принесу ее къ нему для подписи; въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, было сказано: «это есть нелѣпость, чтобы въ настоящее время нельзя было вязать туровъ и фашинъ». Но къ большому моему удивленію князь не только не смягчилъ редакцію предписанія къ Клеменсу, но при подписи бумаги собственноручно къ приведеннымъ словамъ добавилъ еще: «И стыдно такой вздоръ писать». За всю мою службу подъ начальствомъ князя это былъ едва ли не единственный примѣръ рѣзкаго съ его стороны тона въ обращеніи съ подчиненнымъ.

Впрочемъ надо и то сказать, что именно въ это время князь заработывался съ своими бумагами ужасно много. Придя къ нему однажды съ дѣлами, я встрѣтилъ въ пріемной нѣсколько лицъ пришедшихъ съ докладами; вскорѣ дверь кабинета пріотворилась, и оттуда вышелъ генералъ-интендантъ Затлеръ. Увидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «я знаю, что князь посылалъ за вами и два раза уже справлялся о васъ; но вы подождите входить къ нему; съ нимъ сдѣлалось дурно, и надо дать ему отдохнуть; онъ съ ранняго утра работаетъ и ужасно утомился». Да, это былъ рѣдкій трудолюбецъ!

Когда прошелъ слухъ, что князь собирается ѣхать на низовье Дуная, я подумалъ: Ну, и скатертью ему дорога! Самъ на все посмотритъ и рѣшитъ, и, можетъ быть, немного успокоится; тогда и бумаги меньше будемъ изводить, и мы отдохнемъ. Но не тутъ-то было: князь поѣхалъ, осматривалъ укрѣпленія и батареи, въ особенности на островѣ Четалѣ и, какъ мнѣ говорили, подробно обсуждалъ на одномъ пунктѣ, который, ему казалось, былъ самый выгодный, о расположеніи на немъ батареи. Напрасно генералъ Лидерсъ говорилъ князю, что при первомъ взглядѣ на мѣстность и ему самому также казалось, что это есть наилучшій пунктъ для устройства батареи, а между тѣмъ по дальнѣйшему обсужденію онъ долженъ былъ дать предпочтеніе другому мѣсту. Долго говорили на эту тему, но князь стоялъ на своемъ и наконецъ приказалъ приступить немедленно къ постройкѣ батареи на излюбленномъ имъ пунктѣ.

Вы думаете, что тѣмъ дѣло и кончилось; нѣтъ, не прошло и двухъ дней, какъ князь Горчаковъ, находясь въ ту минуту въ Браиловѣ, собственноручно написалъ 15 Февраля 1854 г. за № 83, г.-л. Ушакову слѣдующее: «Обсудивъ еще дѣло, нахожу, что строить новую батарею ниже той, которая уже находится у мыса Четала, было бы съ

одной стороны безполезно, съ другой вредно; ибо для извѣщенія о приближеніи непріятельскихъ судовъ можно именно на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается батарея, имѣть нѣсколько ракетъ, которыя будутъ видны и съ поста на мысѣ Четалѣ, и съ постройкою моста у этихъ пунктовъ тоже имѣть ракеты; сіи послѣднія будутъ всегда видимы отъ батареи, что̀ у кордона № 131. Вредна же предполагаемая батарея потому, что она разбудитъ съ этой стороны Турокъ и побудитъ ихъ сдѣлать окопы, которые въ послѣдствіи будутъ намъ мѣшать. По сему предлагаю помянутой батареи не строить, буде не окажется какихъ-либо новыхъ уважительныхъ причинъ ее возвести».

И вотъ такъ по каждому даже третьестепенному вопросу князь думалъ и передумывалъ, отдавалъ приказанія и за тѣмъ видоизмѣнялъ ихъ или совсѣмъ отмѣнялъ. Что же это такое? Князь безъ сомнѣнія былъ человѣкъ очень умный, но какъ же это? Человѣкъ съ умомъ и опытностію, если онъ обсудитъ какой-нибудь вопросъ всесторонне и дастъ наконецъ свое рѣшеніе, то въ силу какихъ стимуловъ можетъ онъ возвращаться и опять думать и передумывать вопросъ уже рѣшенный? Это означаетъ только, что такой человѣкъ не пригоденъ быть главнокомандующимъ. Отъ главнокомандующаго требуются совсѣмъ иныя качества, какихъ не было у князя Горчакова; слѣдовательно здѣсь вина тѣхъ, кто считали его способнымъ командовать арміею. Но нельзя не цѣнить и не чтить Горчакова за постоянное напряженіе всѣхъ его умственныхъ силъ изъ желанія сдѣлать каждое дѣло самымъ лучшимъ образомъ. Такое безпримѣрное трудолюбіе и безкорыстная самоотверженность встрѣчаются въ жизни чрезвычайно рѣдко.

Въ скоромъ времени князь отправился на низовье Дуная, и все это время вниманіе его было главнѣйше направлено на обезпеченіе лѣваго фланга и тыла нашихъ войскъ и на приготовленіе мостовъ для переправы черезъ Дунай. Съ первою цѣлію князь принималъ всѣ мѣры для закрытія непріятельскимъ судамъ входа изъ Чернаго моря въ Сулинскій рукавъ Дуная и распорядился приведеніемъ въ оборонительное положеніе крѣпостей нашихъ на Килійскомъ рукавѣ Дуная: Измаила и Киліи. Постройку же мостовъ князь возложилъ на генерала Бухмейера, приказавъ построить одинъ мостъ въ Галацѣ, а другой въ Малой Валахіи на рѣкахъ Ольтѣ и Жіо.

Для успѣха работъ требовалось содѣйствіе мѣстныхъ властей, и потому въ моемъ отдѣленіи управленія генералъ-квартирмейстера постоянно велась оживленная переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валахіи. Тогда я не только зналъ министра по фамиліи, но зналъ его лично; мнѣ приходилось заходить къ нему въ министерство и, будучи въ его кабинетѣ, я имѣлъ случай наблюдать, какую массу бу-

магъ приходится подписывать ежедневно министру. Съ нами, къ тому же, онъ переписывался такъ, что на одной половинѣ листа текстъ изложенъ на Валахскомъ языкѣ, а на другой половинѣ листа на Русскомъ, но такимъ исковерканнымъ языкомъ, что это былъ трудъ очень непріятный разбирать бумаги Валахскаго министра. Такъ надоѣли часто пустыя по содержанію своему бумаги, что я нашелъ полезнымъ, чтобы сдержать усердіе министра къ бумагомаранію, не отвѣчать на его бумаги и началъ всѣ получаемыя отъ него бумаги, не отдавая для подшивки къ дѣламъ, складывать въ одномъ углу нашего служебнаго кабинета. Бутурлинъ замѣтилъ какъ-то однажды, что у насъ какъ бы прекратилась переписка съ Валахскимъ министромъ, но я промолчалъ и не открылъ ему моего секрета.

Въ концѣ Февраля 1854 г. князь началъ собираться выѣхать въ Браиловъ, и мнѣ было приказано также сопутствовать ему; занятія по моему отдѣленію были поручены генеральнаго штаба капитану Макшееву.

По пріѣздѣ въ Браиловъ мы нашли тамъ генерала Шильдера, родственника его, сапернаго генерала Дубенскаго, капитана Фолькмута и другихъ инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ, которые дѣятельно работали надъ приготовленіемъ переправы. Переправа черезъ Дунай назначена была на 10 Марта, но отложена до слѣдующаго дня.

Дня за два до переправы я встрѣтилъ на улицѣ въ Браиловѣ ген.-адъютанта Коцебу, который остановилъ меня и заговорилъ: «Странный человѣкъ этотъ нашъ командующій войсками! Ну кажется, что для успѣха переправы мы сдѣлали все возможное, и каждому изъ насъ это дѣло представляется совсѣмъ нетруднымъ, не правда ли? А между тѣмъ вотъ я теперь посидѣлъ съ княземъ и вышелъ отъ него съ убѣжденіемъ, что есть тысяча случаевъ, когда мы можемъ, потерпѣть неудачу».

Да, таковъ былъ умъ князя, что утромъ дѣло представляется ему въ одномъ свѣтѣ, а къ вечеру того же дня, когда онъ успѣлъ передумать о томъ же предметѣ на разные лады, онъ смотритъ на это же дѣло совсѣмъ иначе. Въ послѣдствіи я имѣлъ случай читать письма князя Горчакова къ военному министру изъ Севастополя и помню, что въ одномъ письмѣ, утромъ, онъ написалъ о предстоящемъ ему сраженіи на Черной рѣчкѣ предположенія и разсчеты свои въ краскахъ свѣтлыхъ, а вечеромъ того же дня князь написалъ къ тому же лицу и о томъ же предметѣ другое письмо въ крайне-мрачныхъ краскахъ; онъ просто утверждалъ, что мы навѣрное должны проиграть сраженіе и съ большимъ для насъ урономъ.

Между тѣмъ мнѣ случилось наблюдать князя во время самой переправы. Мы находились на возвышенномъ берегу, и вся картина была у насъ передъ глазами; князю подали кресло, и я находился непосредственно за нимъ. Въ 4 часа дня, 11-го Марта 1854 года, отплылъ отъ нашего берега небольшой отрядъ съ пѣснями, и вслѣдъ затѣмъ начали наводить мостъ. Шильдеръ былъ на пароходѣ и, появляясь на разныхъ пунктахъ, руководилъ дѣломъ. Турки открыли огонь, и вскорѣ намъ привезли извѣстіе, что ядромъ оторвало генералу Дубенскому ногу. Князь наблюдалъ за всею операціею съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и выслушивалъ наши замѣтки внимательно. На Турецкомъ берегу, вдали, показалась кавалерія, стремившаяся кинуться на лѣвый флангъ нашего десантнаго отряда. Полковникъ Веймарнъ доложилъ объ этомъ князю, и онъ приказалъ выдвинуть на нашемъ берегу батарею; всѣ приказанія и распоряженія князя были совершенно спокойны, не было и слѣда суетливости, и никакія приказанія не отмѣнялись.

Съ наступленіемъ сумерекъ я командированъ былъ на Турецкій берегъ для устройства предмостнаго укрѣпленія. За переправу черезъ Дунай я награжденъ былъ орденомъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ.

13-го Марта князь съ своимъ штабомъ, во главѣ войскъ, двинулся въ Мачинъ; на дорогѣ онъ подозвалъ меня и приказалъ взять изъ отряда одну роту саперъ и дать ей указанія къ починкѣ моста на дорогѣ въ Мачинъ; назадъ мы возвратились въ Браиловъ на пароходѣ.

Въ этотъ день я получилъ изъ Бухареста письмо отъ капит. Макшеева; онъ сообщалъ, что Валахскій министръ внутреннихъ дѣлъ бомбардируетъ его бумагами, что онъ затрудняется что ему отвѣчать, не находя предыдущей переписки съ мѣстными властями, и спрашивалъ моихъ указаній; я отвѣчалъ Макшееву откровенно, что всѣ бумаги почтеннаго министра сложены въ кучу въ одномъ изъ угловъ кабинета нашего управленія и что по моему мнѣнію не стоитъ переписываться съ Валахами.

Изъ Браилова я вернулся почти одновременно съ княземъ. Капитанъ генеральнаго штаба Батезатулъ любезно предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ тарантасѣ; намъ запрягали по 4 и 5-ти паръ истощенныхъ Валахскихъ почтовыхъ лошадей, но мы ѣхали медленно и по временамъ, для ускоренія ѣзды, приказывали Валахамъ-извощикамъ отстегивать и бросать на дорогѣ совсѣмъ замученныхъ лошадей.

Встрѣтившись съ Макшеевымъ, я выслушалъ искреннюю и нѣсколько разъ повторенную благодарность за совѣтъ, которому онъ буквально послѣдовалъ; «мы требуемъ отъ Валахскаго правительства наряда людей на работы», сказалъ мнѣ капитанъ Макшеевъ, «но ни въ какія объясненія съ нимъ я не пускаюсь».

Для иллюстраціи порядковъ Николаевскаго времени, здѣсь у мѣста будетъ привести дословно донесеніе (я сохранилъ его до сего времени въ подлинникѣ) Измаильскаго коменданта г.-м. Цебрикова отъ 29 Марта 1854 г. за № 1077. Въ крѣпости дѣлались всѣ приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай отряда ввѣреннаго генер.-лейтен. Ушакову, такъ сказать подъ носомъ коменданта, которому былъ извѣстенъ не только день, но и часъ переправы, совершившейся въ 14—15 верстахъ отъ крѣпости. Казалось бы чего проще было подумать коменданту о приготовленіи въ крѣпости госпиталя для пріема раненыхъ, а между тѣмъ г.-м. Цебриковъ доносилъ въ означенномъ рапортѣ князю Горчакову:

«12, 13 и 14 ч. сего Марта, въ разное время доставлены на повозкахъ въ Измаильскую крѣпость раненые штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины до 600 человѣкъ, безъ фельдшеровъ и лекарей и по большой части не перевязанные, безъ прислуги (хорошъ и Ушаковъ)!» Не получивъ ни отъ кого предварительно свѣдѣнія о столь значительномъ числѣ раненыхъ, я, по доставленіи таковыхъ, тотчасъ распорядился принять ихъ средствами, какія могъ на первый разъ изыскать для успокоенія, помѣстивъ часть ихъ на кроватяхъ въ приспособленномъ во 2-й оборонительной казармѣ нижнемъ этажѣ, а остальныхъ въ 5-й оборонительной казармѣ, выведя изъ оной войска въ землянки, расположивъ раненыхъ на нарахъ и снабдивъ ихъ тюфяками отъ крѣпости. Я приказалъ также дать имъ и ужинъ отъ квартирующихъ въ крѣпости резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ, что и было исполнено, такъ какъ въ госпиталѣ, по неожиданію раненыхъ и не знанію числа ихъ, пища для нихъ не приготовлялась. Нѣкоторымъ дана водка. Между тѣмъ для перевязки раненыхъ, я собралъ всѣхъ медиковъ и фельдшеровъ госпиталя, равно вольныхъ фельдшеровъ и цирульниковъ изъ города, и назначилъ для надзора за ранеными двухъ штабъ-офицеровъ, коимъ приказалъ употреблять всѣ средства къ успокоенію больныхъ, а въ случаѣ какихъ недостатковъ тотчасъ докладывать мнѣ; въ помощь же госпитальной прислуги назначилъ отъ войскъ 70 человѣкъ и для присмотра по два офицера въ каждую казарму, въ коихъ размѣщены раненые. Не оставляя лично наблюдать постоянно за порядкомъ въ размѣщеніи и продовольствіи больныхъ, я распорядился объявить гражданамъ Измаила объ оказаніи возможной помощи раненымъ и доставленіи отъ онаго части необходимой для больныхъ посуды и другихъ припасовъ; а также Измаильскіе граждане, движимые сочувствіемъ и усердіемъ, не замедлили доставить нѣсколько бѣлья, разные съѣстные припасы, равно чай и сахаръ, которые и выдавались раненымъ по приказанію моему, зачѣмъ я лично наблюдалъ. А чтобы контора госпиталя не имѣла недостатка въ деньгахъ на покупку необходимыхъ

потребностей, по невысылкѣ ей изъ комиссаріата денегъ, я выдалъ изъ экстраординарной суммы оной, заимообразно, тысячу рублей серебромъ».

Немного поздно спохватились. Половина раненыхъ погибла, не дождавшись вашего чая и вашихъ цирульниковъ.

Очевидно, что комендантъ крѣпости Измаила и не подозрѣвалъ о той роли, которая принадлежитъ крѣпости на театрѣ войны относительно войскъ дѣйствующихъ въ полѣ: служить въ случаѣ неудачи временнымъ пріютомъ для нихъ, быть готовыми снабдить войска провіантомъ и принять въ свои госпитали больныхъ и раненыхъ.

ГЛАВА IV.

Осада Силистріи.—Генералъ Шильдеръ.—Отказъ въ штурмѣ.—Отправка Тотлебена въ Крымъ.—Командировка меня въ Перекопъ и Севастополь.—Скорбный путь до Севастополя.—Манера князя Меньшикова докладывать Государю.—Разсказъ Тотлебена.—Обѣдъ у адмирала Корнилова.—Генералъ Кирьяковъ.—Отношеніе Тотлебена къ Нѣмцамъ.—Отправка меня въ Перекопъ.—Генералъ Богушевскій и сестры милосердія.—Дурное состояніе медицинской части.

Послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай и занятія Бабадахской области инженеры предлагали мнѣ бросить управленіе генералъ-квартирмейстера и перейти подъ начальство генерала Шильдера, въ виду предстоявшей осады крѣпости Силистріи. Я изъявилъ полное на это согласіе, и генералъ Шильдеръ просилъ командующаго войсками назначить меня въ его вѣдѣніе, вслѣдствіе чего, приказомъ по арміи 2-го Мая 1854 г., я назначенъ въ вѣдѣніе начальника инженеровъ войскъ 3, 4 и 5 армейскихъ корпусовъ.

Къ осаднымъ работамъ подъ Силистріею было приступлено ночью съ 5-го на 6 Мая. Работами на лѣвомъ флангѣ завѣдывали подполковникъ Тотлебенъ и л.-гв. сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Зейме, а на правомъ флангѣ я и товарищъ мой по училищу инженеръ-штабсъ-капитанъ Небольсинъ.

Главныя указанія мы получали отъ ген.-адъют. Шильдера. Всѣ мы, за исключеніемъ Тотлебена, были новички въ дѣлѣ осадныхъ работъ, и потому передъ началомъ всѣ зашли къ Тотлебену сговориться и условиться ни счетъ нѣкоторыхъ пріемовъ при веденіи осадныхъ работъ. Помню, что зашла рѣчь о томъ, куда должны рабочіе до приступа къ работѣ класть свои ружья, впереди ли устраиваемой траншеи или позади ея. Тотлебенъ утверждалъ, что слѣдуетъ ружья оставлять позади работы, и въ случаѣ нападенія осажденные люди бросаютъ лопаты, разбираютъ свои ружья и тутъ же выстраиваются. На это Небольсинъ замѣтилъ, что движеніе рабочихъ назадъ можетъ послужить ободряющимъ для непріятеля образомъ, что эффектъ будетъ совсѣмъ иной, когда

при появленіи противника рабочіе, кинувъ лопаты, пойдутъ дружно впередъ и, подхвативъ ружья, бросятся прямо на врага. Такое невинное возраженіе Небольсина вызвало со стороны Тотлебена какой-то рѣзкій и дерзкій отвѣтъ. Вѣдь мы собрались къ Тотлебену не какъ къ начальнику; мы вовсе не были подчинены ему, мы собрались къ нему какъ къ сослуживцу, имѣющему уже нѣкоторый опытъ въ дѣлѣ осады; но таковъ былъ ужъ характеръ Тотлебена, что онъ никогда не былъ способенъ обсуждать вопросъ спокойно и, терпѣливо выслушивая мнѣнія несогласныя съ его взглядомъ, хладнокровно возражать и стараться убѣдить въ правильности своего мнѣнія. Въ случаѣ несогласія кого-нибудь съ его мнѣніемъ, Тотлебенъ тотчасъ же раздражался и отвѣчалъ дерзостію. Выходка его противъ Небольсина никому конечно не понравилась, и Небольсинъ, не дожидая окончанія нашихъ разговоровъ, вышелъ вмѣстѣ со мною изъ палатки Тотлебена. Онъ жилъ гдѣ-то неподалеку отъ Шильдера, тогда какъ прочіе инженеры, назначенные участвовать въ осадныхъ работахъ, по приказанію Шильдера, устроились поближе къ работамъ, совершенно отдѣльною маленькою группою, въ палаткахъ поставленныхъ далеко впереди войскъ назначенныхъ для производства осадныхъ работъ.

Совершенно незначущая, хотя и непріятная, сцена въ палаткѣ Тотлебена раздвоила наше немногочисленное общество инженеріыхъ офицеровъ; Нѣмцы, какъ Фолькмутъ, Зейме, Тидебель и др. держались Тотлебена, Русскіе же инженеры, изъ коихъ старшимъ былъ я, затѣмъ Небольсинъ, Доматевичъ и др., составляли особую группу. Нѣмцы имѣютъ какую-то липкость одинъ къ другому, и сила притяженія у нихъ очень сильна. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ въ траншеяхъ на лѣвомъ ихъ флангѣ, т. е. у Нѣмцевъ, появился статскій, какъ оказалось по справкамъ, чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отставной инженеръ, баронъ Оффенбергъ, и вотъ этотъ господинъ, въ силу Нѣмецкаго притяженія, присосался къ своимъ собратьямъ, побылъ нѣсколько дней въ траншеяхъ или около нихъ и, получивъ крестъ Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ, спокойно удалился.

И Шильдеръ различалъ наши двѣ группы. Придя въ одну ночь къ намъ на работу, онъ замѣтилъ: «Но вы очень выдвинулись впередъ, Нѣмцы струсили и заложили лѣвую половину траншеи далеко позади васъ».

Съ непривычки дѣйствовать ночью, было чрезвычайно трудно опознаться на мѣстности. Обыкновенно засвѣтло еще, Тотлебенъ и я выходили сколько можно впередъ и, осмотрѣвъ мѣстность, условливались, гдѣ каждый изъ насъ долженъ разбить ночью батареи и траншеи. Кажется, мѣстность такая, что найти ее ночью не трудно: вотъ большое

развѣсистое дерево, справа большой камень, а позади канава; навѣрное, думаешь, найду; а когда съ наступленіемъ сумерекъ приходится вести туда войска, разбивать батареи и опредѣлять направленіе траншей, чтобы поставить на свои мѣста рабочихъ, то искомая мѣстность какъ будто бы совсѣмъ преобразилась, и нѣтъ тѣхъ отличительныхъ признаковъ, по которымъ такъ надѣялся все найти. Только мало по малу пріобрѣтается способность распознавать мѣстность ночью.

Въ первые дни, когда приходилось ходить съ Тотлебеномъ на рекогносцировку, я больше обращалъ вниманія на штуцерныя пули, летѣвшія подлѣ меня, чѣмъ на его объясненія; мнѣ казалось, что вотъ пуля чуть не задѣла моей лѣвой руки, а слѣдующая навѣрное ударитъ прямо въ сердце; Тотлебенъ же, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на жужжаніе пуль и весь отдавался своему предмету. Мало по малу и я привыкъ къ пулямъ и гранатамъ и замѣчалъ, что если я нахожусь передъ войсками или вообще не одинъ, я въ силахъ не наклоняться передъ пулями и способенъ мыслить и вести себя совершенно прилично; когда же случалось ночью проходить по обстрѣливаемому пространству одному, то я невольно бросался изъ стороны въ сторону при каждомъ снарядѣ.

Осадныя работы подвигались впередъ и все болѣе и болѣе завоевывали мое къ нимъ вниманіе; часто я такъ увлекался своимъ дѣломъ, что и не замѣчалъ когда попадалъ подъ частый и мѣткій пушечный и ружейный огонь. Когда случалось, что солдаты нагибаются, я подсмѣивался надъ ними, говоря вслухъ: «что это значитъ, что ко мнѣ на работу прислали однихъ только согбенныхъ стариковъ?» «Береженаго Богъ бережетъ», отвѣчали мнѣ солдаты.

Собираясь однажды на ночныя работы, мы съ Небольсинымъ пили вечерній чай. Онъ кончилъ раньше меня, взялъ нагайку, вскочилъ на коня и отправился въ траншеи. Казалось, что не прошло и часа времени, какъ я тоже направился къ работамъ и былъ пораженъ, увидѣвъ, что солдаты несутъ кого-то на носилкахъ и одинъ изъ нихъ несетъ въ рукахъ офицерскую фуражку, а сзади ведутъ лошадь. «Что?» спрашиваю, «ранили?» «Голову оторвало», отвѣчаетъ солдатъ». Я былъ страшно пораженъ такою внезапною потерею товарища и столь достойнаго человѣка какъ Небольсинъ. Свѣжая, молодая, сильная натура, славная голова и высокія нравственныя качества; все это пропало въ одно мгновеніе. Но, придя на главную батарею, вооруженную осадными орудіями я узналъ, что убитый, котораго я встрѣтилъ, былъ не инженерный, а артилерійскій офицеръ; онъ убитъ былъ въ то мгновеніе, когда наводилъ 24-хъ фунтовую, мѣдную, короткую пушку; я подошелъ къ орудію и, осмотрѣвъ оставленный на ней слѣдъ снаряда, убѣдился, что траэкторія

непріятельскаго снаряда находилась точно въ вертикальной плоскости, проходящей черезъ ось нашего орудія; продольное углубленіе на тѣлѣ орудія отъ удара ядра было совершенно правильно выдѣлано, и снарядъ, отразившись отъ 24-хъ фунтовой пушки, пологимъ рикошетомъ, сорвалъ голову артилеристу, повѣрявшему наводку орудія. Мой же Небольсинъ, выйдя изъ передовой траншеи, расхаживалъ въ это время спокойно съ нагайкою въ рукахъ по полю какъ будто на прогулкѣ.— «Чего вы тамъ ходите, Небольсинъ? Не слышите вы развѣ, какъ щелкаютъ подлѣ васъ пули въ землю?» закричалъ я своему товарищу.— «Ничего!» отвѣчалъ онъ и прибавилъ языкомъ инженернымъ: «расходъ не превыситъ ассигнованія», что̀ означало, какъ онъ объяснилъ мнѣ послѣ, что если-бы онъ даже былъ убитъ, то бѣда не велика, такъ какъ, отправляясь на войну, онъ мысленно опредѣлилъ пожертвовать собою для этого дѣла. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что неудача въ любви была поводомъ къ такому рѣшенію. Черезъ полтора года я находился на работахъ по укрѣпленію Николаева, и первое орудіе, которое привезли на главную батарею, мною построенную, была таже 24-хъ фунт. мѣдная пушка съ углубленіемъ, знакомая мнѣ подъ Силистріею.

Турки съ наступленіемъ ночи выводили небольшіе отряды для вылазокъ, чѣмъ причиняли большую намъ помѣху въ осадныхъ работахъ; бывало, только что установишь прикрытіе и затѣмъ рабочихъ (что̀ брало много времени и стоило большаго труда, въ особенности когда мы попадали въ виноградники), а тутъ Турецкій рожокъ, трубящій наступленіе; всѣ бросаютъ свои мѣста, рабочіе разбираютъ ружья и вмѣстѣ съ прикрытіемъ отступаютъ въ переднія готовыя траншеи, артилерія открываетъ огонь, и пошла потѣха. Дѣйствительнаго наступленія нѣтъ, а между тѣмъ драгоцѣнное время уходитъ; свѣтаетъ лѣтомъ рано, и приходится изъ недоконченныхъ батарей и траншей выводить рабочихъ столь заблаговременно, чтобы Турки не успѣли нанести имъ серьезныхъ потерь. Шильдеръ какъ-то уснулъ въ одну ночь особенно крѣпко и долго проспалъ; проснулся и только что вздумалъ объѣхать работы какъ увидалъ, что войска возвращаются уже въ лагерь. Разсердился старикъ ужасно, и, не успѣвъ одѣться, вскочилъ на лошадь и въ рубахѣ съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, громко скомандовалъ: «батальоны, на лѣво кругомъ!» и повелъ насъ опять впередъ. Турки со всѣмъ усердіемъ открыли орудійный огонь, а мы прехрабро себѣ маршируемъ и только посматриваемъ по временамъ на почтеннаго нашего старца. Гнѣвъ его однако утихъ, и онъ скоро отпустилъ насъ. А другой разъ случилось такъ. Какъ только разсвѣло, мы съ Небольсинымъ осмотрѣлись и тотчасъ замѣтили, что и батареи и траншеи наши расположены совершенно невѣрно; очевидно было, что мы ошиблись въ

оцѣнкѣ мѣстности. Посовѣщались и порѣшили пойти прямо къ Шильдеру и доложить ему о нашемъ грѣхѣ. Явились къ старику и докладываемъ, что ночь пропала даромъ по нашей винѣ. «И прекрасно!» отвѣчаетъ онъ, «и прекрасно!» Мы развернули планъ и карандашемъ чертимъ, указывая, что чуть не бокомъ къ противнику насыпали батареи.

«И прекрасно, превосходно!» повторяетъ Шильдеръ. А вы думали, что ночныя осадныя работы можно всегда вести безъ ошибки; съ вами случилось, что было со мною подъ Варною и что постоянно бываетъ при всякой осадѣ; успокойтесь, господа, разъ ошиблись, а въ другой разъ поправите; тутъ нѣтъ бѣды никакой».

И мы, успокоенные поплелись домой отдыхать послѣ безсонной ночи.

Князь Горчаковъ очень заботился, чтобы потери наши въ людяхъ были по возможности меньше, и потому намъ, распорядителямъ работъ, приказано было наблюдать, чтобы разстановку по ночамъ прикрытія для работъ и размѣщеніе рабочихъ производить, не произнося команды вслухъ, а всегда тихимъ голосомъ и жестикулируя. Но на солдатъ такой образъ дѣйствій производилъ угнетающее впечатлѣніе.

На другой день къ вечеру, когда мы поджидали въ передней траншеѣ наступленія сумерекъ, чтобы двинуться на работы, пришелъ къ намъ Шильдеръ и тоже замѣтилъ, что соблюдаемая тишина въ траншеяхъ и запрещеніе курить дѣйствуютъ невыгодно на солдатъ; поэтому онъ началъ говорить громко:

— «А что это у васъ никто не куритъ, мнѣ бы хотѣлось закурить сигару; вы, братцы, не бойтесь», обратился онъ къ солдатамъ, «вы только подымите свои ружья, чтобы Турокъ видѣлъ сколько здѣсь штыковъ, тогда онъ будетъ насъ бояться, а вамъ что? Вамъ плевать на него».

Такая рѣчь благодѣтельно подѣйствовала на солдатъ, они видимо повеселѣли.

Прикрытіе и рабочихъ для производства осадныхъ работъ приводили изъ лагеря; выводить ихъ за-свѣтло нельзя было, чтобы не подвергнуть войска обстрѣливанію. Такимъ образомъ солдатъ, идя въ темный вечеръ по мѣстности ему совершенно незнакомой, при обстановкѣ также ему совершенно неизвѣстной, на занятія, которымъ въ мирное время его не обучали, былъ очень нервенъ. Я разставлялъ ихъ въ одну ночь совершенно благополучно; оставалось взять послѣдній взводъ и разставить въ линію съ другими рабочими. Я подошелъ къ взводу и, взявъ одного изъ солдатъ за аммуницію, сказалъ вполголоса: «идите, братцы, за мною». Люди держали ружья «у ноги», и не знаю какимъ образомъ одно изъ ружей вдругъ выстрѣлило. Весь взводъ, какъ по

командѣ, повернулъ налѣво кругомъ, и вмѣсто того, чтобы идти за мною впередъ, побѣжалъ назадъ; я также побѣжалъ за ними и уговаривалъ ихъ опомниться, но мои увѣщанія не дѣйствовали на нихъ, и они продолжали бѣжать къ старымъ траншеямъ, занятымъ траншейнымъ карауломъ. Вдругъ послышался оттуда залпъ, и одинъ или два изъ моихъ бѣглецовъ повалились. Это прискорбная ошибка со стороны траншейнаго караула, который, услыхавъ топотъ цѣлаго взвода, принялъ нашихъ бѣгущихъ людей за Турокъ, наступающихъ на наши траншеи.

Первое Іюля, вечеромъ, Шильдеръ пришелъ на работы къ намъ, т.-е. на правый флангъ осадныхъ работъ, по осмотрѣ коихъ онъ сѣлъ на банкетъ траншеи, опершись на туровую одежду траншеи. Онъ началъ отдавать приказанія для предстоявшихъ работъ, какъ вдругъ разорвало надъ нами гранату, и одинъ изъ ея осколковъ раздробилъ ему правую ногу, уже раненую въ Турецкую войну 1828—1829 годовъ. Его понесли въ землянку и скоро сдѣлали ампутацію.

— «Выбросьте этотъ кусокъ ноги къ Туркамъ, пускай онъ имъ навоняетъ», говорилъ герой Шильдеръ.

На другой день подтянулся къ намъ пароходъ, и мы, глубоко скорбя, простились съ высокоуважаемымъ нашимъ начальникомъ. Шильдера повезли на излеченіе въ Каларашъ. Онъ былъ очень блѣденъ.

На мѣсто Шильдера начальникомъ инженеровъ нашей арміи былъ назначенъ старшій по немъ генералъ Бухмейеръ, который тотчасъ же принялся за организаціонную часть осаднаго дѣла. Послѣдовали назначенія: начальникомъ работъ праваго фланга назначенъ былъ инженеръ-полковникъ Геннерихъ, лѣваго фланга Тотлебенъ, а дежурными по работамъ на правомъ флангѣ я и лейбъ-гвардіи сапернаго батальона Зейме, на лѣвомъ флангѣ—капитанъ Фолькмутъ и капитанъ Кононовъ.

Подступы къ песчанымъ укрѣпленіямъ настолько приблизились, что днемъ приходилось подвигаться впередъ тихою сапою. Мнѣ досталось руководить такою работою; въ головѣ сапы работали саперы, а сзади, для расширенія траншеи, я поставилъ рабочихъ отъ пѣхоты. Ночная смѣна оставила намъ мантилетъ совсѣмъ пустой; между тѣмъ Турки, замѣтивъ нашу работу, открыли по ней стрѣльбу изъ орудій ядрами и гранатами. При такихъ обстоятельствамъ приходилось начинять мантилетъ фашинами; этою работою занимался саперный унтеръ-офицеръ Медвѣдевъ и, несмотря на то, что Турки начали часто попадать снарядами въ самый мантилетъ, Медвѣдевъ велъ свою работу безостановочно и безъ всякой торопливости. Всего за время работы Медвѣдева, въ мантилетъ попало 8 ядеръ; мой молодецъ былъ невредимъ, и справедливость требовала представить его къ Георгіевскому кресту. Но не такъ хо-

роно шли мои дѣла позади сапы, гдѣ были рабочіе отъ пѣхоты. Турки отлично пристрѣлялись по нашимъ работамъ и били насъ немилосердно, такъ что приходилось безпрерывно ходить взадъ и впередъ для возстановленія порядка и для поддержанія въ людяхъ необходимаго спокойствія. Въ эти минуты мнѣ удалось въ первый разъ схватить глазами полетъ непріятельскаго снаряда; мнѣ показался онъ неподвижнымъ, и я мгновенно сдѣлалъ шагъ въ сторону, чѣмъ и избѣжалъ грозившей мнѣ опасности.

Продолжать работу было затруднительно, и я не безъ удовольствія прочелъ присланное мнѣ приказаніе прекратить ее, въ виду большой потери въ людяхъ. Отведя людей въ заднія траншеи, я зашелъ для отдыха въ офицерскій блиндажъ, тутъ же въ траншеяхъ снялъ фуражку и, проведя рукою по лбу, былъ крайне удивленъ, найдя его совершенно мокрымъ и совсѣмъ не горячимъ, а скорѣе холоднымъ. Не было ли это слѣдствіемъ крайне-напряженнаго состоянія нервовъ, а между тѣмъ я ни на минуту не испытывалъ чувства страха и былъ, казалось мнѣ, въ самомъ дѣловомъ настроеніи духа, былъ вполнѣ хозяиномъ своихъ мыслей и дѣйствій. Правда, что мнѣ въ этотъ день въ первый еще разъ довелось бокъ-о-бокъ видѣть столько убитыхъ, разорванныхъ человѣческихъ тѣлъ и столько раненыхъ.

Не знаю, пошли ли бы наши дѣла лучше отъ порядковъ, заведенныхъ Бухмейеромъ, но успѣха въ осадныхъ работахъ очевидно нельзя было ожидать, такъ какъ въ высшихъ сферахъ начались новыя комбинаціи на счетъ общаго плана нашей кампаніи.

Съ отъѣздомъ изъ арміи князя Варшавскаго, князь Горчаковъ рѣшился дѣйствовать съ большею энергіею и положилъ ночью съ 8 на 9 Іюня штурмовать тѣ два укрѣпленія, къ которымъ мы приблизились на правомъ и на лѣвомъ флангѣ осадныхъ работъ. Говорили, что диспозиція для штурма была такъ составлена, что неуспѣхъ былъ невозможенъ; ибо въ этой диспозиціи сказано было, что отбоя не будетъ, и потому всякіе сигналы къ отступленію принимать за обманъ со стороны Турокъ. Мы съ своей стороны распорядились работами по устройству удобныхъ переходовъ черезъ глубокія траншеи какъ для пѣхоты, такъ и для артиллеріи, и ожидали ночи, назначенной для штурма съ величайшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ продолжительныя осадныя работы насъ и утомили и, не давая видимаго результата, надоѣли. По диспозиціи для штурма каждый изъ насъ инженеровъ долженъ былъ идти при какой-нибудь изъ колоннъ, и съ приближеніемъ ночи штурма мы готовились къ дѣлу съ радостію. Началось передвиженіе пѣхотныхъ колоннъ къ нашему инженерному лагерю, и наконецъ проѣхалъ князь Горчаковъ къ первымъ траншеямъ, откуда, по его приказанію, будетъ

данъ сигналъ къ началу штурма. Все это оживленіе производило на меня впечатлѣніе подобное тому, которое я испытывалъ иногда въ ночь Св. Пасхи. Осталось уже нѣсколько минутъ до начала штурма. Князь, забросивъ руки назадъ и заломивъ свою фуражку, по обыкновенію, на затылокъ, прохаживался одинокимъ взадъ и впередъ около сигнальныхъ ракетъ, какъ послышался ускоренный топотъ коня и голосъ сѣдока: «гдѣ князь, гдѣ князь?!» Въ темнотѣ нельзя было разглядѣть, кто это такъ спѣшитъ къ князю, но послѣ мы узнали, что это былъ адъютантъ Паскевича Протасовъ, привезшій приказаніе штурма не предпринимать и готовиться снять осаду Силистріи. Князь былъ видимо пораженъ и недоволенъ привезеннымъ приказаніемъ, а мы были въ полномъ разочарованіи.

Начались распоряженія по снятію осады. Я улучилъ свободный часъ и поскакалъ въ Калараш съ цѣлію навѣстить своего начальника генерала Шильдера. Доѣхавъ до городка, я направился по главной улицѣ и только что задержалъ коня, чтобы спросить у попавшагося на глаза солдата, гдѣ живетъ генер.-адъют. Шильдеръ, какъ мнѣ бросились въ глаза большіе церковные подсвѣчники съ зажженными свѣчами—это и былъ домъ, гдѣ жилъ почтенный герой, скончавшійся утромъ того-же дня. До послѣдней минуты старикъ не переставалъ спрашивать своего адъютанта о ходѣ нашихъ осадныхъ работъ и дѣлать свои замѣчанія. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія и величайшаго уваженія я поклонился праху достойнаго человѣка. Шуринъ его генералъ Дубенскій, которому оторвало ногу при переправѣ черезъ Дунай у Браилова, тоже умеръ.

По снятіи осады Силистріи скоро войска наши были переведены съ праваго берега Дуная на лѣвый, и началось медленное движеніе войскъ къ р. Серету; мы инженеры скучали бездѣйствіемъ.

Я благодарю судьбу, что мнѣ выпалъ такой рѣдкій для Русскихъ инженеровъ случай—принимать участіе въ осадныхъ работахъ противъ крѣпости. Такая наука принесла мнѣ извѣстную опытность въ осадной войнѣ, и я высоко цѣню этотъ опытъ. Почтенный историкъ нашъ М. И. Богдановичъ въ извѣстномъ трудѣ своемъ: «Восточная война 1853—1856 годовъ» далъ весьма лестный для насъ инженеровъ, ближайшихъ помощниковъ генерала Шильдера, отзывъ о посильныхъ трудахъ нашихъ (стр. 67, томъ II) и приложилъ ко II-му тому журналъ осадныхъ дѣйствій противъ крѣпости Силистріи въ 1854 году, изъ каковаго журнала видна и моя дѣятельность при осадѣ.

По снятіи осады Силистріи я оставался въ распоряженіи начальника инженеровъ и съ бывшими моими сослуживцами въ управленіи генералъ-квартирмейстера, съ офицерами генеральнаго штаба, встрѣ-

чался только случайно; занимался же я и проводилъ свободное время въ кругу инженерныхъ офицеровъ.

На одной изъ дневокъ, какія мы имѣли при обратномъ движеніи отъ Дуная, зашелъ ко мнѣ Тотлебенъ проститься, такъ какъ онъ получилъ приказаніе отъ князя отправиться въ Крымъ въ распоряженіе князя Меншикова. Я позавидовалъ такой командировкѣ и высказалъ это Тотлебену, на что онъ отвѣтилъ мнѣ, что еще неизвѣстно какъ понравится князю Меншикову такая командировка и что въ случаѣ если Тотлебенъ признаетъ, что присутствіе его въ Севастополѣ излишне, то онъ имѣетъ отъ князя Горчакова позволеніе вернуться назадъ. Мнѣ жаль было, что командующій войсками не счелъ возможнымъ послать въ Севастополь болѣе какъ одного только Тотлебена; дорогой мнѣ Севастополь рисовался въ моихъ воспоминаніяхъ съ своими бухтами и Чернымъ моремъ такимъ заманчивымъ уголкомъ міра, столь близко мнѣ извѣстнымъ.

Посылая Тотлебена къ князю Меншикову, князь Горчаковъ писалъ: «C'est le meilleur élève de Schilder, actif, intelligent, brave comme son épée, il est entièrement initié aux tours de forces du défunt et a l'avantage de ne pas être fou au trois-quart comme l'était Schilder».

Тотлебенъ уѣхалъ, а мы продолжали, въ сильнѣйшую жару, странствовать по Валахіи.

25 Іюня произошло дѣло подъ Рущукомъ, что̀ сильно обезпокоило князя, и мы потянулись опять къ Дунаю и расположились 1-го Іюля въ Фратешти, но здѣсь, за исключеніемъ одной рекогносцировки, совершенно безцѣльной, ничего не дѣлали, хотя войскъ у насъ было много. Мы посидѣли въ Фратешти дней 10, и рѣшено было опять начать отступленіе. Поздно ночью меня разбудили и позвали къ начальнику инженеровъ.—«Князь приказалъ», объявилъ мнѣ Бухмейеръ, «ѣхать вамъ немедленно къ такому-то пункту; завтра начнется общее отступленіе войскъ, средняя колонна пойдетъ по большой дорогѣ, а правая по параллельной къ ней проселочной дорогѣ; но на этой послѣдней дорогѣ находится широкая и глубокая долина, дно которой болотистое, протекающая же по болоту рѣчка глубокая и довольно быстрая и съ топкимъ дномъ; уже два дня, какъ я послалъ туда саперную роту и много фашинъ и туровъ. Должно быть, дорога уже проходима; но князь опасается, что Турки будутъ преслѣдовать насъ и, въ случаѣ затруднительности переправы чрезъ болотистую долину, могутъ насѣсть на нашу правую колонну и нанести большія потери. Возьмите казака и поѣзжайте туда верхомъ, поторопите саперъ и дайте имъ необходимыя указанія».

Я отправился немедленно къ указанному пункту, но это было довольно далеко, верстъ 15 отъ Фратешти. Ночь была изъ самыхъ темныхъ, и только къ разсвѣту я началъ спускаться въ лощину. Найдя, что проѣздъ артиллеріи и войсковыхъ тяжестей по дорогѣ чрезъ топкія мѣста невозможенъ, я взялъ въ сторону отъ дороги и долго искалъ мѣстъ болѣе проходимыхъ, а затѣмъ направился отыскивать саперную роту. Былъ уже 7-ой или 8-ой часъ дня, а командиръ роты и его субалтернъ-офицеръ спокойно и преблагодушно сидѣли у самоварщика и нимало не заботились, что часа черезъ два подойдутъ войска и начальникъ колонны потребуетъ переправы. Между тѣмъ для постройки моста на рѣчкѣ были только срублены деревья и брошены на мѣстѣ въ лѣсу, въ разстояніи довольно дальнемъ отъ рѣки. Мнѣ пришлось употребить всю энергію, чтобы разбудить безпечныхъ строителей; я притянулъ къ работамъ баталіонъ пѣхоты и мало по малу всѣхъ заставилъ пошевелиться. Мостъ далеко не былъ еще конченъ; можно сказать, что на мѣстѣ моста не было еще ни одного бруса, когда ко мнѣ подъѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что войска подошли, и начальникъ отряда требуетъ меня къ себѣ. Часа черезъ три мостъ былъ кое-какъ устроенъ, и я приказалъ близь-стоявшимъ обозамъ начать переправу, а затѣмъ сообщилъ начальнику отряда, что мостъ готовъ. Я не довѣрялъ устойчивости моста и переправою обоза хотѣлъ убѣдиться въ надежности его; но саперные офицеры, кажется, справедливо говорили мнѣ, что для устойчивости моста было-бы выгоднѣе пустить по немъ сперва пѣхоту, которая ровномѣрнѣе-бы осадила мостъ. Подъ давленіемъ переправлявшихся войскъ мостъ быстро садился въ воду, и скоро настилъ моста былъ въ водѣ, такъ что мы вынуждены были часто останавливать движеніе и наваливать на мостъ соломы, которая въ большихъ стогахъ, слава Богу, находилась близъ переправы. Долго и мучительно для меня тянулась переправа, весь день я не имѣлъ возможности проглотить хотя-бы кусокъ хлѣба, поэтому былъ измученъ и физически, и нравственно до крайности. Какъ только окончилась къ вечеру переправа отряда, я сѣлъ на коня и поѣхалъ искать пріюта на ночь, на большую дорогу, по которой двигалась главная колонна и, по всей вѣроятности, думалъ я, главная квартира арміи. Первыя войска, на которыя я наткнулся поздно вечеромъ, были войска генер. Соймонова, и я отправился къ нему, хотя и не былъ знакомъ съ нимъ; онъ принялъ меня любезно, накормилъ и уложилъ спать.

Затѣмъ опять движеніе и дневки, и скука отъ бездѣйствія и занятій. Въ концѣ только Іюля мнѣ снова дано порученіе отправиться впередъ и на случай близкаго преслѣдованія насъ Турками построить

укрѣпленія въ головѣ моста черезъ р. Серетъ, на правомъ ея берегу у с. Немолосы, что̀ заняло меня дней десять.

4 Сентября 1854 г. я переправился черезъ р. Прутъ у м. Скулянъ и снова водворился въ Кишиневѣ.

Въ Сентябрѣ я командированъ былъ княземъ въ г. Ольвіополь для составленія проекта предмостныхъ укрѣпленій на берегу Буга, а въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ я находился въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и производилъ обширныя работы по устройству предмостнаго укрѣпленія и переправы черезъ Днѣстръ. Я окончилъ работы поздно, когда на Днѣстрѣ шелъ сильный ледъ, и только съ большимъ трудомъ и опасностью я могъ перебраться черезъ рѣку, чтобы ѣхать въ Кишиневъ. Дорога черезъ Оргѣевскій лѣсъ была не лучше переправы черезъ Днѣстръ, бока мои были избиты, и двадцать разъ я былъ въ опасности выкупаться въ замерзающей грязи; всю ночь я употребилъ, чтобы протащиться одну только станцію.

Впрочемъ мнѣ не суждено было отдыхать въ Кишиневѣ. Вскорѣ, по возвращеніи изъ Могилева на Днѣстрѣ меня позвали къ князю, и онъ объяснилъ мнѣ, что князь Меншиковъ проситъ его озаботиться устройствомъ у Перекопа на перешейкѣ такого укрѣпленія, которое могло бы доставить укрыті транспортамъ, идущимъ въ Севастополь, на случай появленія непріятельской кавалеріи. «Мнѣ-бы хотѣлось», прибавилъ князь, и въ этомъ случаѣ помочь Меншикову. «Я приказалъ выдать вамъ деньги на покупку матеріаловъ и отправить въ Перекопъ рабочій инструментъ; пока онъ дотянется до мѣста, вы будете имѣть время составить проектъ и съѣздить въ Севастополь представить его князю Меншикову».

Нечего и говорить, что я отъ радости не вышелъ, а выскочилъ изъ кабинета Горчакова; наконецъ-то дорогой мой Севастополь и Черное море увижу я васъ! Я быстро собрался, сдѣлалъ необходимые визиты и на перекладной отправился въ Перекопъ. Проѣздомъ черезъ Николаевъ я остановился тамъ на два часа, чтобы навѣстить моихъ Севастопольскихъ друзей Арт. Ром. и Александру Петровну Мейнардъ и ея брата инженернаго полковника Матвѣева, а въ Херсонѣ я посѣтилъ Страдецкихъ (отецъ и двѣ дочери; отецъ прежде служилъ помощникомъ почтмейстера въ Каменецъ-Подольскѣ, когда мой отецъ былъ тамъ почтмейстеромъ; въ Херсонѣ онъ былъ уже вдовцомъ, такъ же какъ и старшая его дочь была вдовою, а младшая дочь была дѣвицею 16—17 лѣтъ).

Пріѣхавъ въ Перекопъ, явился я къ старшему военному начальнику г.-м. Богушевскому и познакомился при этомъ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Герштенцвейгомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ осматрива-

ли старую крѣпость XVIII вѣка, давно заброшенную. Герштенцвейгъ находился въ Перекопѣ проѣздомъ въ Севастополь, куда въ то время ѣздили и другіе флигель-адъютанты, какъ Альбединскій, Петръ Шуваловъ и пр.

Въ Перекопѣ мѣстность имѣетъ видъ степи, повсюду гладкой, безлѣсной и безжизненной; въ городѣ всего одна улица маленькихъ бѣдныхъ домовъ. Самыя большія и лучшія постройки были казенныя, соляного вѣдомства и въ то время были заняты госпиталемъ, въ которомъ насчитывалось до 6 т. человѣкъ раненыхъ и больныхъ.

По составленіи небольшаго проекта укрѣпленій, которыя я считалъ достаточными для поставленнаго имъ назначенія, я, согласно приказанія кн. Горчакова, отправился въ половинѣ Декабря мѣсяца 1854 г. въ Севастополь къ князю Меншикову.

Снѣга конечно не было, но земля была замерзши; я поѣхалъ на почтовыхъ въ телѣгѣ, и вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на тогдашніе способы сообщенія съ Севастополемъ. Въ особенности всѣ ужасы сообщенія рисовались яркими красками на пространствѣ между Симферополемъ и Севастополемъ. Пріѣзжаешь на станцію, и станціонный смотритель, если онъ еще въ живыхъ, не хочетъ и смотрѣть на курьерскую подорожную и въ отвѣтъ на требованіе лошадей ничего почти не отвѣчаетъ и исчезаетъ куда-то съ глазъ проѣзжающаго. Иду въ ямщицкую, и тамъ страшная картина: по избѣ на лавкахъ и подъ ними валяются трупы ямщиковъ, погибшихъ отъ тифа и два-три человѣка пока еще въ живыхъ еле ворочаются въ предсмертныхъ судорогахъ. Я заглянулъ на дворъ и въ конюшни, и тамъ такая же картина смерти: трупы лошадей, околѣвшихъ отъ безкормицы, валяются не убранными. Никто и не думалъ объ уборкѣ павшихъ лошадей; онѣ валяются на самой дорогѣ и если приходилось, что повозка одною стороною сильно поднимается, то навѣрное оттого, что, погрузившись на половину въ грязь, вслѣдъ затѣмъ замерзшую, на дорогѣ лежитъ трупъ лошади съ раздутымъ брюхомъ, черезъ которое и проходитъ колесо вашей перекладной.

О томъ, чтобы согрѣться въ комнатѣ станціоннаго дома и поѣсть чего нибудь, нечего было и думать; топить нечѣмъ, и для накормленія проѣзжающаго никого и ничего нѣтъ въ домѣ; проѣзжіе офицеры и военные врачи, по мѣрѣ прибытія на станцію, занимаютъ, кто гдѣ можетъ, уголокъ на полу, складываетъ свои чемоданы, ящики и пожитки такъ, чтобы можно было посидѣть и полежать на нихъ. Вхожу я на одну станцію и вижу всю комнату наполненную проѣзжающими; одинъ изъ нихъ, усѣвшись низко на своемъ чемоданчикѣ, бреется передъ складнымъ зеркальцемъ установленнымъ на другомъ чемоданѣ, тогда

какъ другой проѣзжающій сидитъ передъ самоварчикомъ, а деньщикъ его отрѣзываетъ ему кусокъ черстваго хлѣба изъ своей краюхи.

Что, спрашиваю, нѣтъ лошадей?—Да вотъ смотритель сегодня говорилъ, что вскорѣ прибудутъ лошади, которыхъ выслали на весь трактъ изъ Россіи, отвѣчаетъ мнѣ одинъ изъ сидящихъ.

— Все онъ вретъ, подлецъ, возражаетъ другой; посудите, капитанъ, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ офицеръ, какъ тутъ присылать лошадей на весь трактъ, когда на всемъ полуостровѣ нѣтъ ни клочка сѣна. Если бы и вздумали подвозить въ такую бездорожицу сѣно, то эти самыя лошади и сожрали бы подвозимое ими сѣно.

Дѣлать было нечего, и я долженъ былъ, спрятавъ свою курьерскую подорожную, расположиться съ своими пожитками какъ позволяло мѣсто и коротать дни какъ пришлось. Послѣ двухъ или трехъ дней самаго томительнаго ожиданія мы увидали станціоннаго смотрителя, который объявилъ, что на станцію доставлена пара верблюдовъ, которыхъ запрягаютъ въ одну длиннѣйшую телѣгу (бока безъ драбинъ), на которой онъ надѣется отправить всѣхъ насъ. Мы положили помѣстить въ телѣгу всѣ наши чемоданы и если-бы нельзя было усѣсться всѣмъ намъ, то будемъ садиться по очереди, а остальные пойдутъ пѣшкомъ.

Весь переѣздъ изъ Перекопа въ Севастополь всего съ небольшимъ 200 верстъ, которыя я наконецъ одолѣлъ. За 30 верстъ отъ Севастополя я слышалъ выстрѣлы, которые только увеличивали мое нетерпѣніе скорѣе увидать обѣтованную мою землю. Пріѣхавъ на Сѣверную сторону Севастополя, которую я зналъ, кажется, какъ свои пять пальцевъ, я былъ удивленъ, что не узнаю окрестностей Сѣвернаго укрѣпленія; былъ уже совершенно темный вечеръ, и я не могъ разсмотрѣть, что̀ это за новыя для меня постройки, изъ которыхъ свѣтятся огоньки; мнѣ казалось, что это были землянки.

Подъѣхавъ къ пристани, я, какъ старый уже Севастополецъ, скоро нанялъ себѣ яликъ и спокойно усѣлся, чтобы переплыть рейдъ и подъѣхать къ Графской пристани. Проѣзжая мимо нашихъ двухъ и трехъдечныхъ кораблей, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на старыхъ своихъ знакомыхъ; на Графской пристани я распросилъ гдѣ живетъ инженеръ Бородатовъ и, нанявъ для вещей носильщиковъ, направился по Екатерининской улицѣ къ дому, котораго при мнѣ не было. Это былъ новый 2-хъ этажный каменный домъ съ разбитымъ ядрами угломъ, ярко освѣщенный въ бель-этажѣ. Я нашелъ дома не только Мартына Михаиловича, но тутъ были также Ип. Матв. Дебу̀ и еще 3—4 хорошихъ моихъ знакомыхъ. Трудно выразить изумленіе хозяевъ увидѣвшихъ меня такъ неожиданно и наше обоюдное удовольствіе сви-

дѣться послѣ двухъ лѣтъ разлуки. Разспросамъ и разсказамъ не было конца; долго мы не могли успокоиться и часто говорили всѣ вмѣстѣ.

На другой день я отправился на Сѣверную сторону къ князю Меншикову, который, выслушавъ мой докладъ, поручилъ мнѣ нарисовать на почтовомъ листѣ бумаги проектированныя мною на Перекопскомъ перешейкѣ укрѣпленія.

Отъ князя я зашелъ въ его штабъ и здѣсь встрѣтилъ знакомаго мнѣ по службѣ на Дунаѣ генерала Семякина, который былъ при князѣ Меншиковѣ въ родѣ начальника его штаба. Я объяснилъ ему въ чемъ дѣло и просилъ дать мнѣ топографа начертить на почтовомъ листѣ мой проектъ.

— Боже васъ сохрани, чертить проектъ и притомъ въ масштабѣ: князь будетъ недоволенъ. Нарисуйте отъ руки и чѣмъ будетъ сдѣлано хуже, т. е. чѣмъ неразборчивѣе вы начертите, тѣмъ лучше; если сдѣлаете такъ, что въ Петербургѣ ничего бы не поняли, то это будетъ самое лучшее.

Я уже слышалъ и прежде, что князя Меншикова крайне стѣсняло постоянное стремленіе Государя входить во всѣ подробности каждаго дѣла и подавать личные свои мнѣнія и совѣты, практически не осуществимые, и потому послѣдовалъ въ точности совѣту Семякина и самъ набросалъ перомъ свое предположеніе. Когда я пришелъ къ князю, то онъ пристально посмотрѣлъ на рисунокъ, изъ котораго дѣйствительно ничего нельзя было понять, потомъ взглянулъ на меня. Я стоялъ передъ нимъ нѣмъ, съ выраженіемъ человѣка, глубоко старавшагося сдѣлать порученное ему дѣло наилучшимъ образомъ. Еще разъ князь посмотрѣлъ на рисунокъ и сказалъ: «Очень, очень хорошо, я весьма вамъ благодаренъ; вотъ на этомъ же листѣ бумаги я и напишу Его Величеству свои соображенія по укрѣпленію Перекопскаго перешейка».

Я откланялся и поѣхалъ въ городъ къ Тотлебену, который принялъ меня съ большимъ радушіемъ и много разсказывалъ о своихъ первыхъ шагахъ въ Севастополѣ. Меншиковъ принялъ его совершенно равнодушно, ни разу не призывалъ его къ себѣ и не давалъ ему никакихъ порученій, такъ что Тотлебенъ долгое время блуждалъ по Севастополю безъ всякихъ занятій, ни съ кѣмъ незнакомый, ни съ мѣстнымъ, сухопутнымъ инженернымъ вѣдомствомъ, ни съ начальствомъ морскимъ.

Военно-инженерное вѣдомство, которое состояло изъ крѣпостнаго инженернаго управленія и управленія строителя Севастопольскихъ укрѣпленій, ничего не дѣлало въ виду надвигавшейся военной грозы. Эти инженерныя управленія, подчиненныя инженерному департаменту, продолжали свою обычную дѣятельность мирнаго времени, составляли

разные проекты, не имѣющіе ничего общаго съ предстоявшею Севастополю осадою, писали смѣты и отчеты и ухомъ не вели по части устройства укрѣпленій кругомъ города.

Князь Меншиковъ, который понималъ, что десантъ Англо-Французскихъ войскъ въ Крымъ, а слѣдовательно и атака на Севастополь возможны, помышлялъ иногда, что недурно было бы имѣть кругомъ города оборонительную ограду. Въ письмѣ къ военному министру князю Долгорукову Меншиковъ писалъ: «La Crimée est maintenant le point essentiel, c'est là que doit se décider la question de notre influence dans l'Orient. Pensez-y, cher prince, et rappelez vous du vieil adage qui dit que le ciel est du côté des gros bataillons».

Князь имѣлъ привычку прогуливаться верхомъ по окрестностямъ города. Ловкій начальникъ инженернаго управленія морской строительной части подполковникъ Старченковъ тоже любилъ ѣздить верхомъ и распорядился такъ, чтобы встрѣчаться съ княземъ, который заговорилъ съ Старченковымъ, и заговорилъ именно о томъ, что слѣдовало бы понемногу устраивать кругъ города ограду, которая могла бы принести пользу для отраженія открытаго непріятельскаго нападенія. Старченковъ, никогда не занимавшійся постройкою укрѣпленій и не имѣющій ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ, вызвался руководить осуществленіемъ мыслей по сему дѣлу князя Меншикова.

Тотлебенъ, между тѣмъ, расхаживалъ и ѣздилъ по окраинамъ города и смотрѣлъ на ребяческія затѣи устройства каменныхъ стѣнокъ изъ мѣстнаго камня на глинѣ и которыя вооружали маленькими каронадами. Тотлебену приходила даже мысль воспользоваться разрѣшеніемъ князя Горчакова и вернуться къ нему.

Такъ тянулось дѣло до обѣда, даннаго на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ» адмираломъ Корниловымъ, къ которому въ числѣ приглашенныхъ явился и Тотлебенъ. Ему пришлось сидѣть противъ начальника 17-ой пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Кирьякова, съ которымъ онъ и разговорился. Мало-по-малу разговоръ перешелъ на вопросъ о возможности столкновенія съ Англо-Французскими войсками. Кирьяковъ послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина началъ говорить громко и въ пылу бесѣды сказалъ Тотлебену:

— «Да что вы говорите, вы въ дѣлахъ не бывали!»

— «Ошибаетесь, ваше пре-ство», отвѣчалъ ему Тотлебенъ, «я служилъ на Кавказѣ и участвовалъ во многихъ дѣлахъ, да и теперь я только что пріѣхалъ изъ подъ Силистріи».

—«Да все вздоръ, продолжалъ Кирьяковъ, «пуля дура, штыкъ молодецъ» *).

*) „Пуля дура, штыкъ молодецъ"—такъ встрѣчали наши Николаевскіе генералы

—«Нѣтъ, этого нельзя сказать, теперь при новомъ ружьѣ; за такія заблужденія можно дорого поплатиться», настаивалъ Тотлебенъ. Спорить спокойно онъ не могъ и конечно, въ разговорѣ съ Кирьяковымъ позволилъ себѣ зайти за предѣлы приличія, и потому послѣ стола, подойдя къ хозяину, извинился за свой слишкомъ громкій разговоръ.

Въ отвѣтъ на это Корниловъ сказалъ ему:—«Напротивъ, я съ большимъ интересомъ прислушивался къ вашему разговору; я вижу, что вы лучше насъ понимаете военное дѣло и прошу зайти ко мнѣ на этихъ же дняхъ; мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами».

Черезъ день-два Тотлебенъ былъ у Корнилова и послѣ недолгаго разговора о необходимости укрѣпить Севастополь съ сухого пути, Корниловъ поручилъ Тотлебену составить соображеніе о рабочихъ для ежедневнаго наряда и количества потребнаго инструмента. Послѣдній былъ тотчасъ же отпущенъ изъ адмиралтейства, и работы на южной сторонѣ Севастопольскаго рейда начались въ концѣ Августа 1854 года.

Но какъ только обнаружилось, что 1-го Сентября Англо-Французская эскадра подошла къ Евпаторіи, и на другой день десантныя войска начали высаживаться на берегъ, дѣятельность Тотлебена была перенесена съ Южной стороны на Сѣверную сторону Севастополя.

Я разсказываю со словъ Тотлебена, который передавалъ мнѣ все это, когда я заходилъ къ нему во время зимняго своего пріѣзда въ Севастополь. Онъ говорилъ также, что когда непріятель перешелъ съ Сѣверной стороны на Южную, а войска Меншикова отошли къ Бахчисараю, то Тотлебенъ, просыпаясь утромъ, спрашивалъ самъ себя, что «мы въ плѣну уже или еще свободны?» Такимъ безнадежнымъ казалось ему тогда положеніе Севастополя.

новое, нарѣзное ружье, радикально измѣнившее тактику пѣхотнаго боя. При этомъ мнѣ вспоминается также, какъ недовѣрчиво встрѣчали наши моряки слухи о появленіи военныхъ судовъ. Въ Черноморскомъ флотѣ появились два парохода: „Громоносецъ“ и еще другой; талантливый лейтенантъ Поповъ, предусматривая коренное преобразованіе флота, перешелъ на службу на пароходъ и когда послѣ того встрѣтился съ знаменитымъ адмираломъ Нахимовымъ, то услыхалъ отъ него слѣдующую фразу: „Какъ вамъ не стыдно-съ служить на самоварѣ-съ?“

Сюда напрашивается и одно еще сказаніе. Будучи комендантомъ Новогеоргіевской крѣпости, я получалъ зачастую донесенія отъ командировъ фортовъ, что по вечерамъ ими наблюдается высоко надъ головами свѣтлое пятно, выше котораго удается иногда усмотрѣть овальную форму воздушнаго шара. Аэростатъ опускается или поднимается вполнѣ какъ бы аэростатъ управляемый. Появляется онъ со стороны Германіи и туда не возвращается. Я сообщилъ командующему войсками ген.-адъют. Гурко о таковомъ явленіи и получилъ отъ начальника окружнаго штаба г.-м. Пузыревскаго отвѣтъ, что его превосходительство не придаетъ этимъ явленіямъ никакого значенія, что по всей вѣроятности это явленіе есть космическое. Поживемъ—увидимъ; можетъ быть, приведенный отвѣтъ окажется чѣмъ нибудь въ родѣ Кирьяковскаго отвѣта.

Въ эту бытность въ Севастополѣ я посѣтилъ, находившійся въ наибольшей опасности 4-ый бастіонъ и осмотрѣлъ тамъ также контръмины, въ которыхъ работалъ и жилъ кротъ Мельниковъ.

Повидался я также и съ инженерными офицерами, съ моими товарищами и съ знакомыми. О Тотлебенѣ они отзывались какъ о человѣкѣ крайне неровномъ въ обращеніи и нервномъ; большинство говорило, что онъ пристрастенъ и охотнѣе приближаетъ къ себѣ Нѣмцевъ, къ которымъ несравненно снисходительнѣе чѣмъ къ Русскимъ. Одинъ изъ саперныхъ офицеровъ весьма рельефно описалъ мнѣ одну сцену съ натуры. Командиръ роты 4-го сапернаго батальона, капитанъ Тонагель докладывалъ Тотлебену о ходѣ порученныхъ ему работъ на одномъ изъ бастіоновъ оборонительной линіи и въ концѣ доклада сказалъ, что одинъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ не имѣетъ достаточной силы воли преодолѣть страха передъ непріятельскими снарядами и оттого ведетъ свою работу очень вяло. Тонагель не сказалъ этого прямо, а началъ издалека въ видѣ вопроса:

«А что вы сказали бы, Эдуардъ Ивановичъ, про офицера, который кланяется каждой штуцерной пулѣ?» Тотлебенъ высказалъ строгое неудовольствіе, Тонагель же продолжалъ: «А что̀ сказать про офицера, который изъ трусости спѣшитъ скорѣе окончить порученную ему работу и оттого исполняетъ ее плохо?» «О, это негодяй, а не офицеръ!» воскликнулъ съ горячностью Тотлебенъ, «скажите мнѣ его фамилію, я тотчасъ же прогоню такого труса». Тонагель называетъ фамилію одного Нѣмца, и грозныя черты лица Тотлебена мгновенно исчезаютъ—«Aber, mein lieber Tonagel, dieser junge Offizier ist ein so angenehmer Mann!»

Захотѣлось мнѣ въ бытность мою въ Севастополѣ повидать также и бывшаго моего начальника, строителя Севастопольскихъ укрѣпленій инженера генералъ-лейтенанта П. М. Павловскаго, столь смиренно отступившаго отъ прямыхъ своихъ обязанностей, какъ старшаго инженернаго офицера, руководить инженерными работами при оборонѣ Севастополя. Я думаю, что если бы кто спросилъ его объ этомъ, то онъ отвѣчалъ бы, что по сему предмету онъ не имѣетъ предписанія отъ инженернаго департамента; а было бы интересно взглянуть на его довольно корпулентную фигурку, сидящую на конѣ. Генерала Павловскаго я не нашелъ въ томъ домѣ, который онъ всегда занималъ, а отыскалъ его скромно поселившимся въ одномъ изъ казематовъ нижняго этажа Николаевской батареи; немного тѣсно, но за то безопасно, а для его превосходительства это самое важное. Съ Павловскимъ я бесѣдовалъ недолго и ничего интереснаго не вынесъ изъ этого свиданія.

Видѣть другого своего бывшаго начальника инженеръ-полковника Герцыка мнѣ не хотѣлось: слишкомъ противно было смотѣть на людей, своевольно отказавшихся отъ лучшей обязанности военнаго инженера участвовать въ оборонѣ крѣпости.

При одномъ изъ свиданій моихъ съ Тотлебеномъ, онъ предложилъ мнѣ мѣсто старшаго инженера на Малаховомъ курганѣ, съ тѣмъ, что онъ попроситъ князя Меншикова послать въ Перекопъ на мое мѣсто офицера, который въ то время завѣдывалъ работами на курганѣ, но Тотлебенъ былъ недоволенъ имъ. Я изъявилъ совершенное согласіе, и Тотлебенъ подалъ о томъ докладную записку начальнику Севастопольскаго гарнизона генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену (впослѣдствіи графъ). Баронъ отнесся съ такою же просьбою къ князю Меншикову, который остался очень недоволенъ мною. «Я твердо постановилъ, сказалъ князь, не ссориться съ Дмитріемъ Ерофѣичемъ и для того, до сего времени, исполнялъ всѣ его желанія; но въ этомъ случаѣ я не могу удовлетворить его просьбы; князь Горчаковъ столько мнѣ сдѣлалъ, оказалъ такое содѣйствіе и посылкою войскъ и разныхъ лицъ; я просилъ его наконецъ заняться укрѣпленіемъ Перекопскаго перешейка, и онъ командировалъ для этого капитана Хлѣбникова, единственнаго инженернаго офицера, какъ онъ пишетъ мнѣ, находящагося въ его распоряженіи, а я буду, въ благодарность, подмѣнивать этого офицера другимъ. Нельзя-ли поскорѣе отправить этого Хлѣбникова въ Перекопъ, хотя-бы верхомъ, чрезъ казачьи посты, чтобы онъ мнѣ не мутилъ моихъ отношеній барону Остенъ-Сакену».

Такой отвѣтъ князя передалъ мнѣ генералъ Семякинъ. Дѣлать было нечего, надо было отправляться въ Перекопъ, я и не воображалъ тогда, что горячее желаніе мое быть на одномъ изъ бойкихъ бастіоновъ осуществится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самымъ наилучшимъ образомъ, что я буду старшимъ инженеромъ на томъ же Малаховомъ курганѣ, но въ самую тяжкую для него пору, въ послѣдній періодъ обороны, когда на курганъ надвинулись самыя сильныя батареи Французской атаки.

Соображая все мною видѣнное въ Севастополѣ и слышанное относительно осады и обороны, я подумалъ еще разъ, какую громадную пользу Севастополю оказалъ князь Горчаковъ, командировавъ въ распоряженіе кн. Меншикова подп. Тотлебена.

Здѣсь надо сказать, что по основаніи въ Россіи Главнаго Инженернаго Училища, подъ покровительствомъ Императора Николая, любившаго инженерное дѣло, въ Инженерномъ Корпусѣ начали формироваться опытные саперные офицеры, благодаря постояннымъ практическимъ занятіямъ по осадѣ и оборонѣ крѣпости. Эта часть военнаго дѣла такъ основательно развивалась, что, по мнѣнію судей компетентныхъ,

саперное дѣло стояло у насъ далеко впереди по сравненію этой же спеціальности въ другихъ государствахъ.

Выше приведено было свѣдѣніе о службѣ Э. И. Тотлебена, изъ коего видно, что между всѣми саперными офицерами, онъ былъ выдающійся офицеръ.

По пріѣздѣ его въ Севастополь, кн. Меншиковъ не обратилъ однако на него особеннаго вниманія и не подумалъ воспользоваться знаніемъ и опытностію въ военно-инженерномъ дѣлѣ для подготовленія обороны Севастополя. Къ счастію нашему выдающимся дѣятелемъ въ Севастополѣ оказался умный и энергичный ген.-адьют. Корниловъ, который съ первыхъ же словъ Тотлебена съумѣлъ оцѣнить его и предоставилъ ему полную свободу и возможность работать по возведенію кругомъ Севастополя бастіоновъ и батарей.

Въ первые же мѣсяцы осадныхъ работъ союзники, безъ сомнѣнія, поняли, что руководителемъ обороны состоитъ человѣкъ неизмѣримо выше ихъ по своимъ знаніямъ крѣпостной войны.

Не съ разу и сталъ Тотлебенъ полновластнымъ руководителемъ обороны; при его характерѣ, не терпящемъ никакихъ возраженій, дѣло не обошлось, конечно, безъ столкновенія съ моряками, но тутъ выступилъ на сцену незабвенный адмиралъ Нахимовъ. Разобравъ въ чемъ дѣло, Павелъ Степановичъ пришелъ къ Тотлебену и сказалъ: «Эдуардъ-съ Ивановичъ! Мы ничего не понимаемъ въ вашемъ дѣлѣ, скажите-съ мнѣ что нужно дѣлать, и я передамъ своимъ-съ». Такъ мало по малу все и устроилось.

Справедливо пословица говоритъ, что одинъ въ полѣ не воинъ; такъ и въ дѣлѣ инженерномъ, которое предстояло совершить Тотлебену. Несмотря на поддержку Корнилова и Нахимова, одинъ Тотлебенъ не могъ бы сдѣлать многаго, но къ счастію его въ Севастополь прибыли молодые инженерные офицеры, какъ Ватовскій, Дельсаль, Берхъ, Рербергъ, Старицкій, Орда, Зигернъ-Корнъ и другіе; нѣкоторые совсѣмъ юные, неокончившіе еще полнаго курса въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, изъ нижняго офицерскаго класса, что̀ нынѣ есть Инженерная Академія. Вотъ эта-то молодежь, неустрашимая и неутомимая, совмѣстно съ нѣсколькими выдающимися по своей спеціальности саперными офицерами, и дали толчокъ, двинули, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, оборонительныя работы.

Я выѣхалъ изъ Севастополя въ Перекопъ 13 Января 1855 г. Если тяжело было проѣхать мѣсяцъ тому назадъ изъ Перекопа въ Севастополь, то обратный путь пришелся для меня въ десять разъ хуже.

На другія сутки ѣзды я пріѣхалъ къ вечеру на станцію Спатъ. Комната для проѣзжающихъ была заперта въ ожиданіи проѣзда Ихъ

Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, которые по случаю болѣзни Государыни Императрицы ѣздили въ Петербургъ и теперь возвращались оттуда въ Севастополь. Мнѣ указали другую комнату, vis-à-vis, предоставленную для проѣзжающихъ, обыкновенныхъ смертныхъ. Она освѣщалась одною сальною свѣчею, криво вставленною въ какой-то импровизированный подсвѣчникъ; на столѣ стоялъ кипящій самоваръ, а за нимъ, при тускломъ освѣщеніи, едва очерчивалась почтенныхъ лѣтъ фигура армейскаго капитана, находившагося уже подъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ на второмъ взводѣ. Я воспользовался готовымъ самоваромъ и заварилъ себѣ чаю. Черезъ нѣсколько минутъ послышался звонкій топотъ по замерзшей землѣ скакавшихъ лошадей; перекладная остановилась у подъѣзда почтовой станціи, и прибывшій курьеръ громко закричалъ: «Ихъ Императорскія Высочества ѣдутъ!»

Не прошло и нѣсколько минутъ, какъ къ станціи подкатили 2—3 экипажа. Наша комната наполнилась лакеями, приносившими изъ экипажей важи; лакеи ловко и скоро снярядили подносы съ чайнымъ приборомъ и въ довольно элегантномъ видѣ понесли къ Ихъ Высочествамъ.

Въ ожиданіи своей судьбы я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, одѣтый въ солдатской шинелѣ, подбитой овчиною и съ фуражкою на головѣ, такъ какъ въ комнатѣ было холодно. Къ намъ вошелъ Великій Князь Николай Николаевичъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Кто вы такой?» Я отвѣтилъ ему, что инженеръ-капитанъ такой-то. Великій князь разспросилъ меня по какой надобности и куда ѣду, а затѣмъ прибавилъ, что въ ихъ комнатѣ очень холодно и что онъ пришелъ посмотрѣть не теплѣе-ли у насъ, такъ какъ великаго князя Михаила Николаевича знобитъ. Я отвѣчалъ, что въ нашей комнатѣ холодно, какъ будто-бы ея никогда и не топили, и этимъ разговоромъ окончилось мое первое личное знакомство съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. У насъ отобрали самоваръ и понесли въ комнату великихъ князей въ качествѣ переносной печи для согрѣванія комнаты.

Ко мнѣ подошелъ станціонный смотритель объявилъ неожиданную новость—лошади готовы. Я съ радостію кинулся къ подъѣзду, но здѣсь мнѣ сказали, что мой возница на дворѣ; иду туда и, о удивленіе, вмѣсто обычной перекладной телѣги, вещи мои нагромождены въ ящикѣ, установленномъ на одной оси. Съ разными подталкиваніями взлѣзли я на эту гору и мой ямщикъ, Крымскій Татаринъ, ни слова не понимавшій по-русски. Было уже совсѣмъ темно. Мы отправились въ путь и потащились потихоньку на парѣ лошадокъ. Я старался укрыться отъ холоднаго, пронизывающаго насквозь, вѣтра и если можно уснуть. Дорога наша была гладкая степь, во всѣ стороны ровная площадь, нигдѣ

ни растительности, ни деревень, никакого жилья; одинъ только бурьянъ, сорванный сильнымъ вѣтромъ, несло по землѣ. Я не уснулъ, но былъ кажется въ забытьи, когда быстро очутился на землѣ, равно какъ и мой Татаринъ и всѣ мои чемоданы. Опомнившись отъ такого сюрприза, я разсмотрѣлъ, что причиною «инцидента» былъ совершенный переломъ единой оси. Далеко-ли до станціи или до какого либо жилья, я ничего не могъ добиться отъ Татарина, который ворчалъ непонятныя мнѣ слова. Дѣлать было нечего; мы кое-какъ уложили чемоданы обратно въ ящикъ и поплелись пѣшкомъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ и съ безпокойствомъ, совершенно понятнымъ, я искалъ верстоваго столба, чтобы узнать свою судьбу. Долго мы шли; въ тулупѣ, покрытомъ солдатскимъ сукномъ, мнѣ было тяжело идти, мнѣ было жарко, весь я былъ въ испаринѣ, но я не рѣшался разстегнуться въ виду сильнѣйшаго холоднаго вѣтра. Замѣтилъ я наконецъ верстовой столбъ и съ большимъ безпокойствомъ подошелъ къ нему и къ ужасу своему прочиталъ явственно, что проѣхали 5 верстъ и остается до слѣдующей станціи Орта-Абламъ 20 верстъ. Я хотѣлъ было вернуться назадъ, но было жаль возвращаться: я надѣялся, что черезъ 2—3 версты найду хотя какую-нибудь саклю, чтобы переночевать. Мы долго шли, я изнывалъ отъ усталости, по временамъ думалъ, что если-бы хоть какой нибудь непріятельскій кавалерійскій разъѣздъ захватилъ меня, все было-бы лучше, чѣмъ страдать такъ, какъ я страдалъ. Наконецъ слышу вдали движеніе обоза, по мѣрѣ приближенія котораго выяснилось, что обозъ идетъ намъ на-встрѣчу, но далеко въ сторонѣ отъ нашей дороги. Въ степи, во время распутицы, проѣзжіе не держатся набитой дороги, а забираютъ въ стороны для облегченія ѣзды, и такимъ образомъ дорога, не огражденная канавами и не обсаженная деревьями, расширяется часто на 200—300 сажень, смотря по продолжительности безпутья. Подойдя къ обозу, который тянулся изъ Россіи въ Севастополь, я встрѣтилъ Русскихъ мужиковъ, которые сообщили, что на дорогѣ никакого жилья не примѣтили и что по ихъ мнѣнію до Орта-Аблама будетъ верстъ десять.

Только къ разсвѣту я дотащился туда измученный до крайности; на станціи все спало мертвымъ сномъ; по полу валялись стаканы и пустыя бутылки. Только что я готовъ былъ повалится спать, какъ дверь пріотворилась, и я увидалъ физіогномію своего ямщика, пришедшаго получить «на водку». Это до такой степени взорвало меня, что бросивъ мгновенно что было въ ту минуту въ рукахъ, я съ кулаками кинулся на ямщика, но онъ имѣлъ благоразуміе притворить дверь и исчезнуть. На другой день я проснулся съ сильнѣйшею зубною болью.

Наконецъ я добрался до Перекопа и поселился въ какомъ-то маленькомъ полуотстроенномъ домикѣ. Среди страшной скуки я пользовался радушіемъ и гостепріимствомъ генерала Богушевскаго, человѣка добраго. Тутъ я насмотрѣлся на сцены разнаго рода. Въ одно утро прибѣгаетъ какой-то господинъ съ почтовой станціи жаловаться, что онъ, вставши рано утромъ, потребовалъ стаканъ воды, а ему подали стаканъ водки; должно быть, это было въ обычаяхъ тогдашнихъ проѣзжающихъ и обитателей почтовой станціи. Въ другой разъ вечеромъ докладываютъ Богушевскому, что проѣздомъ изъ Петербурга въ Севастополь община сестеръ милосердія прибыла въ Перекопъ, и старшая сестра прислала спросить, не будетъ ли признано полезнымъ оставить одну или болѣе сестеръ въ Перекопскомъ госпиталѣ. «Ну, вотъ что еще выдумали, сказалъ генералъ, на что мнѣ эти бабы? Пускай ѣдутъ себѣ дальше».

Сестры милосердія—это была новинка въ то время, и никто хорошенько не понималъ о значеніи ихъ въ госпиталяхъ. Но вскорѣ, когда сестры заявили себя съ отличной стороны въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, тотъ же генералъ Богушевскій просилъ, какъ награды, прислать ему хотя бы трехъ сестеръ для упорядоченія Перекопскаго госпиталя. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ желательно было многое улучшить. По просьбѣ генер. Богушевскаго мнѣ случалось посѣщать этотъ госпиталь, чтобы особенно опросить плѣнныхъ Англичанъ, Французовъ и Турокъ. Съ послѣдними, впрочемъ, я разговаривать не могъ, а старался понять, что имъ болѣе всего нужно. Въ этомъ госпиталѣ случалось слышать жалобы, что раненые лежатъ по нѣскольку дней безъ перевязки, что, не смотря на просьбы и мольбы, не могутъ дождаться отъ прислуги стакана воды. Порядокъ эвакуированія больныхъ и раненыхъ былъ таковъ, что изъ Севастополя везли транспортами въ нѣсколько десятковъ повозокъ больныхъ и раненыхъ, способныхъ къ перевозкѣ въ Симферополь, гдѣ былъ громадный госпиталь, который принималъ изъ транспорта наиболѣе слабыхъ къ себѣ и на мѣсто ихъ сдавалъ въ транспортъ изъ своихъ больныхъ, способныхъ къ перевозкѣ; тоже самое дѣлалось въ Перекопѣ. Такимъ образомъ раненые и больные постепенно доставлялись сперва только до Херсона, а впослѣдствіи и далѣе въ южныя губерніи Россіи.

Зимою съ 1854 на 1855 годъ въ Крыму случались морозы и вьюги, и вотъ помню, что, когда я сидѣлъ въ одинъ холодный зимній день у Богушевскаго, мнѣ пришлось видѣть одного начальника транспорта съ больными и ранеными, который явился къ генералу и доложилъ, что транспортъ благополучно прибылъ изъ Симферополя въ Перекопъ, при чемъ пояснилъ, что въ дорогѣ скончались двое больныхъ, которыхъ онъ

и оставилъ на мѣстѣ ихъ смерти. Не прошло и двухъ сутокъ, какъ Татары принесли въ Перекопъ этихъ двухъ несчастныхъ, которые совсѣмъ не умерли, а были только очень слабы. Очевидно, что начальникъ транспорта и самъ сознавалъ, что умершихъ у него нѣтъ, но для облегченія повозокъ призналъ возможнымъ сбросить двухъ, полагая, что все равно они должны умереть не сегодня такъ завтра, и бросилъ ихъ на дорогѣ. И такова была тогда жизнь каждаго изъ насъ на театрѣ войны. Столько мы терпѣли лишеній, въ особенности же терпѣли раненые и больные, и подобный безчеловѣчный поступокъ начальника транспорта никого не возмутилъ, и его не преслѣдовали за совершенное имъ злодѣйство.

Въ донесеніи высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи по госпитальному дѣлу сказано: «Съ Ноября 1854 г. по Мартъ 1855 многіе транспорты прибыли изъ Севастополя и Симферополя въ Перекопъ и Ѳеодосію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, безъ медиковъ, фельдшеровъ и необходимыхъ медицинскихъ средствъ. Въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи транспортъ, отправленный 29 Октября изъ Симферопольскаго госпиталя въ Нѣмецкія колоніи Мелитопольскаго уѣзда, въ числѣ болѣе 1500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенію однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело раненые, безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ, и даже съ пулями въ членахъ, которыхъ нечѣмъ было вынуть по неимѣнію хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транспортъ, испытавъ всевозможныя бѣдствія, прибылъ по назначенію 7 Ноября, однако необходимыя операціи произведены раненымъ уже въ концѣ Декабря».

Это, я думаю, тѣ страдальцы, которые бились съ Англичанами и Французами въ Инкерманскомъ сраженіи 24-го Октября; два мѣсяца оставались они безъ необходимыхъ операцій, съ пулями въ членахъ. Безпорядки въ Крыму по медицинской и госпитальной частямъ были чудовищны, и я не считаю лишнимъ повторить что было сказано въ приложеніи къ книгѣ «Описаніе обороны Севастополя», озаглавленномъ: «Очеркъ медицинской и госпитальной части Русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—1856 г.»: «Что касается инструментовъ и лѣкарствъ, то госпитали и перевязочные пункты постоянно чувствовали въ нихъ крайнюю нужду. Бывшіе налицо инструменты, какъ сухопутнаго, такъ и морского вѣдомства, отличались еще устарѣлыми, неуклюжими формами; но и этихъ инструментовъ было чрезвычайно мало. Правда, медицинскій департаментъ еще въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1854 г. отправилъ въ Крымъ достаточное количество инструментовъ, но они не достигли мѣста назначенія, а пролежали безъ всякаго употребленія, запакованные въ конторѣ Сим-

феропольскаго госпиталя вплоть до Апрѣля 1855 г.; такая же участь постигла и предписанія медицинскаго департамента, такъ и оставшіяся тамъ нераспечатанными. А между тѣмъ госпитали нуждались даже въ простыхъ перевязочныхъ сумкахъ».

Относительно снабженія лѣкарствами слѣдственная комисія говоритъ, что и тутъ «царствовалъ величайшій безпорядокъ, что многіе отряды прибыли въ Крымъ, не имѣя ихъ вовсе. Такъ лѣкарства, назначенныя по смѣтѣ для драгунскаго полка на 1854 г., прибыли только въ Апрѣлѣ 1855 г. Госпитали получали лѣкарства изъ Херсонской казенной аптеки, но высылка ихъ изъ Херсона шла чрезвычайно медленно и съ неимовѣрною неаккуратностью. Съ лекарствами комисаріатъ поступалъ также какъ и съ госпитальными вещами: онъ доставлялъ ихъ только въ Симферополь, гдѣ они складывались подъ открытымъ небомъ и предоставлялись такимъ образомъ неизбѣжной порчѣ».

Выписку эту изъ названной книги я сдѣлалъ потому что, когда я прочитываю нынѣшніе проекты Положенія по госпитальной и санитарной частямъ, въ особенности для крѣпостей, мнѣ кажется иногда, что для нѣкоторыхъ нашихъ управленій какъ будто бы не существуетъ уроковъ прошедшаго. Вѣдь нельзя же составлять одного и того же Положенія для временныхъ военныхъ госпиталей какъ для тѣхъ, которые будутъ сформированы для арміи дѣйствующей въ полѣ, такъ и для госпиталей, которые придется мобилизовать въ крѣпости на случай ея осады. Крѣпость, въ особенности пограничная, можетъ быть обложена и совершенно изолирована и отъ арміи, и отъ всего своего края; слѣдовательно крѣпостные госпитали должны, во время мобилизаціи, а можетъ быть даже и ранѣе, въ мирное время, запастись на все продолженіе обороны всѣмъ необходимымъ, а не на первое время, какъ проектируется.

Въ Крыму недостатокъ въ хининѣ доходилъ до того, что Таврическій военный губернаторъ обратился къ Харьковскому генералъ-губернатору съ просьбою выслать ему для госпиталей хотя одинъ фунтъ этого препарата. Между тѣмъ, въ тоже время, въ Керчи лежало безъ всякаго употребленія до 176 фунтовъ хинина.

Къ 1-му Декабря 1854 года были собраны свѣдѣнія о находившихся въ Крымскихъ госпиталяхъ раненыхъ, какъ сухопутнаго, такъ и морского вѣдомства, при чемъ не досчитались, шутка сказать! цѣлыхъ семи тысячъ людей. Вѣдь все это поучительные уроки для нашихъ будущихъ войнъ; но бѣда, что мы ничего не хотимъ знать изъ нашего прошедшаго и на будущее смотримъ съ значительною примѣсью своего пагубнаго «авось». Что Крымская война не послужила урокомъ, это мы видимъ по тѣмъ безпорядкамъ, какіе царили въ госпиталяхъ въ послѣднюю Турецкую войну, подъ глазами самого Государя.

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА ХЛѢБНИКОВА.

ГЛАВА V.

Отъѣздъ князя Меншикова.—Моя болѣзнь и вниманіе князя Горчакова.—Служба на Малаховомъ курганѣ.—Жизнь въ земляникѣ.—Князь Васильчиковъ.—Взрывъ у Николаевской батареи.—Отступленіе изъ Севастополя.—Разсѣянность князя Горчакова.—Коцебу.—Тотлебенъ и великій князь Константинъ Николаевичъ.—Эпидемія проектовъ.—Университетскій дипломъ Тотлебену.—Переводъ описанія обороны Севастополя на Русскій языкъ.

5-го Февраля 1855 г. было неудачное для насъ дѣло подъ Евпаторіею. Войска дѣйствовали подъ начальствомъ генерала Хрулева, и поэтому поводу военный министръ князь Долгоруковъ писалъ къ Меншикову: «Ce que je regrette franchement, c'est que vous ayez confié une expédition aussi importante que celle d'Eupatorie à un fou comme Хрулевъ» *). Но военный министръ упускаетъ изъ виду одно обстоятельство, что между генералами Николаевскаго времени Хрулевъ былъ не изъ числа худшихъ.

Князь Горчаковъ, отправляя Хрулева къ Меншикову, писалъ ему 3 Декабря 1854 года: «Je l'ai employé comme adjoint à Schilder pour toutes les farces que nous avons faites le printemps passé le long du Danube. C'est un hardi compère qui n'a pas beaucoup de tête, mais qui est très brave et très entreprenant».

Донесеніе объ Евпаторійскомъ дѣлѣ было, кажется, послѣднимъ донесеніемъ князя Меншикова; онъ замѣненъ былъ княземъ Горчаковымъ.

Князь Меншиковъ, возвращаясь изъ Севастополя, остановился на одинъ день въ Перекопѣ и потребовалъ меня. Выслушавъ докладъ о положеніи порученнаго мнѣ дѣла, онъ пригласилъ меня пообѣдать съ нимъ и при этомъ сообщилъ, что я обязываюсь спросить дальнѣйшихъ указаній отъ князя Горчакова. Въ этотъ день у меня заболѣла голова, я чувствовалъ сильнѣйшую боль лба и не понималъ, что со мною дѣлается. Я заболѣлъ тифомъ, который въ Перекопскомъ госпиталѣ былъ преобладающею болѣзнью.

---

*) Смотри письма С. П. Боткина изъ Болгаріи въ 1877 г. („Вѣстникъ Европы" Ноябрь 1892 г.), бывшаго врачемъ императора Александра II-го.

Князь Горчаковъ, пріѣхавъ приблизительно около 5 Марта 1855 г. въ Перекопъ, спросилъ меня; но ему доложили, что я боленъ, и онъ поручилъ начальнику инженеровъ г.-л. Бухмейеру навѣстить меня, а узнавъ отъ него, что я лежу въ недостроенномъ домѣ и безъ всякаго присмотра, приказалъ главному врачу Перекопскаго госпиталя перенести меня при первой возможности на свою квартиру, за что я и обязанъ почтенному князю Горчакову своею дальнѣйшею жизнію. При тогдашней всеобщей неурядицѣ, брошенный на руки полупьянаго солдата, я бы неминуемо погибъ. Князь меня спасъ. Возвращеніе мое къ жизни совпало съ обновленіемъ природы; начинали показываться признаки весны, и я по временамъ былъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, что, встрѣчая своего доктора и гостепріимнаго хозяина, возвращавшагося къ обѣду изъ госпиталя, готовъ былъ броситься къ нему на шею. Зрѣніе, слухъ и всѣ чувства, память, соображеніе и другія способности ума возвращались ко мнѣ постепенно. Принесенную мнѣ записку я не могъ прочитать, а прочиталъ ее дня черезъ два. Находившіяся у меня на рукахъ казенныя для постройки укрѣпленій деньги я не могъ провѣрить тотчасъ же какъ только явилась ко мнѣ память, а сосчиталъ ихъ сознательно гораздо позже и очень былъ успокоенъ, когда убѣдился, что всѣ деньги цѣлы и вообще все мое имущество налицо; слѣдовательно деньщикъ мой, почтенныхъ лѣтъ, изъ какого-то понтоннаго батальона, хотя и пьяненькій всегда, но былъ честный.

Во время выздоровленія моего пришло извѣстіе о кончинѣ императора Николая I-аго и восшествіе на престолъ Александра Николаевича; вмѣстѣ съ этимъ въ воздухѣ какъ бы повѣяло надеждою на скорое окончаніе войны. Къ Маю 1855 г. было уже два года, что многіе изъ насъ вели странническую жизнь или верхомъ, или въ палаткѣ, или на перекладной, или въ чужомъ домѣ:—пора бы ужъ и по домамъ.

А дѣла наши все становились хуже и хуже. Мы шли по наклонной плоскости внизъ; сунулись зачѣмъ-то въ Дунайскія княжества и хотя съ большими колебаніями, но все-таки предприняли осаду Силистріи; затѣмъ сняли эту осаду и пошли назадъ. Теперь мы здѣсь въ Крыму и все не можемъ собраться въ силахъ, чтобы побороть врага; напротивъ, противники наши все усиливаются. Лучше кончить войну, чѣмъ проливать человѣческую кровь неизвѣстно изъ за-чего. На новаго царя всѣ возлагали надежду, что онъ постарается прекратить безцѣльную бойню.

Говоря о тогдашнихъ временахъ, почтенный академикъ Александръ Васильевичъ Никитенко справедливо сказалъ въ дневникѣ своемъ («Русская Старина», Іюнь 1890 года, стр. 630): «Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администра-

ція въ хаосѣ, нравственное чувство подавлено, умственное развитіе остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу. Черноморскій флотъ, благодаря школѣ Лазарева, показалъ по крайней мѣрѣ высокую степень нравственной силы, тогда какъ Балтійскій флотъ, руководимый по преимуществу самимъ Государемъ, былъ далеко ниже своего Черноморскаго собрата». (Смотри объ этомъ статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» генералъ-адъютанта Аркаса).

Къ этому только можно прибавить, что императоръ Николай I-й не успѣлъ приготовить и матеріальной-то силы, т. е. хорошо обученнаго и вооруженнаго войска. Французы и Англичане разстрѣливали нашихъ солдатъ съ дистанціи, на которой наши гладкоствольныя ружья дѣйствовать не могли; парусный флотъ нашъ не смѣлъ выйти на состязаніе съ паровымъ непріятельскимъ флотомъ. Вмѣсто безсмысленнаго вытягиванія носковъ и муштрованія требовались для военнаго дѣла знаніе и умъ, которыми у насъ долго пренебрегали. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1844 года императоръ Николай былъ въ Англіи и провелъ съ королевою Викторіею 5—6 дней. Въ письмѣ отъ 23 Мая (4 Іюня) 1844 г. къ Бельгійскому королю Леопольду королева писала о Николаѣ I-омъ: «Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло—единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ». (Императоръ Николай и иностранные дворы, историческіе очерки С. С. Татищева. 1889 г.).

Въ числѣ другихъ распоряженій князь Горчаковъ, передъ выѣздомъ изъ Перекопа, отдалъ мнѣ приказаніе черезъ генерала Богушевскаго, по выздоровленіи, прибыть къ нему въ Севастополь. Однако по выздоровленіи я получилъ приказаніе отъ начальника инженеровъ отправиться въ Одессу и Кишиневъ, и только по исполненіи возложенныхъ на меня тамъ занятій я прибылъ въ Севастополь въ концѣ Мая 1855 года.

Съ 7 по 27 Іюня я находился въ штабѣ главнокомандующаго Крымскою арміею на Инкерманскихъ высотахъ и исполнялъ должность дежурнаго штабъ-офицера въ штабѣ начальника инженеровъ, а затѣмъ я перешелъ подъ начальство Тотлебена. Сначала я жилъ съ нимъ на Бельбекѣ. Когда поднятъ былъ вопросъ о большой вылазкѣ, съ цѣлію остановить успѣшное приближеніе къ Малахову кургану осадныхъ работъ, Тотлебенъ объявилъ мнѣ, что съ инженерной стороны онъ назначаетъ меня руководить тѣми оборонительными работами, какія придется (въ случаѣ успѣшнаго наступленія нашихъ войскъ) начать возводить во время самаго боя на мѣстности, захваченной у противника для закрѣпленія нашего успѣха. Но всѣ эти предположенія откладыва-

лись съ дня на день, и кончилось тѣмъ, что Тотлебенъ назначилъ меня старшимъ инженеромъ на Малаховъ курганъ.

Жизнь на Малаховомъ курганѣ въ то время была весьма тяжкая. Всѣ инженерные и саперные офицеры, завѣдывавшіе каждый работами на извѣстномъ участкѣ оборонительной линіи, жили въ одномъ блиндажѣ, перегороженномъ на двѣ половины. Одну половину занимали мы, постоянные обитатели блиндажа, а другая половина была для гостей, для тѣхъ старшихъ штабъ-офицеровъ, подъ командою коихъ приходили на ночь команды рабочихъ. Спали мы на деревянныхъ скамейкахъ или на походныхъ складныхъ кроватяхъ, не раздѣваясь; прислуги у насъ не было, а какой-то солдатикъ приносилъ намъ для обѣда супникъ съ супомъ или щами, которые готовились въ Корабельной Слободкѣ, и не помню, было ли къ этому еще какое нибудь блюдо. Днемъ мы обыкновенно спали или валялись на своихъ постеляхъ; но помню такой діалогъ. Былъ жаркій день, въ 3—4 часа пополудни въ блиндажѣ было очень душно, мы лежали полураздѣтые; среди общаго молчанія слышится голосъ Орды. «Насакинъ, нѣтъ ли у тебя гроша?—Нѣтъ, мой другъ, давно ужъ ничего нѣтъ, а зачѣмъ тебѣ грошъ? переспрашиваетъ юный Насакинъ.—Хочется арбузъ купить, меня мучаетъ жажда», отвѣчаетъ Орда. И затѣмъ водворяется опять общее молчаніе, каждый желаетъ немного уснуть. Къ вечеру же начиналась дѣятельность. На курганъ являлись саперные унтеръ-офицеры съ записочками и докладывали мнѣ, какой нарядъ рабочихъ состоялся на все наше отдѣленія оборонительной линіи. Разрушеніе верковъ на курганѣ и ближайшихъ къ нему батареяхъ было въ эту эпоху обороны Севастополя страшное, и хотя темнѣло въ Августѣ довольно рано, но пользоваться долгою ночью для работъ вполнѣ мы не могли, такъ какъ осаждающій билъ курганъ и прилегающія батареи съ близкихъ дистанцій. Пристрѣлявшись днемъ, противникъ продолжалъ мѣткій огонь и ночью; поэтому потеря у насъ въ рабочихъ была непомѣрная, а выпоскою убитыхъ и тяжело раненыхъ еще болѣе умножалась убыль въ рабочей силѣ. Посему понятно, что мы, производители работъ, всегда запрашивали побольше рабочихъ, чтобы лучше обезпечить успѣхъ ночной работы и по крайней мѣрѣ доставить къ разсвѣту возможность возстановить дѣйствіе каждаго орудія. Но въ виду общей потери въ гарнизонѣ отъ частыхъ бомбардировокъ, было невозможно удовлетворить всѣ наши требованія, и каждый день присылали рабочихъ въ числѣ далеко меньшемъ, нежели мы просили. По прочтеніи состоявшагося наряда, начинался обыкновенно между производителями работъ оживленный разговоръ: каждый доказывалъ, что ему надо дать больше рабочихъ; наконецъ дѣло это такъ или иначе

улаживалось. Мы принимались въ ожиданіи привода рабочихъ за чай и затѣмъ расходились по своимъ работамъ.

Ночи въ Августѣ мѣсяцѣ были довольно свѣжія; кителя на офицерахъ давно уже истрепались, костюмировка вообще вся обносилась, сапоги на каменистой почвѣ также разваливались, заниматься починкою и возобновленіемъ одежды было некому и невозможно на такихъ убійственныхъ пунктахъ, какъ Малаховъ курганъ, куда мы считали несправедливымъ для обыкновеннаго намъ прислуживанія брать своихъ деньщиковъ. Мы тамъ были какъ будто бы какіе-нибудь ссыльные на каторжной работѣ со всевозможными лишеніями обыкновенной нашей жизни. Какъ вновь прибывшій, я представлялъ противъ другихъ своихъ товарищей полное исключеніе: у меня была и одежда и деньги, которыхъ давно не было у моихъ сослуживцевъ, не получавшихъ жалованья по нѣскольку мѣсяцевъ.

Понятно, что все принесенное мною на курганъ по части закусокъ и вина было расхватано въ первые же дни; но на этомъ дѣло не остановилось. Одинъ изъ храбрѣйшихъ и наиболѣе ревностныхъ офицеровъ былъ весьма юный офицеръ Орда. Онъ совсѣмъ обносился и въ свѣжія ночи ему жутко приходилось отъ холода, такъ что я долженъ былъ предложить ему мою шинель; но онъ отказался отъ шинели, а срѣзалъ отъ нея капюшонъ, собралъ складками на шнурокъ верхній край капюшона и, прорѣзавъ двѣ дыры для рукъ, устроилъ себѣ кофточку или камзолку, въ которой и бѣгалъ ночью по своимъ работамъ. «У меня прекрасно на работѣ, говорилъ онъ, раненыхъ совсѣмъ нѣтъ, ядрами снимаетъ только головы». И дѣйствительно стоило только пройтись по работѣ (состоявшей въ устройствѣ за курганомъ второй оборонительной линіи, на случай, когда придется оставить совсѣмъ уже разбитый 2-й бастіонъ), чтобы убѣдиться, что снаряды противника пролетаютъ надъ работою на высотѣ человѣческаго роста и снимаютъ только головы. Безжизненные трупы повсюду валяются безъ всякой уборки; люди ходятъ, носятъ на брустверъ землю, и вдругъ человѣкъ падаетъ обезглавленный: ни стона, ни крика, и куда ни посмотришь, вездѣ безпрестанно повторяется одно и тоже. Среди темноты ночи появлялись иногда телѣги, назначенныя подбирать убитыхъ.

Изъ всѣхъ лишеній жизни въ блиндажѣ для меня самое тягостное было ходить за извѣстною надобностію; для этого за горжею былъ нами избранъ уголокъ въ развалинахъ какой-то стѣны, и сначала мѣсто это не представляло никакихъ особенныхъ неудобствъ, но въ Августѣ мѣсяцѣ оно обстрѣливалось штуцерными пулями изъ ближайшихъ Французскихъ подступовъ и сдѣлалось въ такой мѣрѣ опаснымъ, что послѣ того какъ погибъ тамъ одинъ или два офицера, мы въ слу-

чаѣ если кто долго не возвращался, посылали справиться, не убитъ ли отсутствующій. Все же остальное—голодъ, неизбѣжная нечистоплотность, безсонныя ночи и постоянная опасность, а подчасъ и земляная мышь, падавшая на лицо изъ накатника блиндажа, все это переносилось очень легко.

Никто изъ насъ и не ожидалъ такого штурма на Малаховъ курганъ, какой состоялся 27 Августа 1855 г. Правда, что амбразуры у насъ разрушались безпрерывно, бруствера осыпались и засыпали ровъ; ровъ передъ переднимъ фасомъ сдѣлался такъ ничтоженъ, что когда завѣдывавшій устройствомъ контръ-минной системы шт.-кап. Клугенъ повелъ меня на свои работы и мы вышли въ ровъ, то Французы тотчасъ же открыли по насъ стрѣльбу, и мы принуждены были лечь на дно рва и оттуда ползкомъ добрались до входа въ контръ-мины. Тѣмъ не менѣе мы, инженеры и саперы, ни особаго утомленія, ни безнадежности нашихъ усилій не сознавали. Всѣ мы были бодры духомъ и тѣломъ и готовы продолжать свои труды, казалось, сколько угодно.

Нѣчто иное проглядывало въ офицерахъ пѣхоты, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которые приходили съ рабочими командами. Штабъ и оберъ-офицеры казались мнѣ утомленными, безъ всякой энергіи; къ успѣху работъ они относились совершенно безучастно; какая-то апатія и безнадежность читались на ихъ лицахъ. Орда бранился безцеремонно съ этими офицерами за то, что они не хотѣли присматривать за своими людьми и всѣ прятались въ нашъ блиндажъ.

16 Августа былъ тихій теплый вечеръ. Обойдя работы по кургану и получивъ нѣсколько ударовъ въ грудь и въ бокъ отъ камней, разлетавшихся во всѣ стороны при паденіи бомбъ въ каменистую почву, я остановился у нашего блиндажа и, любуясь звѣзднымъ небомъ, сталъ опершись на наружный столбъ входа въ блиндажъ. Вдругъ я былъ пораженъ, увидѣвъ, что столбъ, поддерживавшій накатникъ и землю надъ входомъ, толщиною въ 8 или 9 вершковъ, глубоко врытый, замѣтно покачнулся и затѣмъ тотчасъ-же принялъ прежнее свое положеніе. Въ это самое время что-то грохнуло на блиндажъ. Первая мысль моя была, что бомба разрушила нашъ блиндажъ; но осмотрѣвшись, мы убѣдились, что бомба дѣйствительно упала, но не на блиндажъ, а непосредственно подлѣ него; сотрясеніе же блиндажа послѣдовало отъ взрыва на Французскихъ батареяхъ (на Камчатскомъ курганѣ) пороховаго погреба, въ коемъ хранилось около 600 пудовъ пороха. Паденіе бомбы у блиндажа и взрывъ пороховаго погреба у Французовъ послѣдовали одновременно. На другой день, поздно вечеромъ, привели ко мнѣ для допроса плѣннаго Англійскаго солдата, который показалъ, что при вчерашнемъ взрывѣ Французскаго пороховаго погреба, къ нимъ, Англичанамъ, въ

траншеи передъ 3-мъ бастіономъ, принесло одно бревно изъ накатника и убило и поранило нѣсколько человѣкъ. Какова же это сила—взрывъ 600 пудовъ пороха! Покачнуло нашъ массивный блиндажъ на разстояніи около 270 сажень и отбросило бревно въ Англійскую атаку.

Въ то время когда я жилъ вмѣстѣ съ Тотлебеномъ на Бельбекѣ, въ долинѣ, покрытой сплошь виноградниками, въ одно утро всѣ жильцы дома, а именно Тотлебенъ, раненый саперный офицеръ Иванъ Ивановичъ Денъ, морской врачъ, я и вся наша прислуга, всѣ мы безъ исключенія заболѣли Крымскою лихорадкою. Пароксизмы черезъ день состояли изъ озноба, который смѣнялся сильною дрожью или трясеніемъ всего тѣла, послѣ чего наступалъ сильный сухой жаръ, а за нимъ обильная испарина. У меня пароксизмы начинались обыкновенно ровно въ 12 часовъ дня, и каждый изъ четырехъ фазисовъ продолжался ровно часъ, ни больше, ни меньше. Морской врачъ, приставленный къ Тотлебену по распоряженію хирурга Гюббенета, безъ дальнихъ объясненій закатилъ каждому изъ насъ по дозѣ хинина, должно быть очень сильной, и лихорадка сразу прекратилась. Но здѣсь, на Малаховомъ курганѣ, она снова принялась трепать меня; случалось, что наканунѣ дня пароксизма у меня былъ жаръ, и все тѣло покрывалось какими-то волдырями, которые вскорѣ проходили сами собою. Такъ какъ время пароксизмовъ было днемъ, а главная работа по исправленію поврежденій на батареяхъ производилась ночью, то я прималчивалъ о своей болѣзни и продолжалъ работу.

Ежедневно, передъ вечеромъ, на Малаховъ курганъ приходилъ къ намъ старшій инженерный офицеръ, завѣдывавшій всѣми оборонительными работами на лѣвой половинѣ всей сухопутной обороны Севастополя, начиная съ 3-го бастіона и прилегающихъ къ нему батарей до 1-аго бастіона включительно. Это былъ инженеръ-полковникъ Геннерихъ. Онъ осматривалъ состояніе верковъ на Малаховомъ курганѣ и рѣшалъ, что̀ надлежитъ дѣлать безотлагательно и съ какими работами можно еще повременить.

Придя на Малаховъ курганъ 26 Августа, полковникъ Геннерихъ передалъ мнѣ, что Тотлебенъ приказалъ мнѣ явиться къ нему, а обязанности, лежавшія на мнѣ, передать старшему по себѣ инженеру. Лихорадка порядочно уже подточила мои силы, и потому я сознавалъ необходимость выбраться съ Малахова кургана, и до назначенія моего сюда я состоялъ при Тотлебенѣ для составленія донесеній главнокомандующему о положеніи дѣлъ въ Севастополѣ и соображеній Тотлебена о средствахъ къ продленію обороны. Посему я совершенно предугадывалъ, какого рода занятія ожидаютъ меня у Тотлебена. У него не было навыка излагать письменно свои мысли и соображенія, и къ тому же

онъ не владѣлъ вполнѣ Русскимъ языкомъ, и потому былъ очень радъ и высказывалъ мнѣ это нѣсколько разъ, что онъ очень доволенъ, встрѣтивъ во мнѣ способность писать хорошимъ Русскимъ языкомъ.

Пока я успѣлъ на курганѣ собрать свои пожитки и пройти черезъ Корабельную Слободку на Павловскій мысокъ, уже порядочно стемнѣло, и потому я не поѣхалъ на Сѣверную сторону, а перебрался чрезъ южную бухту къ Графской пристани и рѣшилъ ночевать въ Николаевской батареѣ, гдѣ жили завѣдывавшіе всею оборонительною линіею полковникъ Гарденеръ и Геннерихъ и при нихъ нѣсколько инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. Выйдя изъ шлюпки на Графскую пристань, я долго любовался картиною рейда, озареннаго огнемъ горѣвшаго у сѣверной пристани транспорта «Березань», который былъ зажженъ непріятельскою бомбою. Ночь была темная, небо звѣздное, воздухъ совершенно спокоенъ, ни малѣйшаго вѣтерка, а бомбы плавно носились для оживленія всей этой картины.

Войдя въ казематы Николаевской батареи, занятые инженерами, я нашелъ тамъ большое оживленіе. Во главѣ другихъ былъ начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона свиты его величества ген.-м. князь Васильчиковъ. Стройная высокая фигура князя съ умнымъ, всегда спокойнымъ лицомъ, была чрезвычайно симпатичная. Этотъ человѣкъ, безъ-завѣтно храбрый, никогда не рисовался и никогда не выставлялъ своихъ заслугъ, а между тѣмъ работалъ для общаго дѣла какъ никто. На Малаховомъ курганѣ, я помню, онъ пріѣзжалъ къ намъ на конѣ, въ такія ночи адской бомбардировки кургана изъ 100 орудій, что, кажется, ни одинъ человѣкъ, сохранившій въ себѣ каплю прирожденнаго чувства самосохраненія, не высунетъ носа безъ крайней необходимости; а онъ пріѣдетъ, бывало, очень спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, и тихо, не возвышая голоса, безъ малѣйшей торопливости, спроситъ, какъ идутъ дѣла, выполненъ ли исправно нарядъ рабочихъ и не терпимъ ли мы какой нужды. На такіе вопросы приходилось просить объ одномъ: присылать повозки для уборки убитыхъ, отъ которыхъ намъ не было прохода на работахъ; то и дѣло, что натыкаешься и падаешь на безжизненный трупъ. Мнѣ казалось и прежде и теперь, что истинныя заслуги князя Васильчикова никогда не были оцѣнены въ той мѣрѣ, какъ они этого заслуживали. Выполненіе войсками, подъ близкимъ огнемъ непріятеля, ночныхъ инженерныхъ работъ, дѣло чрезвычайно трудное. Князь Васильчиковъ не вступалъ въ переписку (какъ бы сдѣлали очень охотно многіе) съ инженернымъ вѣдомствомъ о выполненіи или невыполненіи войсками наряда и не переписывался съ частями войскъ по этому предмету. Онъ понималъ, что это живое и въ высшей степени важное дѣло не допускаетъ бюрократической рутины, что оно требу-

етъ живого способа обмѣна вопроса и отвѣта, и пришелъ къ убѣжденію, что никто не исполнитъ этого дѣла такъ успѣшно, какъ онъ самъ. Работать по цѣлымъ днямъ въ штабѣ и за тѣмъ ночью объѣзжать всю оборонительную линію (7 верстъ) могъ только князь Васильчиковъ.

Не знаю какъ на другихъ бастіонахъ, но на Малаховомъ курганѣ князь не довольствовался вопросомъ на счетъ наряда войскъ, но спрашивалъ еще: «не нужно ли вамъ еще чего нибудь?» Въ послѣдніе дни обороны мы просили князя прислать подводы для уборки труповъ, препятствовавшихъ успѣшному ходу работъ. Всѣ кричали про одного Тотлебена, въ особенности же въ этомъ усердствовали Нѣмцы. Во время еще обороны Севастополя не умственно, а чувственно развитыя Нѣмки писали ему весьма чувствительные и слащавые стихи, играя словами Tod и Leben, и Тотлебенъ очень любилъ читать и перечитывать эти сантиментальныя, но по правдѣ сказать, довольно пустыя произведенія Нѣмецкаго ума. А думается мнѣ, что безъ князя Васильчикова, оборона Севастополя не имѣла бы и половины успѣха, какой былъ достигнутъ въ дѣйствительности. Имя князя Виктора Илларіоновича Васильчикова достойно стоять на ряду съ именами Горчакова, Корнилова, Нахимова, истинныхъ рыцарей Севастопольской обороны, которые не рисовались, не думали о чинахъ и крестикахъ, а болѣе всего пылали желаніемъ отстоять честь Русскаго имени и дорогой свой Севастополь.

Но, коснувшись личности князя Васильчикова, я отошелъ отъ нити разсказа. Кромѣ начальника штаба были начальникъ артиллеріи Севастопольскаго гарнизона генералъ Шейдеманъ и полковники Гарднеръ и Геннерихъ. Они обсуждали о вылазкѣ, которую признавалось необходимымъ сдѣлать отъ Малахова кургана, съ цѣлію разрушить ближайшіе непріятельскіе подступы. Въ сосѣднемъ же казематѣ сидѣли мои сослуживцы, къ которымъ и я присоединился. Мы обмѣнивались вынесенными на бастіонахъ впечатлѣніями. Я только что прибылъ съ Малахова кургана, другой офицеръ съ 5-го бастіона; кромѣ того сюда стекались донесенія со всѣхъ пунктовъ оборонительной линіи о потерѣ убитыми и ранеными своихъ товарищей. Вдругъ раздался страшный ударъ. Все огромное зданіе Николаевской батареи потряслось до основанія, и въ тоже время двери въ сосѣдній казематъ, гдѣ совѣщались о вылазкѣ, растворились, и оттуда показалась фигура начальника артиллеріи, который кричалъ отъ полученной раны и шелъ полусогнувшись, поддерживаемый двумя офицерами. На галлереѣ Николаевской батареи размѣщенъ былъ батальонъ, и люди спали тамъ уже спокойно; но сильный ударъ мгновенно поднялъ ихъ на ноги, они въ испугѣ, со сна, безсознательно метались изъ стороны въ сторону, не зная, въ какую сторону рухнетъ все колоссальное зданіе батареи. На плацу у самой

батареи была расположена бивуакомъ полевая батарея, и лошади были на коновязяхъ; всѣ онѣ шарахнулись и скакали въ разные концы. Мы, сидѣвшіе за чаемъ, выскочили на галлерею и не могли понять въ чемъ дѣло, но скоро убѣдились, что произошелъ сильный взрывъ близъ батареи. Молодежь между нами побѣжала по галлереѣ къ окнамъ, гдѣ жили сестры милосердія, посмотрѣть въ окна, что̀ дѣлается у молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, которыя съ испуга должны были повыскакать съ своихъ кроватей; всѣ онѣ дѣйствительно уже спали, когда послѣдовалъ взрывъ баржи; всѣ окна у нихъ вырвало, сестры испугались и, открытыя со всѣхъ сторонъ взорамъ алчныхъ мущинъ, въ однѣхъ рубашкахъ, подняли пискъ и визгъ невообразимые.

Чрезъ часъ или два мы уже знали, что двѣ баржи, нагруженныя порохомъ, подтягивались съ Сѣверной стороны къ Графской пристани, и въ одну изъ нихъ попала боевая ракета. Мгновенно послѣдовалъ взрывъ, отъ котораго другая баржа затонула. При этомъ погибли бывшіе на баржахъ матросы, лейтенантъ князь Кекуатовъ и тяжело раненъ капитанъ 2-го ранга Лихачевъ. Сильно пострадала Графская пристань, а лежавшія на ней двѣ тяжелыя пушки подбросило на верхнюю площадку лѣстницы. Когда я вошелъ въ казематъ, въ которомъ была поставлена для ночлега моя походная кровать, то былъ удивленъ, увидавъ, что присланная оконная рама (не закладная), находившаяся въ амбразурѣ, съ обѣими половинками оконнаго переплета, растворенными, находилась на столикѣ у изголовья кровати, а когда я приподнялъ одѣяло, лежавшее, кажется, въ порядкѣ какъ было постлано, то нашелъ на простынѣ подъ одѣяломъ мелкіе куски стеколъ изъ оконнаго переплета; значитъ, отъ взрыва, когда оконный переплетъ съ рамою летѣлъ отъ амбразуры на столикъ, одѣяло было приподнято сильнымъ движеніемъ воздуха.

На другой день, 27 Августа, когда я отправился къ Тотлебену, начался штурмъ Малахова кургана. Я поспѣшилъ взобраться на вершину берега рейда на Сѣверной сторонѣ, откуда было бы лучше наблюдать различныя перепетіи этой драмы. Мнѣ явственно видны были атаки Французовъ на куртину между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ. Эти атаки повторялись 5 или 6 разъ, и когда я видѣлъ стройныя линіи атакующаго, идущаго на штурмъ (какъ казалось, съ твердою непоколебимостью) сердце замирало; ибо казалось, что вотъ этотъ разъ Французы дойдутъ и одолѣютъ нашихъ. Но въ нѣсколько секундъ линія рѣдѣетъ, люди падаютъ, и наконецъ вся густая цѣпь исчезаетъ, какъ бы ложится для того, чтобы стрѣлять по обороняющемуся и затѣмъ снова кинуться на штурмъ. Но такой стрѣльбы не видно, и люди не встаютъ. Прошло нѣсколько минутъ, и снова изъ траншеи

выходитъ смѣлымъ шагомъ новая густая цѣпь, съ которою повторяется тоже самое: она также растаиваетъ какъ и предыдущая.

Вотъ вижу вдали, со стороны Французскихъ резервовъ надвигается какая-то черная масса; ближе, и я различаю двѣ батареи полевой артиллеріи, которыя стремятся занять позицію противъ 2-го бастіона и куртины; но въ артиллеріи происходитъ какое-то замѣшательство, не видать болѣе стройныхъ движеній, ѣздовые валятся, падаютъ лошади, и двѣ батареи хотя и успѣли сняться съ передковъ, но могли сдѣлать лишь нѣсколько выстрѣловъ. Обѣ батареи погибли здѣсь въ самое короткое время.

Съ пункта, который я избралъ для наблюденій, были видны вся лѣвая половина Малахова кургана, куртина, 2-ой бастіонъ и вся лѣвая оконечность оборонительной линіи, такъ что предъ моими глазами происходила главная часть боя, въ которомъ съ нашей стороны погибло до 13 т. человѣкъ, а со стороны атакующаго около 10 т. человѣкъ. Рѣдко кому случалось наблюдать столь колоссальное побоище и видѣть всѣ перипетіи упорной, ожесточенной борьбы. Впереди и сзади нашихъ укрѣпленій поля были покрыты убитыми и ранеными, валявшимися и ворочавшимися по землѣ въ различныхъ позахъ, опрокинутыми орудіями, трупами лошадей. Такая картина если и поддается кисти художника, съ трудомъ можетъ быть изображена перомъ, скорѣе устною передачею; впечатлѣніе же испытываемое наблюдателемъ едва ли можетъ быть передано другому.

Севастополь было рѣшено оставить.

На Сѣверной сторонѣ я поселился въ палаткѣ вмѣстѣ съ Мартыномъ Михайловичемъ Бородатовымъ; палатку мы распорядились разбить на пунктѣ, который намъ казался удобнымъ для наблюденій за тѣмъ, что̀ дѣлалось на родномъ нашемъ пепелищѣ.

Всю ночь съ 27 на 28 Августа слышно было движеніе войскъ, выходившихъ изъ Севастополя; моряки тащились съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, и многіе съ женами и дѣтьми; на бастіонахъ начали происходить взрывы, что̀ служило доказательствомъ, что всѣ съ этого пункта уже выбрались; съ другихъ же бастіоновъ продолжали рѣдкую стрѣльбу.

28-аго Августа, утромъ, усѣвшись на своемъ наблюдательномъ посту, я испыталъ чувство облегченнаго сердца: никакой канонады нѣтъ, жизнь человѣческая не гибнетъ уже сотнями и тысячами; теперь же тихо, люди не погибаютъ. Это отрадно, но съ другой стороны мнѣ жаль бы лоСевастополя. Послѣ полудня взлетѣла на воздухъ Александровская батарея, а 29 Августа, на моихъ глазахъ, взлетѣла на воздухъ Павловская батарея. Громадное зданіе это, построенное на мысу,

между рейдомъ и южною бухтою, состояло изъ подвальнаго этажа, трехъ этажей для орудій и открытой платформы съ каменнымъ парапетомъ. Все зданіе было построено изъ песчаника, всѣ этажи покрыты сводами, а стѣны, поддерживавшія эти своды, были значительной толщины. Подвальный этажъ занятъ былъ во время обороны порохомъ, и для взрыва батареи приложенъ былъ къ этому пороху зажженый стопинъ. Зданіе взлетѣло все разомъ въ видѣ безформенной массы, окруженной множествомъ отдѣльныхъ камней, пылью и пороховымъ дымомъ; полетъ былъ быстрый и высокій. Кверху полета, изъ общей массы взлетѣли выше отдѣльныя части, конусоидальной формы; острыя формы постепенно превращались въ округленныя, а въ это же самое время сотни тысячъ камней падали кругомъ мыса въ воду, какъ частый крупный дождь; еще нѣсколько секундъ, и вѣтеръ пронесъ въ сторону дымъ и пыль, а на мѣстѣ высокаго, большого зданія очутился небольшой холмикъ съ остроконечною вершиною.

Въ зрительную трубу видно было, какъ нѣсколько нашихъ матросовъ продолжали спасать свое имущество и выносили изъ домишекъ Корабельной Слободки большіе узлы. Непріятель не вступалъ въ городъ, опасаясь взрывовъ пороховыхъ погребовъ, которые происходили на различныхъ пунктахъ оборонительной линіи; но отдѣльные солдаты непріятельской арміи успѣли пробраться въ городъ для грабежа. Одинъ изъ нихъ взобрался на колокольню собора и принялся звонить; а флагштокъ на корабельномъ кранѣ, при входѣ въ доки, загорѣвшійся 27 Августа, продолжалъ, въ недосягаемой своей высотѣ, горѣть какъ свѣчка надъ общимъ гробомъ нѣсколькихъ тысячъ покойниковъ!.....

Пользуясь свободными минутами, я заглянулъ въ управленіе генералъ-квартирмейстера повидаться съ своими прежними сослуживцами и потолковать, а послѣ зашелъ къ П. К. Менькову, который занимался веденіемъ журнала военныхъ дѣйствій арміи и былъ въ ежедневныхъ личныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ.

Петръ Кононовичъ много поразсказалъ мнѣ интереснаго и между прочимъ говорилъ, что князь Горчаковъ съ дня на день все дѣлается болѣе и болѣе разсѣяннымъ и забывчивымъ. Князь давно уже рѣшилъ отступленіе наше изъ Севастополя и потому сильно торопилъ Бухмейера устройствомъ плотоваго моста черезъ рейдъ. Князь самъ взялся составить проектъ постепеннаго оставленія Севастополя и порядочно таки поработалъ надъ этимъ дѣломъ, и когда проектъ былъ оконченъ (что составляло нѣсколько листовъ мелкаго письма рукою князя), то пожелалъ, чтобы начальникъ штаба ознакомился съ этимъ дѣломъ, и потому послѣ его доклада князь предложилъ генералъ-адъютанту Коцебу взять съ собою этотъ проектъ для прочтенія. Коцебу, просмотрѣвъ листы,

замѣтилъ, что недостаетъ одного только перваго листа. Начались поиски сперва на рабочемъ столѣ князя, а затѣмъ и по всей квартирѣ, но листа не находилось, и Коцебу началъ пересматривать всѣ бумаги своего доклада, а князь между тѣмъ повалился на диванъ и приказалъ послать за Меньковымъ, объясняя, что онъ только что передъ тѣмъ былъ у князя со своимъ журналомъ и что вѣроятнѣе всего это онъ захватилъ первый листъ проекта. Меньковъ немедленно явился и, узнавъ въ чемъ дѣло, принялся снова за бумаги князя на столѣ, ибо былъ увѣренъ, что онъ не могъ захватить съ собою бумаги князя. Перешаривъ на столѣ и всюду, Меньковъ обратился къ князю съ предложеніемъ встать съ дивана. Князь безмолвно повиновался, но перваго листа все-таки не находилось ни на диванѣ, ни подъ диваномъ. Тогда маленькій Коцебу сейчасъ же сообразилъ дѣло и спросилъ князя: когда онъ началъ писать этотъ проектъ? Князь отвѣчалъ, что началъ писать вчера послѣ всѣхъ докладовъ. Тогда Коцебу, не говоря ни слова, прямо напрявляется въ переднюю, гдѣ сидѣли казаки.

— А кто изъ васъ провожалъ вчера главнокомандующаго во время его обычной ежедневной прогулки?

— Я, ваше высокопревосходительство, отозвался одинъ изъ казаковъ.

— Гдѣ прогуливался его сіятельство, и что онъ дѣлалъ? спросилъ Коцебу.

— Его сіятельство вчера, какъ завсегда, отвѣчалъ казакъ, пошли сначала вотъ на эвтотъ бугорокъ, что позади дома, смотрѣли долго на Севастополь, а потомъ повернули къ дорогѣ, что спускается въ балку и въ это время начали дергать такъ правою рукою (при этомъ казакъ сдѣлалъ движеніе похожее на движеніе руки пишущаго человѣка); а какъ спустились въ балку, то оттелева изволили пройти берегомъ прямо домой и все время продолжали такъ чудно дергать правою рукою.

Выслушавъ казака, Коцебу возвратился въ кабинетъ князя и сказалъ ему:—Вы, князь, по всей вѣроятности, первый листъ написали на воздухѣ и когда пришли съ прогулки домой, то сѣли и принялись писать прямо второй листъ.

— «Вотъ вздоръ какой!» возразилъ князь своею обычною въ подобныхъ случаяхъ фразою, но черезъ минуту онъ передалъ Коцебу свои соображенія, съ чего должно начаться постепенное оставленіе Севастополя: выносъ знаменъ, выносъ казенныхъ ящиковъ, принадлежащихъ разнымъ управленіямъ и частямъ войскъ и пр. и пр. Начальникъ штаба, выслушавъ указанія князя, обѣщалъ на слѣдующій же день

принести возстановленный первый листъ и весь проектъ съ своимъ мнѣніемъ. Тѣмъ и окончилась эта комическая сцена.

Въ теченіе всей послѣдующей моей жизни мнѣ часто вспоминалась замѣчательная личность князя М. Д. Горчакова, и всегда я думалъ о немъ съ большимъ уваженіемъ.

Отзывъ о немъ почтеннаго автора «Восточная война 1853—1856» показался намъ нѣсколько холоднымъ и въ нѣкоторыхъ очертаніяхъ не вполнѣ вѣрнымъ. М. И. Богдановичъ говоритъ, напримѣръ, что князь Горчаковъ терялся на всякомъ шагу; разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ, при всѣхъ высокихъ душевныхъ качествахъ своихъ, былъ обреченъ безсилію, и самъ какъ бы сознаваясь въ томъ, жаловался на то, что «судьба судила ему пережить цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного дней радостныхъ!»

Да, дѣйствительно, у князя было немного дней радостныхъ, и конечно ихъ не было ни одного во всю Восточную войну, за исключеніемъ, можетъ быть, дня отбитія штурма союзныхъ войскъ 6 Іюня 1855 г. Но кто же теперь не знаетъ, кому Россія обязана за эту несчастную и губительную войну? Я не могу согласиться съ отзывомъ М. И. Богдановича. Мнѣ лично пришлось находиться подлѣ князя во время переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай у Браилова, и въ эту минуту я не узналъ князя. Ни малѣйшей суетливости или разсѣянности и слѣдовъ не было; полное спокойствіе, вниманіе къ дѣлу—вотъ что отличало князя въ это время; всѣ приказанія онъ отдавалъ отчетливо и совершенно спокойно, какъ будто бы это была не битва, а простое ученье войскъ. Прослуживъ непосредственно подъ глазами князя около двухъ лѣтъ, когда мнѣ случалось видѣть и говорить съ княземъ по нѣскольку разъ въ день, я никогда не видалъ его суетливымъ и никакъ не могъ предполагать его способнымъ къ заискиванію; для этого у него достаточно было прямоты и самоуваженія.

Затѣмъ могу сказать, что въ Севастополѣ когда еще никто ни въ Россіи, ни въ самомъ Севастополѣ не рѣшался говорить объ отступленіи, князь Горчаковъ первый пришелъ къ заключенію, что отстаивать долѣе Севастополь намъ невыгодно, и потому рѣшилъ оставить его при первомъ удобномъ къ тому случаѣ. Разъ что князь пришелъ къ такому рѣшенію капитальнѣйшаго изъ всей войны вопроса, рѣшенію тяжелому для такого горячаго патріота, какимъ былъ князь, онъ немедленно занялся всѣми предварительными къ тому распоряженіями, не справляясь съ тѣмъ, что скажутъ въ Петербургѣ или все Русское общество. Князь тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе къ ускоренію работъ по устройству моста черезъ рейдъ, моста, который дол-

женъ былъ служить единственнымъ путемъ для перевода всѣхъ войскъ защищавшихъ Севастополь изъ города, на сѣверную сторону рейда.

Да и самое отступленіе войскъ изъ Севастополя по мосту, который былъ на глазахъ у противниковъ, представляетъ грандіознѣйшую военную операцію, крайне опасную и которая между тѣмъ совершилась вполнѣ благополучно, благодаря только распорядительности и заботливости одного князя Горчакова. Вѣдь начальникъ штаба его генералъ-адъютантъ Коцебу не былъ ему помощникомъ, относясь ко всѣмъ кровавымъ страницамъ Русской исторіи съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Весь планъ отступленія изъ Севастополя, какъ въ общихъ наиболѣе характерныхъ чертахъ, такъ и во всѣхъ его подробностяхъ, былъ сработанъ однимъ только княземъ Горчаковымъ.

27 Августа 1855 г. въ день штурма, всѣ съ уваженіемъ смотрѣли на спокойное по наружности лицо главнокомандующаго, сохранившаго полное самообладаніе. Убѣдившись лично, что союзники имѣли успѣхъ только на одномъ пунктѣ, именно на Малаховомъ курганѣ, а на прочихъ были отбиты, князь призналъ, что наступилъ моментъ удобный для оставленія Севастополя, и потому тотчасъ же приказалъ объявить по гарнизону Севастополя напередъ составленную имъ диспозицію для перехода на Сѣверную сторону, а самъ отправился на Малаховъ курганъ, въ самый жаръ боя, чтобы еще разъ убѣдиться въ невозможности вырвать изъ рукъ Французовъ укрѣпленія кургана. Ни суетливости, не противорѣчащихъ приказаній, ничего этого не было; князь все время былъ твердъ и наружно спокоенъ, и всѣ знавшіе уже о рѣшеніи его отступить, какъ сказано въ «Описаніи обороны Севастополя», твердо вѣрили въ величіе души и въ глубокую любовь къ Россіи своего доблестнаго вождя и знали, что онъ не предприметъ и не допуститъ ничего не согласнаго съ честью и достоинствомъ Русской арміи. Онъ оставался въ Севастополѣ до выхода послѣдней части войскъ; эти минуты прекрасно описаны княземъ Васильчиковымъ («Русскій Архивъ 1891 г.).

Недолго довелось мнѣ прощаться съ дорогимъ мнѣ Севастополемъ: Тотлебенъ желалъ перебраться въ Симферополь, и я долженъ былъ ѣхать съ нимъ. Въ Симферополѣ мы прожили 3—4 дня. 9-го Сентября получено было приказаніе главнокомандующаго ѣхать Тотлебену немедленно въ Николаевъ, куда въ это время ѣхалъ уже императоръ Александръ II-й.

Мы отправились въ Николаевъ и тамъ заняли, если не ошибаюсь, домъ покойнаго Корнилова; въ этомъ же домѣ размѣстились: Геннерихъ, Тидебель, Фолькмутъ, Рёрбергъ, Эверсъ, я и нѣсколько еще инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. Первое, чѣмъ мы занялись въ Николае-

вѣ—это приведеніемъ себя въ общечеловѣческій видъ: начали мыться, стричься, бриться, чиститься и дѣлать себѣ обувь и платье; многіе совсѣмъ обносились и многіе, въ томъ числѣ и я, выскочили изъ Севастополя въ чемъ были. Денщикъ мой говорилъ, что все бѣлье онъ отдалъ прачкѣ, а гдѣ эта прачка, онъ разыскать не могъ; точно также въ Севастополѣ осталась и вся верхняя моя одежда.

Государя Императора болѣе всего озабочивала въ эту минуту мысль спасти отъ вражескаго нападенія Николаевъ, въ которомъ находились всѣ заведенія Черноморскаго флота и который, по мнѣнію Государя, изъ всего южнаго прибрежья, занимаемаго войсками южной арміи, можетъ преимущественно привлечь союзниковъ. Сдѣлавъ высадку, они могли бы уничтожить всѣ заведенія Черноморскаго флота и нанести тѣмъ окончательный ударъ могуществу нашему на Черномъ морѣ. Съ этою цѣлью и былъ вытребованъ въ Николаевъ Тотлебенъ. Оборона этого пункта была возложена на генер.-адъют. Лидерса, къ войскамъ котораго разрѣшено было присоединить одну изъ резервныхъ дивизій.

На первыхъ же порахъ моего пребыванія въ Николаевѣ мнѣ приказано было явиться къ начальнику штаба 5-го пѣхотнаго корпуса генер.-адъют. Непокойчицкому, который, изложивъ мнѣ мѣры, которыя приняты уже для обороны Николаева, поручилъ проѣхать верхомъ отъ одного казачьяго поста до другого, вдоль лѣваго берега р. Буга до впаденія рѣки въ Лиманъ, верстъ 60, съ тѣмъ чтобы осмотрѣть и повѣрить, а гдѣ нужно измѣнить и поправить, работы по устройству батарей, которыя возводились войсками подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ.

Давно уже не случалось мнѣ, со времени возвращенія изъ Придунайскихъ княжествъ, ѣздить верхомъ, и потому я съ большимъ удовольствіемъ отправился въ путь. Погода для такой поѣздки въ Сентябрѣ мѣсяцѣ была превосходная, казачьи лошади попадались все очень порядочныя, и потому я прокатилъ 60 верстъ, съ остановками на работахъ, въ два дня, а назадъ вернулся въ экипажѣ съ полковымъ командиромъ, ѣхавшимъ зачѣмъ-то въ Николаевъ.

Независимо отъ той обороны р. Буга (пути наступленія къ Николаеву), которая распоряжена была генер.-адъют. Лидерсомъ, по повелѣнію Государя Императора, Великій Князь Николай Николаевичъ принялъ на себя заботы по укрѣпленію непосредственно самаго города и верфей. Тотлебенъ былъ главнымъ помощникомъ Великаго Князя, а насъ инженеровъ и саперовъ распредѣлили по дистанціямъ, и мы живо принялись за составленіе проектовъ и смѣтъ и по мѣрѣ ихъ утвержде-

нія его высочествомъ принимались немедленно за исполненіе самыхъ работъ.

Государь Императоръ прибылъ въ Николаевъ 14 Сентября, и въ 1 часъ дня Тотлебенъ представился Его Величеству, который принялъ его весьма милостиво, благодарилъ за оборону Севастополя именемъ покойнаго Государя и отъ лица всей Россіи, а на другой день, призвавъ Тотлебена вторично, поздравилъ его съ званіемъ генералъ-адъютанта. Великій Князь Константинъ Николаевичъ принялъ его такъ, какъ никто изъ насъ не ожидалъ. Что Тотлебенъ былъ Нѣмецъ до конца ногтей, мы къ этому всѣ привыкли и почти не замѣчали его пристрастія къ Нѣмцамъ; но Великій Князь взглянулъ на это дѣло иначе. Встрѣчая Тотлебена, онъ принялся говорить съ нимъ по-нѣмецки. Его высочество знаетъ отлично хорошо и Нѣмецкій и многіе другіе Европейскіе языки, и на этихъ языкахъ говоритъ безъ малѣйшаго иностраннаго акцента; но тутъ онъ началъ говорить по-нѣмецки, притворяясь, что ему очень трудно говорить на этомъ иностранномъ языкѣ, дѣлалъ ошибки, при его знаніи невозможныя для него, показывалъ видъ, что говоритъ съ большимъ усиліемъ, но дѣлаетъ это только въ угоду Тотлебену, чтобы быть ему пріятнымъ. Тотлебенъ понялъ умыселъ великаго князя и очень обидѣлся. Усадивъ меня вечеромъ подлѣ себя на диванъ онъ обратился ко мнѣ, со словами:

«Ну, скажите сами, Константинъ Дмитріевичъ, какой же я Нѣмецъ? Воспитывался я въ Русскомъ заведеніи, служу я въ Русской службѣ, живу въ Русскомъ обществѣ!»

Трудно мнѣ было что нибудь сказать въ отвѣтъ Тотлебену; не сказать-же ему, что воспитывался онъ въ Русскомъ заведеніи, потому что, слава Богу, у насъ еще не устроены особенныя заведенія для Нѣмцевъ, что на Русской службѣ для Нѣмцевъ, въ то по крайней мѣрѣ время, положеніе было привилегированное, а живетъ онъ въ Русскомъ обществѣ, такъ что, подойди въ то время къ намъ Фолькмутъ, Тидебель или другой какой нибудь Нѣмецъ, и разговоръ былъ-бы обязательно поведенъ на Нѣмецкомъ языкѣ, хотя бы я не понималъ ни слова по-нѣмецки. Всякій кто зналъ Тотлебена подтвердитъ, что онъ, безъ всякаго сомнѣнія, говорилъ по-русски только въ силу необходимости и когда только могъ говорить по-нѣмецки, то говорилъ на этомъ языкѣ и говорилъ по-нѣмецки часто съ наслажденіемъ, вслушиваясь самъ въ собственный говоръ и находя Нѣмецкій языкъ особенно гармоничнымъ, самымъ прелестнымъ въ мірѣ *).

*) Записки свои онъ велъ конечно на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ въ Севастополѣ, такъ и позже подъ Плевной.

Приведенный инцидентъ съ Великимъ Княземъ не послужилъ однако Тотлебену предостереженіемъ. Онъ возился съ своею раненою ногою и оттого не ходилъ самъ съ докладами къ Великому Князю Николаю Николаевичу, а посылалъ къ его высочеству кого либо изъ офицеровъ. Черезъ нѣсколько дней намъ пришлось слышать отъ адъютантовъ Великихъ Князей, что каждый разъ, когда у Великаго Князя Николая Николаевича бываетъ кто нибудь изъ инженерныхъ офицеровъ съ докладомъ по ходу работъ укрѣпленія Николаева, то по выходѣ этого офицера его высочество Константинъ Николаевичъ спрашиваетъ своего брата: «Nicolas, кто это былъ у тебя?» На отвѣтъ Николая Николаевича, что былъ у него Ганъ или Фолькмутъ, Тидебель, Эверсъ, его высочество Константинъ Николаевичъ сказалъ ему наконецъ: «Смотри, Nicolas, вѣдь ты опутанъ Нѣмцами. Неужели нѣтъ ни одного достойнаго инженернаго или саперная офицера изъ Русскихъ? Обрати ты на это вниманіе».

Кажется, такое замѣчаніе дошло наконецъ и до Тотлебена. По крайней мѣрѣ, когда Государь Императоръ выразилъ желаніе, чтобы его высочество генералъ-инспекторъ по инженерной части Великій Князь Николай Николаевичъ лично провѣрилъ устройство и вооруженіе батарей и укрѣпленій въ Днѣпровскихъ гирлахъ у Херсона, то Тотлебенъ указалъ на меня для сопровожденія его высочества въ этой поѣздкѣ.

Мы поѣхали въ двухъ экипажахъ; въ первой коляскѣ ѣхалъ Великій Князь съ своимъ адъютантомъ графомъ Павломъ Шуваловымъ, а во второй коляскѣ я съ докторомъ великаго князя Обермюллеромъ. Графъ Шуваловъ тогда былъ очень молодой человѣкъ, съ изящными манерами и весьма любезный въ обращеніи съ нами, обыкновенными смертными; въ разговорахъ, какіе мнѣ случалось въ это время имѣть съ нимъ, графъ Шуваловъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе.

Осмотръ батарей и укрѣпленій и вооруженія ихъ занялъ два дня. Мы съ Великимъ Княземъ ѣздили въ окрестностяхъ Херсона немного въ экипажахъ, а большею частью на пароходѣ, и тамъ же въ Херсонѣ его высочество поручилъ мнѣ составить отъ его имени докладъ Государю Императору о тогдашнемъ состояніи обороны гирлъ и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ.

26 Октября 1855 года Государь Императоръ выѣхалъ изъ Николаева въ Бахчисарай, гдѣ находилась главная квартира арміи князя Горчакова. Вскорѣ послѣ того уѣхали и Великіе Князья; послѣднимъ выѣхалъ Николай Николаевичъ, разсмотрѣвъ и утвердивъ всѣ проекты по нашимъ работамъ въ Николаевѣ. За часъ до отъѣзда его высочества всѣ мы, производители работъ съ полковникомъ Геннерихомъ во

главѣ (такъ какъ онъ назначенъ былъ главнымъ строителемъ въ Николаевѣ) собрались въ залѣ Великаго Князя, который отдавалъ намъ послѣднія приказанія и затѣмъ простился со всѣми и съ каждымъ отдѣльно, исключая меня. Меня онъ вызвалъ въ другую комнату и, разцѣловавъ въ обѣ щеки, очень и очень благодарилъ за мою службу въ Николаевѣ, гдѣ послѣднее время я былъ у его высочества единственнымъ докладчикомъ по производившимся работамъ.

Меня оставили въ Николаевѣ также въ числѣ офицеровъ для работъ, съ подчиненіемъ главному строителю; но главнѣйшее мое дѣло было составить подробный журналъ обороны Севастополя, для чего переданы мнѣ всѣ матеріалы по сему дѣлу, находившіеся во временномъ управленіи Тотлебена, какъ завѣдывавшаго обороною по инженерной части. Главная часть матеріаловъ состояла изъ донесеній, которыя старшіе на бастіонахъ и батареяхъ инженерные или саперные офицеры ежедневно дѣлали по установленной программѣ.

Я принялся за разсмотрѣніе всѣхъ переданныхъ мнѣ документовъ, классификацію ихъ, за укладку ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и такъ мало-по-малу приступилъ къ работѣ, которая, по мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ и съ появленіемъ какихъ-либо другихъ, новыхъ для меня документовъ, подвергалась многократнымъ съ моей стороны передѣлкамъ. Многія части приходилось пересоставлять вновь; но много времени и труда уходило также и на переписываніе такихъ листовъ, въ которыхъ потребовалось сдѣлать много вставокъ и добавленій, а къ этимъ вставкамъ и добавленіямъ дѣлать также новыя и неоднократныя дополненія. Дѣло часто такъ запутывалось въ изложеніи, что я, авторъ, не могъ найти слѣда, что̀ послѣ чего слѣдуетъ читать. Но къ труду я приступилъ съ большимъ жаромъ; любознательность, желаніе скорѣе познакомиться со всѣмъ ходомъ и съ подробностями славной обороны, въ теченіе перваго года работы, постоянно тянули меня къ дѣлу, которымъ я занимался самымъ усердным. образомъ.

Въ тоже время я кое-что дѣлалъ и по укрѣпленію Николаева, но весьма мало. Меня пристегнули къ временному управленію строителя Николаевскихъ укрѣпленій болѣе, я думаю, для формы, не зная какой видъ дать моему проживанію въ Николаевѣ.

Очевидно было, что Тотлебенъ обрекъ меня на эту, какъ оказалось впослѣдствіи, воловью работу, къ описанію обороны Севастополя, которое онъ сумѣлъ растянуть на 17 лѣтъ. Объ успѣхѣ своихъ занятій я сообщалъ ему отъ времени до времени частными письмами.

Между тѣмъ работы по укрѣпленію Николаева затягивались по недостатку въ рабочихъ средствахъ: то не хватало рабочаго инструмента, то перевозочныхъ средствъ. Наступило время всеобщаго утомле-

нія нравственныхъ силъ; слишкомъ долго мы работали съ особеннымъ напряженіемъ въ продолженіи всей обороны Севастополя, затѣмъ съ тѣмъ же жаромъ принялись въ Николаевѣ отстаивать послѣдніе остатки погибшаго Черноморскаго флота; во наступила зима, короткіе дни, непроходимая грязь, распутица, истощеніе рабочихъ средствъ, и мы, такимъ образомъ, мало по малу, опустили носы и руки. Но вотъ является къ намъ изъ Одессы нашъ ангелъ, нашъ хранитель князь В. И. Васильчиковъ и начинаетъ насъ подбадривать. Чтобы лучше уразумѣть дѣло и разъяснить вопросъ, откуда происходитъ необыкновенное затрудненіе въ работахъ, онъ пригласилъ къ себѣ не только полковника Геннериха, но и нѣсколькихъ старшихъ инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и меня. Подлежавшій разсмотрѣнію вопросъ долго мы разбирали со всѣхъ сторонъ и все приходили къ одному результату—надо больше денегъ; но князь каждый разъ повторялъ одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Для перемѣщенія значительныхъ массъ земли на большія разстоянія требовались подводы; но лошадей нельзя было нигдѣ достать, и прокормленіе ихъ представляло большія затрудненія. Нѣкоторые предлагали сформировать вмѣсто коннаго обоза воловій транспортъ. Князь долго слушалъ съ терпѣніемъ всѣ наши разсужденія и наконецъ спросилъ: Не хотите ли, господа, генераловъ? Ни денегъ, ни подводъ дать вамъ не могу, а генераловъ въ нашемъ распоряженіи видимо-невидимо. «Нѣтъ, нѣтъ, не нужно намъ вашихъ Николаевскихъ генераловъ, закричали мы какъ школьники, всѣ въ одинъ голосъ. Намъ или лошадей или воловъ нужно».

Тѣмъ и окончилось совѣщаніе. Князь убѣдился, что затрудненія, препятствующія успѣху работъ, были дѣйствительно серьезныя. Николаевъ былъ слишкомъ близокъ къ театру войны, чтобы па немъ не отразилось продолжительное и усиленное напряженіе всѣхъ средствъ страны.

15 Апрѣля 1856 г. меня произвели въ инженеръ-подполковники

Все, что можно было сдѣлать изъ предоставленныхъ въ мое распоряженіе матеріаловъ я сдѣлалъ, привелъ все въ хронологическій порядокъ и въ извѣстную систему. Мнѣ незачѣмъ было оставаться долѣе въ Николаевѣ; для продолженія работы необходимо было ѣхать въ Петербургъ, и я написалъ объ этомъ Тотлебену. 18 Мая 1856 г. я былъ переведенъ въ С.-Петербургскую инженерную команду съ прикомандированіемъ къ штабу генералъ-инспектора.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ 5 Іюня 1856 г., пробывъ въ отсутствіи ровно три года. Чего не насмотрѣлся, чего не испыталъ и сколько вытерпѣлъ я въ эти три года! Мнѣ показалось, что за это время я постарѣлъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ.

Когда я явился къ Тотлебену, то засталъ его страдающимъ тою-же лихорадкою, что̀ была и у меня. Мѣсто генерала Политковскаго занималъ генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-ый, даровитая и симпатичнѣйшая личность.

Для принятія мѣръ къ оборонѣ границъ государства, по повелѣнію Государя Императора образована была комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича. Должно быть, что и Тотлебенъ былъ въ этой комиссіи; по крайней мѣрѣ онъ безпрестанно разъѣзжалъ по различнымъ пунктамъ Балтійскаго побережья: былъ въ Свеаборгѣ, Балтійскомъ Портѣ, Ревелѣ, Ригѣ и отовсюду привозилъ свои предположенія по одному и тому-же рецепту. Хотите что-нибудь укрѣпить, обнесите защищаемый пунктъ укрѣпленіями, выдвинутыми настолько отъ укрѣпляемаго пункта, чтобы самыя большія орудія флота не могли бомбардировать того, что̀ хотятъ укрыть отъ непріятеля.

Вслѣдствіе такой простоты въ постановкѣ задачи, когда не принимались въ соображеніе ни значеніе для государства того или другаго пункта, ни средства для защиты открытыхъ границъ протяженіемъ болѣе 2 т. верстъ, получались одинаково гигантскіе проекты, по коимъ линія обороны каждаго пункта простиралась на 30 и 40 верстъ.

Мое дѣло при этомъ было составлять для Тотлебена объяснительныя записки къ его проектамъ, при которыхъ онъ и представлялъ свои предположенія въ комиссію по оборонѣ границъ государства. По этому случаю я постоянно видѣлся съ Тотлебеномъ, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ. Понятно, что всѣ эти проекты имѣли одинаковую участь быть сложенными въ архивахъ, откуда они никогда уже и не показывались на свѣтъ Божій.

Въ то горячее время, когда всѣ были заражены стремленіемъ дѣлать въ Россіи всякія реформы, Тотлебенъ также не отставалъ отъ другихъ и въ этомъ отношеніи. Одинъ разъ онъ прочелъ мнѣ свою записку, которую онъ представилъ Государю. Она начиналась съ разсказа, сколько милліоновъ рублей вращается ежегодно въ конторѣ Штиглица и сколько у него въ этой конторѣ сидитъ человѣкъ, ведущихъ дѣла̀ конторы. Затѣмъ Тотлебенъ перешелъ къ нашему Министерству Финансовъ и, не принимая въ расчетъ различія задачъ банкирской конторы и Министерства Финансовъ Россійской Имперіи, Тотлебенъ легко дошелъ до вывода имѣть поменьше чиновниковъ и платить имъ побольше жалованья. Какъ видите, рѣшеніе очень простое. Но повторяю, тогда всѣ были заражены идеею реформъ и обновленія всего строя государственнаго механизма. Я бывалъ у генерала Даненберга, и тотъ тоже говорилъ мнѣ, что цѣлый рой новыхъ идей тѣснится у него въ

головѣ, и докладныя записки какъ изъ рога изобилія вытекаютъ отъ него на благоусмотрѣніе военнаго министра.

Появленіе мое въ 1856 году въ Петербургѣ, съ обильнымъ запасомъ свѣдѣній объ оборонѣ Севастополя, привлекло на меня вниманіе профессоровъ Инженерной Академіи, генерала Болдырева, Квиста, Андреева и др. Читая въ Академіяхъ генеральнаго штаба и Инженерной объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей, они, натурально, интересовались получить вѣрныя свѣдѣнія о такой новой замѣчательной оборонѣ, каковою была оборона Севастополя. Генералы Болдыревъ и Квистъ, на основаніи нашего прежняго знакомства, приглашали меня къ себѣ по вечерамъ, когда собирались у нихъ и другіе интересовавшіеся послушать мои сообщенія. Ознакомившись по подлиннымъ документамъ какъ съ общими соображеніями Тотлебена въ различныя эпохи обороны, такъ и со всѣми подробностями, я не затруднялся отвѣчать на всѣ вопросы любознательныхъ профессоровъ. Главная мысль, которая наиболѣе ихъ интересовала, состояла въ томъ, чтобы выяснить себѣ—оборона Севастополя измѣнила ли въ чемъ-нибудь принятыя до того времени общія правила для обороны. Какъ личный свидѣтель дѣятельности Тотлебена въ Севастополѣ, заслуги котораго я высоко цѣнилъ и цѣню до сего времени, я стоялъ на той мысли, что невиданная дотолѣ активность обороны, безпримѣрное развитіе контръ-апрошей, когда обороняющійся успѣвалъ вырывать инціативу дѣйствія изъ рукъ осаждающаго, составляетъ новость въ оборонѣ и заслуживаетъ быть отмѣченною въ курсахъ объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей.

И въ самомъ дѣлѣ, наши контръ-апроши, какъ редуты Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій, съ ихъ траншеями и ложементами, а равно контръ-апроши въ видѣ обширнаго плацдарма впереди 5-аго и 6-ого бастіоновъ и на Кладбищенской высотѣ и контръ-апроша у Карантинной бухты, развѣ не останавливали осадныя работы и не заставляли противниковъ бросать намѣченныя цѣли, измѣнять свои распоряженія и расширять зону осадныхъ работъ, задаваться новыми задачами? Кромѣ того, контръ-апроши, доставляя случай нашимъ войскамъ сходиться на близкія разстоянія съ противникомъ, позволяли пользоваться превосходствомъ нашихъ войскъ въ рукопашномъ бою и сглаживали недостатокъ гладкоствольнаго ружья. Такимъ образомъ контръ-апроши ставили войска наши въ наиболѣе выгодныя для борьбы условія. Совершенно обратное мы видѣли въ Инкерманскомъ сраженіи, когда идущія въ атаку войска наши разстрѣливались ружейнымъ огнемъ Англичанъ съ разстоянія 1200 шаговъ, на которомъ наши гладкоствольныя ружья не могли дѣйствовать.

Вообще на сообщеніяхъ и вечернихъ бесѣдахъ у генераловъ Болдырева и Квиста разговоры и споры наши объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей были весьма оживленные. Очевидно было, что скорѣйшее опубликованіе свѣдѣній объ оборонѣ Севастополя было весьма желательно. Тогда, въ 1856 г. и въ слѣдующіе за нимъ годы, очень интересовались этимъ вопросомъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы тогда же напечатать уже составленный мною и только пополнявшійся журналъ осады и обороны Севастополя, то онъ былъ-бы внимательно прочитанъ многими; многіе вопросы были бы изслѣдованы съ надлежащею обстоятельностію, и наука наша, трактующая атаку и оборону крѣпостей, обогатилась бы многими полезными указаніями.

Между тѣмъ Тотлебенъ безъ предварительной обработки первичныхъ матеріаловъ хотѣлъ составить прямо описаніе обороны и кончилъ тѣмъ, что часть 1-ая «Описанія обороны Севастополя» издана въ 1863 году, 1-й отдѣлъ части II-ой изданъ въ 1868 г., 2-ой отдѣлъ той же части въ 1872 г., «Минная война» въ 1868 г. и «Очеркъ медицинской и госпитальной» части въ Крыму въ 1870 г., т. е. сочиненіе появилось въ свѣтъ 17 лѣтъ послѣ обороны. Многіе высокообразованные военные люди сознавались мнѣ чистосердечно, что они и не заглядывали въ это сочиненіе. На все есть свое время.

Англичане же издали «Siege of Sebastopol» съ превосходнѣйшимъ атласомъ чертежей въ 1859, а Французы въ 1858 году.

Не занимая никакого штатнаго мѣста въ инженерномъ корпусѣ, Тотлебенъ, тѣмъ не менѣе, давалъ свои мнѣнія по всѣмъ крупнымъ вопросамъ, какіе проходили тогда чрезъ Инженерный департаментъ. Съ начальникомъ штаба генералъ-инспектора ген.-маіоромъ свиты Его Величества К. П. Кауфманомъ онъ находился тогда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Въ одинъ изъ моихъ визитовъ къ Тотлебену онъ показалъ мнѣ дипломъ, присланный ему отъ Совѣта Университета Св. Владимира на званіе почетнаго члена за его заслуги въ Севастополѣ. Тотлебенъ въ то время былъ настолько еще скроменъ, что, показывая мнѣ дипломъ, онъ сказалъ, что слова: храбрость, энергія, прописанныя въ его дипломѣ, онъ находитъ справедливыми; но что ему, Тотлебену, кажется утрировкою навязываемое ему достоинство, котораго онъ конечно не имѣетъ, и при этомъ показалъ мнѣ пальцемъ на слово «геніальность». Очевидно, что профессоръ Гюббенетъ, который и былъ двигателемъ въ Университетскомъ Совѣтѣ по сему дѣлу, редактировалъ его постановленія и пересолилъ отъ излишняго усердія.

Тотлебенъ, охотно бесѣдуя со мною обо всемъ и не думалъ заниматься журналомъ обороны Севастополя; на привезенный мною изъ

Николаева трудъ мой онъ и не взглянулъ, а выслушавъ докладъ мой о необходимости собирать многіе матеріалы отъ морского и сухопутнаго вѣдомствъ, обѣщалъ оказать мнѣ въ томъ свое содѣйствіе и поручилъ мнѣ заниматься какъ дальнѣйшимъ пополненіемъ журнала, такъ и чтеніемъ всего, что̀ печатается за границею о Севастопольской войнѣ.

Я не ворчалъ тогда на свою судьбу: жить въ Петербургѣ, быть довольно независимымъ по службѣ человѣкомъ, жить въ кругу своихъ близкихъ родныхъ, знакомыхъ и друзей было недурно. Кромѣ очень скромнаго содержанія по чину я ничего не получалъ, но сначала и не горевалъ о томъ въ силу привычки быть всегда безъ денегъ. Скажу здѣсь къ слову, что, не зная баловства и роскоши съ молоду, я всю свою жизнь не зналъ комфорта и объ убранствѣ напримѣръ своей квартиры никогда не думалъ. Въ Севастополѣ, до войны, когда я жилъ на мирномъ положеніи семь лѣтъ, я имѣлъ мебель сработанную рукою солдата, надъ которою товарищи мои подсмѣивались и прозвали ее Колленовскою, по имени извѣстнаго въ то время мебельнаго мастера въ Одессѣ Коллена. За то я никогда не дѣлалъ долговъ и всегда былъ доволенъ своимъ настоящимъ.

Немало подивилъ меня Тотлебенъ, объявивъ, что онъ совѣщался съ извѣстнымъ историкомъ Шмидтомъ и порѣшилъ написать исторію обороны Севастополя на Нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ онъ не знаетъ ничего выше таланта г. Шмидта для описанія военныхъ сценъ. Поэтому Тотлебенъ поручилъ мнѣ познакомиться съ г. Шмидтомъ и показать ему собранные мною матеріалы. По написаніи Шмидтомъ обороны Севастополя, Тотлебенъ хотѣлъ перевести этотъ трудъ на Русскій языкъ и издать. «Все равно, говорилъ онъ, когда будетъ готово Русское сочиненіе, придется же переводить его на Нѣмецкій и Французскій языки». Я познакомился съ г. Шмидтомъ и показалъ ему мой журналъ, Шмидтъ читалъ этотъ журналъ, и по этому поводу я неоднократно заходилъ къ нему; обдумавъ дѣло, Шмидтъ призналъ однако затруднительнымъ для себя описывать такое спеціальное дѣло, какъ оборона укрѣпленной позиціи, гдѣ что̀ ни слово, все ему незнакомо. Онъ отказался. При этомъ онъ былъ того же мнѣнія, что, прежде чѣмъ писать исторію, необходимо собрать матеріалы, исправить и очистить ихъ критикою и составить оффиціальные отчеты по разнымъ частямъ обороны, а затѣмъ можно писать что кому угодно.

ГЛАВА VI.

Мои сношенія съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, съ Шарнгорстомъ и съ Тотлебеномъ. — Еще характеристика Тотлебена. — Мой уходъ отъ него.—Первый образецъ честности, изобрѣтенный Тотлебеномъ.—К. Я. Звѣревъ.—Заграничная поѣздка.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1856 года назначено было коронованіе Его Величества. Тотлебенъ отправлялся за границу, полагая на коронацію попасть въ Москву, а я располагалъ взять отпускъ и повидаться съ братьями.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга Тотлебена, я видѣлъ бывшаго моего начальника генер. Шарнгорста, который занималъ тогда постъ предсѣдателя ученаго комитета Инженернаго Департамента.

«Инженерный Журналъ» издавался тогда по распоряженію ученаго комитета; генер. Шарнгорстъ предложилъ мнѣ взять на себя редакцію журнала съ вознагражденіемъ 1000 рублей въ годъ. Состоя въ распоряженіи генерала Тотлебена, я конечно не могъ отвѣчать, не переговоривъ съ нимъ, ни да, ни нѣтъ. Что же касается до личнаго моего вліянія, благодаря моимъ знакомствамъ съ многими дѣятелями минувшей войны, для привлеченія ихъ къ участію въ журналѣ, то я съ большимъ удовольствіемъ взялъ на себя написать письма и просить моихъ сослуживцевъ прислать въ журналъ описанія тѣхъ военныхъ дѣйствій и тѣхъ военно-инженерныхъ работъ, въ коихъ они принимали участіе. Вслѣдствіе таковаго обращенія моего къ сослуживцамъ было получено много статей для журнала, изъ коихъ статья объ оборонѣ Кинбурна инженера Седергольма была драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу военную литературу.

Почти въ тоже время я былъ запрошенъ отъ главнаго Инженернаго Училища (нынѣ Инженерная Академія), не пожелалъ ли бы я занять каѳедру по строительному искусству на мѣсто генерала П. Е. Рошѐ, который, занятый своимъ цементнымъ заводомъ, желалъ съ извѣстною постепенностью сойти съ профессорскаго поприща. Обсудивъ этотъ вопросъ, послѣ 2—3-хъ совѣщаній съ П. Е. Рошѐ, съ которымъ я давно уже и до конца его жизни находился въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ, я безъ малѣйшаго колебанія отклонилъ предложеніе...

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ я поѣхалъ въ Лепель, а оттуда, вмѣстѣ съ братомъ въ Смоленскъ. Переждавъ первые дни коронаціи, я изъ Смоленска поѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ Тотлебеномъ. Мнѣ хотѣлось спросить у Тотлебена его мнѣнія на счетъ редакторства «Инженернаго Журнала». Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ понимаетъ всю трудность жить въ Петербургѣ на жалованье инженеръ-подполковника, но съ другой стороны обязательная и отвѣтственная работа редактора не-

минуемо отвлечетъ мое вниманіе отъ журнала обороны Севастополя, и потому онъ, Тотлебенъ, предпочитаетъ, чтобы я отказался отъ редакторства, а онъ, Тотлебенъ, позаботится исходатайствовать для меня соотвѣтственную прибавку къ содержанію.

Я былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ и поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ, не любопытствуя посмотрѣть назначенный на тотъ же день въ Москвѣ какой-то замѣчательный и никогда еще небывалый фейерверкъ: забава, которую я всегда считалъ самою глупою въ мірѣ.

До конца 1856 года генералъ Тотлебенъ ничего не сдѣлалъ для исполненія даннаго мнѣ обѣщанія увеличить мое содержаніе, а я начиналъ уже весьма осязательно чувствовать невозможность жить на одномъ только жалованьи.

Въ одно прекрасное утро ко мнѣ явился курьеръ и доложилъ, что генералъ-инспекторъ по инженерной части Е. И. В., Великій Князь Николай Николаевичъ зоветъ меня къ себѣ.

Въ назначенный часъ я явился къ его высочеству и получилъ отъ него слѣдующаго рода порученіе: составить трактатъ, въ которомъ выяснить полезное значеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій надежно укрѣпленнаго пункта—города, гавани, переправы чрезъ большую рѣку, а равно и тѣ условія, которымъ должны удовлетворять современныя укрѣпленія. Его Высочество пояснилъ мнѣ, что, принимая участіе въ высочайше назначенной комиссіи для обороны нашихъ границъ, онъ замѣчаетъ крайнее разнообразіе взглядовъ на означенный предметъ. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи выражали даже и такое мнѣніе, что укрѣплять города и гавани болѣе вредно, нежели полезно, такъ какъ по необходимости обширныя въ подобныхъ случаяхъ укрѣпленія и многочисленная артиллерія требуютъ громадныхъ затратъ въ мирное время, а въ военное отнимаютъ кромѣ того отъ полевой арміи много войскъ, которыя могутъ оставаться непроизводительною силою во все время войны. Потому весьма часто въ засѣданіяхъ комиссіи все время уходитъ въ разговорахъ, не приводившихъ ни къ какому положительному результату. Великій Князь выразилъ такую мысль, что разъ будутъ изложены основательные доводы пользы имѣть на театрѣ войны надежно укрѣпленные пункты и указаны основныя правила для укрѣпленія городовъ, гаваней, устройства на стратегическихъ пунктахъ крѣпостей, то подобный трактатъ, высочайше одобренный, послужилъ бы комиссіи точкою отправленія для обсужденія подлежащихъ ея разсмотрѣнію вопросовъ.

Выйдя изъ дворца Великаго Князя совершенно ошеломленный возложенною на меня новою, кабинетною работою, я рѣшительно не понималъ, что все это означаетъ и рѣшилъ идти прямо къ начальнику

штаба его высочества генералу К. П. Кауфману, доложить ему о полученномъ приказаніи и просить дать мнѣ болѣе точныя и опредѣленныя границы для предстоящаго труда, въ надеждѣ, что Константинъ Петровичъ сузитъ его рамки; но начальникъ штаба повторилъ мнѣ слова Великаго Князя и ничего мнѣ болѣе не разъяснилъ. Тогда я началъ представлять обширность труда, затруднительность для меня исполнить съ успѣхомъ подобное дѣло и что гораздо справедливѣе было бы возложить подобное порученіе на кого-нибудь изъ профессоровъ военной исторіи и долговременной фортификаціи въ нашихъ академіяхъ. Но ничего не помогло; Константинъ Петровичъ стоялъ на своемъ, что я долженъ исполнить это дѣло, посовѣтовалъ составить предварительно подробную программу, которую и представить на просмотръ Великому Князю, и затѣмъ, высказавъ нѣсколько любезностей по моему адресу, отпустилъ меня.

Долго я думалъ о томъ, какъ приступить къ дѣлу и рѣшилъ обратиться къ профессорамъ за указаніями подходящихъ сочиненій на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Вооружившись громадою книгъ, я погрузился въ работу. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. По мѣрѣ того какъ я вчитывался въ предметъ, тѣмъ обширнѣе становилась моя программа. Приходившія мнѣ мысли и соображенія я записывалъ. Работалъ я по цѣлымъ днямъ и длинными вечерами; рѣдко выходилъ на воздухъ, велъ жизнь сидячую и оттого послѣ нѣсколькихъ недѣль подобныхъ усидчивыхъ трудовъ потерялъ сонъ и аппетитъ и сдѣлался нервнымъ и раздражительнымъ. Все мое развлеченіе состояло въ томъ, что занятія фортификаціонныя я смѣнялъ работою по журналу обороны Севастополя, для чего приходилось слѣдить за всѣмъ, что печаталось по сему дѣлу за границею. Недостатокъ въ деньгахъ давалъ себя чувствовать, и кромѣ того мнѣ одному безъ всякаго помощника, даже безъ писарей, было просто не подъ силу одолѣть возложенныя на меня обязанности. Нѣсколько разъ я обращался къ генералу Кауфману, чтобы онъ оказалъ мнѣ свое содѣйствіе, но онъ только обѣщалъ мнѣ, а дѣлать ничего не дѣлалъ.

Въ Октябрѣ 1856 г. генералъ Шарнгорстъ снова обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ взять на себя редакцію «Инженернаго Журнала», хотя бы только номинально, обѣщая нести самъ всѣ труды по редактированію.

Не видя со стороны Тотлебена исполненія обѣщанія, даннаго мнѣ въ Москвѣ, я тогда же написалъ ему о вторичномъ предложеніи генерала Шарнгорста и спрашивалъ совѣта; кромѣ того я пожаловался ему на Кауфмана, что онъ не оказываетъ мнѣ никакого содѣйствія. Вся зима 1856—57 г. прошла въ постоянной работѣ надъ бумагами.

Въ это время я успѣлъ составить программу и показалъ ее генералу Кауфману; онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться къ Великому Князю и постараться прочитать ему программу, а затѣмъ оставить ее у его высочества, который непремѣнно просмотритъ ее внимательно и сдѣлаетъ свои замѣчанія.

Я явился къ Великому Князю съ программою, но его высочество долженъ былъ въ то время куда-то ѣхать, и потому приказалъ мнѣ явиться къ нему въ тотъ же день вечеромъ.

Вечеромъ я былъ и читалъ программу; Великій Князь оставилъ у себя мою программу для пересмотра и замѣчаній. Чрезъ нѣсколько дней я получилъ программу съ замѣчаніями и многими добавленіями, сдѣланными его высочествомъ собственноручно; тѣ и другія обнаружили основательное знаніе и хорошее пониманіе военно-инженернаго дѣла. Впослѣдствіи, когда введена была военно-окружная система и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразованы высшія управленія Военнаго Министерства, когда Инженерный Департаментъ превратили въ Главное Инженерное Управленіе, включивъ въ него и штабъ генералъ-инспектора по инженерной части, а вмѣсто начальника штаба сдѣлали товарища генералъ-инспектора и на это мѣсто былъ назначенъ Тотлебенъ, Великій Князь видимо отстранился отъ дѣлъ инженернаго корпуса, которыми такъ охотно и дѣльно занимался вмѣстѣ съ Кауфманомъ; при Тотлебенѣ же онъ неохотно принималъ его доклады, иногда даже уклоняясь отъ нихъ подъ предлогомъ необходимости ѣхать на какое-нибудь полковое ученье.

Получивъ одобренную программу, не трудно уже было написать требовавшійся трактатъ. Генералъ Кауфманъ, какъ бывшій дѣятель на Кавказѣ, помогъ мнѣ немного указаніями относительно вліянія крѣпостей на Азіатскомъ театрѣ войны вашей съ Турціею. Въ скоромъ времени работа моя была отправлена заграницу на просмотръ Тотлебена.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1857 г. я получилъ отъ Тотлебена письмо въ отвѣтъ на мое, писанное ему въ Октябрѣ минувшаго года. Привожу это письмо дословно съ сохраненіемъ орѳографіи автора и съ его знаками препинанія.

Вевэ, 10 Марта (26 Февраля) 1857 года.
Любезнѣйшій Константинъ Дмитріевичъ.

Извините, что самъ не отвѣтилъ вамъ на ваше письмомъ отъ 24 Октября. Я просилъ Константина Петровича передать вамъ что я *расчитываю* на ваши занятія по части составленія описанія обороны Севастополя во время моего пребыванія за границею и весьма желалъ бы что по возвращенію моему въ Петербургъ вы бы состояли при мнѣ по искусственной и письменной части; но если за тѣмъ при исполненіи этихъ обязанностей вы полагаете имѣть достаточно вре-

мени,—одновременно съ тѣмъ исполнять обязанности редактора Инженернаго Журнала, то я не только не вижу никакихъ къ тому препятствій, но напротивъ весьма радъ денежному пособію, которое вы при этомъ можете преобрѣсти, пособіе по моему убѣжденію такъ необходимое, чтобы продолжать службу въ Петербургѣ.—Рѣшеніе Константинъ Петровичъ принять это мѣсто на одинъ годъ—мнѣ кажется совершенно соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, ибо по моему возвращенію, вы сами убѣдитесь въ томъ можете ли вы исполнять тѣ и другія обязанности. Сочиненіе Базанкура и le Spectateur militair на 1856 г. я прочелъ съ большимъ вниманіемъ, но не совсѣмъ равнодушно, ибо я снова припомнилъ и перечувствовалъ что испытывалъ при долговременной оборонѣ, и потому безъ особеннаго вреда для своего здоровія, не могъ заниматся этимъ кровавымъ предмѣтомъ такъ основательно какъ бы слѣдовало для успѣшнаго хода нашего описанія. Не смотря на явное пристрастіе къ дѣйствіямъ союзниковъ, въ этихъ сочиненіяхъ многое заслуживаетъ вниманія и съ пользою можетъ быть извлечено для объясненія многихъ обстоятельствъ. Вѣроятно вы также читали эти изданія, прошу васъ Константинъ Дмитріевичъ составить изъ нихъ выписки, относительно 1) Устройства, расположенія и вооруженія батареи (послѣднее весьма подробно означено въ Spectateur militair къ каждому періоду осады). 2) Постепенное развитіе траншейныхъ работъ въ каждомъ періодѣ. 3) Описаніе всѣхъ вылазокъ съ нашей стороны. 4) Всѣ атаки союзниковъ въ особенности отбитіе атаки на Селенгійскій редутъ въ Февралѣ 1855. Атака ложементовъ вообще и постепенное овладѣніе ими, преимущественно передъ 5-мъ бастіономъ. 5) Атака и овладѣніе редутами 27 Мая (9) Іюня. 6) Отбитіе штурма 6 (18) Іюня. 7) Всѣ главныя дѣйствія въ послѣднемъ періодѣ. 8) Штурмъ 26 Августа (8) Сентября.

Полезно было бы вообще по каждому предмету собрать по возможности болѣе свѣдѣній отъ князя Васильчикова, Тидебеля, Орда и всѣхъ офицеровъ бывшихъ въ Севастополѣ и принимавшихъ живое участіе въ оборонѣ, чтобы къ моему возвращенію истощить всѣ источники, которыми можно было воспользоваться. Въ Парижѣ я постараюсь преобрѣсти детальные планы осаднымъ работамъ съ обозначеніемъ номеровъ всѣхъ батарей, равно какъ и планъ миннымъ работамъ атакующаго; все это и другія свѣденія я вамъ сообщу немедленно. Обратите также вниманіе на составленіе детальныхъ чертежей оборонительнымъ работамъ для каждаго отдѣленія. Полковникъ Гарднеръ, Ватовскій, Дельсаль и другіе при этомъ могли бы оказать полезное содѣйствіе, доложите о томъ Константину Петровичу; онъ вамъ вѣрно во всемъ поможетъ. Спеціально и исключительно заниматься описаніемъ обороны я вѣроятно не буду имѣть времени при постоянныхъ другихъ занятіяхъ, которыя и здѣсь лишаютъ меня всякаго отдыха, но если все будетъ приготовлено къ окончательному обработыванію, то по возвращеніи моему въ Петербургъ, мы назначимъ три вечера въ каждой недѣли, и отъ начала до конца переберемъ каждую статью отдѣльно, такимъ образомъ, я надѣюсь, мы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ успѣхомъ окончимъ этотъ немаловажный трудъ, который болѣе не

терпитъ отлагательства. Въ главномъ штабѣ I-й арміи составляется историческое описаніе военныхъ дѣйствій въ минувшей войнѣ. Князь Горчаковъ надѣется, что наше описаніе можетъ быть включено вполнѣ (относительно обороны Севастополя). Въ твердомъ убѣжденіи, Константинъ Дмитріевичъ, что вы со свойственною вамъ дѣятельностью двините это дѣло впередъ и приготовите всѣ матеріалы для скорѣйшаго окончанія описанія, послѣ моего возвращенія, остаюсь совершенно преданный вамъ Эдуардъ Тотлебенъ.

Прочитавъ такое посланіе, я убѣдился, что Тотлебенъ совсѣмъ не понимаетъ настоящаго положенія дѣла. Въ моей обстановкѣ, безъ всякихъ средствъ къ собранію важнѣйшихъ матеріаловъ, нельзя было и думать о составленіи общаго описанія обороны Севастополя. Я занимался составленіемъ первичнаго описанія, *посуточнаго журнала обороны*, который долженъ былъ послужить основною канвою къ составленію общаго описанія. Да и эта работа была для меня затруднительна, ибо у меня не было ни чертежной, ни канцеляріи для сношеній съ разными лицами, на которыхъ указываетъ Тотлебенъ, для дѣланія выписокъ изъ дѣлъ и сочиненій и наконецъ для переписыванія чернового экземпляра, мною написаннаго, но со столькими вставками и переносами, что уже и самъ съ трудомъ его разбиралъ. Пробовалъ я обращаться за содѣйствіемъ къ генералу Кауфману, но ничего не получилъ, ни единаго даже писаря. А о томъ, чтобы Гарднеръ, Ватовскій, Дельсаль и др. могли оказать мнѣ содѣйствіе, и думать было нечего. Вѣдь я собралъ матеріалы для исторіи всей обороны, а не для описанія какого-нибудь отдѣльнаго эпизода; господа эти не имѣли у себя письменныхъ замѣтокъ веденныхъ по дѣламъ; слѣдовательно помочь мнѣ могли только такимъ способомъ, если бы пришли и сѣли вмѣстѣ со мною работать; въ разсказахъ же ихъ, къ дѣлу часто не идущихъ, я не имѣлъ надобности. Какъ видно изъ письма, Тотлебенъ готовъ валить на меня сколько угодно самой тяжелой работы, а заботиться о томъ, чтобы было чѣмъ мнѣ жить, онъ великодушно предоставляетъ это мнѣ самому, тогда какъ я бы могъ удовольствоваться самымъ ничтожнымъ увеличеніемъ моего содержанія. Во 2-хъ, мнѣ не понравилось, что онъ думаетъ распоряжаться моею службою какъ для него выгоднѣе, не позаботясь справиться, желаю ли я состоять при немъ по искусственной и письменной части, т. е. составлять проекты по военно-инженерной части и вѣдать письмоводствомъ или быть его секретаремъ.

Я признавалъ за нимъ несомнѣнныя заслуги при оборонѣ Севастополя, но въ тоже время ясно видѣлъ, что Тотлебенъ не администраторъ и чтобы быть во главѣ инженернаго корпуса не имѣетъ серьезнаго спеціальнаго образованія. Внѣ узкой сферы знаній сапернаго офицера и большой боевой опытности Тотлебенъ не былъ даже свѣдующимъ

инженернымъ офицеромъ, не зналъ ни крѣпостей, ни строительнаго искусства, не говоря уже объ общемъ образованіи. Ни со стороны знаній, ни со стороны умѣнья обращаться со своими подчиненными, Тотлебенъ не былъ для меня идеаломъ, и потому я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія промѣнивать свою службу въ крѣпости на службу въ Петербургѣ состоящимъ при Тотлебенѣ, значитъ постоянно заваленнымъ работою и за все это получающимъ свое скромное содержаніе, которое, какъ я убѣдился теперь на опытѣ, было далеко недостаточно даже для самой скромной жизни въ Петербургѣ.

На основаніи этихъ соображеній я счелъ необходимымъ написать Тотлебену письмо, въ которомъ откровенно сказалъ ему все, что думалъ относительно своего настоящаго и предстоявшаго мнѣ служебнаго положенія. Я былъ увѣренъ, что письмо мое не понравится Тотлебену, и потому, когда чрезъ нѣсколько дней получилъ отъ генерала Кауфмана приказаніе придти къ нему со своимъ трудомъ по описанію обороны Севастополя, то зналъ напередъ, о чемъ будетъ разговоръ, и потому захватилъ съ собою выше приведенное письмо Тотлебена.

Оказалось, что онъ дѣйствительно разобидѣлся моимъ письмомъ. Мы долго толковали съ К. П. Кауфманомъ, который настаивалъ, чтобы я написалъ къ Тотлебену что нибудь любезное и для него пріятное; но я не счелъ возможнымъ этого сдѣлать и не знаю, что писалъ ему Кауфманъ; только недѣли чрезъ 3—4 онъ объявилъ мнѣ, что Тотлебенъ ходатайствуетъ о командированіи меня на казенный счетъ заграницу. Наконецъ-то догадался!

Не помню хорошо, когда именно это было, но думаю, что въ Сентябрѣ 1857 г., я встрѣтилъ въ Итальянской оперѣ князя Васильчикова и объяснилъ, что для порученнаго мнѣ дѣла имѣю надобность обратиться къ нему за содѣйствіемъ. Князь занималъ тогда мѣсто начальника канцеляріи Военнаго Министерства и могъ многое сдѣлать. Васильчиковъ отвѣчалъ, что можетъ принять меня завтра въ 12 часовъ ночи; я думалъ, что не разслыхалъ хорошо, но князь повторилъ мнѣ, чтобы придти къ нему въ 12 ч. ночи.

Какъ ни хотѣлось мнѣ спать на другой день вечеромъ, но я надѣлъ мундиръ и отправился къ князю. Въ его пріемной было 3—4 человѣка съ портфелями, которые ожидали очереди для доклада, одинъ или два фрака были со звѣздами. Когда дошла очередь до меня, и я вступилъ въ кабинетъ князя, то на вопросъ: «чѣмъ могу служить?» я отвѣчалъ просьбою потребовать отъ нѣкоторыхъ сухопутныхъ и морскихъ начальниковъ извѣстныхъ свѣдѣній, касающихся обороны Севастополя. Вмѣсто отвѣта князь, показывая мнѣ рукою на груды бумагъ, лежавшихъ на главномъ столѣ кабинета, сказалъ: «вотъ, батюшка, вы при-

думайте лучше какъ бы избавиться отъ такого добра!», затѣмъ вступилъ въ разговоръ по занимавшему меня предмету, написалъ замѣтки карандашемъ и обѣщалъ исполнить. Визитъ мой окончился въ началѣ второго часа ночи. Кажется, что тогда я въ послѣдній разъ видѣлъ князя; черезъ годъ онъ заболѣлъ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, и мѣсто его заступилъ г.-л. Лихачевъ, остававшійся на посту начальника канцеляріи Военнаго Министерства года три, а послѣ него это мѣсто занялъ ген.-ад. К. П. Кауфманъ.

Въ половинѣ Октября 1857 г., хорошо снабженный деньгами отъ казны, я отправился въ мальпостѣ на Вержболово въ Эйдкуненъ и, кажется, что въ Кенигсбергѣ сѣлъ на желѣзную дорогу. Это была моя первая поѣздка за границу. Въ Берлинѣ я останавливался недолго и проѣхалъ прямо въ Висбаденъ, гдѣ Тотлебенъ проживалъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Именно въ день моего пріѣзда къ Тотлебену, онъ прогуливался верхомъ; была гололедица, лошадь упала и онъ свихнулъ себѣ въ плечѣ правую руку. Между туземными докторами не нашлось ни одного, который бы могъ помочь больному, и только по счастливой случайности въ Висбаденъ попалъ нашъ извѣстный Караваевъ, который и помогъ Тотлебену.

Вслѣдъ за мною вскорѣ прибылъ въ Висбаденъ большой тюкъ—трудъ мой по составленію журнала обороны Севастополя; но Тотлебенъ не расположенъ былъ заниматься разсмотрѣніемъ моей работы. Онъ начитался Базанкура и разныхъ другихъ беллетристовъ, которые живымъ увлекательнымъ языкомъ описывали картины боя, вылазокъ и пр., и думалъ, что оффиціальный отчетъ объ оборонѣ можетъ быть изложенъ въ видѣ подобнаго-же интереснаго разсказа. Сколько я ни убѣждалъ Тотлебена, что *описаніе* обороны есть дѣло послѣдующихъ лѣтъ, что прежде всего надо издать *журналъ* обороны, въ которомъ, за каждый день и за каждую ночь обороны, должны быть подробно изложены инженерныя работы, дѣйствія артиллеріи какъ осаждающаго, такъ и обороняющагося, вылазки, потери въ людяхъ, расходъ снарядовъ и пр., Тотлебенъ со мною не соглашался. Я представлялъ ему, что для задуманнаго имъ описанія у насъ нѣтъ еще матеріаловъ, что если мы издадимъ теперь же составленный мною журналъ, то онъ вызоветъ, на свѣжей памяти, массу дополненій и печатныхъ разсказовъ, многое пополнится и исправится, явится полемика, которая разъяснитъ многіе факты, родится такимъ образомъ цѣлая литература, которая и доставитъ матеріалъ для Описанія. Никакіе доводы не дѣйствовали на Тотлебена. Тогда я просилъ его освободить меня совсѣмъ отъ такой работы, но онъ и слышать о томъ не хотѣлъ.

Тотлебенъ велъ жизнь въ Висбаденѣ очень тихую. Почти каждый день мы совершали вдвоемъ съ нимъ прогулки по окрестностямъ, и у насъ нѣсколько разъ заходилъ разговоръ о составленіи описанія обороны. Тотлебенъ наконецъ порѣшилъ сдѣлать по возвращеніи въ Петербургъ такъ, чтобы подъ моимъ предсѣдательствомъ образовать комиссію изъ участниковъ обороны: инженерныхъ, саперныхъ, артиллерійскихъ и морскихъ офицеровъ. На этомъ мы и остановились и затѣмъ, не желая тратить по пустому времени, я отправился въ Англію.

Зиму 1857—1858 г. я провелъ въ Лондонѣ съ разъѣздами въ Вуличъ, Чатамъ, Портсмутъ, Бирмингамъ, Ольдершотъ и др. Въ Лондонѣ я болѣе всего сошелся съ Англійскими военными инженерами (Royal engineers). Благодаря ихъ любезному ко мнѣ вниманію, я былъ приглашенъ на все время пребыванія въ Англіи быть членомъ двухъ клубовъ: Junior United service Club и Army and Navy Club. Я воспользовался первымъ изъ этихъ клубовъ и хорошо устроилъ свою домашнюю жизнь въ Лондонѣ.

Въ S-t Jame's Palace я присутствовалъ на бракосочетаніи старшей дочери королевы Викторіи съ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ (впослѣдствіи Германскій императоръ Фридрихъ II, кратковременно царствовавшій), а послѣ того былъ приглашенъ на торжественный концертъ-раутъ въ Бѣкингамскомъ дворцѣ. 1-аго Февраля я принималъ участіе въ обѣдѣ, на который ежегодно собираются въ этотъ день всѣ военные инженеры Великобританіи, и здѣсь мнѣ пришлось отвѣчать на произнесенные въ честь меня спичи и тосты тоже спичами на Англійскомъ языкѣ, что̀ должно быть вышло не очень ужъ дурно, такъ какъ послѣ обѣда я получилъ много приглашеній на разные обѣды. Такимъ образомъ я мало по малу былъ втянутъ въ общественную жизнь Лондонскаго общества.

Не помню по какому случаю назначенъ былъ смотръ Англійскихъ войскъ въ Вуличѣ у герцога Кембриджскаго. Меня пригласили быть на смотру въ моей военной формѣ. Масса публики отправлялась по этому случаю изъ Лондона въ Вуличъ. Нѣсколько Англійскихъ инженеровъ предложили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними верхомъ и достали для меня хорошаго коня; мы условились ѣхать половину дороги (верстъ 15) въ статскомъ платьѣ, на срединѣ дороги закусить въ ресторанѣ и тамъ одѣться въ военную форму. Конь у меня былъ горячій, и пока я ѣхалъ въ статскомъ платьѣ, все какъ-то улаживалось благополучно; но когда я надѣлъ свою каску съ бѣлымъ волосянымъ султаномъ, а на боку болталась сабля, то я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать съ своимъ конемъ.

Смотръ былъ блестящій; въ особенности понравилась мнѣ артиллерія на скорыхъ аллюрахъ. Лошади выглядывали незавидно, а между

тѣмъ, когда скомандовали «маршъ-маршъ», то артиллерія пронеслась лихо, молодецки.

Возвращались мы опять верхомъ и когда на пол-дорогѣ скинули свою форму, порядочно пообѣдали, тогда я спокойно сѣлъ на своего коня и ѣхалъ не хуже другихъ. Мы вернулись въ Лондонъ поздно вечеромъ, сдѣлавъ верстъ 50—60.

Болѣе всего я сошелся съ полковникомъ Гордономъ, занимавшимъ въ то время постъ начальника штаба корпуса инженеровъ. Съ нимъ мы посѣтили Чатамъ, Инженерную Академію, гдѣ я познакомился съ директоромъ ея генераломъ Sir Harry Johnes, Ольдершотскій лагерь, Вуличскій арсеналъ и ружейный заводъ.

Англія сильно мнѣ понравилась, просто очаровала, и долго бы я прожилъ въ Лондонѣ, если бы не финансовый вопросъ; карманъ мой значительно опустѣлъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ я направился къ вокзалу London-Bridge Station, гдѣ съ стѣсненнымъ сердцемъ взялъ билетъ на Парижъ.

Тотлебенъ продолжалъ вести монотонную жизнь, запершись въ кругу нѣсколькихъ Нѣмецкихъ семейныхъ домовъ. Мнѣ нужно было нѣсколько отдохнуть только отъ бойкой жизни въ Лондонѣ и получить деньги, и затѣмъ я составилъ планъ отправиться въ Голландію, оттуда въ Бельгію. Купальный сезонъ я порѣшилъ провести въ Остенде, а оттуда ѣхать въ Швейцарію и Италію. Вернуться въ Петербургъ Тотлебенъ назначилъ въ Октябрѣ 1858 г., и къ этому сроку и я долженъ былъ явиться на службу. Такъ я и сдѣлалъ, и въ Италіи поднялся въ обратный путь съ такимъ расчетомъ, чтобы для отдыха пробыть на полдорогѣ въ Вѣнѣ 5—6 дней. Собственно заграничная командировка моя оканчивалась въ Августѣ мѣсяцѣ, но я просилъ разрѣшенія остаться за границею еще два мѣсяца безъ отпуска для сего денегъ отъ казны, и моя просьба была удовлетворена.

Но какая же рѣзкая разница въ образѣ жизни ожидала меня по прибытіи въ Петербургъ! Я пріѣхалъ туда во второй половинѣ Октября почти прямо изъ Италіи, гдѣ голубое небо и яркое солнце, а въ Петербургѣ я нашелъ ужасную слякоть, холодъ, облака и тучи застилающія все небо и висящія надъ самыми домами, оттого сумракъ въ домахъ цѣлый день—брр... какая мерзость!! Вмѣсто приволья и прогулокъ пришлось втягиваться въ скучныя ежедневныя занятія; всѣ лица, назначенныя для составленія описанія обороны Севастополя, собрались, и мы сначала принялись довольно ретиво за дѣло; но вскорѣ Тотлебенъ охладилъ наше усердіе, показавъ намъ довольно прозрачно, какое направленіе желаетъ онъ дать всему этому описанію.

Въ первыя главы положено было включить географическій и статистическій очеркъ Крымскаго полуострова, затѣмъ исторію Севастополя съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ проектовъ укрѣпленія его какъ съ моря, такъ и съ сухого пути, и при этомъ положено было къ главѣ этой приложить чертежи этихъ проектовъ. Всѣ документы по оборонѣ Севастополя сосредоточены были въ нижнемъ этажѣ павильона Инженернаго Замка, гдѣ были отведены комнаты для нашихъ занятій. Тотлебенъ жилъ по возвращеніи изъ-за границы на Васильевскомъ островѣ и появлялся къ намъ подъ вечеръ; мы показывали ему наши работы, планы изъ инженернаго архива, съ которыхъ приходилось снимать копіи въ уменьшенномъ масштабѣ, программы тѣхъ главъ, которыя писались нами. Очень часто Тотлебенъ, уходя отъ насъ, приглашалъ меня идти къ нему обѣдать, и мы отъ Инженернаго Замка совершали прогулку пѣшкомъ на Васильевскій островъ.

Пока въ главѣ объ укрѣпленіяхъ Севастополя со стороны моря и сухого пути шло повѣствованіе о проектахъ стараго времени, о временахъ когда подумывали еще объ укрѣпленіи Севастополя и съ сухого пути на тотъ случай, если бы возстали противъ насъ Крымскіе Татары (почему по этимъ проектамъ назначалось строить кругомъ Севастополя укрѣпленія давно уже потерявшія значеніе въ долговременной фортификаціи), Тотлебенъ внутренно подсмѣиваясь надъ этими по его мнѣнію ребяческими проектами, постоянно повторялъ, что глава эта очень интересная и требовалъ, чтобы всѣ эти проекты были подробно описаны и къ описанію приложены копіи всѣхъ плановъ, какіе только сохраняются въ архивѣ Инженернаго департамента. Работа надъ подобною главою была немалая; надо было порядочно порыться въ старыхъ дѣлахъ, собрать массу чертежей, снять съ нихъ копіи, и мѣсяца чрезъ два или два съ половиною дѣло это было закончено и доложено Тотлебену. Во все время чтенія главы о старыхъ проектахъ и воздвигавшихъ укрѣпленіяхъ Севастополя Тотлебенъ былъ очевидно доволенъ работою; но когда въ концѣ главы описанъ былъ проектъ инспектора инженернаго корпуса инженеръ-генерала Дена объ укрѣпленіи Севастополя съ сухого пути уже не противъ Татаръ, а на случай войны съ Европейскими государствами, проектъ, въ которомъ генералъ Денъ ясно обрисовалъ тактическое значеніе для обороны Севастополя Зеленой горы и высотъ за Киленбалкою, то довольное выраженіе лица Тотлебена мигомъ исчезло. Очевидно было, что онъ не зналъ о существованіи этого проекта и думалъ, что онъ сдѣлалъ дѣло небывалое, оцѣнивъ по прибытіи въ Севастополь, также какъ и генералъ Денъ, значеніе названныхъ высотъ.

Тотлебенъ выслушалъ до конца чтеніе главы и тутъ же началъ говорить, что нѣтъ никакой надобности помѣщать этой главы въ сочиненіи и что ее можно пропустить. Не всѣ изъ насъ сразу поняли въ чемъ дѣло, но Тотлебенъ не выдержалъ и тутъ же началъ увѣрять всѣхъ насъ, что о существованіи проекта Дена онъ не имѣлъ никакого понятія, т. е. что указанное имъ въ Севастополѣ значеніе Зеленой горы и высотъ за Киленбалкою, есть мысль неотъемлемо ему, Тотлебену принадлежащая. Вотъ оно въ чемъ дѣло, думали мы: значитъ ты боишься помѣстить главу о бывшихъ проектахъ, чтобы кто нибудь не подумалъ, что твое указаніе на значеніе впереди лежащихъ высотъ есть только повтореніе мысли другого, а не твоя собственная; поэтому о заслугахъ другихъ лучше и не говорить!

Когда Тотлебенъ ушелъ, и мы начали расходиться, то одинъ изъ сотрудниковъ, съ которымъ приходилось мнѣ идти по пути, началъ на улицѣ свой разговоръ такъ: «Знаете ли, мнѣ кажется, что привлечены мы къ этой работѣ не для того, чтобы писать, какъ всѣ мы думаемъ, правдивую исторію дѣйствительно славной обороны Севастополя, но исключительно только для того, чтобы описывать и раскрашивать заслуги Тотлебена, и безъ того несомнѣнныя; если такъ пойдетъ и дальше, то я кладу свое перо и удираю». Пожалуйста, помалчивайте отвѣчалъ я, не говорите этого другимъ, иначе всѣ разбѣгутся. Развѣ вы не замѣтили какъ не понравился Тотлебенъ всѣмъ за сегодняшнюю недостойную выходку? На его прощальный поклонъ всѣ отвѣтили очень холоднымъ и совершенно оффиціальнымъ поклономъ.

Тотлебенъ садился за чтеніе чего-нибудь серьезнаго съ большимъ трудомъ и не имѣлъ привычки сосредоточивать вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ продолжительное время, напримѣръ, сидѣть за однимъ и тѣмъ же дѣломъ два-три часа подрядъ. Такая работа крайне утомляла его, и онъ зачастую прерывалъ занятіе разговоромъ о предметахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ разсматриваемымъ дѣломъ. Когда послѣ занятій въ комиссіи Тотлебенъ приглашалъ меня идти съ нимъ на Васильевскій островъ и обѣдать у него съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда читать какое-либо вышедшее за-границею сочиненіе объ осадѣ Севастополя, то приняться за такое чтеніе онъ никакъ не могъ. Бывало, мы ходимъ съ нимъ, ходимъ взадъ и впередъ по кабинету часа три, толкуя о чемъ-нибудь, такъ что однажды m-me Тотлебенъ, особа весьма скромная и сдержанная, взошла въ кабинетъ и сказала мужу: «Что это вы весь вечеръ ничего не дѣлаете и только разговариваете? Оттого и выходитъ, что за работою засиживаетесь до 2—3-хъ часовъ ночи, послѣ чего и сонъ проходитъ».

И это была совершенная правда: я уходилъ часто отъ Тотлебена въ 3 часа ночи, почти ровно ничего не сдѣлавши для дѣла, шелъ домой на Караванную пѣшкомъ и, улегшись въ 4 часа утра, лежалъ до 8-ми часовъ съ открытыми глазами, безъ малѣйшей надежды заснуть.

Такъ проходила зима 1858—1859 годовъ, и въ это время я такъ измучился, что совсѣмъ потерялъ сонъ, былъ раздражителенъ и нервенъ. Все хуже и хуже мнѣ дѣлалось; я сталъ сознавать, что желѣзное здоровье мое серьезно потрясено и началъ обращаться за совѣтами къ врачамъ. Я перепробовалъ различныя системы лѣченія: и Шведская гимнастика, и обтираніе по утрамъ мокрыми простынями, и катанье на конькахъ, но сна возвратить себѣ не могъ, и потому съ наступленіемъ лѣта 1859 г. обратился за совѣтомъ къ врачу его высочества великаго князя Николая Николаевича г. Обермюллеру, который предложилъ мнѣ распорядиться лѣтомъ такъ: переѣхать на дачу около Ораніенбаума, купаться, быть больше на воздухѣ и ничего не ѣсть и не пить кромѣ молока. Вслѣдствіе этого я нанялъ квартиру за Ораніенбаумомъ въ Чухонской колоніи и принялся за свою ужасную діэту.

Мало-по-малу мнѣ становилось въ деревнѣ какъ будто бы лучше. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ бросить работу по описанію обороны Севастополя. Любознательность моя по изученію обороны Севастополя была давно уже удовлетворена, а работа сочинительства мнѣ надоѣла.

Поправивши нѣсколько свое здоровье, я рѣшилъ бросить занятія съ Тотлебеномъ и вернуться, не тратя время и трудъ за ничто, къ строительнымъ работамъ; мнѣ вспоминались мои отличные годы службы въ Севастополѣ до Крымской войны, и я просилъ Тотлебена отпустить меня на инженерную службу въ крѣпости. Послѣ многократныхъ разговоровъ на эту тему Тотлебенъ согласился на мою просьбу, но съ условіемъ, чтобы я самъ пріискалъ лицо, которое могло бы заступить меня. Выборъ мой палъ на инженера М. М. Фролова, который въ то время, бросивъ инженерный корпусъ, служилъ во Французскомъ Обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и находился на линіи гдѣ-то за Москвою.

Я написалъ письмо къ Михаилу Михѣевичу Фролову, который отвѣчалъ мнѣ, что онъ хорошо сошелся съ главными Французскими инженерами и получаетъ прекрасное вознагражденіе, что онъ не сомнѣвается, что въ слѣдующіе годы ему будутъ предоставлены болѣе обширныя работы, а слѣдовательно и вознагражденіе будетъ увеличено; поэтому онъ можетъ согласиться пойти работать къ Тотлебену въ томъ лишь случаѣ, если ему будутъ обѣщаны и награды, и повышенія по службѣ. Письмо это я показалъ Тотлебену, но онъ не захотѣлъ давать

впередъ какихъ-либо обѣщаній. «Вы вѣдь видите, что не внизъ, а въ гору я иду», сказалъ онъ мнѣ. Я еще разъ написалъ къ Фролову, и онъ наконецъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Ораніенбаумскую колонію, и мы отправились съ нимъ къ Тотлебену, который проживалъ тогда въ Ораніенбаумѣ.

24 Ноября 1859 г. я назначенъ былъ командиромъ Кронштадтской инженерной команды на мѣсто полковника Ляпунова; должность эта нынѣ называется: «Начальникъ Кронштадтскаго крѣпостного инженернаго управленія». Инженеръ полковникъ Звѣревъ былъ въ тоже время назначенъ строителемъ Кронштадтскихъ укрѣпленій на мѣсто генерала Дзичканца.

Тотлебенъ желалъ уничтожить существовавшій до того времени въ инженерномъ корпусѣ порядокъ, по которому инженеры получали съ подрядчиковъ условленный процентъ съ контрактной суммы, и для того для тѣхъ крѣпостей, гдѣ производились значительныя работы, Тотлебенъ исходатайствовалъ усиленное для инженерныхъ офицеровъ содержаніе, которое показывалось въ смѣтахъ и отчетахъ подъ рубрикою «техническій надзоръ» и составляло опредѣленный процентъ отъ суммы, ассигнуемой на самыя работы.

Въ Кронштадтѣ въ то время производились значительныя работы по загражденію фарватеровъ ряжевыми линіями, и вотъ Тотлебенъ рѣшилъ устроить здѣсь свой первый *оазисъ честности*, какъ называлъ это въ насмѣшку покойный Константинъ Яковлевичъ Звѣревъ, который съ серьезной точки зрѣнія сильно охуждалъ подобное дѣйствіе Тотлебена. «Посудите сами, говорилъ онъ К. Я. Звѣреву, черезъ годъ мнѣ не нужно будетъ столько офицеровъ сколько ихъ теперь у насъ, а понадобись офицеръ въ другой крѣпости, и этого господина опять пустятъ въ ту среду, гдѣ берутъ съ подрядчиковъ. На что это похоже? Это, другими словами, разрѣшеніе: теперь бери-молъ съ подрядчика, такъ какъ здѣсь еще не устроенъ измышленный мною оазисъ».

Съ К. Я. Звѣревымъ я встрѣтился на службѣ въ первый разъ и чѣмъ больше узналъ его, тѣмъ больше уважалъ; такого разумнаго начальника я встрѣтилъ на своей службѣ въ первый разъ. Звѣревъ и я прибыли въ Кронштадтъ вмѣстѣ и вступили въ исполненіе своихъ обязанностей 1 Января 1860 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1861 г. я произведенъ былъ въ инженеръ-полковники, а К. Я. Звѣревъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Особенно заботило тогда К. Я. Звѣрева устройство на южномъ и сѣверномъ фарватерахъ Кронштадта долговременныхъ батарей взамѣнъ тѣхъ временныхъ, которыя были устроены во время Крымской войны.

К. Я. Звѣревъ пользовался вполнѣ заслуженною репутаціею талантливаго и опытнаго въ строительномъ дѣлѣ инженера. Проекты Кронштадскихъ батарей, устройство ихъ основанія подъ водою, устройство надводной части и обнесеніе батарей ряжевымъ заслономъ, все это было плодъ его усидчиваго труда. Отъ самаго крупнаго вопроса и до послѣдней мелочи, все было не разъ обдумано, передѣлываемо и исправляемо собственноручно Звѣревымъ, который работалъ надъ планами не только по цѣлымъ днямъ, но часто по цѣлымъ вечерамъ при свѣчкахъ, что̀ при его слабыхъ глазахъ вызывало воспаленіе вѣкъ.

Наконецъ планы перечерчены на-чисто подъ надзоромъ офицеровъ; расчеты стоимости работъ и объяснительная записка къ проекту также составлены самимъ Звѣревымъ. Въ назначенный день мы отправляемся съ Звѣревымъ въ Петербургъ, чтобы представить проекты Тотлебену, который не только до того времени не видалъ проектовъ, но даже никогда и не говорилъ о нихъ со Звѣревымъ.

Явились мы къ Тотлебену (который тогда уже жилъ въ Инженерномъ замкѣ) развернули всѣ планы, усѣлись, и началось чтеніе. Тотлебенъ слушалъ внимательно, но потомъ началъ обнаруживать какое-то нетерпѣніе или неудовольствіе; наконецъ онъ не выдержалъ, извинился, что долженъ оставить насъ на нѣсколько минутъ и вышелъ въ другую комнату. «Тотлебену не нравится наша записка, думаю, отъ того, что ни разу не упомянуто его имя», сказалъ мнѣ вполголоса К. Я. Звѣревъ.

Тотлебенъ не разсматривалъ плановъ и профилей проекта, а когда вернулся, чтобы продолжать слушать записку, то сказалъ:

«Знаете, это дѣло такъ не пройдетъ. Государь Императоръ довѣряетъ мнѣ, и потому необходимо упомянуть въ началѣ, что всѣ эти проекты составлены по моимъ указаніямъ и подъ личнымъ моимъ руководствомъ, тогда все будетъ утверждено, и деньги назначутъ безъ всякихъ разговоровъ». Тѣмъ и кончился нашъ докладъ; мы сложили бережно десятки листовъ чертежей, забрали свои бумаги и раскланялись. Спускаясь по крутой каменной, съ забѣжными ступенями, лѣстницѣ въ Инженерномъ замкѣ, Звѣревъ что-то ворчалъ про себя и потомъ, повернувши голову назадъ ко мнѣ, сказалъ: «Видите вы теперь, что̀ такое вашъ Тотлебенъ».—«Да вѣдь я и не защищаю его въ такихъ дѣлахъ, отвѣчалъ я. Стою я только на одномъ и всегда спорилъ о томъ, что нельзя отнимать у Тотлебена услуги, оказанныя имъ въ Севастополѣ. Какой бы онъ ни былъ малознающій и какой онъ ни есть человѣкъ, но въ Севастополѣ между всѣми нами онъ былъ одинъ, который зналъ атаку и оборону крѣпости; онъ одинъ зналъ минное искусство, а всѣ мы, тамъ собравшіеся, ничего изъ этого дѣла не разумѣли, а только научились этому дѣлу отъ него же во время самой обороны, и

сверхъ того я утверждаю, что никто изъ насъ въ Севастополѣ не обладалъ такою энергіею какъ Тотлебенъ. Вотъ и все о чемъ я споридъ». Константинъ Яковлевичъ былъ явно не въ духѣ, не хотѣлъ ничего со мною говорить, и такъ мы вернулись въ Кронштадтъ.

К. Я. Звѣревъ былъ не крѣпкаго здоровья, часто хворалъ и тогда обыкновенно очень хандрилъ, но въ общемъ я служилъ съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ и постоянно сохранялъ хорошія отношенія; это былъ человѣкъ большаго ума и высокообразованный, какіе въ нашемъ Русскомъ обществѣ встрѣчаются рѣдко.

Я познакомился съ m-me Пошманъ и вскорѣ сдѣлалъ предложеніе ея племянницѣ Елисаветѣ Александровнѣ Норманской и получилъ согласіе на бракъ.

8-го Января 1861 г. мы обвѣнчались въ церкви Правовѣдѣнія и вечеромъ того же дня поѣхали въ Кронштадтъ. 30-го Декабря, послѣ тяжкихъ страданій, жена скончалась.

Лишиться любимой жены не было единственнымъ тогда моимъ несчастіемъ. Всю мою жизнь я замѣчалъ, что если ужъ судьба ниспосылаетъ на меня какую либо бѣду или даже непріятность, то подарки такіе она преподноситъ мнѣ не въ единственномъ числѣ, а всегда вдвойнѣ, какъ будто я изъ породы толстокожихъ, и нельзя пронять меня однимъ ударомъ. Я твердо вѣрую въ народную примѣту, что бѣда никогда не ходитъ одна; такъ и тутъ было: одновременно съ болѣзнію жены, матушка моя тоже заболѣла и скончалась въ одинъ день съ Елисаветою Александровною. Ихъ и хоронили въ одинъ день; въ ту минуту, когда гробъ жены подвезли изъ Кронштадта по льду къ Петербургу, мнѣ сообщили, что въ туже минуту погребальная процессія матушки двинулась изъ дома на Митрофаньевское кладбище.

Несчастіе мое было великое, и долго я не могъ примириться съ мыслію о потерѣ жены. Къ служебнымъ дѣламъ я началъ относиться крайне пассивно, всегда любимое занятіе я совсѣмъ бросилъ; общества, знакомыхъ не могъ выносить. Кончилось тѣмъ, что, не зная куда дѣваться отъ гнетущей тоски, я взялъ лѣтомъ 1862 года продолжительный отпускъ и рѣшилъ поѣхать куда нибудь за границу. Желѣзныя дороги лѣтомъ крайне пыльны, и стукотня ихъ меня раздражала, поэтому я взялъ билетъ на Англійскій пароходъ «The Emperor Alexander» и отправился изъ Кронштадта въ Англію, въ Гуль. Въ пути мы были 6 сутокъ, имѣя остановку въ Копенгагенѣ на нѣсколько часовъ, что̀ позволило намъ бросить бѣглый взглядъ на городъ и полюбоваться наиболѣе выдающимися произведеніями Торвальдсена. Общество на пароходѣ состояло исключительно изъ Англичанъ, ѣхавшихъ изъ Петербурга въ Лондонъ на всемірную выставку. Въ Гуль мы пришли вечеромъ; тамъ

я переночевалъ и на другой день поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, гдѣ я пробылъ недѣли двѣ и отправился къ морю въ скромный городокъ подлѣ Брайтона, въ S-t Leonard. Здѣсь я сидѣлъ совершенно одинокимъ, безъ всякихъ знакомыхъ и ежедневно купался. Гостинница, въ которой я жилъ, была на самомъ берегу моря, шумъ котораго я постоянно слышалъ въ своемъ номерѣ, и этотъ однообразный ворчливый голосъ природы дѣйствовалъ успокоительно на мои нервы.

Идущая вдоль берега моря улица городка St. Leonard сливается съ улицею другого также небольшого и очень чистенькаго городка Хэстингсъ. Вотъ въ этотъ-то городокъ, за мое время, прибылъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ супругою Ольгою Ѳедоровною и небольшою свитою. Въ одинъ темный вечеръ я сидѣлъ на берегу моря, на набережной не было кромѣ меня ни души, только какой-то несчастный сидѣлъ на тротуарѣ, облокотившись о стѣну дома; кажется, это былъ нищій-слѣпой. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того какъ я усѣлся на одну изъ скамеекъ набережной, въ густой тѣни, никому не видимый, съ крыльца одного изъ домовъ набережной сошелъ на тротуаръ стройный высокій мужчина, въ которомъ я, послѣ одного или двухъ фонарей, узналъ вполнѣ отчетливо Великаго Князя Михаила Николаевича; онъ шелъ одинъ по направленію къ той части города, гдѣ онъ жилъ. Пройдя нѣсколько шаговъ мимо нищаго, Его Высочество вернулся назадъ и, подойдя къ нему, наклонился и положилъ въ руки бѣдняка какую-то монету. Такой поступокъ, никѣмъ невидимый, мнѣ очень понравился.

Бывшій одновременно со мною на Лондонской выставкѣ инженерный генералъ Гернъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что Великому Князю Михаилу Николаевичу извѣстно о моемъ пребываніи въ Англіи и что Его Высочество выразилъ желаніе меня видѣть. На этомъ основаніи я тотчасъ же поспѣшилъ явиться къ Великому Князю, который подробно разспрашивалъ меня о Спитгедскомъ рейдѣ и вооруженіи его батарей и о сдѣланныхъ мною знакомствахъ среди спеціалистовъ военнаго дѣла. Въ концѣ бесѣды Его Высочество сказалъ:

— Жена моя пошла теперь купаться, и потому не могу васъ познакомить. Пріѣзжайте ко мнѣ завтракать сегодня въ 1 ч. дня; тогда я представлю васъ великой княгинѣ. Я откланялся, конечно не преминулъ воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ и былъ снова принятъ милостиво и съ благосклоннымъ вниманіемъ.

Въ то время Англичане много работали надъ бронями и на особомъ полигонѣ испытывали непроницаемость брони стрѣльбою изъ самыхъ тяжелыхъ орудій. Я зналъ, что Великій Князь былъ приглашенъ присутствовать на опытахъ, и потому испросилъ разрѣшеніе быть

въ этомъ случаѣ въ его свитѣ (иначе доступъ туда для иностранцевъ былъ крайне труденъ). Великій Князь согласился и сказалъ мнѣ оставить ему мой адресъ, обѣщая предупредить меня о времени своей поѣздки. Но прошло нѣсколько дней, и я ничего не зналъ, поѣдетъ ли Великій Князь на опыты надъ бронями, а между тѣмъ мнѣ надо было ѣхать въ Швейцарію, въ Интерлакенъ и дальше, согласно плана, составленнаго мною въ видахъ пополненія моихъ свѣдѣній о странахъ, посѣщенныхъ мною четыре года тому назадъ, т.-е. въ 1858 году.

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА ХЛѢБНИКОВА.

ГЛАВА VII *).

Мое назначеніе въ Варшаву.—Графъ Бергъ.—Балъ отъ города.—Генералъ Фейхтнеръ.—Какъ Тотлебенъ строилъ крѣпости и во что онѣ обходились.—Постройка моста у Влоцлавска.—Мое губернаторство.—Тайный совѣтникъ Брауншвейгъ и вице-губернаторъ Мавуиловъ.

По возвращеніи осенью 1862 года въ Петербургъ, я на другой же день отправился въ Кронштадтъ. На пароходѣ я встрѣтилъ полковника Н. С. Гора, который сообщилъ, что мнѣ предстоитъ новое назначеніе по службѣ, но какое именно, онъ не знаетъ. Явившись къ К. Я. Звѣреву, я узналъ, что имѣется въ виду назначить меня въ Варшаву и что Тотлебенъ ожидаетъ только моего возвращенія, чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Я поспѣшилъ отправиться въ Петербургъ и явиться къ генералъ-инспектору по инженерной части великому князю Николаю Николаевичу и къ товарищу генералъ-инспектора генер.-адъют. Тотлебену. Оба сказали мнѣ одно и тоже, что въ Варшавскомъ округѣ назначено ввести усиленное для инженеровъ содержаніе, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Кронштадтѣ и что они надѣются, что никто лучше меня не можетъ оказать въ этомъ случаѣ поддержки начальнику инженеровъ генералу Фейхтнеру, чтобы провести эту реформу съ такимъ успѣхомъ, какъ удалось намъ со Звѣревымъ сдѣлать это въ Кронштадтѣ. Затѣмъ Тотлебенъ объяснилъ мнѣ, что существующее нынѣ на западной границѣ управленіе дѣйствующею арміею будетъ вскорѣ упразднено и замѣнено окружною системою, при которой именующійся нынѣ начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи будетъ называться начальникомъ инженеровъ Варшавскаго военнаго округа, а начальникъ штаба инженеровъ арміи будетъ именоваться помощникомъ начальника инженеровъ округа. Вотъ на эту должность и былъ я предназначенъ; ожидали только моего возвращенія изъ за-границы, чтобы узнать, согласенъ или несогласенъ я взять такую должность. Я изъявилъ согла-

*) Первыя шесть главъ помѣщены въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. П. Б.

сіе. Въ то время въ Царствѣ кипѣла уже революція: стрѣляли въ великаго князя Константина Николаевича, запирались массами въ костелахъ, дѣлали уличныя демонстраціи. Все это Поляки уже продѣлали и готовились къ открытому возстанію.

Въ Варшаву я прибылъ 19-го Ноября 1862 года и поселился въ Александровской цитадели. Совершенно новый, мнѣ незнакомый край, новый языкъ, новый календарь, новые люди, и къ тому же въ такомъ экзальтированномъ настроеніи! Любопытно было всмотрѣться во все меня окружавшее, а прежде всего вглядѣться въ людей, съ которыми придется имѣть болѣе всего дѣла.

Я пошелъ явиться къ начальнику инженеровъ генералу Фейхтнеру, котораго до того времени въ глаза не видалъ. Онъ жилъ въ цитадели рядомъ со мною; я засталъ его дома и былъ тотчасъ же принятъ. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, онъ сдѣлалъ навстрѣчу ко мнѣ 2—3 шага и обнялъ меня; мы поцѣловались. Ну, думаю, начало совсѣмъ скверное: я зналъ, что Фейхтнеръ не меня хотѣлъ имѣть своимъ помощникомъ, а Квашнина-Самарина; но Тотлебенъ принудилъ его изъявить согласіе на мое назначеніе въ Варшаву.

Поляки имѣютъ обычай при встрѣчѣ съ знакомымъ цѣловаться подобно дамамъ. Фейхтнеръ же жилъ въ Царствѣ Польскомъ съ молодыхъ лѣтъ и свободно не только говорилъ по-польски, но писалъ легко и хорошимъ языкомъ. Былъ ли его поцѣлуй слѣдствіемъ перенятой отъ Поляковъ привычки или пріемомъ хитраго человѣка, я недоумѣвалъ. Начальникъ инженеровъ генералъ Василій Васильевичъ Фейхтнеръ былъ лѣтъ на десять старше меня, ростомъ немного выше меня, правильно сложенный, съ выразительнымъ умнымъ лицомъ, совершенно лысый и съ глазами, которые не имѣли привычки смотрѣть прямо въ глаза собесѣднику, а часто бѣгали по сторонамъ.

Послѣ этого визита я отправился въ Лазенковскій дворецъ и представился его высочеству-намѣстнику.

Революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ такъ и слышалось въ воздухѣ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1862 г. генералъ Фейхтнеръ поручилъ мнѣ отправиться въ крѣпости Ивангородъ и Замостье и произвести тамъ годичные инспекторскіе смотры. Въ Замостьѣ я познакомился съ генеральнаго штаба полковникомъ Витковскимъ, который производилъ разслѣдованіе по убійству какого-то арендатора: дѣло, кажется, съ политическою подкладкою. Витковскій просилъ меня зайти къ нему и сообщилъ нѣсколько указаній, добытыхъ при разслѣдованіи, на то, что готовится открытое возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, организуются войска. Онъ показывалъ мнѣ мундиръ и вооруженіе Польскаго улана-повстанца.

Мы находимся здѣсь надъ вулканомъ, сказалъ мнѣ Витковскій, который можетъ вспыхнуть чрезъ нѣсколько дней. На вопросъ мой, сообщалъ ли онъ объ этомъ кому слѣдуетъ, полковникъ Витковскій отвѣчалъ, что помощникомъ къ нему по производству разслѣдованія назначенъ личный адъютантъ великаго князя Константина Николаевича, А. А. Кирѣевъ, котораго онъ и отправилъ съ донесеніемъ къ его высочеству.

Прошло нѣсколько дней, я окончилъ свои занятія въ Замостьѣ и, передъ выѣздомъ оттуда, зашелъ проститься къ Витковскому, который показалъ мнѣ письменный отвѣтъ на его донесеніе. Въ предписаніи было категорически высказано положительное приказаніе великаго князя не уклоняться при производствѣ порученнаго разслѣдованія по убійству арендатора посторонними открытіями и спѣшить скорѣйшимъ окончаніемъ этого разслѣдованія.

Только что успѣлъ я вернуться въ Варшаву, какъ началась рѣзня: Поляки сдѣлали ночью нападеніе на отдѣльныя роты нашихъ войскъ, расквартированныхъ въ краѣ совершенно по правиламъ мирнаго времени. Начались столкновенія нашихъ войскъ съ бандами повстанцевъ, а на улицахъ Варшавы появились кинжалисты съ цѣлью убить тудругую личность изъ Русскихъ, жертву почему нибудь намѣченную революціоннымъ комитетомъ. Дошло до того, что жителямъ Варшавы было запрещено выходить на улицы послѣ извѣстнаго часа вечера. Вотъ въ эти часы, когда на улицахъ никого не было, а полицейскіе посты были въ виду одинъ другого, я любилъ выходить изъ цитадели и бродить по спокойнымъ городскимъ улицамъ. Днемъ же многіе изъ военныхъ ходили съ револьверами, и всѣ мы имѣли привычку не дозволять прохожимъ шляхтичамъ идти сзади себя, слѣдъ за слѣдомъ: какъ услышишь шаги сзади, то машинально, въ силу привычки, каждый изъ насъ останавливался и оборачивался къ идущему сзади, а тотъ въ свою очередь обыкновенно ускорялъ шагъ и произносилъ: «пршепрашамъ», т. е. извините.

Одинъ разъ распространилось извѣстіе, что Поляки хотятъ поднять какую-нибудь въ городѣ тревогу съ тѣмъ, кто когда войска выйдутъ по тревогѣ изъ казармъ для занятія опредѣленныхъ пунктовъ, то въ казармахъ, расположенныхъ на окраинахъ Варшавы, вырѣзать семейства военныхъ лицъ. Вслѣдствіе сего было положено размѣстить изъ Повонзсковскихъ бараковъ нѣсколько семействъ въ цитадели, въ квартирахъ инженеровъ и артиллеристовъ, тамъ проживавшихъ. Въ мою квартиру помѣстили двухъ молодыхъ дамъ: m-me Баранову, жену командира Царскосельскаго стрѣлковаго баталіона, и m-me Новгород-

скую, жену офицера того-же баталіона. Я былъ очень доволенъ такимъ гостямъ и вскорѣ познакомился съ ихъ мужьями.

По выѣздѣ изъ Царства Польскаго великаго князя Константина Николаевича, намѣстникомъ въ Царствѣ назначенъ былъ графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ. Тогда преслѣдованіе мятежа пошло несравненно энергичнѣе, начали ловить зачинщиковъ и вѣшать ихъ. Большею частію такая казнь совершалась на гласисѣ или на эспланадѣ цитадели. Въ первый разъ я пошелъ посмотрѣть на эту процедуру: повѣсили одного молодого человѣка Абихта и ксендза-капуцина, а потомъ вѣшали по три-четыре человѣка, и казнь совершали на эспланадѣ цитадели. Это такъ дѣйствовало на мои нервы, что когда я видѣлъ, проѣзжая въ городъ, что устраиваютъ висѣлицы, то на другой день, въ часъ казни, въ 6 часовъ утра, я невольно просыпался и, заворачивая голову въ подушки, старался снова уснуть и не слышать того боя барабановъ, который бьютъ въ тотъ моментъ, какъ, по прочтеніи приговора, связавъ преступника по рукамъ, ведутъ его на эшафотъ. Я затыкалъ уши и всетаки, весь въ волненіи, слышалъ этотъ бой. На разстрѣливаніи измѣнника-солдата я былъ только одинъ разъ и далъ себѣ слово никогда не смотрѣть на эту ужасную сцену.

Къ 1864 году съ повстаніемъ было покончено. Графъ Бергъ, желая подчеркнуть этотъ фактъ, дабы скорѣе достигнуть той награды, которой онъ домогался (званія генералъ-фельдмаршала) при своей ловкости на такого рода дѣла, пріискалъ достойнаго себѣ помощника въ лицѣ президента города Варшавы, генеральнаго штаба генералъ-маіора Витковскаго, знакомца моего по Замостью. Рѣшено было устроить балъ отъ имени гражданъ города въ честь графа Берга, какъ усмирителя мятежа; положено было балъ этотъ устроить въ намѣстниковскомъ дворцѣ (который занятъ теперь Варшавскимъ губернскимъ правленіемъ и губернаторомъ).

Поляки изъ себя выходили, когда узнали о предполагаемомъ балѣ, и положили разстроить его во что бы ни стало: положили зажечь намѣстниковскій дворецъ и перебить всѣхъ участниковъ бала. Но Витковскій принялъ свои мѣры. Балъ назначенъ былъ на 18 Января 1864 г., и къ этому времени на дворѣ дворца стояла пожарная команда, а противъ кинжалистовъ введена была въ залу многочисленная полицейская команда, всѣ переодѣтые въ гражданъ города, во фраки и бѣлые галстухи. Въ условленный часъ на балъ прибылъ намѣстникъ и встрѣченъ былъ президентомъ города и густою массою переодѣтыхъ полицейскихъ. Съ большимъ апломбомъ Витковскій произнесъ намѣстнику на Польскомъ языкѣ благодарственный спичъ за водвореніе порядка и безопасности; а въ это время, если кто изъ дѣйствительныхъ

гражданъ протискивался впередъ, чтобы видѣть всю сцену встрѣчи, то такого любопытнаго, безъ малѣйшей церемоніи полицейскіе, одѣтые во фраки и бѣлые галстухи, осаживали назадъ. Витковскій кончилъ свою рѣчь просьбою представить Государю Императору вѣрноподданническія чувства жителей города Варшавы, изложенныя на большомъ листѣ пергамента, заключеннаго въ богато отдѣланный футляръ.

«Messieurs les citoyens de Varsovie»..... началъ свою отвѣтную рѣчь графъ Бергъ по-французски. Онъ любилъ позировать, рѣчи свои обыкновенно заготовлялъ и даже передъ большимъ зеркаломъ въ своемъ кабинетѣ пріискивалъ наиболѣе подходящія позы и граціозные жесты; въ особенности онъ продѣлывалъ такія репетиціи, когда собирался ѣхать въ Петербургъ.

Послѣ подавленія Польскаго мятежа, когда всѣ Русскіе въ Варшавѣ, занимавшіе сколько нибудь видное служебное положеніе, старались возстановить въ краѣ значеніе Русской власти и поднять въ глазахъ мятежной массы попранное Русское имя, водворить права правительственнаго языка, генералъ Русской службы Фейхтнеръ, въ общемъ собраніи акціонеровъ Бромбергской и Вѣнской желѣзныхъ дорогъ не постыдился произнести передъ собраніемъ (не состоявшемъ притомъ исключительно изъ однихъ Поляковъ) длинную рѣчь на *Польскомъ* языкѣ, въ угоду нѣсколькимъ вліятельнымъ Полякамъ, при содѣйствіи которыхъ онъ разсчитывалъ попасть въ предсѣдатели правленія названныхъ дорогъ. Нечего и говорить, что расчетъ Фейхтнера оказался вполнѣ вѣрнымъ. Рѣчь его была покрыта шумными аплодисментами, и на выборахъ онъ избранъ большинствомъ голосовъ въ предсѣдатели съ значительнымъ содержаніемъ.

Желая привести наши крѣпости въ соотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ военнаго искусства, военный министръ Милютинъ просилъ Тотлебена представить ему соображенія, какія для этой цѣли требуется произвести работы въ крѣпостяхъ и на какую приблизительно сумму.

Подъ впечатлѣніемъ Севастопольскаго погрома Тотлебенъ считалъ необходимымъ въ сухопутныхъ крѣпостяхъ утолстить бруствера, сдѣлать вмѣсто 21 фут. толщину бруствера въ 28 фут. и уширить валгангъ въ такой мѣрѣ, чтобы сзади платформъ можно было на валгангѣ проходить и провозить даже небольшія орудія; сверхъ того Тотлебенъ совершенно справедливо признавалъ необходимымъ существующія въ крѣпостяхъ оборонительныя каменныя постройки, видимыя съ поля, прикрыть земляными масками, двухъ-этажные капонары превратить въ одно-этажные, совершенно скрытые отъ глазъ осаждающаго.

Утолщеніе брустверовъ и уширеніе валгановъ нельзя конечно не признать дѣломъ совершенно необходимымъ; но Тотлебену здѣсь возра-

жали, что столь коренное преобразованіе профили долговременныхъ укрѣпленій требуетъ бо̀льшей осмотрительности; ему говорили, напримѣръ, что можетъ быть во многихъ крѣпостяхъ обнаружится, при тщательномъ изученіи вопроса, большой недостатокъ въ казематированныхъ помѣщеніяхъ для гарнизона и окажется особенно полезнымъ построить сначала казематы подъ валгангомъ и одновременно съ этимъ утолстить брустверà и уширить валганги. Но Тотлебенъ, незнакомый съ строительнымъ дѣломъ и потому не будучи въ состояніи оцѣнивать въ денежномъ отношеніи разницу того или другаго пріема, распорядился сначала утолщеніемъ въ сухопутныхъ крѣпостяхъ брустверовъ и уширеніемъ валгановъ. Потребовалось громадныя массы земли подвезти къ крѣпостямъ и произвести въ нихъ значительныя земляныя и плакировочныя работы. Въ Брестѣ, напримѣръ, срывали цѣлую гору и землю подвозили за нѣсколько верстъ по желѣзно-конной, спеціально устроенной для этой работы, дорогѣ. А когда всѣ эти работы въ теченіе 4—5 лѣтъ были окончены, Тотлебенъ распорядился отрывать только что устроенные валганги, отвозить землю прочь и устраивать казематированныя казармы подъ валгангомъ. И теперь, въ 1890 г., въ крѣпостяхъ лежатъ съ того времени массы земли, которая стоила дорого и которую не знали куда дѣвать. Такимъ образомъ много денегъ было брошено попустому.

Другая, какъ мнѣ кажется, ошибка Тотлебена при этомъ состояла въ томъ, что, отдавая распоряженіе объ утолщеніи брустверовъ и уширеніи валгановъ въ сухопутныхъ крѣпостяхъ, онъ не обратилъ вниманія на то, всѣ-ли крѣпости дѣйствительно нуждаются въ такомъ дорого-стоющемъ улучшеніи; Варшавская Александровская цитадель, напримѣръ, никогда не считавшаяся крѣпостію, могла бы оставаться въ своемъ прежнемъ видѣ безъ всякаго ущерба для обороны нашихъ западныхъ границъ.

Мы всѣ, чины окружнаго инженернаго управленія, были очень удивлены, когда увидали, послѣ одного изъ посѣщеній Тотлебена Варшавы, предположеніе построить передъ гласисомъ Варшавской Александровской цитадели отдѣльныя укрѣпленія въ линіи двухъ-трехъ такихъ же укрѣпленій, построенныхъ въ старое время чуть не у самой подошвы гласиса цитадели. Зачѣмъ это? Укрѣпленіи эти стоили очень дорого, особенно когда Тотлебену показалось, что одно изъ нихъ строится не тамъ, гдѣ казалось ему выгоднѣе поставить, и онъ приказалъ *перенести это укрѣпленіе на другое мѣсто* (выраженіе, которое введено было въ офиціальную переписку). Между тѣмъ эта *переноска* попросту состояла въ томъ, что приходилось разламывать построенныя каменныя сооруженія, отрытые рвы засыпàть и начинать сызнова постройку

укрѣпленія на другомъ мѣстѣ, причемъ одинъ только булыжный камень, употребляемый для фундаментовъ, годился вполнѣ и для другой работы; растворъ же дорогой, цементный и известковый, пропадалъ даромъ, а кирпичъ годился на новомъ мѣстѣ только частію.

И подобныя *переноски* фортификаціонныхъ сооруженій дѣлались не въ одной Варшавской цитадели; тоже самое повторилось и въ Брестѣ.

Наименѣе совершенная изъ западныхъ крѣпостей, исправленіе и усиленіе которой требовали наибольшаго вниманія, безъ сомнѣнія, была крѣпость Брестъ-Литовскъ. При сліяніи Мухавца съ Бугомъ, крѣпость расположена на болотистой мѣстности, впереди которой находятся командующія высоты. Молодые инженеры, съ интересомъ слѣдившіе за распоряженіями Тотлебена по улучшенію нашихъ западныхъ крѣпостей, нетерпѣливо ждали, какъ рѣшитъ онъ трудную задачу въ Брестѣ. Тамъ, какъ и въ другихъ крѣпостяхъ, начали съ утолщенія брустверовъ и уширенія валгановъ, а также рѣшено было насыпать большіе траверзы для укрытія съ поля оборонительной казармы, окружавшей цитадель крѣпости. Главный валъ крѣпости расположенъ: 1) на правомъ берегу р. Мухавца Кобринское укрѣпленіе (самое главное), 2) на лѣвомъ берегу р. Мухавца Волынское укрѣпленіе и 3) на лѣвомъ берегу р. Буга Тереспольское укрѣпленіе. Вотъ промежутки между этими укрѣпленіями, разобщенными рѣками Бугомъ и Мухавцомъ, и положено было замаскировать земляными траверзами.

Все это хорошо, но это еще не главное для Бреста. Молодые инженеры интересовались, что же сдѣлаетъ Тотлебенъ по усиленію обороны Кобринскаго укрѣпленія.

Тотлебенъ рѣшилъ построить внутри этого укрѣпленія, позади главнаго фронта, два кавальера, съ превышеніемъ ихъ бруствера на два фута надъ гребнемъ главнаго вала. По профили своей постройки весьма солидныя: съ каменными одеждами и капонарами во рву и съ казематами подъ валгангомъ для гарнизона; и конечно постройки эти обошлись очень дорого. Но никого они не удовлетворили: одни указывали на то, что кавальеры нисколько не усиливали ближнюю оборону главнаго вала, не помогали ему противудѣйствовать переходу осаждающаго черезъ главный ровъ; другіе указывали на возможность для противника обойти кавальеры съ фланговъ и проч. Какъ бы то ни было, въ инженерномъ комитетѣ не только не возвысили голоса противъ проекта кавальеровъ, но въ добавокъ еще предложили удлиннить фланки у лѣваго кавальера лѣвый, а у праваго правый фланкъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ возведенія кавальеровъ, Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что ему противно смотрѣть на планъ Брестъ-Литовской

крѣпости. «Двѣ чернилицы (такъ онъ обозвалъ кавальеры) такъ и рѣжутъ мнѣ глаза».

Тотлебенъ задумалъ построить въ Брестѣ, впереди Кобринскаго укрѣпленія, самостоятельный фортъ на самомъ берегу Буга, съ цѣлію прикрыть желѣзно-дорожный мостъ. Сколько ни отговаривалъ его отъ такой мысли графъ Бергъ, но Тотлебенъ стоялъ на своемъ и, чтобы побѣдить старика, докладывалъ ему, что укрѣпленіе это будетъ названо его именемъ т.-е. «Графъ Бергъ». Фельдмаршалъ поблагодарилъ Тотлебена за такую любезность, но продолжалъ доказывать ему, что построить фортъ на болотистой мѣстности, на берегу рѣки, не будетъ никакой возможности, что пороховые погреба непремѣнно будутъ сырые; но Тотлебенъ все-таки распорядился постройкою форта на берегу Буга, и только послѣ двухъ лѣтъ неимовѣрныхъ усилій и большихъ затратъ по устройству фундаментовъ, когда было ему донесено, что не представляется никакой возможности откачать воду съ мѣста работъ, Тотлебенъ согласился отказаться отъ своей фантазіи и приказалъ *перенести* фортъ вправо, на ту гору, которая находится впереди Кобринскаго укрѣпленія; а когда ему донесли, что горы этой уже нѣтъ, что она снесена нѣсколько лѣтъ тому назадъ для утолщенія брустверовъ и уширенія валганговъ, то Тотлебенъ приказалъ фортъ «Графъ Бергъ» перенести на то мѣсто, гдѣ была гора, т. е. въ разстояніи какихъ нибудь 500 сажень отъ Кобринскаго укрѣпленія.

Фортъ «Графъ Бергъ»—это очень солидная постройка съ каменными одеждами рвовъ и съ большимъ числомъ казематированныхъ помѣщеній. Не считая затратъ на попытку построить фортъ на берегу Буга, возведеніе форта на его настоящемъ мѣстѣ обошлось казнѣ 500—600 тысячъ рублей. Сооруженіе это дѣйствительно прекрасное, но къ сожалѣнію совсѣмъ не на мѣстѣ, такъ что черезъ 10 лѣтъ, когда заговорили о необходимости расширить наши крѣпости возведеніемъ вокругъ ихъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ фортовъ, вынесенныхъ на разстояніе отъ главной ограды на 3—4 версты (каковыя соображенія возложены были на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генер.-адъют. Обручова), то Тотлебенъ самъ пожалѣлъ, что въ Брестѣ нельзя передвинуть фортъ «Графъ Бергъ» впередъ версты на 2 или на 3.

Детали каждой постройки, какія возводились за время Тотлебена, были всегда очень хорошо обдуманы, но къ сожалѣнію того же нельзя сказать про выборъ пунктовъ для построекъ, который былъ почти всегда неудачный. Тотлебенъ не обладалъ способностію предугадывать того направленія, куда двигалось военное искусство вслѣдъ за развитіемъ желѣзообработывающей техники.

Когда, по окончаніи Крымской войны, заговорили о введеніи въ артиллерію нарѣзныхъ орудій, то Тотлебенъ твердо вѣрилъ, что это поведетъ къ уменьшенію калибра орудій. А дѣйствительность оказалась совсѣмъ иною. Смотря издали на то, что̀ дѣлалъ Тотлебенъ въ нашихъ крѣпостяхъ, мнѣ не разъ вспоминалась сказка Гофмана, какъ одинъ чудакъ, задумавъ построить себѣ домъ, накупилъ матеріаловъ и нанялъ рабочихъ, но плана дома не составилъ и когда рабочіе приставали къ нему съ вопросами, гдѣ же будутъ окна, двери и проч., чудакъ отвѣчалъ имъ, чтобы они строили сперва 4 наружныхъ стѣны дома, а послѣ онъ укажетъ имъ, гдѣ что сдѣлать. Каменщики возводятъ стѣны и, поднявшись на нѣкоторую высоту, поставили подмостки; чудакъ поднялся однажды на эти подмостки и, увидавши оттуда красивый ландшафтъ, приказалъ на томъ мѣстѣ продѣлать окно; на другихъ подмосткахъ ему захотѣлось имѣть дверь съ балкономъ и такъ далѣе. Кончилось тѣмъ, что никакъ не могли устроить потомъ этажей дома: полъ балконной двери приходился противъ средины окна, кавардакъ. Въ нашихъ крѣпостяхъ общаго плана всѣхъ работъ по улучшенію крѣпости никогда не было составляемо, а строили по частямъ, гдѣ и что̀ покажется Тотлебену необходимымъ, и оттого вышло, что 10 лѣтъ, данныхъ графомъ Милютинымъ на приведеніе крѣпостей къ современному виду истекали, а у насъ ни одна крѣпость не была готова. На крѣпость Керчь вмѣсто первоначально исчисленныхъ 6/м. р., истрачено было 16/м. р., и она все еще не была закончена. Мало того, крѣпость Кронштадтъ, предметъ наибольшихъ заботъ Тотлебена и куда тратилась львиная часть отъ тѣхъ милліоновъ, которые ассигновали ежегодно на крѣпости, требовала, по соображеніямъ Тотлебена, для своего окончанія еще 30 милліоновъ рублей. Какъ ни былъ графъ Милютинъ снисходителенъ и терпѣливъ, но на все есть своя мѣра; такая сумма могла быть ассигнована на Кронштадтъ въ теченіе 15—20 лѣтъ, а въ это время новые успѣхи артиллеріи могли вызвать для обороны новыя мѣры и такъ далѣе, безъ конца. Военный министръ призналъ необходимымъ пригласить къ себѣ генераловъ Крыжановскаго, К. П. Кауфмана, Паукера и Звѣрева и предложилъ имъ составить проектъ по окончанію устройства батарей Кронштадта.

Велико было изумленіе Тотлебена, когда онъ, пригласивъ къ себѣ Звѣрева, началъ излагать ему свои соображенія о предстоявшихъ въ Кронштадтѣ работахъ и услыхалъ отвѣтъ Константина Яковлевича, что отнынѣ онъ будетъ исполнять работы, какія указаны ему проектомъ, составленнымъ у графа Милютина. Тотлебенъ самъ все это мнѣ разсказывалъ и добавилъ, что послѣ, разговора со Звѣревымъ, онъ написалъ письмо къ министру и просилъ его доложить Государю Импе

ратору просьбу объ увольненіи его, Тотлебена, отъ должности товарища генералъ-инспектора по инженерной части, что Государь приказалъ представить ему оба проекта, составленный комиссіею и Тотлебеномъ, что, подойдя къ столу, на которомъ были разложены оба проекта, Государь спросилъ, который проектъ Тотлебена и, по указанію министра, написалъ на немъ «одобряю», а другой проектъ зачеркнулъ двумя на крестъ линіями. Тѣмъ не менѣе, когда я видѣлся впослѣдствіи и съ Паукеромъ, и со Звѣревымъ, то, по словамъ обоихъ, работы въ Кронштадтѣ шли согласно проекта комиссіи, Тотлебенъ же успокоился и былъ увѣренъ, что все что̀ дѣлается въ Кронштадтѣ дѣлается именно по его планамъ.

Прежде я упрекалъ мысленно великаго князя Николая Николаевича за то, что онъ махнулъ рукою на все, что̀ дѣлается въ инженерномъ корпусѣ и пересталъ совсѣмъ заниматься нашими крѣпостями; но, посѣщая въ мои пріѣзды въ Петербургъ главное инженерное управленіе, я узналъ, что это не впервыя, что Государь Императоръ, въ случаѣ если на проектъ Тотлебена являлись возраженія и составлялся другой проектъ, безъ всякаго разбирательства вопроса по существу, всегда отдавалъ предпочтеніе Тотлебену. И тутъ же мнѣ разсказали исторію столкновенія великаго князя съ Тотлебеномъ по вопросу укрѣпленія Кіева. Государь прямо зачеркнулъ предположенія великаго князя и одобрилъ таковыя Тотлебена, не смотря на то, что послѣднія были совершенно невыполнимыя, потому что требовали срытія всего стараго Кіева, т. е. самой драгоцѣнной въ историческомъ отношеніи части города.

Нечего и говорить, что никто и не думалъ, не смотря на одобреніе Государя, объ исполненіи проектовъ Тотлебена; но я тогда понялъ причину, почему великій князь, при такомъ безотчетномъ довѣріи Государя къ Тотлебену, не пожелалъ болѣе вмѣшиваться въ дѣла инженернаго корпуса.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ Варшавы въ Петербургъ, я посѣтилъ Тотлебена какъ разъ въ то время, когда онъ вернулся изъ дворца. Онъ поднесъ Государю Императору первый томъ «Описанія обороны Севастополя» *), и Государь пожаловалъ ему пять тысячъ десятинъ земли, кажется, въ Самарской губерніи. Сообщая объ этомъ, Тотлебенъ прибавилъ, что никогда онъ не забудетъ моихъ трудовъ по составленію «Описанія» и что не подлежитъ сомнѣнію, что и мнѣ бу-

*) Первый томъ былъ напечатанъ уже въ 1863 году комиссіею, въ которой участвовали своими трудами: инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ, подполковникъ Шварцъ, подполковникъ генеральнаго штаба Звѣревъ и инженеръ-капитаны Орда и Фроловъ.

детъ дано такого же рода вознагражденіе, т. е. земля, въ соотвѣтственномъ, конечно, моему чину размѣрѣ. На эти слова я поблагодарилъ Тотлебена, и дѣло это о наградѣ такимъ образомъ кончилось однимъ лишь обѣщаніемъ. Никогда я не напоминалъ объ этомъ Тотлебену.

1865-ый годъ былъ знаменателенъ для меня въ томъ отношеніи, что я имѣлъ случай въ Варшавѣ познакомиться съ однимъ Русскимъ семействомъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Хмѣльной улицѣ. Глава дома былъ почтенный старикъ д. ст. сов. Александръ Васильевичъ Петровъ, женатый на единственной дочери извѣстнаго во времена фельдмаршала Паскевича интенданта дѣйствующей арміи, тайнаго совѣтника Погодина, Александрѣ Васильевнѣ. Въ Апрѣлѣ 1865 года я женился на старшей ихъ дочери, Еленѣ Александровнѣ Петровой.

Вслѣдъ за свадьбою моею, въ Маѣ мѣсяцѣ 1865 г., я былъ приглашенъ примкнуть къ небольшой группѣ военныхъ людей, предположившихъ въ рядѣ лекцій изложить для г.г. офицеровъ Варшавскаго гарнизона современное состояніе военнаго искусства. Мнѣ предложено было объяснить, что̀ дѣлаетъ долговременная фортификація въ виду усовершенствованій въ артиллеріи, въ виду болѣе дальней и болѣе мѣткой стрѣльбы современнаго орудія.

Постоянно занимаясь военною литературою и слѣдя за всѣмъ, что̀ пишутъ у насъ и за-границею, я не затруднился собрать и сгруппировать матеріалы для 2—3 публичныхъ лекцій и составить подробную программу; но что̀ составляло дѣйствительно большой трудъ и доставляло мнѣ много заботъ—это составленіе плановъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, чтобы можно было разобрать ихъ съ дальнихъ мѣстъ аудиторіи. Мѣстомъ для чтенія военныхъ лекцій было избрано зданіе высшей Польской Школы, замѣненной во время реформъ края университетомъ. Эта высшая школа помѣщалась тогда въ зданіи нынѣшней 1-ой мужской гимназіи, противъ главнаго фасада котораго находится монументъ Копернику. Какъ только были изготовлены громадные планы для моихъ лекцій о современной долговременной фортификаціи, то я и прочелъ свои лекціи и, кажется, не безъ успѣха.

Въ этомъ же 1865 г. я былъ командированъ заграницу, во Францію и сдѣлалъ эту поѣздку вмѣстѣ съ женою.

Въ 1864 г. былъ оконченъ и открытъ для ѣзды мостъ въ Варшавѣ черезъ Вислу, близъ бывшаго королевскаго замка; вмѣстѣ съ симъ сдѣлался болѣе ненужнымъ мостъ на деревянныхъ судахъ, служившій до того времени сообщеніемъ черезъ рѣку, нѣсколько выше желѣзнаго моста.

Въ магистратѣ города Влоцлавска явилась мысль воспользоваться старымъ Варшавскимъ плашкоутнымъ мостомъ и, добавивъ, сообразно

большей при Влоцлавкѣ ширинѣ рѣки Вислы нежели у Варшавы (нѣ сколько плашкоутовъ), перенести этотъ мостъ внизъ по рѣкѣ къ Влоцлавску для сообщенія съ правымъ берегомъ рѣки. Коммерческій богатый городъ согласенъ былъ исполнить это дѣло на свои средства. Предположеніе это было представлено намѣстнику графу Бергу, который вообще ко всѣмъ сооруженіямъ въ краѣ относился довольно внимательно. Разсмотрѣвъ чертежи моста, графъ Бергъ не одобрилъ проекта, находя мостъ на судахъ неуклюжимъ и представляющимъ большое сопротивленіе напору воды при быстротѣ теченія Вислы. Поэтому графъ призвалъ меня (исполнявшаго въ то время, за отсутствіемъ начальника инженеровъ Варшавскаго округа, обязанности этого начальника), высказалъ, какое важное значеніе можетъ имѣть мостъ у Влоцлавска для движенія нашихъ войскъ, въ случаѣ если Польское возстаніе не будетъ къ тому времени подавлено, и приказалъ мнѣ составить проектъ моста на желѣзныхъ лодкахъ, похожихъ на наши понтоны.

Порученіе это я скоро исполнилъ, и затѣмъ графъ Бергъ, признавая, что городъ Влоцлавскъ не въ силахъ будетъ изъ собственныхъ средствъ построить подобный мостъ и кромѣ того устроить гавань для сохраненія моста на зимнее время, поручилъ мнѣ посовѣщаться относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ на работы, съ главнымъ директоромъ Польскаго банка, тайнымъ совѣтникомъ Крузе. Сфера операцій Польскаго банка была довольно широкая, и Крузе предложилъ организовать дѣло такъ, чтобы отдать работу моста и гавани одному изъ желѣзныхъ заводовъ въ Варшавѣ. Банкъ имѣетъ право для поощренія заводской промышленности дѣлать частнымъ заводамъ и фабрикантамъ ссуды, и потому Крузе полагалъ, что, по мѣрѣ успѣха работъ, банкъ будетъ имѣть законное основаніе уплачивать заводу за произведенныя работы, а для возврата впослѣдствіи денегъ, выданныхъ банкомъ за мостъ и гавань, можно будетъ установить тарифъ для взиманія съ проѣзжающихъ черезъ мостъ повозокъ и экипажей и за разведеніе моста, тарифъ для взиманія съ проходящихъ по Вислѣ судовъ и сплавляемыхъ плотовъ различнаго рода и вида лѣса. Такого рода оплату Крузе предложилъ отдать съ торговъ и эти торги объявить немедленно, до приступленія къ постройкѣ моста, съ тѣмъ чтобы банкъ могъ имѣть увѣренность, что выданная заводу ссуда можетъ быть возвращена банку въ опредѣленный срокъ. О такихъ переговорахъ съ директоромъ банка я доложилъ намѣстнику, и онъ одобрилъ предложенный планъ финансовой операціи.

Затѣмъ графъ Бергъ остановился на мысли, кому поручить исполненіе дѣла. Я предложилъ графу возложить постройку моста на управленіе путями сообщенія въ Царствѣ, во главѣ котораго находился тогда

генералъ-лейтенантъ Шуберскій. Графъ поручилъ мнѣ тутъ-же, въ его кабинетѣ, написать отъ его имени предписаніе на имя генерала Шуберскаго, подписалъ бумагу, и дѣло постройки моста такимъ образомъ было пущено въ ходъ.

Генералъ Шуберскій испросилъ у намѣстника разрѣшеніе произвести постройку моста подъ руководствомъ особаго комитета, въ который предсѣдателемъ былъ назначенъ онъ, а въ числѣ членовъ назначены были я и членъ общаго присутствія управленія путей сообщенія подполковникъ Василевскій; строителемъ же моста былъ инспекторъ шоссейныхъ дорогъ 1-го разряда въ Царствѣ, инженеръ Григ. Хр. Чернявскій.

Стоимость постройки самаго моста—130160 руб.; дамбъ съ принадлежностями—22164 руб., всего—152324 руб. Постройка моста начата 5 Марта 1865 г., ѣзда по мосту открыта 5 Октября того же года.

На торгахъ за право взиманія платы съ проѣзжающихъ черезъ мостъ и со сплавляемыхъ плотовъ было предложено въ годъ 25000 руб., изъ коихъ комитетъ нашъ положилъ 15000 руб. для возврата ссуды вносить въ банкъ, а 10 т. употреблять на содержаніе и ремонтъ моста.

Влоцлавскій мостъ наплавной, подобно тому какъ въ Петербургѣ (до постройки на Невѣ постоянныхъ мостовъ) существовали мосты на деревянныхъ плашкоутахъ. Зимою Влоцлавскій мостъ необходимо разводить и сохранять подъ прикрытіемъ охранительныхъ дамбъ, а лѣтомъ, для пропуска сплавляемаго изъ Галиціи лѣса, требуется выводить изъ линіи моста разводную его часть, и за таковой пропускъ сплавляемыхъ плотовъ мы имѣли право взимать извѣстную плату. За проѣздъ же по мосту плата обыкновенно назначается самая ничтожная. Такимъ образомъ, чтобы имѣть надежду сдать аренду мостовыхъ сборовъ за такую значительную годовую плату, каковая исчислена была въ 25 т. р., мы придержались постановленій, по сему предмету существующихъ во Франціи и составили таксу за пропуски плотовъ, смотря по роду дерева, за дубъ дороже, нежели за сосну и т. п. и смотря по тому, гонится ли лѣсъ необработанный или обдѣланный уже для извѣстнаго употребленія.

Составляя подобнаго рода таксу, мы понимали, что при взиманіи платы будутъ для владѣльцевъ плотовъ большія задежки и препирательства съ арендаторомъ сборовъ; но у насъ была одна только забота, чтобы торги на сдачу аренды удались, что въ дѣйствительности и было достигнуто. Торги удались съ перваго же раза.

Дѣло съ мостомъ, казалось, шло спокойно, мостъ служилъ во все время навигаціи безъ перерыва, арендаторъ дѣйствовалъ исправно, а также вносилъ арендныя деньги; но года черезъ четыре появились слу-

хи, что пропускъ плотовъ встрѣчаетъ большія затрудненія у Влоцлавска вслѣдствіе затруднительности провѣрки накладной лѣснаго каравана, требующей подробнаго счета сплавляемаго лѣса, въ особенности когда въ караванѣ находится лѣсъ различныхъ породъ и различнаго вида; а за тѣмъ Австрійское правительство обратилось къ нашему канцлеру князю Горчакову съ заявленіемъ, что установленіе у Влоцлавскаго моста таксы за сплавляемый лѣсъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Австріею, нарушаетъ постановленія Вѣнскаго конгресса 1815 г., въ коихъ (какъ мы разсмотрѣли это уже позже) дѣйствительно условлено было, относительно пользованія рѣками протекающими по сопредѣльнымъ государствамъ, что введеніе правилъ обязательныхъ для плаванія слѣдуетъ устанавливать не иначе, какъ по общему соглашенію правительствъ сопредѣльныхъ государствъ.

Для выясненія дѣла рѣшено было со стороны Россіи и Австріи назначить делегатовъ въ международную комиссію. Съ нашей стороны были: завѣдывающій финансовою частію въ Царствѣ Польскомъ т. с. Маркусъ, начальникъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ д. ст. сов. графъ Вл. Дм. Остенъ-Сакенъ и я; а со стороны Австрійцевъ, Австрійскій консулъ въ Варшавѣ. Долго мы, Русскіе, крутились, чтобы найти точку опоры для разговоровъ съ Австрійцемъ, пока какой-то законникъ не посовѣтовалъ намъ въ дополненіе къ изученію постановленій Вѣнскаго конгресса познакомиться и съ дополнительными конвенціями 1818 года. Къ великой нашей радости нашли мы статью, которая гласила, что каждое государство, въ предѣлахъ своей территоріи, можетъ устанавливать для сплава по рѣкѣ, протекающей и по сосѣднему государству, какія признаетъ нужнымъ, обязательства, не входя для того въ соглашеніе съ таковымъ государствомъ, при условіи, чтобы иностранные промышленники подвергались такимъ же обязательствамъ какъ и свои подданные.

Заручившись убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ съ арендою Влоцлавскаго моста не было никакого нарушенія существующихъ международныхъ договоровъ, мы вступили въ предварительныя, неофиціальныя, совѣщанія съ Австрійскимъ консуломъ, который безъ сомнѣнія дѣлалъ соотвѣтствующія донесенія своему министерству иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ Австріецъ далъ понять, что ихъ лѣсные промышленники домогаются упрощенія таксы и уменьшенія размѣра взимаемой платы. Послѣднее мы и сами сознавали, и потому, открывъ офиціальное засѣданіе международной комиссіи, мы безъ затрудненія постановили: 1) назначеніе таксы для пропуска сплавляемаго по Вислѣ лѣса не составляетъ никакого нарушенія международныхъ договоровъ и 2) признавая, что установленная за пропускъ черезъ мостъ лѣсного каравана плата за-

грудняетъ разсчеты съ арендаторомъ этого сбора и слишкомъ высока, международная комиссія положила возможнымъ установить проектированную ею новую таксу.

Эта новая такса была значительно упрощена, и размѣръ платы пониженъ на столько, что по разсчетамъ нашимъ арендаторъ могъ уплачивать въ казну только $^1/_5$ часть прежней суммы въ 25 т. р.

Канцлеръ князь Горчаковъ, узнавъ изъ сообщенія ему намѣстника графа Берга, что международная комиссія признала, что въ установленіи таксы у Влоцлавскаго моста не было никакого нарушенія международныхъ договоровъ, отвѣчалъ, что онъ вполнѣ удовлетворенъ такимъ результатомъ и считаетъ въ этомъ дѣлѣ свое участіе оконченнымъ.

Для намѣстника графа Берга это дѣло было далеко еще неоконченнымъ. Необходимо было ему сообщить министру путей сообщенія о результатѣ занятій международной комиссіи и просить распоряженія объ измѣненіи таксы сборовъ у Влоцлавскаго моста; но ни о постройкѣ самого моста, ни объ утвержденіи проекта таковаго, равно какъ о средствахъ для постройки моста, министерству ничего не было извѣстно: все это дѣло было личнымъ дѣломъ графа Берга, о которомъ въ Петербургѣ никто и не вѣдалъ.

Финансовыя дѣла въ Россіи въ то время были въ самомъ плачевномъ положеніи; наступилъ кризисъ, выразившійся въ общемъ упадкѣ фондовъ, и низведеніе стоимости кредитнаго рубля до 68 металическихъ копѣекъ требовало принятія самыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Отъ имени Государя Императора было предложено всѣмъ министрамъ строго придерживаться величайшей бережливости и отказаться отъ всякихъ непроизводительныхъ расходовъ. Зная все это, графъ Бергъ понималъ, что въ Петербургѣ ему откажутъ въ ассигнованіи денегъ на мостъ, который городъ Влоцлавскъ согласенъ построить на свой счетъ, но Бергъ любилъ если уже что строить, то строить непремѣнно что нибудь хорошее, и вотъ онъ, при содѣйствіи Польскаго банка, находитъ возможность отбросить предложеніе Влоцлавска установить тамъ мостъ на уродливыхъ, несуразнаго вида большихъ деревянныхъ баркахъ.

Въ одинъ прекрасный день графъ присылаетъ за мною. «Приготовьте отзывъ отъ меня къ министру путей сообщенія; постарайтесь точно придержаться къ моимъ словамъ и послѣдовательности, съ какою я буду говорить», сказалъ мнѣ графъ. Приблизительно онъ сказалъ слѣдующее. «Затрудненія какія Австрійскіе промышленники встрѣчали при сплавѣ лѣсовъ по Вислѣ у Влоцлавскаго моста и высокая плата за пропускъ чрезъ этотъ мостъ породили со стороны Австрійскаго правительства протесты будто бы Русское правительство нарушаетъ между-

народные договоры. Для выясненія дѣла была образована международная комиссія, изъ трехъ Русскихъ делегатовъ и одного Австрійскаго. По тщательномъ изслѣдованіи дѣла комиссія единогласно постановила, что никакого нарушенія договоровъ не было, а что̀ касается тарифа для взиманія сборовъ за пропускъ черезъ мостъ плотовъ лѣса сплавляемыхъ по Вислѣ, то таковой, назначая различныя цѣны смотря по породѣ дѣса и въ зависимости отъ того, гонится лѣсъ необдѣланный или переработанный уже для опредѣленнаго назначенія, и требующій пересчета числа бревенъ, крайне затруднителенъ, а плата за многіе сорта лѣса очень велика. Посему Русскіе делегаты комиссіи составили новую, упрощенную таксу и понизили въ ней цѣны. Государь Императоръ, оставшись вполнѣ довольнымъ результатами занятій международной комиссіи, возложилъ на меня привести въ исполненіе по взиманію сборовъ у Влоцлавскаго моста заключенія комиссіи. Я вмѣстѣ съ симъ дѣлаю сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ о введеніи новаго тарифа у названнаго моста въ самомъ непродолжительномъ времени и покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о введеніи новыхъ сборовъ у Влоцлавскаго моста, если возможно, къ такому-то сроку».

Какъ и въ другихъ случаяхъ, когда графъ поручалъ мнѣ составить отъ его имени какую-нибудь бумагу, я и теперь составилъ отзывъ и переписалъ его самъ. Прочитывая такую бумагу, я ужаснулся: въ немногихъ строкахъ два раза явная ложь; во 1-хъ, никакого высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ исполненіе рѣшеній международной комиссіи графъ-намѣстникъ не получалъ, и во вторыхъ, онъ не входилъ въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ, и входить въ сношенія съ иностраннымъ правительствомъ не входило въ число правъ намѣстника.

Ужаснулся я болѣе всего при мысли, что, при тогдашнихъ преобразованіяхъ по финансовой части, когда каждый министръ стѣсненъ дѣлать своею властію такія измѣненія въ утвержденной финансовой смѣтѣ какъ уменьшеніе дохода, министръ путей сообщенія, пожалуй, сочтетъ необходимымъ имѣть у себя хотя засвидѣтельствованную копію съ высочайшаго повелѣнія, и каково будетъ тогда положеніе графа! Обсуждая далѣе этотъ вопросъ, я рѣшилъ изготовить къ подписи графа другое изложеніе дѣла и чтобы мнѣ легче было объяснить графу рискованность подписать сочиненную имъ бумагу, я просилъ графа Вл. Дм. Остенъ-Сакена пойти къ графу вмѣстѣ со мною. Послѣдній охотно согласился и когда мы взошли въ кабинетъ намѣстника, гр. Остенъ-Сакенъ первый началъ убѣждать Берга не подписывать лживой бумаги; тогда послѣдній принялся читать мой проектъ, но, не дойдя до конца,

сказалъ: «Нѣтъ, это не пройдетъ. Господа! Вы не знаете нашихъ министерствъ; ничего они такъ не любятъ, когда ихъ просятъ что нибудь обдумать и распорядиться по ихъ усмотрѣнію». Затѣмъ намѣстникъ пробѣжалъ другой проектъ, составленный по его указанію, и не задумываясь подписалъ.

Недѣли черезъ двѣ казакъ подалъ мнѣ отъ графа распечатанный пакетъ; оказывается, что за отсутствіемъ министра путей сообщенія отвѣчалъ графу товарищъ министра т. е. Селифонтовъ. Онъ почтительно докладываетъ намѣстнику, что, по полученіи отъ него отзыва, немедленно сдѣлано было распоряженіе объ измѣненіи тарифа сборовъ при Влоцлавскомъ мостѣ къ назначенному сроку. Когда я явился къ графу Бергу, чтобы возвратить ему отвѣтъ министерства путей сообщенія, то графъ спросилъ меня, чего такъ я опасался за сочиненную имъ бумагу. Я полагалъ, что при нынѣшнихъ новыхъ финансовыхъ правилахъ министръ путей сообщенія, можетъ быть, сочтетъ необходимымъ подкрѣпить свое распоряженіе объ уменьшеніи доходовъ казны съ 25 т. р. на 5 т. р. ссылкою на высочайшее повелѣніе и будетъ просить у насъ копіи съ таковаго, отвѣчалъ я.—«Ну какой же копіи?» отвѣчалъ графъ, «когда я былъ послѣдній разъ въ Петербургѣ и входилъ въ кабинетъ Государя, то въ дверяхъ я встрѣтилъ князя Горчакова, и онъ сказалъ, что онъ докладывалъ Государю Влоцлавское дѣло и Его Величество остался доволенъ». А за тѣмъ графъ спросилъ меня, кто же теперь будетъ уплачивать Польскому банку деньги истраченныя на мостъ. Я отвѣчалъ, что теперь, со введеніемъ единства кассы, государственная казна будетъ платить по 15 т. р. Польскому банку и для того (какъ я видѣлъ печатную финансовую смѣту) въ отдѣлѣ расходовъ, предстоящихъ Варшавскому управленію путей сообщенія, эта цифра уже помѣщена въ своемъ мѣстѣ. «Ну что же, это хорошая реформа—единство кассы», замѣтилъ графъ съ явно облегченнымъ сердцемъ. А чрезъ нѣсколько дней, когда мнѣ пришлось быть у намѣстника, я услыхалъ, что единство кассы онъ обозвалъ глупѣйшей выдумкой: ему доложили, что нѣсколько сотъ тысячъ рублей контрибуціонныхъ суммъ, находившихся въ его распоряженіи, взяты также въ общія суммы казны и что онъ намѣстникъ, въ случаѣ надобности дѣлать какіе-либо расходы насчетъ этихъ контрибуціонныхъ суммъ, долженъ спрашивать ихъ въ установленномъ порядкѣ. Цѣлый день нашъ почтенный графъ былъ не въ духѣ.

Не смотря на преклонные годы, гр. Бергъ пользовался всегда прекраснымъ здоровьемъ и способностію заниматься дѣлами съ ранняго утра и до поздняго вечера; съ наступленіемъ же осени графъ не упосительно устраивалъ парфорсныя охоты и лихо носился на конѣ.

Однажды вечеромъ графъ потребовалъ меня къ себѣ и поручилъ составить проектъ письма отъ него къ ген.-адъют. Чевкину по вопросу о направленіи желѣзной дороги между Варшавою и Брестъ-Литовскомъ. Когда проектъ письма былъ готовъ, графъ, отпуская меня домой въ 11 ч. вечера, просилъ переписать собственноручно письмо и привезти къ нему завтра утромъ; я исполнилъ въ точности приказаніе и пріѣхалъ въ королевскій замокъ въ 8¾ ч. утра; дежурный адъютантъ встрѣтилъ меня словами: «а графъ два уже раза спрашивалъ о васъ». Вѣжливость графа въ обращеніи съ подчиненными была образцовая, а другая сторона въ сношеніяхъ съ нимъ была замѣчательна и состояла въ томъ, что, не смотря на многочисленные доклады графу, какъ главному военно-начальнику и какъ намѣстнику по дѣламъ гражданскаго управленія, всегда возможно было имѣть къ нему доступъ, чѣмъ я и воспользовался разъ по дѣлу, совершенно до меня не касающагося, и вотъ по какому случаю.

Ко мнѣ заѣхалъ совершенно неожиданно архіепископъ Варшавскій Іоанникій и объяснилъ, что намѣстникъ утвердилъ проектъ православнаго собора, который положено построить въ Люблинѣ, но архипастырю крайне не нравится въ этомъ проектѣ рисунокъ колокольни собора, и онъ просилъ меня передѣлать этотъ рисунокъ и доложить объ этомъ дѣлѣ намѣстнику.

Передѣлавъ согласно желанію архіерея проектъ, я отправился къ графу и, объяснивъ ему въ чемъ дѣло, извинился, что мѣшаюсь въ него. Графъ въ это время разсматривалъ утвержденный имъ проектъ и новый рисунокъ и, признавъ, что первый дѣйствительно заключаетъ въ себѣ довольно замѣтныя ошибки, отвѣтилъ мнѣ: «Зачѣмъ я буду дѣлать дурно, когда я могу сдѣлать хорошо! Очень вамъ благодаренъ за такое вмѣшательство».

По усмиреніи Польскаго мятежа въ Царствѣ Польскомъ, были предприняты коренныя реформы по части административной, финансовой и учебной; послѣдовали монастырская реформа, освобожденіе крестьянъ и многія другія преобразованія, для чего образованъ былъ Учредительный Комитетъ съ законодательною властью. Во главѣ всего этого дѣла поставленъ былъ статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, ближайшимъ же его помощникомъ былъ князь В. А. Черкасскій, занявшій постъ министра внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Хорошій мой знакомый Радомскій губернаторъ Дм. Гавр. Анучинъ былъ очень близко знакомъ съ княземъ Черкасскимъ и однажды сообщилъ мнѣ, что князь желаетъ ближе познакомиться со мною и сдѣлать мнѣ предложеніе перемѣнить родъ моихъ занятій. Кипучая дѣятельность множества лицъ приглашенныхъ изъ Россіи Н. А. Милютинымъ для

приведенія въ исполненіе его предначертаній, манила меня новизною дѣла, и я, побывавъ у кн. Черкасскаго, согласился на его предложеніе стать во главѣ управленія путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ, каковое управленіе полагалось оставить, равно какъ и учебное, самостоятельными учрежденіями въ краѣ, подчиненными намѣстнику въ Царствѣ, но независимыми отъ министерствъ путей сообщенія и народнаго просвѣщенія въ Имперіи.

Черезъ нѣсколько времени кн. Черкасскій предложилъ мнѣ, въ доказательство, какъ онъ выразился, «что вы нашъ», взять на себя временно обязанности Кѣлецкаго гражданскаго губернатора съ тѣмъ, чтобы помочь сформировать изъ нѣсколькихъ уѣздовъ Радомской губерніи новую Кѣлецкую губернію. Тогда положено было пять губерній, составлявшихъ Царство Польское, передѣлать въ десять губерній. Вмѣстѣ со мною приглашены были ст. ст. Громека и князь Щербатовъ, первый Сѣдлецкимъ, а второй Калишскимъ губернаторами. Намъ поручено было взять въ свои руки военно-полицейское управленіе на территоріяхъ будущихъ Кѣлецкой, Сѣдлецкой и Калишской губерній и приготовить какъ личный составъ губернскихъ и уѣздныхъ правленій, такъ и помѣщенія для нихъ.

25 Марта 1866 г. состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня временно Кѣлецкимъ гражданскимъ губернаторомъ. Я поѣхалъ въ Кѣльцы сперва одинъ, а когда наступила теплая погода, то переѣхала туда и жена моя съ сыномъ.

На первыхъ же порахъ моего пребыванія въ Кѣльцахъ случился на главной улицѣ города довольно серьезный пожаръ, грозившій истребить лучшую часть города и если-бы не стихъ вѣтеръ, то не знаю гдѣ-бы можно было размѣстить всѣхъ чиновъ губернскаго правленія; пожаръ былъ ночью, и положеніе мое было скверное, когда мнѣ доложили, что воды больше нѣтъ ни въ одномъ колодцѣ. Къ счастію нашему вѣтеръ совершенно упалъ, и намъ кое какъ удалось прекратить бѣдствіе. Но впечатлѣніе, произведенное на меня недостаткомъ воды, было настолько сильное, что я положилъ себѣ обезпечить на будущее время городъ водою и съ этою цѣлью произвелъ самыя тщательныя изысканія, которыя показали, что имѣющуюся на окраинѣ города водяную канаву можно обогатить водою, расчистивъ заглохшіе источники и сведя ихъ всѣ къ верхнему концу канавы; нижній же конецъ канавы приходился въ выемкѣ, служившей когда-то для пруда, но прудъ этотъ давно уже не существовалъ и исчезъ вслѣдствіе разрушенія водоспуска. Дно стараго бассейна было углублено, и земля, при семъ получившаяся, была употреблена на засыпку ямъ, выравненіе и поднятіе мѣстности, гдѣ я устроилъ приличную и удобную дорогу, идущую мимо общественнаго

сада къ пруду. Работы по расчисткѣ и каптажу родниковъ, уширенію и углубленію водяной канавы, которая обращена была въ каналъ, а равно и работы по устройству самаго пруда, заняли около года времени, и въ первую послѣ того зиму на замерзшемъ прудѣ Кѣлецкое общество наслаждалось катаньемъ на конькахъ.

Въ теченіе 1866 г. заболѣлъ и прекратилъ свою плодотворную дѣятельность статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, а вскорѣ затѣмъ кн. В. А. Черкасскій покинулъ также свой постъ, и всѣ проекты реформъ въ Царствѣ Польскомъ были перенесены въ Петербургъ.

Это обстоятельство имѣло для меня то послѣдствіе, что въ Петербургѣ рѣшили не оставлять въ Варшавѣ никакой центральной власти; управленіе путями сообщеній въ Царствѣ Польскомъ положено было преобразовать въ правленіе Варшавскаго округа, съ подчиненіемъ его на обыкновенныхъ основаніяхъ министерству путей сообщенія, и такимъ образомъ я былъ посаженъ на мель.

Никто меня не спросилъ, желаю-ли я быть губернаторомъ, и 1 Января 1867 г., съ объявленіемъ указа объ образованіи въ Царствѣ Польскомъ 10-ти губерній, я, будучи полковникомъ, былъ назначенъ высочайшимъ приказомъ исправляющимъ должность Кѣлецкаго губернатора, а 10 Іюня того же 1867 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ настоящей должности.

Личный составъ губернскаго правленія весьма многочисленный и если пойти по заламъ и комнатамъ и отдѣльнымъ кабинетамъ его, то васъ поразитъ необыкновенная дѣятельность такого правительственнаго учрежденія: всѣ пишутъ и пишутъ, не разгибая спины; но что́ выходитъ изъ такого писанія для благополучія вѣренной губерніи? Прочитывая длинныя постановленія присутствія губернскаго правленія, которыя представляютъ собою конечный результатъ дѣятельности всѣхъ чиновъ правленія, вы натыкаетесь на длинные періоды постановленія, составляющіе не болѣе какъ предисловіе къ самому рѣшенію присутствія; затѣмъ попадается текстъ испещренный ссылками на всевозможные законы и циркуляры, затѣмъ справка, и въ самомъ концѣ послѣдней страницы попадаются на глаза слова: «а потому постановили дать знать такому-то уѣздному управленію, что въ настоящемъ случаѣ оно обязано дѣйствовать неукоснительно согласно существующихъ на сей предметъ законоположеній». Не есть ли это пустая отписка, никому ненужное мараніе бумаги, когда на запросъ низшей инстанціи, какъ поступить въ такомъ-то случаѣ, губернское правленіе отвѣчаетъ вышеприведенными фразами?

Помню также, что одинъ уѣздный начальникъ доносилъ, что въ отданномъ въ его распоряженіе имѣніи онъ не въ силахъ безъ особыхъ

денежныхъ средствъ не только поддерживать заведеннаго порядка по веденію хозяйства, но не имѣетъ никакихъ средствъ сохранять имѣніе и предупредить расхищеніе движимаго въ немъ имущества, и потому уѣздный начальникъ просилъ губернское правленіе освободить его отъ завѣдыванія имѣніемъ. Губернское правленіе, проведя входящую бумагу черезъ всѣ мытарства, дней черезъ 10—14 по полученіи донесенія уѣзднаго начальника, составило журналъ присутствія, цѣлый листъ кругомъ неписанный, въ концѣ коего значилось: «а потому постановили предписать такому-то уѣздному начальнику продолжать управлять названнымъ имѣніемъ».

Меня томила такая безплодная толчея, безрезультатное мараніе бумаги; но я сознавалъ, что не въ силахъ что нибудь поправить въ такомъ ржавомъ канцелярскомъ механизмѣ.

Губернскимъ архитекторомъ въ Кѣльцахъ былъ порядочный какъ человѣкъ и не безъ таланта какъ архитекторъ г. Ковальскій, въ занятіяхъ котораго я по временамъ принималъ участіе. Такъ мнѣ удалось помочь Ковальскому при перестройкѣ тюрьмы, а вслѣдъ затѣмъ я былъ заинтересованъ несравненно болѣе серьезною работою: постройкою въ городѣ Кѣльцахъ каменнаго православнаго храма, перваго во всей губерніи. Мною избрано было мѣсто для храма, составленіе же проекта храма въ Византійскомъ стилѣ встрѣчало затрудненіе, такъ какъ г. Ковальскій былъ совершенно незнакомъ съ архитектурою православныхъ церквей, а я, какъ военный инженеръ, совсѣмъ не имѣю понятія о какихъ бы то ни было стиляхъ въ архитектурѣ.

Я снесся по сему вопросу съ архитекторомъ Брюлловымъ въ Петербургѣ, и онъ изъявилъ согласіе составить проектъ за самую ничтожную сумму, 100 или 150 р., что при назначенной для построенія храма суммѣ 70 т. руб. мнѣ казалось расходомъ совершенно ничтожнымъ. Но не такъ взглянулъ на это дѣло тайный совѣтникъ Брауншвейгъ, состоявшій при графѣ Бергѣ для завѣдыванія гражданскою частію въ краѣ до окончанія реформъ и непосредственнаго подчиненія губернаторовъ Царства Польскаго министру внутреннихъ дѣлъ.

Брауншвейгъ съ развязанностію знатока дѣла отвѣчалъ мнѣ, что столь значительныхъ расходовъ нельзя дѣлать для такихъ пустыхъ надобностей какъ проектъ церкви, что вмѣсто проекта можно всегда достать гдѣ нибудь рисунокъ храма и, пользуясь имъ, составить проектъ самому. Я отвѣтилъ Брауншвейгу, что условія съ г. Брюлловымъ я не заключалъ и слѣдовательно не обязанъ заказывать г. Брюллову проектъ.

Я взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Кіевъ и Москву взглянуть на храмы, чтобы вдохновиться идеею для храма въ Кѣльцахъ. Но Москва и Кіевъ обладаютъ такими историческими и вѣковыми сооруженіями,

что заимствовать оттуда что либо для Кѣлецкой церкви оказалось совершенно невозможнымъ. Талантливый Ковальскій, при помощи кое-какихъ, добытыхъ мною рисунковъ, составилъ проектъ, который былъ утвержденъ, и храмъ при мнѣ былъ вчернѣ готовъ.

Забылъ сказать еще о занятіяхъ моихъ по дѣлу для меня совершенно новому, которыя тѣмъ не менѣе увѣнчались видимымъ успѣхомъ. Занятія эти состояли въ подготовленіи кадра земскихъ стражниковъ. Да не подумаетъ читатель, что это учрежденіе есть сходное съ тѣмъ что̀ существуетъ теперь въ Русскихъ губерніяхъ; напротивъ, министерство внутреннихъ дѣлъ плѣнилось тѣмъ, что̀ было сдѣлано въ Привислянскомъ краѣ въ 1867 году и, много лѣтъ спустя, не вникнувъ въ тѣ обстоятельства, которыя такъ благопріятствовали намъ тогда при основаніи службы земскихъ стражниковъ въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго, вздумало создать что нибудь подобное и въ Русскихъ губерніяхъ; но здѣсь вышла только жалкая пародія на ту земскую стражу, которую мы основали въ Царствѣ. Тамъ, гдѣ прежде было всего 5 губерній, сдѣлали ихъ 10, раздѣливъ на 7, 8 и болѣе уѣздовъ каждую губернію, такъ что создано было всего 85 уѣздовъ, покрытыхъ желѣзными и шоссейными дорогами; сообщенія повсюду удобныя и разстоянія до уѣзднаго города самыя малыя.

Для созданія земской стражи каждый уѣздъ былъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ, въ центрѣ коихъ находились старшіе стражники съ 2-мя, 3-мя младшими; обходя пѣшкомъ свои участки и объѣзжая верхомъ болѣе удаленныя отъ мѣста ихъ жительства части участка, стражники, предварительно подготовленные осмысленно понимать составленную для ихъ службы инструкцію, записывали въ особо для того заведенныя книжки все, что по ихъ пониманію заслуживало вниманія. И по Субботамъ старшіе стражники, собравъ отъ подчиненныхъ имъ стражниковъ свѣдѣнія, заслуживающія вниманія начальства, приходили всѣ въ свой уѣздный городъ къ начальнику земской стражи уѣзда. Любопытно было присутствовать въ это время въ кабинетѣ начальника земской стражи уѣзда. Прослушавъ донесенія всѣхъ старшихъ участковыхъ стражниковъ, которые дѣлали обыкновенно свои словесныя донесенія, держа передъ глазами записную книжку, вы какъ будто видите весь уѣздъ передъ своими глазами со всѣмъ разнообразіемъ жизни помѣщика, ксендза, обывателя, мужика.

Но надо сказать, что та идеальная земская стража, какая создана была въ Царствѣ Польскомъ въ 1867 году, съ годами и она не могла удержаться на той высотѣ нравственной чистоты, на которой была поставлена въ самомъ началѣ.

До основанія земской стражи были выдѣлены изъ частей гвардейскаго отряда, находившагося въ Варшавѣ, люди подлежавшіе отправленію въ запасъ; въ Кѣлецкую губернію прислали большею частію людей изъ Царскосельскаго стрѣлковаго баталіона, которые и имѣли явное вліяніе на остальныхъ, вышедшихъ изъ полковъ 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи. Стрѣлки были стройные и красивые люди, всѣ грамотные и достаточно развитые. Я постарался размѣстить этихъ будущихъ стражниковъ всѣхъ вмѣстѣ, въ чистомъ домѣ, въ нѣсколькихъ залахъ и комнатахъ, по возможности удобнѣе.

Нѣсколько офицеровъ, изъявившихъ желаніе поступить въ начальники уѣздной стражи, по моему приглашенію, принялись за занятія съ гвардейцами, практиковали ихъ въ чтеніи и письмѣ, а впослѣдствіи приступили и къ чтенію инструкціи для земской стражи. Общежитіе гвардейцевъ доставило возможность распознать среди ихъ болѣе или менѣе развитыхъ, людей болѣе или менѣе съ тактомъ и самообладаніемъ, людей вполнѣ трезвыхъ.

Такая земская стража была образцовая и, когда въ 1868 г. въ Кѣльцы пріѣхалъ директоръ департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Коссаговскій, то, ознакомившись со службою стражи, онъ не находилъ словъ какъ выразить свое одобреніе моимъ стражникамъ и въ разговорахъ со мною не разъ высказывалъ мысль о необходимости сдѣлать что нибудь подобное и въ Русскихъ губерніяхъ, какъ ни старался я доказывать ему полную невозможность осуществленія такого проекта. Я говорилъ ему, что вся-то Кѣлецкая губернія по своему пространству равняется какому нибудь Старобѣльскому уѣзду; густое населеніе въ Царствѣ Польскомъ дѣлаетъ то, что повсюду имѣются дороги, отличные пути сообщенія; что для маленькаго Царства Польскаго намъ только на первый разъ удалось набрать стражниковъ, людей дѣйствительно порядочныхъ, но нельзя ручаться, что такъ пойдетъ и дальше; а набрать для Русскихъ губерній цѣлую массу надежныхъ стражниковъ невозможно, ибо неоткуда ихъ взять. Но мой П. П. Коссаговскій стоялъ на своемъ, и что же теперь вышло? Какъ землевладѣлецъ Курской губерніи, я знаю, что стражники, какъ нищіе, побираются въ деревняхъ грошами, пьянствуютъ, ровно ничего не дѣлаютъ изъ своихъ обязанностей и служатъ только предметомъ общаго презрѣнія.

Вице-губернаторомъ въ Кѣльцахъ былъ Мануиловъ, бывшій въ Гайсинѣ (Каменецъ-Подольской) губерніи исправникомъ въ то время, когда Брауншвейгъ былъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Мануиловъ принадлежалъ къ тому разряду людей, про которыхъ говорятъ, что человѣкъ прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы; у меня въ

рукахъ была печатная брошюра, посвященная описанію дѣйствій Мануилова въ Гайсинскомъ уѣздѣ, когда онъ обиралъ у помѣщиковъ драгоцѣнныя вещи и выманивалъ у нихъ деньги. Проведенный въ вицъ-губернаторы Брауншвейгомъ, Мануиловъ держался крѣпко своего сатрапа и находился съ нимъ въ частной перепискѣ, пользуясь которой, какъ я узналъ впослѣдствіи, представлялъ мои дѣйствія въ умышленно извращенномъ видѣ, набрасывая на меня тѣнь подозрѣнія въ чистотѣ моихъ дѣйствій.

Все это кончилось тѣмъ, что въ Кѣльцы явился начальникъ жандармскаго округа свиты его величества генералъ маіоръ баронъ Фридериксъ, тотъ самый, который во времена Лауница командовалъ баталіономъ кантонистовъ и составилъ себѣ порядочный капиталецъ. Фридериксъ, благодаря протекціи графа Петра Шувалова, сдѣланъ былъ послѣ генералъ-адъютантомъ и назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь. Затѣмъ его наконецъ спустили съ этого поста, и онъ, оставаясь въ званіи генералъ-адъютанта, не имѣя дозволенія показываться въ Петербургѣ, проживалъ гдѣ-то въ провинціи и былъ пораженъ параличемъ.

Вотъ этотъ-то господинъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Кѣльцы, сидѣлъ часто у меня, мы обѣдали и вмѣстѣ совершали въ коляскѣ загородныя прогулки, а въ это время жандармскій штабъ-офицеръ Кѣлецкой губерніи, подъ руководствомъ вице-губернатора Мануилова, дѣлалъ розыски и составлялъ для Фридерикса записку, въ которой я обвинялся въ неправильномъ направленіи нѣкоторыхъ дѣлъ по губернскому правленію.

Мнѣ кажется, что Мануиловъ хлопоталъ о томъ, чтобы за время, пока еще оставался у дѣлъ Брауншвейгъ, ему можно было добраться до губернаторскаго поста; ибо прошло бы еще нѣсколько времени, и Брауншвейгъ долженъ былъ уйти изъ края, а губернаторы стать въ непосредственное подчиненіе министру внутреннихъ дѣлъ.

18 Марта 1869 г. высочайшимъ приказомъ я былъ отчисленъ отъ должности Кѣлецкаго губернатора съ оставленіемъ по инженерному корпусу.

На мое мѣсто назначенъ былъ д. с. с. Нератовъ, которому и поручено было изслѣдовать подробно всѣ мои дѣла; черезъ нѣсколько недѣль мнѣ сообщена была докладная записка Нератова намѣстнику Царства Польскаго графу Бергу, въ которой, безъ особаго труда, разоблачена была вся мистификація, которой подвергся графъ Бергъ. Мануилова тотчасъ же уволили изъ Кѣлецъ и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Требуйте отъ меня что хотите, сказалъ мнѣ графъ Бергъ, я виноватъ и готовъ сдѣлать для васъ все, что могу.

Военный министръ графъ Милютинъ находилъ, что лучшимъ способомъ для графа Берга извиниться публично передомною будетъ, если онъ взойдетъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ нему для особыхъ порученій.

Графъ Бергъ такъ и сдѣлалъ, и 8 Августа 1869 года высочайшимъ приказомъ я назначенъ былъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа съ оставленіемъ по инженерному корпусу.

ГЛАВА VIII.

Осмотръ заграничныхъ тюремъ.—Вопросъ о мобилизаціи крѣпостей.—Полное невѣжество въ крѣпостномъ дѣлѣ.—Разница между инженерами и саперами.—Несообразности въ постройкѣ нашихъ крѣпостей.

Когда состоялось назначеніе меня по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ графѣ Бергѣ, мы снова устроились въ Варшавѣ. Жизнь наша потекла спокойно и мирно; сосѣдство съ Уяздовскою аллеею и Ботаническимъ садомъ доставляло удобныя прогулки на чистомъ воздухѣ. У насъ былъ большой кругъ хорошихъ знакомыхъ, и такъ какъ мы не жили какъ прежде въ цитадели, то пользовались театрами и общественною жизнью гораздо больше чѣмъ въ былое время.

Что касается до служебныхъ занятій, то у графа Берга, человѣка просвѣщеннаго и дѣятельнаго, за этимъ дѣло не стало. Подъ моимъ руководствомъ построенъ на Прагѣ при церкви Св. Маріи Магдалины домъ для священнослужителей и для приходской школы, а самый храмъ обнесенъ желѣзною оградою на каменномъ фундаментѣ; устроены въ домѣ Піаровъ (что̀ недалеко отъ королевскаго замка) помѣщенія для центральныхъ архивовъ, и затѣмъ на меня возложено было составленіе проекта устройства въ Варшавѣ, въ бывшихъ казармахъ л.-гв. Волынскаго полка, военной тюрьмы по системѣ одиночнаго заключенія. А по утвержденіи проекта мнѣ поручено было стать предсѣдателемъ комитета, по распоряженіямъ котораго производились и самыя работы.

Работы по перестройкѣ Волынскихъ казармъ въ военную тюрьму начаты весною 1872 г. и окончены къ 15 Ноябрю 1874 г.

Среди работъ, въ виду новизны у насъ дѣла устройства тюрьмы по системѣ одиночнаго заключенія, графъ Бергъ, согласно моему докладу, призналъ необходимымъ командировать меня за границу, чтобы посмотрѣть на тюрьмы въ Германіи, Бельгіи, Англіи и Швейцаріи, и потому

исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе на такую командировку. Это была уже пятая моя поѣздка за границу.

Пользуясь симъ случаемъ, я порѣшилъ поѣздку свою совершить вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Мы выѣхали въ Берлинъ 17 (29) Іюля 1873 года. На другой день по пріѣздѣ туда, я осматривалъ тюрьму Моабитъ и вновь строившуюся подъ Берлиномъ исправительную тюрьму колоссальныхъ размѣровъ. Наилучшія въ Европѣ тюрьмы системы одиночнаго заключенія находятся въ Бельгіи, и потому съ особымъ вниманіемъ я осматривалъ такого рода тюрьму въ Louvain и строившуюся въ то время тюрьму въ Malines. Въ Лондонѣ мною подробно осмотрѣны тюрьмы: Мильбанкскъ, Clerkenwell House of Correction и Пентонвиль; сверхъ того я съѣздилъ изъ Лондона для осмотра тюремъ въ Чатамѣ и Портсмутѣ.

Въ Невшателѣ мы пробыли около двухъ сутокъ и переѣхали въ Бернъ, гдѣ я познакомился съ секретаремъ нашего посольства въ Бернѣ г. Глинкою, который былъ зятемъ генералъ-адъютанта Лутковскаго. Посланникъ нашъ князь Горчаковъ (если не ошибаюсь, сынъ бывшаго канцлера) былъ въ то время въ отпуску и по возвращеніи въ Бернъ писалъ графу Бергу, что искренно сожалѣетъ, что отсутствіе его изъ Берна лишило его удовольствія предложить генералу Хлѣбникову Русскую хлѣбъ-соль. Г. Глинка не только передалъ мнѣ разрѣшеніе федеральнаго правительства на осмотръ всѣхъ тюремъ въ Швейцаріи, но очень любезно предложилъ взять письмо отъ нашего посольства къ директорамъ тюремъ, которое тотчасъ-же и написалъ при мнѣ. Г. Глинка очень справедливо замѣтилъ, что для различныхъ кантоновъ, считающихъ себя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ независимыми отъ федеральнаго правительства, можетъ быть непріятно будетъ исполнять предложеніе этого правительства, тогда какъ сочтутъ за удовольствіе исполнить просьбу Русскаго посольства, къ нимъ непосредственно адресованную. Г. Глинка предложилъ мнѣ познакомиться въ Женевѣ съ почтеннымъ старикомъ m-r Vaucher-Cremieux, который много занимался тюремнымъ вопросомъ и по этому дѣлу находится въ сношеніи съ нашимъ правительствомъ.

Вообще свиданіе съ г. Глинкою, послѣ многократныхъ моихъ визитовъ въ разныя посольства наши при моихъ заграничныхъ поѣздкахъ, оставило во мнѣ особенно пріятное впечатлѣніе: въ немъ я встрѣтилъ не только образованнаго, вполнѣ благовоспитаннаго человѣка, но настоящаго джентельмена, который оказалъ мнѣ самое полное содѣйствіе къ выполненію порученнаго мнѣ дѣла.

По выходѣ изъ посольства я осмотрѣлъ въ Бернѣ очень плохую

и старую тюрьму, которую я оглядывалъ поверхностно, больше, какъ говорятъ, для очистки совѣсти.

1-го Сентября 1873 года мы были въ Женевѣ, гдѣ я познакомился съ m-r Vaucher-Cremieux и съ священникомъ Русской церкви г. Петровымъ. Первый изъ нихъ очень образованный старикъ; по профессіи онъ архитекторъ и не знаю какимъ образомъ, по приглашенію ли нашего генерала Володскаго или по собственному желанію Vaucher-Cremieux составилъ проектъ тюрьмы на 400 женщинъ и трудъ этотъ передалъ генералу Володскому; затѣмъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и авторъ не получилъ ни отвѣта, ни привѣта. M-r Vaucher-Cremieux просилъ меня въ особое для него одолженіе разъяснить ему этотъ вопросъ и въ случаѣ если проектъ его не принятъ, то возвратить ему таковой. Мнѣ чрезвычайно трудно было объяснить моему новому знакомцу, что я не знаю никакого генерала Володскаго и что это дѣло, особенно для меня, проживающаго въ Варшавѣ, совсѣмъ не легкое— добиться въ Петербургѣ въ нашихъ министерствахъ куда дѣлся его проектъ.

12 Сентября я осматривалъ въ Базелѣ тюрьму одиночной системы на 200 человѣкъ и на другой день былъ въ Брухсгальской тюрьмѣ. Послѣ осмотра каждой изъ нихъ я составлялъ подробныя описанія всего, что только заслуживало вниманія и что могло съ пользою быть примѣнено въ нашихъ тюрьмахъ. Эти описанія и послужили, по окончаніи моей командировки, матеріаломъ къ составленію отчета, который былъ мною своевременно представленъ графу Бергу.

Изъ Шафгаузена я переѣхалъ въ отлично обстроенный и большой городъ Цюрихъ, гдѣ осматривалъ тюрьму. 15 Сентября изъ Цюриха я отправился въ Wildegg, чтобы оттуда проникнуть въ Lenzbourg для осмотра тюрьмы. Что за прелестные по всюду ландшафты! Вся дорога изъ Базеля къ Шафгаузену, Цюриху и Берну представляетъ на каждомъ шагу самыя живописныя картины: долины Рейна и впадающихъ въ него рѣкъ окаймлены горами, покрытыми густою зеленью, множество маленькихъ городковъ, старинныхъ замковъ и богатыхъ виллъ съ садами; ничего нѣтъ угрюмаго въ этихъ картинахъ, напротивъ все дышетъ радостною и уютною жизнію. Со станціи желѣзной дороги Wildegg я проѣхалъ въ дилижансѣ въ Lenzbourg, затѣмъ прошелъ въ Penitencier, какъ здѣсь называютъ тюрьму, и былъ очень заинтересованъ какъ самымъ учрежденіемъ, такъ и его директоромъ.

Это была послѣдняя тюрьма, которую я осматривалъ, и потому теперь скажу нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ впечатлѣніяхъ, какія я вынесъ изъ знакомства съ Европейскими тюрьмами.

Въ Германіи старенькая тюрьма Моабитъ и вновь строющаяся Strafgefängniss bei Berlin, громадное учрежденіе, задуманное въ большихъ размѣрахъ для заключенія мужчинъ и женщинъ, для взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ, для одиночнаго заключенія и съ разъединеніемъ только на ночь, при общихъ мастерскихъ для дневныхъ занятій, представляютъ собою альфу и омегу тюремнаго дѣла въ Германіи. Полная стоимость тюрьмы въ Берлинѣ 3500000 талеровъ.

Брухсальская тюрьма заключается въ срединѣ между двумя вышеуказанными.

Въ Бельгіи я видѣлъ тюрьмы въ Louvain и Malignes. Первая изъ нихъ на 600 человѣкъ заключенныхъ въ отдѣльныхъ кельяхъ, съ дневною работою какъ въ кельяхъ, такъ и въ мастерскихъ, съ соблюденіемъ при этомъ безусловнаго молчанія. Въ этой тюрьмѣ содержатся и лица привилегированныхъ сословій, и потому какъ имена заключенныхъ, такъ и наружность ихъ скрыты отъ общаго свѣдѣнія. Надъ входомъ въ келью, на стѣнѣ, черною краскою написанъ номеръ келіи; этотъ же номеръ написанъ на жестяной дощечкѣ, къ которой прикрѣпленъ ремешекъ съ петлею, и заключенный при выходѣ изъ келіи надѣваетъ этотъ номеръ на пуговицу своей куртки, а на голову колпакъ съ отверстіями для глазъ. На дверяхъ виситъ номеръ, обозначающій, въ которомъ классѣ по своимъ знаніямъ находится заключенный. Кромѣ того если арестованный осужденъ на продолжительный срокъ, можетъ быть на всю жизнь, и замѣченъ какъ способный къ буйству, то надъ дверью такого индивидума привѣшивается маленькая черная дощечка—знакъ, что въ эту келью надзиратель входить одинъ не можетъ, а обязанъ призвать къ себѣ на помощь другаго еще надзирателя. На самой-же двери имѣются двѣ дощечки: одна съ надписью какой національности, чтобы знать на какомъ языкѣ говорить съ нимъ, по-французски или по-фламандски, а другая гласитъ, за какого рода преступленіе осужденъ; обозначеніе это односложно: убійство, грабежъ, кража и пр.

Надзиратели въ корридорахъ не разговариваютъ между собою вслухъ, а въ случаѣ надобности передаютъ приказанія условными знаками. Чистота и порядокъ въ тюрьмѣ вполнѣ безукоризненные.

Въ Лондонѣ въ старой тюрьмѣ Мильбанксъ содержатся закоренѣлые преступники, и обращаются съ ними весьма сурово. Стражники, одинъ сильнѣе другаго, атлеты, которые смѣло входятъ въ одиночные камеры, и я думаю, что скорѣе заключенный испытываетъ чувство страха при появленіи къ нему стражника. На первое время заключенія каждый преступникъ обязанъ въ своей камерѣ работать каждый день: усиленнымъ образомъ—вертѣть колесо; въ продолженіи дня онъ долженъ сдѣлать заданное ему число оборотовъ и если-бы оказалось, что

заключенный не исполнилъ заданной ему работы, то его безотговорочно подвергаютъ тѣлесному наказанію. Кажется, что въ Мильбанкъ имѣются и работы производительнаго характера, исполняемыя заключенными; по крайней мѣрѣ я видѣлъ, что ихъ выводили на дворъ и устанавливали въ шеренги. Объ исправленіи нравственности заключенныхъ въ Мильбанкъ и не думаютъ. Ящикъ для жалобъ заключенныхъ—это дѣло здѣсь немыслимое: это тюрьма чисто-карательнаго характера *). Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ тюрьмы Clerkenwell-House of Correction и Пентонвиль; послѣдняя изъ нихъ довольно новая постройка со всевозможными новѣйшими приспособленіями для поддержанія въ тюрьмѣ безукоризненной чистоты и опрятности и возможнаго облегченія службы администраціи. Третій видъ тюремъ въ Англіи я видѣлъ въ Чатамѣ и Портсмутѣ. Помню, какъ я пораженъ былъ грязью въ громадной тюрьмѣ въ Портсмутѣ; кельи заключенныхъ раздѣлены одна отъ другой перегородками изъ желобчатаго желѣза; всѣ двери настежъ, въ тюрьмѣ ни души. Гдѣ же заключенные? спрашиваю я.—«Всѣ на работахъ», отвѣчалъ мнѣ мой спутникъ. Оказывается, что всѣ арестанты сданы подрядчику, который взялъ на себя подрядъ (отрывку земли подъ доки въ адмиралтействѣ) и этотъ же подрядчикъ обязался кормить арестантовъ, которые приходятъ въ тюрьму только для ночлега. На работахъ отрывка земли доведена до слоя мокрой глины, и вотъ потому-то всѣ полы тюрьмы такъ загрязнены, пояснилъ мой спутникъ.

Въ Брюсселѣ я имѣлъ случай познакомиться съ главнымъ инспекторомъ тюремъ въ Бельгіи г. Стевенсомъ (J. Stevens), который, разговаривая со мною о различнаго рода тюремномъ заключеніи, спросилъ меня, почему въ Россіи, гдѣ производится столько колоссальныхъ общественныхъ работъ, не употребляютъ арестантовъ на устройство, напримѣръ, полотна желѣзныхъ дорогъ. «Это есть самый экономическій способъ содержанія арестантовъ», добавилъ г. Стевенсъ; «еще не такъ давно я имѣлъ случай говорить по этому вопросу съ вашею великою княгинею Еленою Павловною». Мнѣ и самому не разъ казалось, что арестанты въ Россіи обходятся правительству дорого и если они что нибудь и заработываютъ на улучшеніе своего содержанія, то это очень ничтожный заработокъ. Впрочемъ я не могу вдаваться въ разсужденіе по поводу вопроса мнѣ совершенно невѣдомаго. Я поѣхалъ осматривать заграничныя тюрьмы только для того, чтобы уяснить себѣ частности внутренняго устройства тюремъ. По мѣрѣ ознакомленія съ ними, о

*) Въ эту тюрьму попадаютъ и несовершеннолѣтніе, и преисправно ихъ сѣкутъ за малѣйшее уклоненіе отъ принятаго въ тюрьмѣ порядка.

всемъ, заслуживающемъ вниманія, я немедленно сообщалъ въ Варшавскій временной тюремный комитетъ для примѣненія въ строившейся въ Варшавѣ военной тюрьмѣ.

Впрочемъ тюрьмы, которыя я видѣлъ въ Германіи, Бельгіи и Англіи, все это тюрьмы большія по числу заключенныхъ, а тюрьмы новѣйшей постройки къ тому же крайне дорогія. Мнѣ хотѣлось видѣть что нибудь болѣе подходящее по размѣрамъ къ нашимъ военнымъ тюрьмамъ на 200 человѣкъ заключенныхъ и что нибудь болѣе скромное въ денежномъ отношеніи. Меня возмущала мысль, что въ Петербургѣ сочиняли проекты, по которымъ тюрьма на 200 заключенныхъ должна обойтись въ 600 т. рублей, т. е. 3 т. рублей на келію. Правда, что если бы вздумали строить военныя тюрьмы не по одной въ каждомъ военномъ округѣ, а на три округа одну тюрьму на 600 заключенныхъ, то таковая тюрьма обошлась бы значительно дешевле. Въ Шейцаріи тюрьмы построены по одной на отдѣльный кантонъ, по одной на два и на три кантона, величиною на 120, 150, 200 и 250 заключеннхъ, въ зависимости отъ численности населенія кантоновъ. Всѣ тюрьмы въ Швейцаріи для одиночнаго заключенія съ работою какъ въ келіяхъ, такъ и въ общихъ мастерскихъ. Осужденные къ заключенію въ тюрьмѣ подвергаются сначала строгому одиночному заключенію и занимаются работою каждый въ своей келіи; впослѣдствіи же, по истеченіи извѣстной части полнаго срока заключенія, если наказуемый постоянно отличался полнымъ прилежаніемъ къ работѣ и хорошимъ поведеніемъ, дѣлаютъ ему нѣкоторыя облегченія, занимая его работою внѣ его кельи или допуская его работать совмѣстно съ другимъ заключеннымъ, при полномъ молчаніи и во всякомъ случаѣ подъ наблюденіемъ одного изъ надзирателей.

Въ 1864 году открыты вновь построенныя тюрьмы въ Базелѣ на 170 и въ Ленцбургѣ на 220 человѣкъ заключенныхъ; первая изъ нихъ обошлась безъ покупки земли въ 557650 франковъ, а вторая, включая и расходы на покупку $3\frac{1}{8}$ десятины земли и всю внутреннюю мебелировку, 1050000 франк. Въ числѣ чиновъ администраціи въ Ленцбургской тюрьмѣ состоятъ 2 священника (одинъ католическій и одинъ протестантскій) и 11 учителей для различныхъ мастерствъ.

Знакомство съ тюрьмами въ Швейцаріи мнѣ доставило большое удовольствіе, во 1-хъ какъ отвѣтъ на вопросъ не дававшій мнѣ покоя —какія тюрьмы мы должны устраивать. Для меня теперь стало очевиднымъ, что лучшимъ рѣшеніемъ вопроса было бы придержаться въ главныхъ чертахъ къ типу Швейцарскихъ тюремъ съ тѣми конечно видоизмѣненіями, которыя вызываются особыми задачами военныхъ тюремъ, предназначаемыхъ замѣнить собою тѣлесное наказаніе и въ тоже время

служить наказаніемъ строгимъ, при которомъ возможно было-бы ограничиваться болѣе краткими сроками заключенія, дабы одна и таже тюрьма могла служить для отбыванія въ ней заключенія бо́льшаго числа нижнихъ чиновъ. Въ этихъ видахъ въ военныхъ тюрьмахъ, по мнѣнію Главнаго Тюремнаго Комитета, работа въ отдѣльныхъ кельяхъ допускалась только какъ ослабленіе строгости одиночнаго заключенія; работа же совмѣстная двухъ и болѣе заключенныхъ совсѣмъ не допускалась. Швейцарскія тюрьмы мнѣ нравились и по тому гуманному и просвѣщенному участію общества, которое оно принимало въ обсужденіи выбора типа тюремъ наиболѣе отвѣчающаго потребностямъ Швейцарскаго народа.

По рекомендаціи m-r Vaucher-Cremieux я познакомился въ Лозаннѣ съ m-me Beck-Bernard, весьма умной и энергичной особой, которая, по всему видно, принимала живое участіе въ тюремномъ вопросѣ для Швейцаріи. Она много хвалила, какъ ревностнаго дѣятеля по этому же вопросу, m-r Guillaume, директора Невшательской тюрьмы и когда я сказалъ ей, что тюрьму эту я уже осматривалъ, но не имѣлъ случая познакомиться съ ея директоромъ, m-me Beck-Bernard горячо совѣтовала съѣздить еще разъ въ Невшатель и познакомиться съ г. Гильомомъ, который прежде былъ докторомъ и какъ врачъ пользовался хорошею репутаціею; но вотъ наступила пора рѣшенія тюремнаго вопроса для Швейцаріи, и г. Гильомъ съ убѣжденіемъ предается этому дѣлу и въ такой мѣрѣ, что оставляетъ совсѣмъ прежнюю свою спеціальность.

— Познакомьтесь, непремѣнно познакомьтесь съ г. Гильомомъ и навѣрное не будете раскаиваться, говорила m-me Beck-Bernard, разставаясь со мною. Черезъ нѣсколько дней я былъ опять въ Невшателѣ, познакомился съ г. Гильомомъ и еще разъ прошелъ по тюрьмѣ. Въ ней 120 келій, стоимость ея 1160000 франк. Когда мы взошли въ церковь, то г. Гильомъ сказалъ:—Вотъ вчера (въ Воскресеніе) здѣсь былъ сначала католическій, а послѣ него протестантскій священники; каждый кромѣ молитвы говоритъ отъ себя какое нибудь нравоученіе.—А вы присутствуете при этомъ? спросилъ я.—Какъ же, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, вчера и я взошелъ послѣ нихъ на каѳедру и также произнесъ свое слово.—О чемъ же вы говорили?—Между моими заключенными слышится иногда вотъ такой взглядъ: мы выброшенные съ дѣтства на улицу, не знали никогда ни ласки родителей, ни добраго слова отъ посторонихъ, и затѣмъ насъ же осуждаютъ, когда никто и никогда ничему насъ не училъ. Поэтому во вчерашней своей рѣчи я старался объяснить, что̀ общество дѣлаетъ для призрѣнія бѣдныхъ, для народнаго образованія и для исправленія порочныхъ; подъ конецъ моей рѣчи, я

явственно слышалъ сказанное нѣкоторыми изъ слушателей: мы не заслуживаемъ такой заботливости!

Потолокъ молельной залы испещренъ именами всѣхъ главныхъ дѣятелей въ Европѣ и Америкѣ по тюремному вопросу; между ними я нашелъ фамилію и нашего соотечественника Сологуба.

—А почему вы знаете г. Сологуба? спросилъ я г. Гильома.—Я слышалъ его рѣчь на международномъ тюремномъ конгрессѣ въ Лондонѣ, и мнѣ нравится его взглядъ на предметъ, отвѣчалъ директоръ.

Въ воротахъ же тюрьмы, на стѣнахъ нарисованы, въ перспективномъ видѣ, всѣ главныя тюрьмы въ Европѣ; это тоже для того, чтобы показать заключеннымъ, сколько денегъ тратится на содержаніе ихъ и на пріученіе заключенныхъ къ труду.

*

Весьма интересная служебная дѣятельность начинается снова у меня въ 1878 г., когда, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, всѣ западныя державы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы ослабить для Россіи результаты ея кровопролитной войны съ Турціею.

Командующій войсками Варшавскаго военнаго округа поручилъ мнѣ отправиться въ крѣп. Ивангородъ и стать во главѣ комиссіи, которой поручено было сначала заняться только составленіемъ соображенія о приведеніи крѣпости въ готовность къ оборонѣ, на случай войны съ Австріею; но при этомъ было конфиденціально внушено мнѣ, что, въ случаѣ возможности этой войны, я буду назначенъ комендантомъ крѣпости Ивангородъ.

Работа порученная мнѣ по составленію соображенія о мобилизаціи крѣпости было дѣло вполнѣ новое: до того времени никогда и никто не думалъ, въ чемъ именно должны состоять работы по мобилизаціи крѣпости, т. е. по переходу ея съ мирнаго положенія на военное, а затѣмъ и на осадное положеніе.

Въ главномъ штабѣ, послѣ войны 1866 г. Пруссіи съ Австріею, когда мы увидѣли на дѣлѣ скорую мобилизацію Прусскихъ войскъ, начались работы по введенію и у насъ мобилизаціи арміи на подобіе Прусской системы; но при этомъ не поднялось ни одного голоса, а что же должны дѣлать крѣпости въ виду такой скорой мобилизаціи арміи и быстраго сосредоточенія войскъ къ театру войны? О крѣпостяхъ никто тогда не думалъ; онѣ остались въ сторонѣ, какъ забытые углы.

Впослѣдствіи мнѣ говорили, что стоявшій все время до призыва подъ Плевну во главѣ инженернаго корпуса ген.-адъют. Тотлебенъ что-то мечталъ о мобилизаціи крѣпостей и созывалъ для этого цѣлую комиссію, которая работала подъ его предсѣдательствомъ; но Тотлебенъ за-

нимался по преимуществу отвлеченнымъ, теоретическимъ опредѣленіемъ величины гарнизоновъ для крѣпостей, нисколько не спрашивая главный штабъ, сколько въ дѣйствительности можетъ быть отдѣлено войскъ для гарнизоновъ крѣпостей въ случаѣ той или другой войны; словомъ, Тотлебенъ фантазировалъ что-то на тему о мобилизаціи крѣпостей, и изъ этого ничего не получилось для дѣла реальнаго.

Главныя управленія наши, инженерное и артиллерійское, до такой степени были въ то время далеки отъ понятія о мобилизаціи крѣпости, что, нѣкоторое время спустя, инженеръ-генералъ К. Я. Звѣревъ разсказывалъ мнѣ, что положеніе доходило до истиннаго комизма. Военный министръ Д. А. Милютинъ сообщилъ офиціально названнымъ управленіямъ, что намъ, т. е. Россіи, предстоитъ вступить въ войну съ ближайшими западными сосѣдними государствами, и его величество Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ немедленно приступить къ мобилизаціи нашихъ крѣпостей, на каковое дѣло разрѣшено отпустить первоначально 4 милліона рублей. Главныя управленія, инженерное и артиллерійское, которыя ежегодно только и стремятся къ тому, чтобы побольше урвать изъ общаго военнаго бюджета, на этотъ разъ вдругъ становятся, подобно застѣнчивымъ молодымъ дѣвушкамъ, стыдливыми и никакъ не могутъ дать положительнаго отвѣта министру, которому управленію и сколько именно нужно денегъ для приступа къ подготовленію крѣпостей перейти съ положенія мирнаго на военное, такъ какъ ни одно изъ этихъ управленій не имѣло ни малѣйшаго точнаго представленія о томъ, что же именно нужно было для такого превращенія крѣпости дѣлать. Обратились въ главный штабъ къ генералу Величко, который наиболѣе работалъ надъ составленіемъ правилъ мобилизаціи для арміи, но и тотъ не могъ ничего сказать о мобилизаціи крѣпостей. Тогда главное артиллерійское управленіе запросило начальника артиллеріи Варшавскаго округа, не имѣется-ли въ крѣпостяхъ между командирами крѣпостныхъ артиллерій человѣка опытнаго и знающаго дѣло крѣпостное. Въ отвѣтъ на это былъ указанъ командиръ Брестъ-Литовской крѣпостной артиллеріи полковникъ Товстолѣсъ, который и былъ вслѣдъ затѣмъ командированъ въ Петербургъ.

Явившись въ главное артиллерійское управленіе, онъ получилъ приказаніе явиться въ главный штабъ къ генералу Величко.

«Вотъ васъ-то мнѣ и нужно!» сказалъ генералъ Товстолѣсу. «Я понимаю, что мобилизація крѣпости не есть мобилизація какой-нибудь строевой части войскъ, и потому вотъ на бланкахъ для мобилизаціи крѣпости прибавилъ особую графу—числа поѣздовъ для подвоза въ крѣпость разнаго рода военныхъ тяжестей и продовольственныхъ запа-

совѣ. Не можете ли вы сдѣлать указанія на размѣръ нуждъ того или другого рода предметовъ для Брестъ-Литовской крѣпости?»

Крайне удивленъ былъ почтенный старикъ Товстолѣсъ подобнымъ вопросомъ и долго оставался ничего не отвѣчая; но разговоръ понемногу завязался, и Товстолѣсъ успѣлъ наконецъ разъяснить генералу Величко, что мобилизація крѣпости предметъ чрезвычайно сложный, заключающій въ себѣ работы по инженерной и артиллерійской частямъ, мобилизацію гарнизона крѣпости и обезпеченіе его какъ по госпитальной части, такъ и по продовольственной; объяснилъ также, что въ крѣпостяхъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какою окончательно артиллеріею онѣ будутъ вооружены, какіе гарнизоны будутъ для нихъ опредѣлены, и потому, не зная какую степень силы предназначается проявить такой или другой крѣпости, онъ ничего не можетъ сказать о ихъ нуждахъ для перехода съ мирнаго положенія на военное.

Вотъ только тогда наши главныя управленія Военнаго Министерства поняли, что крѣпости наши суть ничто иное, какъ забытые углы.

Въ утѣшеніе имъ генер.-адъют. Коцебу сообщилъ о сдѣланномъ имъ распоряженіи составить планъ мобилизаціи крѣпости Ивангородъ и что, смотря по ходу политическихъ дѣлъ нашихъ, онъ намѣренъ приводить этотъ планъ въ исполненіе.

Трудно было намъ приняться за это дѣло въ Ивангородѣ. Первая остановка наша въ работѣ былъ вопросъ о величинѣ гарнизона крѣпости. Коцебу отвѣтилъ совершенно категорически, что, въ случаѣ войны, для обороны Ивангорода онъ назначитъ такія-то войска и что полная ихъ мобилизація будетъ окончена на такой-то день.

Заручившись точною цифрою пѣхотнаго гарнизова, мы горячо принялись за дѣло и дурно ли, хорошо ли, но составили этотъ первый планъ мобилизаціи крѣпости въ теченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ.

Работа эта раскрыла мнѣ глаза на многое, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя я написалъ статью, въ которой, стараясь скрыть современные недостатки нашихъ крѣпостей, стремился объяснить, что для перехода какой бы-то ни было крѣпости съ мирнаго положенія на военное представляется необходимость произвести столько работъ и передвиженія, какъ войсковаго, такъ и артиллерійскаго имущества съ одного конца крѣпости на другой, что для ея гарнизона совершенно немыслимо своими силами приготовить крѣпость къ военному положенію въ короткій срокъ, напримѣръ, въ такой промежутокъ времени, который необходимъ для мобилизаціи и сосредоточенія на театрѣ войны арміи. Я доказывалъ, что многія крѣпости даже неспособны быть приготовлены къ бою, по недостатку въ нихъ порохохранилищъ; по крайней мѣрѣ такія крѣпости не способны проявить той степени сопротивленія, какая

ожидается отъ нихъ, въ силу ихъ стратегическаго значенія на театрѣ военныхъ операцій.

Затѣмъ постепенно и методически я указалъ въ своей статьѣ, какъ должна въ мирное время крѣпость отстраиваться, чтобы въ минуту необходимости она могла въ періодъ мобилизаціи арміи перейти съ мирнаго положенія на военное, и для того старался перечислить всѣ мѣры, которыя должны принадлежать дѣятельности мирнаго времени, дабы какъ можно менѣе откладывать ко времени военному. По моему мнѣнію все, что только можно сдѣлать въ мирное время непремѣнно должно быть сдѣлано такъ, чтобы съ объявленіемъ крѣпости на военномъ положеніи пришлось бы дѣлать только то, чего нельзя было исполнить въ мирное время, напримѣръ, разрушеніе строеній и уничтоженіе садовъ частныхъ лицъ, препятствующихъ успѣшной оборонѣ мѣстности впереди укрѣпленій.

Кромѣ того я доказывалъ въ своей статьѣ необходимость обученія войскъ, предназначаемыхъ быть гарнизонами въ крѣпостяхъ особенностямъ крѣпостной войны и рекомендовалъ для того совсѣмъ не введенныя у насъ крѣпостную игру на планахъ и картахъ и крѣпостные маневры.

Много мнѣ приходилось на своемъ вѣку писать статей и докладныхъ записокъ; но думается, что ни одна изъ нихъ не имѣла столь благотворныхъ послѣдствій для моей дальнѣйшей службы, какъ эта статья. Ее, конечно, не пустили въ печать; но новый товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части генер.-адъют. фонъ-Кауфманъ (Михаилъ Петровичъ), заступившій генер. Тотлебена (который былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, занимавшими послѣ Санъ-Стефанскаго договора Болгарію) обратилъ на мою статью серьезное вниманіе. По его представленію въ 1880 году было назначено произвести крѣпостной маневръ въ крѣпости Ивангородѣ, и начальникомъ обороны или скорѣе руководителемъ обороны былъ назначенъ я. Дѣло это было задумано въ большихъ размѣрахъ. Положено произвести маневръ безъ участія войскъ, но назначены были какъ главные, такъ и частные начальники войскъ гарнизона крѣпости и осаднаго корпуса въ числѣ до 96 человѣкъ, причемъ было много полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, чиновъ интендантскаго и медицинскаго вѣдомствъ.

Ко времени маневра крѣпость измѣнилась со времени составленія мною плана ея мобилизаціи постройкою вокругъ главной ограды самостоятельныхъ фортовъ. Поэтому приходилось составлять новый планъ приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ.

Въ 1881 году такой же крѣпостной маневръ произведенъ былъ и въ крѣп. Новогеоргіевскѣ, и мнѣ снова досталось быть руководителемъ обороны, т. е. принять на себя роль коменданта крѣпости, которому приходится защищать ее.

За два или за три мѣсяца до маневра я былъ командированъ въ Новогеоргіевскъ, какъ предсѣдатель комиссіи, которой поручено было составить подробный планъ приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ, что́ и было исполнено довольно обстоятельно, тогда какъ подобный же планъ для Ивангорода, составленный подъ руководствомъ начальника Ивангородскаго инженернаго управленія, подвергся въ главномъ инженерномъ управленіи замѣчаніямъ, и необходимо было переработать его совершенно заново, для чего въ Февралѣ мѣсяцѣ 1882 г. я былъ командированъ въ Ивангородъ также въ качествѣ предсѣдателя особой комиссіи, на которую возложено было составить совершенно вновь планъ приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ того же года я командированъ былъ въ Петербургъ для представленія военному министру этого плана и для личныхъ разъясненій по поводу записки, приложенной мною къ означенному плану.

Военнымъ министромъ въ то время былъ уже генер.-адъют. Ванновскій, которому я былъ совершенно незнакомъ. Надо здѣсь сказать, что съ годъ тому назадъ я получилъ изъ главнаго штаба запросъ, не согласенъ ли я быть назначеннымъ комендантомъ въ крѣп. Александрополь, каковой запросъ я представилъ, черезъ начальника штаба генералъ-лейтенанта Звѣрева, командующему войсками Варшавскаго округа г.-ад. Альбединскому, и послѣдній былъ столь внимателенъ ко мнѣ, что самъ написалъ министру, что считаетъ меня достойнымъ получить лучшее назначеніе чѣмъ въ Александрополь. Затѣмъ, не задолго до командированія меня въ Петербургъ, я получилъ второй запросъ, не желаю ли я быть комендантомъ въ Вобруйскѣ. Генералъ-адъютантъ Альбединскій снова отвѣчалъ министру, что я съ пользою для службы могу занять мѣсто коменданта въ одной изъ крѣпостей первой линіи обороны, напримѣръ, въ Варшавскомъ округѣ, и вслѣдъ за таковымъ отвѣтомъ я поѣхалъ въ Петербургъ.

Военный министръ принялъ меня благосклонно и сказалъ, что на счетъ мѣста въ Бобруйскѣ я былъ спрошенъ въ виду его желанія предоставить мнѣ штатное мѣсто съ тѣмъ, чтобы я не оставался долѣе висящимъ на воздухѣ, между небомъ и землею. Я поблагодарилъ министра и доложилъ ему о цѣли моего пріѣзда. Для разсмотрѣнія составленнаго подъ моимъ руководствомъ плана приведенія крѣп. Ивангорода въ готовность къ оборонѣ министръ назначилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ многочисленную комиссію, въ которой приняли участіе на-

чальникъ главнаго штаба, товарищи генералъ-фельдцейгмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части, инспекторъ крѣпостной артиллеріи, главный интендантъ и другіе; въ этой же комиссіи былъ и генералъ-маіоръ Нагловскій, пріѣхавшій въ то время въ Петербургъ изъ Одессы.

Докладъ мой о составленіи плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ, изъ какихъ частей онъ состоитъ и въ чемъ заключается содержаніе каждаго отдѣла, наконецъ главнѣйшія данныя, положенныя въ основаніе плану, какъ численность гарнизона и размѣръ артиллерійскаго вооруженія, все это я изложилъ систематически, послѣдовательно. Затѣмъ начались разспросы, по какому способу исчисленъ гарнизонъ; какъ велика продолжительность мобилизаціоннаго періода для Ивангорода, сколько опредѣлено времени для обученія чиновъ призыва и пр.

Въ концѣ доклада я прочиталъ свою особую къ плану записку, въ которой изложилъ что наиболѣе необходимо сдѣлать для крѣпости въ мирное время, дабы она могла проявить во время обороны желаемую степень силы сопротивленія.

Докладъ мой очевидно удовлетворилъ министра и, какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ тогда же сказалъ генералу Звѣреву, что первая вакансія на мѣсто коменданта въ большой крѣпости по всей справедливости должна быть предоставлена мнѣ.

30 Августа 1882 г. я произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Военный министръ сказалъ по этому поводу мнѣ: «Поздравляю васъ; для васъ сдѣлано исключеніе; въ подобномъ же производствѣ генераловъ, не занимающихъ штатныхъ мѣстъ, отказано двумъ командующимъ войсками, но вы оказали особыя услуги и если считаете настоящее производство наградою для васъ недостаточною, то ищите удовлетворенія въ сознаніи, что вы сдѣлали дѣйствительно полезное дѣло, пріискавъ путь къ составленію плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ».

Раскланиваясь съ министромъ, я чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ глазамъ: до такой степени мнѣ пріятно было признаніе вслухъ пользы моихъ трудовъ. Въ моей жизни я почти не встрѣчалъ подобнаго примѣра.

Послѣ Ивангорода и Новогеоргіевска было предположено исполнить въ 1883 году крѣпостной маневръ въ Брестъ-Литовскѣ, съ назначеніемъ меня начальникомъ обороны, и потому въ первыхъ числахъ Января мѣсяца 1883 года я командированъ былъ въ Брестъ, какъ предсѣдатель комиссіи, на которую возложено было составить планъ приведенія этой крѣпости въ готовность къ оборонѣ. Въ два или три мѣсяца эта работа была исполнена.

Ознакомившись въ крѣпостяхъ ближе съ инженерными офицерами Варшавскаго округа и съ порядкомъ составленія ими проектовъ по усиленію крѣпости новыми фортификаціонными сооруженіями, я пришелъ къ заключенію, что военные инженеры почти совсѣмъ не знаютъ военнаго дѣла. Всецѣло поглощенные трудами мирнаго времени, составленіе проектовъ и смѣтъ на возведеніе новыхъ построекъ или капитальное исправленіе старыхъ, наблюденіе за всѣми работами и на составленіе отчетовъ по работамъ исполненнымъ, военные инженеры въ крѣпостяхъ ничѣмъ другимъ не занимаются; они не читаютъ ничего, что появляется въ военной литературѣ по оборонѣ и атакѣ укрѣпленныхъ позицій; мнѣ случалось видѣть въ инженерный библіотекѣ неразрѣзанными даже такія статьи Военнаго Сборника какъ «Ловча, Плевна, Шейново» Куропаткина. Журналъ не разрѣзанъ, значитъ никто изъ инженерныхъ офицеровъ большой крѣпости не поинтересовался статьею прямо относящеюся къ спеціальности военнаго инженера. На службѣ имъ не приходится заниматься составленіемъ проектовъ тѣхъ укрѣпленій и тѣхъ батарей, какія придется возводить осадному корпусу или гарнизону обороняющему крѣпость, тогда какъ саперные офицеры занимаются этимъ дѣломъ постоянно: они не только что составляютъ ежегодно проекты различныхъ осадныхъ батарей, блиндажныхъ помѣщеній для войскъ и для пороховыхъ погребковъ, но ежегодно строятъ эти батареи и блиндажи и всегда участвуютъ въ маневрахъ, во время которыхъ нерѣдко подвергаютъ испытанію посредствомъ боевой артиллерійской стрѣльбы цѣлесообразность возведенныхъ саперами построекъ. Словомъ, при осадѣ и оборонѣ крѣпостей инженерный элементъ, казалось бы долженъ быть представляемъ саперами какъ дѣйствительными спеціалистами этого дѣла, которые слѣдятъ за всѣми успѣхами саперная дѣла и часто сами предлагаютъ нововведенія полезныя и практически примѣнимыя. Военные же инженеры сапернаго дѣла совсѣмъ не знаютъ, а оно только и примѣнимо при осадѣ и оборонѣ крѣпостей.

Военные инженеры, странно сказать, не умѣютъ составлять проектовъ даже и по долговременной фортификаціи, т. е. проектовъ фортовъ, укрѣпленій и батарей, которые приходится строить въ мирное время для усиленія какой-нибудь старой крѣпости или для устройства новой крѣпости.

Я имѣлъ случай близко наблюдать, что дѣлалось съ 1863 и по 1885 годъ въ крѣпостяхъ Варшавскаго военнаго округа, въ Новогеоргіевскѣ, Ивангородѣ, Варшавѣ и Брестъ-Литовскѣ, и могу утвердительно сказать, что въ этихъ крѣпостяхъ военные инженеры *чертили* форты и укрѣпленія, но *не составляли проектовъ* для этихъ построекъ. Они и не могли составлять проектовъ, такъ какъ не вѣдали ни одного

изъ данныхъ, которыя должны служить основаніемъ къ настоящему составленію проекта. Чтобы сознательно проектировать какую-либо фортификаціонную постройку, фортъ или укрѣпленіе, необходимо уяснить себя роль этого сооруженія въ ряду прочихъ, соприкосновенныхъ съ нимъ частей крѣпости, уяснить себѣ вообще для какой части крѣпости предназначается сооруженіе: для фронта-ли наиболѣе вѣроятнаго подвергнуться атакѣ, или для части крѣпости, противъ которой осадныя дѣйствія совсѣмъ невѣроятны. Не занимаясь нисколько подобными соображеніями, инженеры принимаются обыкновенно чертить люнетъ или самостоятельное отдѣльное укрѣпленіе, имѣя въ рукахъ одну только данную величину—число орудій, предназначаемое для этого укрѣпленія, и затѣмъ, не заботясь какого-же это рода орудія будутъ, сколько потребуется для нихъ артиллерійской прислуги, какой величины пѣхотный гарнизонъ будетъ въ укрѣпленіи, какой вмѣстимости должны быть пороховые расходные погреба и пр. и пр., военные инженеры чертятъ обыкновенно кому что Богъ на душу положитъ. Поэтому-то, когда приходится подумать что надо сдѣлать, чтобы перевести устроенную подобнымъ образомъ крѣпость съ мирнаго положенія на военное, то дѣйствительно есть отъ чего прійти въ ужасъ. Оказывается, что въ крѣпости не имѣется порохо-хранилищъ болѣе чѣмъ на половину того количества пороха, которое должно быть въ ней сосредоточено, а въ тоже время на пороховыхъ заводахъ не знаютъ куда дѣваться съ выдѣланнымъ порохомъ, такъ какъ крѣпости отказываются принимать порохъ.

Гарнизонъ крѣпости не имѣетъ самаго необходимаго количества жилыхъ помѣщеній безопасныхъ отъ бомбъ, такъ какъ сводчатыя казармы на фортахъ построены безъ малѣйшаго соображенія съ дѣйствительною во время войны потребностью въ нихъ. О размѣщеніи ближайшихъ резервовъ, перевязочныхъ пунктовъ и о многихъ другихъ необходимыхъ помѣщеніяхъ и помину нѣтъ въ проектахъ инженерныхъ офицеровъ.

Наши инженеры, затягиваясь въ строительное дѣло, совсѣмъ бросаютъ военныя науки, не знаютъ ни современнаго ружья, ни дальности и силы его боя; не знаютъ современной нашей крѣпостной артиллеріи и въ крѣпостяхъ на западномъ театрѣ войны не знаютъ ни организаціи, ни силы Германскихъ осадныхъ парковъ. Построенные въ крѣпостяхъ Новогеоргіевскѣ, Варшавѣ, Ивангородѣ и Брестѣ форты лучше всего это доказываютъ.

Мѣста для крѣпостей избираются по общимъ стратегическимъ, а иногда и политическимъ соображеніямъ (это не есть дѣло инженеровъ), но за тѣмъ составленіе проекта крѣпости сообразно съ ея значеніемъ и выполненіе его есть дѣло инженерное. При современномъ видѣ крѣ-

постей, когда форты занимаютъ кругомъ ядра крѣпости линію длиною въ 30, 40 и 50 верстъ, нельзя располагать форты симметрически, на одинаковыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого; приходится по необходимости считаться съ мѣстностью и оцѣнивать ее въ тактическомъ отношеніи; вотъ тутъ наши инженеры грѣшатъ зачастую, игнорируя таковой факторъ. Мѣсто, на которомъ приходится искать пунктъ для расположенія форта, покрыто сплошь лѣсомъ; ни малѣйше не затрудняясь подобнымъ обстоятельствомъ, наши инженеры строятъ фортъ на пунктѣ, который по плану кажется имъ наиболѣе подходящимъ, а затѣмъ уже, когда фортъ построенъ, приступаютъ къ вырубкѣ лѣса, и немудрено, если при такомъ порядкѣ веденія дѣла встрѣчаются сюрпризы въ родѣ того, что съ форта не видать впереди лежащей мѣстности. Тогда рѣшаютъ гласировать мѣстность и подводить ее подъ выстрѣлы съ форта, а такія работы обходятся въ сотни тысячъ рублей.

Не раціональнѣе-ли было сначала вырубить лѣсъ и затѣмъ опредѣлить мѣсто, на которомъ слѣдуетъ построить фортъ? Тогда не только мы меньше тратили-бы на постройку крѣпостей, но, главное, каждый фортъ занималъ бы позицію болѣе выгодную въ тактическомъ отношеніи, и мы оставляли бы противнику или осаждающему менѣе выгодъ этого рода. А то теперь въ нашихъ крѣпостяхъ можно наблюдать и такого рода обстоятельства, что впереди фортовъ вся мѣстность представляетъ одни только, и притомъ значительныя, тактическія выгоды въ пользу противника, слѣдовательно все во вредъ оборонѣ, т. е. намъ, и инженерное искусство молчитъ, какъ бы не замѣчаетъ этого или не считаетъ себя въ силахъ пріискать надлежащаго рѣшенія задачи.

Февраль и Мартъ мѣсяцы 1883 года я провелъ въ крѣпости Брестъ-Литовскѣ для составленія плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ. Не успѣлъ я окончить еще этой работы, какъ мнѣ поручено было заняться выработкою руководства въ видѣ наставленія или инструкціи для производства крѣпостного манёвра; по этому поводу мною составлена была записка: «О боевой подготовкѣ пѣхотнаго гарнизона крѣпости въ мирное время».

Въ началѣ Мая 1883 г. я поѣхалъ въ деревню, но оставался тамъ недолго. Когда совершилось въ Москвѣ торжественное коронованіе Императора Александра III, я поѣхалъ въ Харьковъ. На станціи въ Орлѣ я нашелъ уже газеты, изъ которыхъ узналъ, что коменданты въ Варшавѣ и въ Ивангородѣ, генералы Ульрихъ и Шернваль, произведены въ полные генералы и уволены отъ своихъ должностей. «Вотъ и вакансія для меня!» подумалъ я. Въ Харьковѣ была при мнѣ получена депеша о смерти командующаго войсками Варшавскаго округа, генерала Аль-

бединскаго. «Пора по домамъ!» подумалъ я и вскорѣ отправился въ Варшаву.

Въ Варшавѣ я узналъ, что въ Новогеоргіевскѣ умеръ комендантъ крѣпости Жуковскій.

Явившись къ временно-командующему войсками генералу Криденеру, я узналъ, что я представленъ уже на мѣсто ген. Жуковскаго, и въ тоже время онъ поручилъ мнѣ отправиться немедленно въ крѣп. Новогеоргіевскъ для исполненія тамъ обязанностей коменданта. Въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца я поѣхалъ въ Новогеоргіевскъ, и только 14 Іюля 1883 г. состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня Новогеоргіевскимъ комендантомъ.

ГЛАВА IX.

Назначеніе меня комендантомъ Новогеоргіевска.—Служба при генералѣ Гурко.—Посѣщеніе крѣпости императоромъ Александромъ III.—Крѣпостные маневры.—Назначеніе въ Военный Совѣтъ.

Назначеніе меня Новогеоргіевскимъ комендантомъ состоялось вслѣдъ за назначеніемъ генералъ-адьютанта Іосифа Владимировича Гурко Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа. Ему тогда было всего 55 лѣтъ, человѣкъ полный силъ и энергіи, съ репутаціею начальника требовательнаго и строгаго. Едва прошло 3—4 мѣсяца со вступленія моего въ должность коменданта, какъ я былъ увѣдомленъ, что командующій войсками намѣренъ прибыть въ Новогеоргіевскъ такого-то числа и для осмотра этой первоклассной крѣпости провести въ ней три дня.

Крѣпость Новогеоргіевскъ въ то время была не только въ Россіи, но и во всей Европѣ наиболѣе сильною и наиболѣе грозною крѣпостью. Не связанная съ городскимъ населеніемъ, внутри себя, крѣпость не заключала въ своихъ твердыняхъ ничего кромѣ войскъ. Находясь на сліяніи Буго-Нарева съ Вислою, она имѣла важное стратегическое значеніе на нашемъ западномъ театрѣ войны.

Генералъ-губернаторъ и командующій войсками, обремененный массою дѣла, а въ особенности па первыхъ порахъ управленія новымъ для него краемъ, назначаетъ для одной крѣпости цѣлыхъ три дня! Нетрудно было понять цѣль новаго начальника изучить *основательно* современое состояніе крѣпости и ея значеніе для обороны страны.

Кромѣ Новогеоргіевска на западной окраинѣ нашей были еще крѣпости Брестъ-Литовскъ и Ивангородъ, всѣ три—твореніе императора Николая 1-го.

Съ замѣною гладкостѣнной крѣпостной артиллеріи нарѣзною, отличавшейся отъ прежней мѣткимъ, дальнимъ и сильнымъ боемъ, было

признано необходимымъ расширить существующія крѣпости и главную силу ихъ обороны перенести на самостоятельные отдѣльные форты, вынесенные отъ сплошной ограды впередъ на $2^1/_2$—3 версты и на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы каждый фортъ могъ оказать поддержку своимъ сосѣдямъ по обѣимъ сторонамъ. Въ то же время созрѣло рѣшеніе устроить кругомъ Варшавы крѣпость-лагерь и возвести двѣ малыхъ крѣпости Зегрже и Осовецъ. Гурко зналъ, безъ сомнѣнія, всѣ эти предположенія и тѣмъ болѣе желалъ поскорѣе познакомиться съ крѣпостями Варшавскаго округа.

Образованіе свое онъ получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и служилъ почти исключительно въ кавалеріи; свѣдѣній о крѣпостяхъ и о современныхъ отъ нихъ требованіяхъ онъ едва ли могъ имѣть, и потому я тщательно занялся составленіемъ такой программы осмотра крѣпости, при которой новый человѣкъ, при вниманіи, могъ бы легче всего ознакомиться съ наиболѣе насущными вопросами крѣпости, съ тѣми условіями, при которыхъ крѣпость въ состояніи будетъ развивать, во время обороны, свою оборонительную силу до наивысшихъ предѣловъ.

Въ Новогеоргіевскѣ Гурко былъ неутомимъ: садился на коня въ 7 час. утра, смотрѣлъ войска гарнизона, различныя части крѣпости, впереди лежащую мѣстность, магазины и склады, госпиталь и пр., и такъ проходилъ весь день, безъ завтрака, до самаго обѣда въ 8 час. вечера. Не было никакого отдыха. Все его интересовало, и мѣткая ружейная стрѣльба со станковъ Ливчака, и быстрота работы по вооруженію верковъ тяжелыми крѣпостными орудіями, и рѣшеніе пѣхотными частями различныхъ тактическихъ задачъ. Осмотръ крѣпости окончился стрѣльбою крѣпостной артиллеріи ночью, боевыми снарядами, по батареямъ на-скоро насыпаннымъ по указаніямъ адъютанта командующаго войсками на дистанціяхъ неопредѣленныхъ; артиллерійская стрѣльба производилась при помощи освѣщенія: по дальнимъ батареямъ—электрическаго, а по ближнимъ—ракетами.

Видно было, что крѣпость произвела на командующаго войсками сильное впечатлѣніе: могучіе по размѣрамъ своимъ въ планѣ и въ профиляхъ фронты бастіоннаго начертанія съ равелинами, вынесенными за гласисъ и фронты капонирные съ массивными внушительнаго вида капонирами, а внутри крѣпости цитадель съ грандіозными оборонительными постройками, все это раскинутое на обширномъ возвышенномъ надъ Вислою плато, имѣющемъ съ полсотни квадратныхъ верстъ, все говорило герою Балканъ, что здѣсь находится крупная боевая единица, которая въ случаѣ войны на нашихъ западныхъ границахъ сыграетъ значительную роль.

Послѣ Новогеоргіевска онъ осматривалъ также подробно крѣпости Брестъ-Литовскъ и Ивангородъ. Это была первая моя дѣловая встрѣча съ генер.-адъют. Гурко. Онъ показался мнѣ человѣкомъ вполнѣ благовоспитаннымъ и деликатнымъ, а дальнѣйшее знакомство только подтвердило вѣрность этого перваго впечатлѣнія. Гурко былъ человѣкъ вполнѣ благородный, строго честный, а какъ начальникъ онъ былъ требовательный, справедливый и когда нужно взыскательный; онъ хорошо подтягивалъ многочисленныя войска Варшавскаго округа и въ тоже время не упускалъ изъ виду держать Поляковъ въ страхѣ Божіемъ.

Въ 1884 году подъ Новогеоргіевскомъ происходили большіе маневры въ высочайшемъ присутствіи, и крѣпость служила все это время мѣстомъ пребыванія Ихъ Величествъ, великихъ князей, министровъ и многочисленной свиты. Безъ моихъ разсказовъ каждый легко можетъ себѣ представить, сколько заботъ, безпокойства, неспанныхъ ночей, суеты и непріятностей пришлось мнѣ выдержать по этому случаю. Государь Императоръ прибылъ въ крѣпость 29 Августа, и на другой день праздновался день тезоименитства Его Величества. Въ глубокую ночь, наканунѣ этого дня, мнѣ приходилось, благодаря нераспорядительности епархіальнаго начальства, пріискивать священника пригоднаго для совершенія торжественнаго въ крѣпостномъ соборѣ богослуженія, пересматривать имѣвшіяся на мѣстѣ ризы, распредѣлять роли между собранными лицами духовенства, телеграфировать въ Варшаву командиру Австрійскаго полка о присылкѣ пѣвчихъ и въ тоже время дѣлать распоряженія для разысканія подушекъ и одѣялъ для лицъ свиты, пріѣхавшихъ сверхъ списка, который былъ мнѣ препровожденъ заранѣе. Вотъ до какихъ предметовъ приходилось коменданту первоклассной боевой крѣпости распространять свои заботы; но что же было мнѣ дѣлать, когда крѣпостнаго штаба тогда еще не существовало, было лишь небольшое комендантское управленіе, составленное изъ лицъ полуинвалидовъ, привыкшихъ только къ самой несложной и однообразной письменной дѣятельности по наряду карауловъ и представленію самыхъ невинныхъ мѣсячныхъ и другихъ срочныхъ вѣдомостей, которыхъ къ тому никто конечно и никогда не провѣрялъ.

Всѣ дни пребыванія въ крѣпости съ вечера 29 Августа и по 3 Сентября, Государь Императоръ распредѣлилъ такъ, что утромъ въ 9 часовъ Его Величество выѣзжалъ къ войскамъ маневрировавшимъ на Наревѣ, а послѣ завтрака съ 3-хъ или 4-хъ часовъ осматривалъ крѣпость и въ особенности крѣпостную артиллерію, которая въ Новогеоргіевскѣ состояла изъ 6-ти баталіоновъ 4-хъ ротнаго состава. Одинъ день назначенъ былъ на производство вооруженія цѣлаго фронта главной крѣпости, и къ 3-мъ часамъ къ этому фронту были выставлены

всѣ 6 баталіоновъ крѣпостной артиллеріи, дабы Государь Императоръ могъ самъ выбрать для работъ по вооруженію то число ротъ, которое опредѣлено было разсчетомъ сообразно числу и калибру орудій, долженствовавшихъ быть поставленными на бастіоны. Покойный Императоръ Александръ III-й, возвращаясь съ маневровъ, проѣхалъ въ экипажѣ прямо къ фронту крѣпости, избранному для вооруженія. Увидя нѣсколько баталіоновъ артиллеріи, построенныхъ въ колоннѣ, Государь, не очень долюбливавшій строевыя занятія войскъ, нахмурился сначала, думая, что ему прійдется смотрѣть различныя построенія баталіоновъ и спросилъ въ недоумѣніи: «Это что такое?» Но ему тотчасъ же доложили, что построены всѣ 24 роты крѣпостной артиллеріи только для того, что не благоугодно ли будетъ Его Величеству назвать тѣ роты, которыя должны произвести предположенное вооруженіе. Государь съ видимымъ удовольствіемъ сдѣлалъ назначеніе. Роты эти выступили впередъ, а всѣ остальныя части крѣпостной артиллеріи были немедленно отведены въ казармы.

Ротамъ, назначеннымъ на работу, былъ сдѣланъ расчетъ, и люди сообразно съ этимъ перестроились; раздалась команда: «къ работамъ приступи!» и всѣ задвигались.

День былъ жаркій, и Государь приказалъ снять мундиры. Начальникъ артиллеріи округа тотчасъ же отдалъ приказаніе надѣть рабочія рубашки; но Государь остановилъ и приказалъ людямъ оставаться въ тѣхъ рубашкахъ какія были на нихъ. Сначала я испугался, опасаясь, что появятся рубашки и неприглядныя, но артиллеристы молодцы, всѣ были въ рубашкахъ совершенно свѣжихъ, бѣлыхъ казенныхъ, а бо́льшая часть въ своихъ собственныхъ красныхъ рубахахъ. Государь между тѣмъ, приказавъ не надѣвать рабочихъ рубашекъ, сказалъ вслухъ, ни къ кому не обращаясь: «cela ne nous choque pas»*).

Съ Государемъ Императоромъ были Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ великій князь Николай Александровичъ, великіе князья Георгій Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Николай Николаевичъ старшій и Петръ Николаевичъ, военный министръ, командующій главною квартирою г.-адъютантъ Рихтеръ, министръ двора, г.-адъютанты, флигель-адъютанты, фрейлина Озерова и графиня Апраксина, генералъ-адъютантъ Гурко и другія начальствующія лица.

Работа закипѣла дружно. Тогда одни люди пошли на валгангъ опредѣлять мѣста для орудій и отрывать ровики для основныхъ подъ платформы брусьевъ; другіе люди повернули назадъ къ паркамъ раз-

*) Это для насъ пипочемъ.

бирать штабеля, въ которые обыкновенно складываются платформы для храненія ихъ въ сараяхъ.

До 1884 года помощникомъ начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа былъ г.-лейтенантъ Григорьевъ, который много и настойчиво занимался въ крѣпостяхъ артиллеріею и успѣлъ освѣтить и урегулировать многія стороны службы этого рода войскъ, для каковой и по сіе время не издано положеній, правилъ, руководствъ и уставовъ Между прочимъ только благодаря просвѣщенному руководству генерала Григорьева въ крѣпостяхъ Варшавскаго округа были выработаны точныя данныя относительно времени потребнаго на вооруженіе верка, при извѣстномъ разстояніи парка, различнаго калибра орудіями и мортирами. Эти цѣнныя данныя я зналъ наизустъ и опасался, что Государь Императоръ утомится ожидать, стоя на валу, окончанія вооруженія, такъ какъ при большихъ калибрахъ орудій на установку каждаго требовалось не менѣе двухъ часовъ времени. Но каково было мое удивленіе, когда замѣтно ранѣе противъ упомянутыхъ нормъ артиллеристы начали уже подвозить на валъ орудія и ставить ихъ на вполнѣ и солидно настланныя платформы! Какъ бы ни хотѣлось артиллеристамъ блеснуть скоростію работы, но въ этомъ случаѣ немыслимо было поступиться прочностію установки орудій, чтобы выиграть въ скорости производства работы, такъ какъ артиллеристы знали, что въ тотъ же день, съ наступленіемъ темноты, изъ этихъ же орудій должна быть произведена въ присутствіи Государя прицѣльная стрѣльба при искусственномъ освѣщеніи мѣстности. Артиллеристы хорошо по этому понимали, что при исполняемомъ ими вооруженіи точная и солидная установка орудій есть самое важное условіе успѣшной стрѣльбы.

Во все время вооруженія Государь Императоръ находился на самомъ валу; кругомъ его работа повсюду кипѣла; ловкіе и красивые артиллеристы работали на славу. Ни громкихъ командныхъ словъ или начальническихъ указаній, ни разговоровъ не было слышно: тишина полная, только слышны были работа лопатою или забивка деревяннымъ молоткомъ кольевъ у основныхъ брусьевъ.

«Замѣтьте, сказалъ вполголоса Государь, обращаясь къ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, какая тишина; это какъ на кораблѣ!» Видимо было что, Государь Императоръ былъ доволенъ молодцами-артиллеристами.

Когда все вооруженіе было окончено и всѣ орудія стояли уже на своихъ мѣстахъ, Государь обошелъ всю длинную линію вооруженнаго бастіоннаго фронта и поблагодарилъ нижнихъ чиновъ. Затѣмъ Его Величество вернулся къ Императрицѣ и помогъ ей сойти съ валганга по его отлогости и сѣсть въ коляску. Стоя въ колискѣ и надѣвая на себя

шинель, Государь спросилъ, гдѣ командиръ крѣпостной артиллеріи? «Рюминъ, полковникъ Рюминъ!» всѣ спѣшили позвать его, и когда Рюминъ подошелъ къ коляскѣ, Государь сказалъ ему: «Благодарю васъ за отличное обученіе людей; видно, что это не со вчерашняго дня дѣло такъ хорошо поставлено вами; благодарю!»

Въ тотъ-же день вечеромъ, въ 11 часовъ, когда было совершенно темно, произведена была боевая стрѣльба по осаднымъ батареямъ на разстояніи 1500 сажень при электрическомъ освѣщеніи и на разстояніи 500 сажень при освѣщеніи мѣстности ракетами. На батареяхъ положены были бочки съ порохомъ, по одной на каждую.

Стрѣльба эта прицѣльная изъ длинныхъ орудій и навѣсная изъ мортиръ была чрезвычайно эффектная, которая произвела большое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна впослѣдствіи неоднократно вспоминала, при разговорѣ со мною, объ этой стрѣльбѣ.

На слѣдующій день въ свитѣ Государя только и слышны были похвалы крѣпостной артиллеріи. «Скажите, съ котораго времени крѣпостная артиллерія находится на столь высокой степени боевой подготовки; кому обязаны за превосходное ея состояніе?» Подобные вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, въ качествѣ старшаго посредника на маневрахъ, на другой день послѣ стрѣльбы выѣзжалъ рано утромъ на обзоръ мѣстности, и по возвращеніи въ крѣпость говорилъ мнѣ, что утромъ, когда не было еще вѣтра, хвосты свѣтящихся ракетъ стояли, уткнувшись въ землю, какъ лѣсъ какой: такая масса ихъ была выпущена для ночной стрѣльбы! (*600 штукъ*).

Министръ былъ недоволенъ малымъ успѣхомъ работъ по возведенію форта «Янувекъ» и за то высказалъ производителю работъ инженеръ-генералъ-маіору Жукову очень строгія замѣчанія. Ко мнѣ министръ относился довольно любезно и за обѣдомъ у меня выразилъ желаніе, чтобы я представилъ ему моего сына, который послѣ лагеря находился тогда у меня въ мѣсячномъ отпуску. Министръ спросилъ между прочимъ сына, которымъ онъ состоитъ по списку классныхъ занятій и на отвѣтъ, что онъ числится 15-мъ учевикомъ, министръ сказалъ сыну: «ну, постарайтесь, молодой человѣкъ, удержаться въ числѣ первыхъ 15-ти учениковъ; тогда мы многое можемъ вамъ сдѣлать».

Въ Октябрѣ 1887 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба Новогеоргіевской крѣпости генеральнаго штаба полковникъ Куликовъ. Это первый начальникъ штаба крѣпости согласно новаго положенія объ управленіи крѣпостями. Въ замѣнъ комендантскаго управленія организованы крѣпостные штабы, начальники которыхъ, а равно и начальники

строевого отдѣленія въ этихъ штабахъ, должны быть офицеры генеральнаго штаба, тогда какъ при прежнихъ управленіяхъ крѣпостями въ нихъ никогда не было ни единаго офицера генеральнаго штаба. Полковникъ Александръ Петровичъ Куликовъ былъ высоко нравственный и большого благородства человѣкъ; но здоровье его было крайне разстроено, такъ что въ служебномъ дѣлѣ онъ не былъ мнѣ помощникомъ. Въ замѣнъ того, его домъ и его общество были для меня большою отрадою въ этой крѣпости-пустынѣ въ смыслѣ общественной жизни. Къ Куликовымъ пріѣзжали родные, такъ что гостепріимные покои Куликовыхъ представляли для меня неоцѣненный пріютъ.

Зима съ 1887 на 1888 г. была въ Новогеоргіевскѣ и снѣжная, и очень морозная. Зима не унималась и въ Февралѣ, такъ что къ концу этого мѣсяца толщина льда на Вислѣ доходила до 1-го аршина; 2-го Марта было днемъ около 15° R, а вечеромъ еще больше; тѣмъ не менѣе днемъ я получилъ телеграмму изъ Завихоста (на средней Вислѣ), что рѣка вскрылась и потому распорядился тотчасъ отдать по гарнизону приказаніе, что Висла считается ненадежною, и потому приказывалось переѣзды чрезъ Вислу по льду, а равно и переходъ пѣшеходовъ, прекратить. Вечеромъ 2-го Марта я занимался у себя въ кабинетѣ, и когда окончилъ работу въ 1 часъ ночи, то, уходя изъ кабинета въ спальню, взглянулъ на наружный термометръ—оказалось, что было 20°R, и я еще подумалъ про себя: вотъ-то брякнулъ я сегодня гарнизону, что переходъ черезъ Вислу признается опаснымъ! Посмотрѣлъ бы я, какая это сила можетъ взломать толстый чуть не въ аршинъ ледъ при 20-ти градусахъ мороза. Между тѣмъ въ 7 часовъ утра 3-го Марта меня разбудили съ донесеніемъ, что Висла вскрылась и при этомъ обрушила западный конецъ громадной, 3-хъ этажной, красивой постройки провіантскаго магазина, находящагося на мысу при сліяніи Буго-Нарева съ Вислою, и вслѣдъ затѣмъ снесла висячій проволочный мостъ на Буго-Наревѣ у восточнаго конца провіантскаго магазина.

Отправившись немедленно къ мѣсту катастрофы, я съ трудомъ разсмотрѣлъ бушующія воды Вислы, которыя двигали и переворачивали громадныя льдины. Висла, задержанная должно быть заторомъ гдѣ нибудь ниже Новогеоргіевска, бросилась въ Буго-Наревъ и взламывала ледъ этой рѣки. Все это трудно было разсмотрѣть, потому что, по вскрытіи отъ льда, вода выдѣляла на морозѣ много пара. Наблюдая сколько было возможно, мы замѣтили, что горизонтъ воды быстро повышался, и вслѣдъ за тѣмъ я получилъ донесеніе, что ледяной заторъ обнаруженъ противъ селенія Галахи. Высота воды достигала 19½ футовъ выше ординара. Положеніе дѣлъ въ Новогеоргіевскѣ было чрезвычайно серьозное: надо было опасаться за цѣлость желѣзно-дорожнаго моста на Буго-Наревѣ,

расположеннаго нѣсколько выше проволочнаго моста. Поѣздъ, прибывшій изъ Млавы (съ Прусской границы), былъ задержанъ на станціи «Новогеоргіевскъ», и я вмѣстѣ съ начальникомъ дистанціи, инженеромъ путей сообщенія, отправился на паровозѣ къ мосту. Тогда было уже 10 часовъ утра; мороза было нѣсколько менѣе 15°; уровень воды болѣе не подымался; очевидно было, что заторъ частію прорванъ, и потому надо было ожидать пониженія воды. Всѣ быки и береговые устои моста выдержали напоръ воды и удары льда вполнѣ благополучно; прямыя линіи моста свидѣтельствовали о полной его исправности. Верхнее строеніе проволочнаго моста было отнесено теченіемъ воды вверхъ по Буго-Нареву за 10 верстъ отъ Новогеоргіевска. Висла въ теченіе нѣсколькихъ дней пронесла свой ледъ, высокая вода спала, и такимъ образомъ эта рѣка приняла нормальный видъ, а Буго-Наревъ остался покрытъ льдомъ и вскрылся съ 18 на 19 Марта. Кажется, что льдомъ Вислы былъ взломанъ ледъ Нарева лишь при сліяніи рѣкъ, въ то время, когда уровень воды въ Вислѣ началъ лишь возвышаться, а далѣе, надо полагать, вода и ледъ Вислы шли вверхъ по руслу Нарева поверхъ его ледяного покрова, не взламывая льда. По крайней мѣрѣ на льду Нарева были замѣтны слѣды переѣзда черезъ рѣку. Вскрытіе Буго-Нарева сопровождалось поднятіемъ горизонта воды, вслѣдствіе дружнаго таянія снѣговъ, до 22 фут. выше ординара. При такомъ горизонтѣ скромный Буго-Наревъ началъ командовать Вислою, дѣлая ей подпоръ и поднимая такимъ образомъ ея горизонтъ. Произошло наводненіе, причинившее много бѣдъ: редантъ Новодворскаго укрѣпленія подвергся залитію и разрушенію въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Два или три орудія лѣваго фаса были подмыты и опрокинулись. Прорвало шоссейную дорогу, идущую къ Новому Двору, полотно желѣзной дороги, плотину ограждающую Новодворскій люнетъ со стороны Вислы и вмѣстѣ съ тѣмъ снесло нѣсколько цилиндровъ Дунайскаго моста, которые отправились по Вислѣ къ сосѣдямъ нашимъ Нѣмцамъ. Буго-Наревъ, ворвавшись въ горжу Новодворскихъ укрѣпленій, частію переливался черезъ мысъ въ Вислу, а частію, другой струей, повернувъ назадъ, изливался въ Буго-Наревъ у самаго береговаго устья желѣзнодорожнаго моста и, образовавъ здѣсь водоворотъ, быстро его подмывалъ. Правленіе желѣзной дороги не въ силахъ было собрать необходимаго числа рабочихъ, и потому со стороны гарнизона крѣпости оказано было возможное содѣйствіе. Впрочемъ я не знаю, успѣли-ли бы мы что нибудь сдѣлать для спасенія желѣзнодорожнаго моста; но тутъ судьба намъ помогла. Колоссальная насыпь для спуска съ верхняго полотна моста, служившаго для проѣзда колесныхъ экипажей, спускавшаяся къ уровню шоссейной дороги въ Новый Дворъ и Варшаву, подмываемая водою, дала сначала поперечную тре-

щину, а вскорѣ затѣмъ вся свалилась на эту струю обратнаго теченія Буго-Нарева, которая водоворотомъ подмывала береговой устой моста. Когда совершилось это обрушеніе, мы тотчасъ же поняли, что мостъ спасенъ.

Половина города Новый Дворъ, расположеннаго на мысу между лѣвымъ берегомъ Буга-Нарева и правымъ Вислы, была залита; купцы-Евреи позапирали свои лавки, спѣшили спасти дѣтей и бѣжали къ верхней части города. Но негодяи въ это время не дремали и, прибывъ даже изъ Варшавы на лодкахъ, принялись по ночамъ грабить Жидовское имущество въ затопленной части города. Для прекращенія такихъ безобразій пришлось командировать въ импровизированную Венецію понтоны съ караулами. Впрочемъ понтонные батальоны, расположенные въ Новогеоргіевскѣ, оказали въ это время и другую еще болѣе важную услугу: сначала они перевозили на лодкахъ пассажировъ желѣзной дороги, а потомъ устроили и мостъ для удобства пересадки, а правленіе желѣзной дороги построило на лѣвомъ берегу Буго-Нарева временную платформу.

Съ залитіемъ Новодворскихъ укрѣпленій, редана и люнета, подверглись тамъ наводненію пороховые и снарядные погреба, причемъ испорчено 23500 снаряженныхъ разнаго калибра снарядовъ и 7779 пудовъ пороха, хотя входы въ эти склады пороха и снарядовъ въ редантѣ и люнетѣ, въ предвидѣніи наводненія, были заблаговременно заложены стѣнками изъ кирпича на цементѣ.

Передовой фортъ между Вислою и Буго-Наревомъ, называющійся «Янувекъ», расположенный впереди Новодворскихъ укрѣпленій и на разстояніи отъ нихъ около 6 верстъ, былъ также залитъ водою. Вода превысила поверхность внутренней площади укрѣпленія на два фута, а капониры и полукапониры были залиты на всю высоту ихъ стѣнъ. Въ горжѣ «большой» крѣпости обрушило нижнія части подпорныхъ стѣнъ рва укрѣпленія «Шильдеръ» (эскарпъ и контръ-эскарпъ), образовало трещины въ набережномъ фасѣ того-же укрѣпленія, подмыло въ нѣсколькихъ мѣстахъ береговые откосы, въ особенности по правому берегу Нарева противъ Французскихъ казематовъ и при Константиновскомъ капонирѣ, а также произвело сползаніе (съ откосовъ набережнаго вала) плакировочнаго слоя земли.

Большая часть этихъ обрушеній, хотя и произошла при наводненіи Нарева, но несомнѣнно, что причиною порчи откосовъ можно скорѣе объяснить сотрясеніемъ береговъ при вскрытіи Вислы, когда при стремительномъ теченіи рѣки громадныя массы льда ударяли въ берегъ.

На лѣвомъ берегу р. Вислы залиты были ровъ и внутренняя площадь лѣвой батареи укрѣпленія «Варшавскій фронтъ» и нѣсколько по-

вреждены береговыя плотины. Замѣтимъ здѣсь, что на Вислѣ, послѣ Варшавы (которая въ 30 верстахъ отъ Новогеоргіевска и выше его) нѣтъ ни одного моста. Ниже Новогеоргіевска, у Плоцка и у Влоцлавска, были мосты на судахъ, которые къ зимѣ разводились.

Такимъ образомъ принять какія бы то ни было предварительныя мѣры для предотвращенія или даже для уменьшенія описаннаго бѣдствія, мы, мѣстные дѣятели, совершенно не могли.

Таковы были поврежденія въ Новогеоргіевской крѣпости въ 1888 г. при вскрытіи Вислы, вслѣдствіе ея заторовъ и затѣмъ при вскрытіи Нарева, вслѣдствіе быстраго таянія снѣговъ послѣ снѣжной зимы. Поврежденія эти причинили убытка казнѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Ничего подобнаго до того времени не было. Заторы Вислы почти ежегодно происходили въ верхней части ея и производили тамъ обыкновенно значительныя опустошенія. Висла протекаетъ по руслу, состоящему изъ мелкаго, легко переносимаго теченіемъ воды песка. Скорость теченія, при высотѣ воды выше нуля, весьма значительная, и потому рѣка безпрерывно сноситъ мели въ одномъ пунктѣ и насыпаетъ ихъ въ другомъ; фарватеръ рѣки постоянно перемѣщается.

Противъ высокихъ водъ Вислы по ея берегамъ съ давняго времени возведены предохранительные валы, дамбы или плотины, которые заботливо поддерживаются всегда въ исправномъ состояніи. Но если Висла вскрывается при низкомъ уровнѣ воды, то обыкновенно случаются заторы, т. е. ледъ задерживается на отмеляхъ и, при быстромъ теченіи, на нижній слой льда налетаетъ второй, третій и такъ далѣе, и въ теченіи самаго короткаго времени, нѣсколькихъ минутъ, Висла сама устраиваетъ для себя запруду. Если при этомъ по ночамъ держатся еще морозы, то весь ледъ такой запруды превращается въ одну крѣпкую массу; подобная запруда формируется иногда въ нѣсколько сутокъ на протяженіи многихъ верстъ и, задерживая теченіе такой быстрой рѣки какъ Висла, поднимаетъ ея уровень; напоръ воды на предохранительные валы значительно усиливается и гдѣ только плотина не успѣетъ задержать проникновенія воды, то со внутренней стороны такой плотины показывается сначала просачиваніе, а затѣмъ она быстро разрушается, и вода заливаетъ поля, смываетъ цѣлыя деревни и вообще производитъ громадныя опустошенія. Сельское населеніе, угрожаемое затопленіемъ, спасается на крыши домовъ и на лодкахъ переходитъ на мѣста болѣе безопасныя.

Правительство наше и Австрійское заключили, лѣтъ 30 тому назадъ, а можетъ быть и раньше, условіе урегулировать ту часть Вислы, которая раздѣляетъ насъ отъ Галиціи, и все это время ежегодно съ обоихъ береговъ рѣки производятся, и нами и Австрійцами, регуляціон-

ныя работы системою водостѣснительныхъ плотинъ; но дѣло это требуетъ громадныхъ затратъ, и пройдетъ еще много лѣтъ, пока мы успѣемъ справиться съ такою своенравною рѣкою какъ Висла. Нѣмцы, начиная отъ Торна и до устья рѣки, давно уже ее урегулировали.

Въ прежнія времена, когда начальство наше было мало освѣдомлено относительно природы Вислы и ея заторовъ, бывали такіе случаи, что при полученіи въ Варшавѣ донесенія губернатора объ образованіи въ такомъ-то пунктѣ затора и причиняемыхъ оттого опустошеній, начальство очень энергично посылало приказаніе направить къ затору такую-то батарею и постараться разрушить заторъ снарядами, но вскорѣ убѣдились въ несообразности подобной мѣры. Вмѣсто артиллеристовъ начали назначать саперъ, чтобы они фугасами разрушали заторы, и тутъ дѣло доходило иногда до комизма: саперныя команды бѣгали изъ одного конца края въ другой, чтобы захватить заторъ, но не успѣвали; заторъ ко времени прибытія къ нему команды, какъ нарочно, разрушался самъ собою, а если и удавалось застать заторъ несдвинутымъ напоромъ воды, то заряды, которые закладывались въ массу его льда, не производили никакого желаемаго дѣйствія, потому что заторъ не представляетъ собою той однородно-плотной и крѣпкой массы, въ которой взрывъ заряда пороха могъ бы произвести полезное дѣйствіе. Обыкновенно заторъ представляетъ собою самое безпорядочное, хаотическое нагроможденіе льдинъ, часто на значительномъ протяженіи, по теченію на нѣсколько верстъ. Добраться по такому затору до средины рѣки очень затруднительно и всегда опасно, потому что во всякую минуту можно ожидать, что напоромъ воды заторъ двинется, и массы льда понесутся съ необыкновенною быстротою, толкаясь, переворачиваясь и разрушая одна другую.

Мало по малу Варшавское начальство убѣдилось въ невозможности дѣйствовать противъ заторовъ пушками или фугасами, и такимъ образомъ періодъ заблужденій относительно средствъ для разрушенія заторовъ миновалъ и затѣмъ начались мечтанія о томъ, чтобы на мѣстахъ вѣроятнаго образованія заторовъ, на большихъ отмеляхъ, закладывать громадныя мины, которыя и взрывать въ минуту надобности; но мечты эти такъ и остались мечтами, не переходя въ область дѣйствительности.

Вотъ и въ Петербургѣ каждый годъ, при вскрытіи Невы, газеты разсказываютъ о ея заторахъ, но тутъ очевидно кромѣ одинаковаго названія нѣтъ ничего общаго по существу между заторами Невы и Вислы. На Невѣ нѣтъ заторовъ, ибо такимъ словомъ нельзя называть явленія, наблюдаемаго на Невѣ, когда масса льда спирается между берегами, и оттого наступательное движеніе льда пріостанавливается. При

этомъ однако не задерживается теченіе рѣки, и горизонтъ ея не повышается, тогда какъ на Вислѣ ледъ задерживается на отмеляхъ, и на этотъ ледъ наваливается сверху громадная масса льда, а вмѣстѣ съ тѣмъ остановка въ движеніи льда распространяется по всей ширинѣ русла, горизонтъ воды начинаетъ подниматься, заторъ растетъ въ высоту и длину и дѣлается колоссальная запруда, отчего Висла бросается въ сторону и продѣлываетъ себѣ новое русло, отрѣзая то отъ Галиціи цѣлыя помѣстья, какъ бы присоединяя ихъ самовольно къ Россіи, то присоединяетъ къ Австріи части Россійскихъ владѣній.

Все время съ 3-го и по 29 Марта 1888 г. были употреблены нами самыя энергичныя мѣры, чтобы при водоворотахъ отстоять отъ поднятія и обрушенія всѣ расположенныя у воды крѣпостныя сооруженія и желѣзнодорожный мостъ. Для производства необходимыхъ работъ ежедневно назначались отъ гарнизона батальоны рабочихъ съ необходимымъ инструментомъ. Я и начальникъ штаба и днемъ и ночью постоянно посѣщали работы, чтобы предупредить всякое затрудненіе въ успѣшномъ ихъ ходѣ. Сильные вѣтры на рѣкахъ, нерѣдко и холодные, при необходимости ходить во многихъ мѣстахъ работъ пѣшкомъ, напримѣръ по желѣзнодорожному мосту, были причиною, что почти никто изъ насъ не избѣжалъ болѣе или менѣе серьозной простуды.

Г.-ад. Гурко сильно интересовался положеніемъ дѣлъ въ Новогеоргіевскѣ и, пока телефонъ и телеграфъ не были попорчены, онъ часто запрашивалъ меня; когда же разливомъ Буго-Нарева повалило телеграфные и телефонные столбы, то я вынужденъ былъ отправить генеральнаго штаба капитана Мокржицкаго въ Варшаву для доклада командующему войсками о подробностяхъ всего дѣла. Мокржицкій сначала поплылъ на понтонѣ, затѣмъ поѣхалъ верхомъ и наконецъ на тендерѣ желѣзной дороги, и все это на протяженіи 30 верстъ! При свиданіи г.-ад. Гурко горячо благодарилъ меня за энергію и распорядительность, равно какъ благодарили меня офиціальными письмами Варшавскій губернаторъ за покровительство и пособіе, оказанное мною жителямъ Новаго Двора, пострадавшимъ отъ наводненія, а правленіе Привислянской желѣзной дороги за наряды рабочихъ командъ отъ войскъ. Правленіе это сверхъ того уплатило всѣмъ войскамъ, отъ которыхъ дѣлались наряды, по хорошей цѣнѣ, въ особенности за работы ночью.

Но не такъ взглянулъ на это дѣло военный министръ Петръ Семеновичъ Ванновскій.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г. я получилъ двухъ мѣсячный отпускъ, желая повидать Севастополь, котораго я не видалъ со времени его разгрома, пожить немного на южномъ берегу Крыма и оттуда отправиться на Кавказъ. Отъѣздъ мой въ отпускъ былъ нѣсколько задержанъ

пріѣздомъ въ крѣпость 9 Іюня Великихъ Князей Михаила Николаевича и Сергія Михайловича.

Около 11-ти часовъ вечера на станцію «Новогеоргіевскъ» Привислянской желѣзной дороги прибылъ изъ Ивангорода экстренный поѣздъ съ Ихъ Высочествами и небольшою свитою; какъ мнѣ казалось, Его Высочество генералъ-фельдцехмейстеръ предпринялъ поѣздку въ Варшавскій военный округъ съ цѣлію подробно осмотрѣть, на случай войны, подготовленность артиллеріи въ крѣпостяхъ.

На другой день съ утра смотръ начался со строеваго образованія крѣпостной артиллеріи, а затѣмъ Великій Князь приступилъ къ осмотру на фортахъ матеріальной части артиллеріи и устройства самыхъ фортовъ. Съ видимымъ удовольствіемъ Его Высочество разсматривалъ кропотливые и чрезвычайно сложные труды артиллеристовъ по составленію различныхъ таблицъ для стрѣльбы. Послѣ обѣда на самомъ большомъ форту Помѣховскомъ выполнена была работа по вооруженію форта орудіями. Второй день смотра прошелъ въ осмотрѣ артиллеріи и фортовъ лѣваго берега Вислы, въ осмотрѣ различныхъ типовъ переносной желѣзной дороги, имѣющей назначеніе служить для перевоза орудій и снарядовъ, и закончился смотръ боевою стрѣльбою съ Бородинскаго фронта большой крѣпости; на вооруженіи были четыре 6-ти дюймовыя пушки, вѣсомъ въ 120 пуд., двѣ 6-ти дюймовыя пушки вѣсомъ въ 190 пуд. и двѣ 8-ми дюймовыя мортиры. Не смотря на то, что стрѣльба эта производилась безъ предварительной практики, которая обыкновенно въ крѣпостной артиллеріи начинается съ половины Августа, стрѣльба оказалась очень успѣшною, какъ по скученности паденія снарядовъ, такъ равно и по полученнымъ результатамъ пораженія. Его Высочество видимо остался доволенъ какъ стрѣльбою, такъ и другими видами службы Новогеоргіевской крѣпостной артиллеріи, благодарилъ всѣхъ артиллеристовъ, какъ и достойнаго ихъ начальника Михаила Николаевича Рюмина.

Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ отпускъ и желаю посѣтить Кавказъ, Его Высочество удостоилъ меня нѣкоторыми указаніями и между прочимъ совѣтовалъ осмотрѣть работы, производившіяся по прорытію Сурамскаго туннеля, подъ руководствомъ инженера путей сообщенія г. Рыдзевскаго.

Но по выѣздѣ изъ крѣпости Ихъ Высочествъ, я все таки не могъ воспользоваться разрѣшеннымъ мнѣ отпускомъ, такъ какъ надо было готовиться къ новой встрѣчѣ Великаго Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны, которые посѣтили крѣпость 22-го Іюня.

Послѣ этого я думалъ уже ѣхать въ Крымъ, но тутъ совершенно неожиданно получилъ отъ помощника начальника главнаго штаба увѣдомленіе, что по высочайше одобренному въ 7-ой день Іюня распредѣленію офицерскихъ ваканцій для выпускаемыхъ въ семъ году воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, въ л.-гв. Уланскомъ Его Величества полку (куда сынъ мой всегда хотѣлъ выйти) не предоставлено ни одной ваканціи для юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, а потому военный министръ не призналъ возможнымъ назначить для моего сына именной ваканціи въ помянутомъ полку.

Дѣлать было нечего, надо было вмѣсто Крыма и Кавказа ѣхать въ Петербургъ, чтобы просить военнаго министра сдѣлать мнѣ снисхожденіе и назначить моего сына въ названный полкъ для совмѣстнаго со мною служенія въ Варшавскомъ военномъ округѣ.

Когда я явился къ военному министру, то первое его привѣтствіе ко мнѣ было: «А вы проспали!» Никакъ я не ожидалъ подобной выходки и ожидалъ разъясненія мысли министра. Оказалось, что онъ обвиняетъ меня въ непредусмотрительности касательно заторовъ Вислы. Горько улыбнувшись, я сказалъ министру обиженнымъ тономъ: подобную вещь можетъ сказать только человѣкъ незнакомый съ природою Вислы. Однако въ Ивангородѣ, до вскрытія рѣки, взорвали ледъ, и дѣло обошлось тамъ благополучно, возразилъ мнѣ министръ.

Ни о какихъ взрывахъ въ Ивангородѣ я не слыхалъ и, будучи глубоко убѣжденъ, что предупредить образованіе заторовъ взрывами невозможно, я отвѣтилъ что-то подобное министру и затѣмъ постарался перевести поскорѣе разговоръ на занимавшій меня вопросъ объ опредѣленіи сына въ Уланскій Его Величества полкъ. Но министръ былъ на этотъ разъ неумолимъ и повторялъ мнѣ одно и тоже, что Государь Императоръ приказалъ не назначать офицеровъ въ полки сверхъ ваканцій и стараться замѣстить незанятыя ваканціи въ другихъ полкахъ.

По возвращеніи въ Новогеоргіевскъ я написалъ къ Ивангородскому коменданту и просилъ его сообщить мнѣ, какія мѣры приняты были имъ противъ образованія заторовъ на Вислѣ и съ какою цѣлію производились около Ивангорода на рѣкѣ, до ея вскрытія, взрывы льда. Комендантъ отвѣтилъ мнѣ, что никакихъ мѣропріятій для противодѣйствія образованію на Вислѣ заторовъ не было предпринимаемо, а тѣмъ болѣе не было производимо взрывовъ на Вислѣ, такъ какъ искусственное вскрытіе рѣки на одномъ мѣстѣ можетъ утолстить ледъ ниже по теченію и такимъ образомъ послужитъ на мелкихъ мѣстахъ рѣки къ задержкѣ льда и образованію заторовъ.

Послѣ того въ окружномъ уже штабѣ я узналъ, что въ крѣпости Брестъ-Литовскѣ, въ виду того, что на Бугѣ имѣются деревянные мосты

на сваяхъ, для лучшаго ихъ сохраненія, нашли цѣлесообразнымъ взорвать ледъ выше мостовъ, вскрытіе тамъ рѣки Буга и рѣчки Мухавецъ произошло совершенно благополучно.

Но Бугъ и Висла—это двѣ рѣки, не имѣющія совершенно ничего общаго, и къ тому же у Новогеоргіевска, на Вислѣ, нѣтъ никакихъ мостовъ. Министръ очевидно перепуталъ, смѣшалъ Брестъ съ Ивангородомъ, а главное не понималъ, что̀ это такое за явленіе какъ заторы на Вислѣ.

Послѣ неудачной попытки опредѣлить сына въ Уланскій Его Величества полкъ, я отправился въ 1888 г. въ двухмѣсячный отпускъ: поѣхалъ черезъ Одессу въ Крымъ и послѣ въ Константинополь (седьмая поѣздка за-границу, не считая двухъ поѣздокъ изъ Варшавы въ Берлинъ въ 1875 и 1876 г.г.).

Какія впечатлѣнія пришлось мнѣ испытать, когда показались берега Крыма и вдали я узналъ вершину Чатырдага! Затѣмъ мы подходили къ Севастополю, который я покинулъ въ развалинахъ по окончаніи отчаянной борьбы. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 33-хъ лѣтъ, я ни разу не имѣлъ случая взглянуть на мое старое пепелище, гдѣ нѣкогда провелъ около семи своихъ лучшихъ молодыхъ лѣтъ. Боже, какъ красиво теперь онъ обстроился! Вотъ показался Херсонскій храмъ, а послѣ и самый Севастополь. Да онъ и на половину не былъ въ старое время такъ хорошъ какъ теперь!

Нечего и говорить, что, остановившись въ Севастополѣ, я съ жадностью осматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ, посѣтилъ соборъ адмираловъ, Братское кладбище, Малаховъ курганъ, мѣсто 4-го бастіона, Инкерманъ и въ городѣ отыскалъ мѣсто дома, въ которомъ я жилъ съ другомъ моимъ Март. Мих. Бородатовымъ.

Въ окрестностяхъ Севастополя я осматривалъ соборъ въ Херсонесѣ, Георгіевскій монастырь и Балаклаву, а затѣмъ отправился моремъ на Южный берегъ, гдѣ поселился на нѣсколько недѣль въ Гурзуфѣ; послѣ того, вернувшись въ Севастополь, отправился оттуда въ Константинополь и возвратился въ Новогеоргіевскъ черезъ Одессу.

Наканунѣ своего выѣзда изъ крѣпости я простился съ своими сослуживцами и съ войсками приказомъ по Новогеоргіевской крѣпости 23 Мая 1893 г., № 40.

Содержаніе моего приказа было слѣдующее.

Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 3-й день сего Мая, я назначенъ членомъ Военнаго Совѣта.

Десять лѣтъ я имѣлъ честь состоять во главѣ Новогеоргіевской крѣпости въ теченіе этого времени въ ней произошли важныя преобразованія и даже

коренныя перемѣны, изъ коихъ весьма многія при непосредственномъ моемъ участіи.

Крѣпость далеко выдвинулась впередъ, оборона ея значительно расширилась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усилилась. Создано на совершенно иныхъ основаніяхъ ея управленіе. Резервныя войска, составлявшія пѣхотный гарнизонъ крѣпости, переформированы въ крѣпостныя, получивъ спеціальную программу обученія, въ составъ которой вошли крѣпостные маневры, неоднократно подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ производившіеся; сформированы новыя крѣпостныя части, устроенъ рѣчной портъ, крѣпость получила вполнѣ военные, легко наводимые, мосты и наконецъ, заведена флотилія.

Все это вмѣстѣ взятое, въ небольшой сравнительно промежутокъ времени, дозволило Новогеоргіевску и при современныхъ громадныхъ требованіяхъ, сопряженныхъ съ быстрымъ развитіемъ техники, удержать за собою мѣсто первоклассной крѣпости и скоро стать непреоборимо твердымъ оплотомъ нашего отечества. Помимо всякихъ усовершенствованій въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніяхъ, прежде всего и болѣе всего, несокрушимости нашей твердыни будетъ способствовать тотъ прекрасный духъ всѣхъ войскъ гарнизона, при которомъ ихъ оставляю, глубоко скорбя, что мои престарѣлые лѣта не позволяютъ продолжать работать съ прежнею энергіею на этомъ поприщѣ. Подготовка крѣпости къ бою и всѣхъ условій для того, чтобы она могла развить противъ атакующаго свои оборонительныя средства до наивысшихъ предѣловъ, присущихъ ей, было предметомъ любимѣйшихъ моихъ занятій, предпочтительно предъ всѣми другими отраслями моей спеціальности какъ военнаго инженера и потому естественно, что я не могу не сожалѣть, что, въ случаѣ нужды, не мнѣ суждено быть и во главѣ защитниковъ родной крѣпости.

Единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служитъ та надежда, что, можетъ быть, мои посильные труды не пропадутъ даромъ и хотя сколько-нибудь поспособствуютъ тому, что крѣпость для врага, кто бы онъ ни былъ, окажется непреоборимою или же онъ войдетъ въ нее только по костямъ доблестныхъ ея защитниковъ.

Разставаясь теперь съ крѣпостью, близкой моему сердцу, не могу не припомнить, что имѣлъ счастіе принимать въ ней, въ 1884 году, нашего верховнаго вождя Государя Императора съ Его Августѣйшимъ семействомъ и затѣмъ неоднократно представлять ее и другимъ членамъ Императорской фамиліи, а также и военному министру. Почти ежегодно командующій войсками посѣщалъ Новогеоргіевскъ, присутствовалъ на крѣпостныхъ маневрахъ, осматривалъ разныя учрежденія и заведенія крѣпости и дѣлалъ необходимыя указанія; его высокопревосходительство не разъ выражалъ мнѣ свое одобреніе, которое какъ похвала одного изъ доблестнѣйшихъ вождей нашей славной арміи была лучшею для меня наградою.

Случались и черные дни; но они неразлучны со всякимъ дѣломъ, особенно при такой разносторонней и широкой дѣятельности, какъ коменданта

первоклассной крѣпости и при ея многочисленномъ и разбросанномъ на большомъ пространствѣ гарнизонѣ и при множествѣ пришлаго люда.

Но эти дни меркнутъ въ средѣ свѣтлаго времени, и какъ я обязанъ за все хорошее содѣйствіе моимъ достойнымъ сотрудникамъ, то, оставляя крѣпость, считаю своимъ долгомъ выразить прежде всего мою задушевную признательность ближайшимъ моимъ помощникамъ, начальникамъ отдѣловъ крѣпостнаго управленія: начальнику штаба, начальникамъ управленій инженернаго и артиллерійскаго, крѣпостному интенданту и особенно генералъ-маіору Рюмину, который шелъ со мною рука объ руку въ теченіе всѣхъ 10 лѣтъ моей здѣсь службы, а также чинамъ крѣпостнаго штаба, какъ всегда работавшимъ со мною.

Затѣмъ сердечно благодарю командировъ крѣпостныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ, а также командировъ артиллерійскихъ баталіоновъ и вылазочныхъ батарей. Равномѣрно благодарю всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, врачей и классныхъ чиновниковъ войскъ гарнизона, управленій, заведеній и учрежденій крѣпости.

Изъ врачей особенно благодарю главнаго врача Новогеоргіевскаго госпиталя, какъ завѣдующаго санитарною частію войскъ гарнизона и крѣпостнаго врача, вѣдающаго этимъ дѣломъ въ крѣпостя.

Молодцамъ нижнимъ чинамъ передать мое послѣднее, горячее спасибо и полную увѣренность, что они сумѣютъ показать себя, на славу Царя и Отечества, если придется стать лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ и командахъ при полномъ собраніи всѣхъ чиновъ.

*

Какъ только я возвратился изъ отпуска, тотчасъ же получилъ приказаніе командующаго войсками принять участіе въ подвижныхъ маневрахъ полевыхъ войскъ и принять начальствованіе надъ западнымъ отрядомъ, предназначившимся дѣйствовать на правомъ берегу Вислы, противъ восточнаго отряда, подъ командою командира 6-го армейскаго корпуса г.-л. Павлова. И это не одинъ разъ, что командующій войсками поручалъ мнѣ, инженерному офицеру, никогда не командовавшему и ротой, разыгрывать роль большаго военноначальника.

Не помню въ которомъ году генер.-адьют. Гурко прибылъ утромъ въ Новогеоргіевскъ и, произведя смотръ кавалерійской бригадѣ, бывшей въ лагерѣ подъ крѣпостью, приказалъ мнѣ взять всѣ войска этого лагеря и, присоединивъ къ нимъ крѣпостные пѣхотные баталіоны, двинуть немедленно къ Варшавѣ, по лѣвому берегу Вислы; при этомъ мнѣ врученъ былъ пакетъ, гдѣ указывалось, какія еще войска поступаютъ подъ мое начальствованіе и съ какою цѣлію я долженъ дѣйствовать. Но этотъ разъ было гораздо легче. На другой день разыгрался маневръ подъ Варшавою, и я тогда же, невообразимо запыленный, воз-

вратился къ вечеру домой; таскаться же десять дней, съ утра и до вечера верхомъ и ночевать въ грязныхъ хатахъ, это совсѣмъ ужъ не такъ легко въ мои годы.

Но таковъ уже былъ І. В. Гурко: онъ ни кому не давалъ покоя и прежде всего самому себѣ.

Почти каждый годъ, когда только я не былъ назначаемъ командовать войсками на маневрахъ, командующій войсками приказывалъ мнѣ производить осенью, по снятіи съ полей хлѣбовъ, крѣпостной маневръ въ Новогеоргіевскѣ, на которомъ всегда присутствовалъ, просиживая иногда цѣлыя ночи, завернувшись въ бурку, на форту, подъ сильнымъ вѣтромъ, и всегда требовалъ, чтобы на такихъ маневрахъ находились коменданты и другихъ крѣпостей.

Для производства крѣпостнаго маневра избиралась та или другая часть крѣпости и въ такомъ размѣрѣ, чтобы она могла быть занята тѣмъ числомъ наличныхъ войскъ, какое назначено мобилизаціоннымъ планомъ; для этого 5-ти ротные крѣпостные пѣхотные баталіоны переформировывались (конечно только на время маневра) въ баталіоны 4-хъ ротные военнаго состава.

Для осаднаго корпуса назначались полевыя войска изъ лагеря вблизи крѣпости—пѣхотная дивизія съ своею артиллерію и бригада кавалеріи съ конною батареею. Другая пѣхотная дивизія обозначалась принятыми знаками. Продолжительность маневра: 2—3 сутокъ, въ теченіи коихъ воюющія стороны обязаны были дѣйствовать непрерывно, изображая осадныя и оборонительныя работы какого нибудь заранѣе опредѣленнаго періода крѣпостной войны. Помнится мнѣ, что во время маневра въ 1892 году, обороняющійся, съ цѣлію усиленія своихъ позицій, построилъ въ двѣ ночи нѣсколько батарей и траншей (конечно не полной профили), въ сложности длиною по линіи огня около 11—12 верстъ. Осаждающій, въ свою очередь, былъ не менѣе дѣятеленъ, строилъ осадныя батареи и траншеи, принималъ всѣ мѣры къ подготовкѣ штурма форта или какой нибудь временно укрѣпленной позиціи.

Командующій войсками объѣзжалъ верхомъ всѣ работы, дѣлалъ свои замѣчанія и указанія. Какъ ни утомительны бывали иногда подобныя упражненія, но каждый изъ насъ сознавалъ огромную ихъ пользу.

Зима съ 1888 на 1889 годъ была изъ обыкновенныхъ, не было ни сильныхъ морозовъ какъ въ прошедшемъ году, ни особо обильныхъ снѣговъ; только въ Февралѣ мѣсяцѣ выпало много снѣга. Висла вскрылась въ 1889 году у Новогеоргіевской крѣпости 13 Марта въ 9 час. утра, при высотѣ воды 11 футовъ выше ординара и при $\div 2^0$ Реомюра.

Ледъ, вначалѣ быстро двигавшійся, вскорѣ остановился выше крѣпости на высотѣ форта «Янувекъ» и образовалъ заторъ, вслѣдствіе чего вода затопила деревни Сухотсинъ и Вульку-Горскую, Варшавскаго уѣзда, и, прорвавъ охранительный валъ, затопилъ шоссейную дорогу, идущую изъ Варшавы въ Новогеоргіевскъ, выше деревни Константиновки.

Около полудня заторъ прорвался, и ледъ необыкновенно густою массою пошелъ мимо крѣпости безпрепятственно съ чрезвычайною быстротою, при высотѣ воды около 12 футъ.

Въ 3 часа пополудни, все того-же 13-го числа, ниже крѣпости образовался новый заторъ, и вода Вислы направилась вверхъ по руслу Буго-Нарева, ломая его ледъ.

Уровень воды, поднимаясь постепенно, въ 9 час. вечера 13-го Марта достигъ у желѣзнодорожнаго моста на Буго-Наревѣ 22-хъ футовъ, а при укрѣпленіи на лѣвомъ берегу Вислы «Варшавскій фронтъ» — 24 футовъ. Вода перелилась на лѣвомъ берегу Вислы черезъ шоссейную дорогу и охранительную дамбу и залила всю внутренность обѣихъ батарей, находящихся на флангахъ главнаго укрѣпленія, а также всю низменность впереди лежащей мѣстности, проникнувъ въ пороховой погребъ № 407, построенный на площади съ уровнемъ 18 футъ выше ординара, подмочило 540 бочекъ пороха нижняго яруса стелажей. Форты «Дембина» и «Николаевка» были окружены водою.

На правомъ берегу Вислы вода залила ровъ форта «Янувекъ» и чрезъ амбразуры капонира перелилась во внутрь его, затопила позади форта промежуточный пороховой погребъ, прорвала плотину сзади Новодворскаго люнета и залила все это укрѣпленіе; вода наполняла до самаго верху казематы подъ валгангомъ; деревянный тамбуръ въ горжѣ укрѣпленія мѣстами выломанъ льдинами; стѣнки же навѣса, подъ которымъ хранились платформы, разрушены, а самыя платформы вмѣстѣ съ орудіями были покрыты водою.

Въ тоже время ниже сліянія Буго-Нарева съ Вислою на протяженіи праваго берега Вислы отъ Константиновскаго капонира Цитадели и до укрѣпленія «Шильдеръ» берегъ былъ поврежденъ во многихъ мѣстахъ, равно какъ телеграфъ и телефонъ по направленію къ Варшавѣ. Въ окрестностяхъ же крѣпости произведены были многія опустошенія: размыто шоссе, соединяющее крѣпость съ посадомъ Новый Дворъ, разрушено полотно Привислянской желѣзной дороги около форта «Янувекъ» на протяженіи 3-хъ верстъ и затоплены деревни: Константиновка, Лончна, Новодворская и Сосновская.

Къ 11 ч. вечера 13 Марта, уровень воды, вслѣдствіе промыва части затора у Закрочима, понизился на 3 фута, а къ утру 14 Мар-

та въ Вислѣ и въ Буго-Наревѣ вода была на уровнѣ 18 фт. выше ординара. Понижаясь мало по малу къ 24 Марта вода дошла до уровня 13 футовъ; въ ночь же съ 24-го на 25 Марта вслѣдствіе вскрытія Буго-Нарева, вода начала быстро возвышаться и 27 числа находилась снова на уровнѣ 18 фт. надъ ординаромъ.

Температура воздуха съ 15-го Марта была по ночамъ около $+7^0$ R, а днемъ $+10^0$ R и выше; снѣгъ на поляхъ исчезалъ быстро и въ тоже время ежедневно перепадали обильные дожди, и потому уровень воды въ Буго-Наревѣ понижался весьма слабо, такъ что къ 1-му Апрѣля вода въ Буго-Наревѣ находилась на высотѣ 16 фт. 8 дюймовъ надъ ординаромъ.

Согласно правилъ существующихъ въ военномъ вѣдомствѣ, начальники обязаны въ извѣстныхъ, экстренныхъ случаяхъ доносить о такого рода происшествіяхъ какъ своему начальству, такъ и прямо Государю Императору. На этомъ основаніи я доносилъ Его Величеству и въ 1888 и въ 1889 годахъ о заторахъ Вислы, наводненіяхъ и о причиненныхъ ими убыткахъ казнѣ. На послѣднемъ моемъ донесеніи Государь съ неудовольствіемъ надписалъ: «Каждый годъ одно и тоже». Безъ сомнѣнія, что при этомъ что нибудь попало и министру; по крайней мѣрѣ замѣтно было, что въ Главномъ Инженерномъ управленіи начали шевелиться по вопросу о предотвращеніи возможности повторенія въ Новогеоргіевскѣ заторовъ и наводненій. Говорили, что было нѣсколько предположеній и между прочими была мысль измѣнить русло р. Вислы, отдаливъ таковое отъ главной крѣпости, для чего предполагали воспользоваться русломъ когда-то существовавшаго рукава Вислы; полагали, что возможно направить Вислу по лѣвому берегу въ тылу фортовъ «Дембина», «Николаевка», «Цыбулице» и «Грохале», расположенныхъ на песчаныхъ холмахъ и впереди укрѣпленія «Варшавскій фронтъ». Но всѣ эти предположенія такъ и погасли, не выходя изъ сферы самыхъ общихъ и не вполнѣ опредѣленныхъ соображеній.

Съ своей стороны мнѣ хотѣлось уяснить съ возможно большею точностію, какого рода мѣропріятія были бы наиболѣе умѣстны для предохраненія Новогеоргіевска отъ катастрофъ на рѣкахъ, и съ этою цѣлью я обратился къ начальнику XI округа путей сообщенія д. с. с. Костенецкому, нѣкогда самоотверженно предававшемуся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изученію природы Вислы и составившему обширный проектъ урегулированія этой рѣки. Почтенный спеціалистъ со всею готовностію отозвался на мой призывъ и, прибывъ въ Новогеоргіевскъ на пароходѣ, пригласилъ меня осмотрѣть съ нимъ современное состояніе Вислы выше и ниже крѣпости; вмѣстѣ съ симъ онъ показывалъ мнѣ на планахъ состояніе той же рѣки за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

И дѣйствительно, когда мы осмотрѣли означенныя мѣста рѣки въ натурѣ и на планахъ, то я былъ пораженъ, какъ сильно засорилась рѣка въ теченіе какого нибудь десятка лѣтъ за нѣсколько верстъ выше крѣпости и на нѣсколько верстъ ниже ея; на обоихъ пунктахъ виднѣется множество отмелей въ видѣ большихъ острововъ, расположенныхъ на самомъ руслѣ рѣки, которая поэтому разбрасывается въ этихъ мѣстахъ на десятки рукавовъ, принужденныхъ принять самое извилистое теченіе.

По мнѣнію г. Костенецкаго при низкихъ водахъ Висла должна имѣть около крѣпости корыто шириною въ 150 саженей, а въ половодье 400—450 саженей, и при этомъ корыто должно быть совершенно свободное, не имѣть никакихъ насажденій древесныхъ. Другая мысль его была, что безполезно и дорого обошлись бы работы, если бы вздумали предпринять частичное урегулированіе Вислы, собственно у самой крѣпости, не сдѣлавъ такой же регуляціи выше. Но на чемъ твердо настаивалъ г. Костенецкій, это на необходимости возвести водораздѣльныя сооруженія при впаденіи Буго-Нарева въ Вислу, съ цѣлію направить главное теченіе Вислы больше къ срединѣ русла и отклонить его отъ праваго берега, въ который наиболѣе сильная струя ударяла подъ большимъ угломъ. О совѣщаніяхъ своихъ съ д. с. с. Костенецкимъ я сообщилъ частнымъ образомъ товарищу генералъ-инспектора по инженерной части генералу Звѣреву, человѣку, котораго я глубоко уважалъ, и не знаю, доставленныя ли мною свѣдѣнія послужили пунктомъ отправленія къ составленію проекта водораздѣльныхъ работъ или главное инженерное управленіе само пришло къ этой мысли. Дѣло однако въ томъ, что вскорѣ за составленіемъ проекта послѣдовало и самое его осуществленіе. Г. Костенецкій показывалъ мнѣ старые планы Вислы, на которыхъ видно было, что мысъ при сліяніи Буго-Нарева съ Вислою продолжался и далѣе стѣнъ провіантскаго магазина; но очевидно, что постепенно узкая полоса земли размывалась, и такимъ образомъ у подножія стѣнъ магазина въ мое время находилась непосредственно вода, никакого материка дальше стѣнъ провіантскаго магазина не существовало, и потому было крайне необходимо возвести водораздѣльную постройку. Она устроена изъ каменной наброски.

1889-й годъ былъ для меня самый несчастливый въ Новогеоргіевскѣ. 1-го Мая крѣпостные пѣхотные баталіоны должны были выступить въ лагерь за гласисомъ «Парижскаго фронта» «большой» крѣпости, на правомъ берегу Вислы. Въ это время пѣхотныя части гарнизона проходили курсъ стрѣльбы, и командиръ 1-го крѣпостнаго пѣхотнаго баталіона полковникъ князь Макаевъ приказалъ, чтобы 1-я рота 1-го баталіона, квартировавшая на лѣвомъ берегу Вислы въ укрѣпленіи «Варшавскій фронтъ», прибыла на стрѣльбищное поле къ 5-ти часамъ

утра и произвела ученье стрѣльбѣ, а затѣмъ, присоединившись къ баталіону, вступила съ нимъ въ лагерь.

По правиламъ, установленнымъ въ крѣпости для переправы нижнихъ чиновъ черезъ рѣки, переправа должна была начинаться въ лѣтніе мѣсяцы не ранѣе 5-ти часовъ утра. Лодки на ночь привязывались у пристаней цѣпью, при которой былъ замокъ, и ключъ отъ такового находился у солдата, назначаемаго для наблюденія за сохранностію лодокъ.

Командиръ 1-ой роты 1-го батальона, въ ночь съ 30 Апрѣля на 1-ое Мая, при ротѣ не находился, а также не было и субалтернаго офицера; поэтому ротою распоряжался фельдфебель, который, чтобы испонить все согласно приказанію начальства, разбудилъ и поднялъ на ноги людей въ 3 часа пополуночи и приказалъ готовиться къ выступленію; около 4-хъ часовъ по полуночи фельдфебель приказалъ 1-ой полуротѣ, подъ командою унтеръ-офицера, идти на пристань, садиться въ лодку и переправляться на правый берегъ Вислы. Находившійся у лодокъ солдатъ замѣтилъ унтеръ-офицеру, что нѣтъ еще 5-ти часовъ утра, и потому переправы начинать еще нельзя. Въ отвѣтъ на это унтеръ-офицеръ такъ сильно ударилъ солдата по лицу, что тотъ упалъ и дальнѣйшаго сопротивленія къ переправѣ не оказывалъ. Въ лодку сѣло 60 человѣкъ въ полной аммуниціи; между тѣмъ разрѣшалось сажать въ лодку лишь 30 человѣкъ. На Вислѣ было совершенно спокойно, и лодка отвалила; дулъ съ Запада легкій, утренній вѣтерокъ и когда лодка вышла на середину рѣки, то люди начали боязливо посматривать на ту небольшую зыбь, которая всегда бываетъ при сильномъ теченіи Вислы на ея главной струѣ; послышался говоръ, что въ лодку сѣло много народа, что лодку можетъ залить водою, но къ несчастію отдѣленный унтеръ-офицеръ, бывшій старшимъ въ лодкѣ, не обратилъ на это должнаго вниманія и не отдалъ приказанія сидѣть смирно и не двигаться, чтобы не раскачивать лодки, которая дѣйствительно сидѣла въ водѣ довольно глубоко. За говоромъ появились и дѣйствія: для облегченія люди начали бросать въ воду ранцы и ружья; вслѣдъ затѣмъ началось такое движеніе въ лодкѣ людей, что она, залитая на одинъ бортъ, опрокинулась, и всѣ очутились разомъ въ водѣ. Начались крики о помощи, спасеніи; крики эти доносились и до пристани, съ которой эта злосчастная лодка отчалила, и фельдфебель, который въ это время уже отвалилъ отъ пристани со второй половиной роты, тоже слышалъ крики; онъ тотчасъ же повернулъ свою лодку назадъ, обратно къ пристани, съ цѣлію высадить на берегъ людей и затѣмъ съ одними гребцами спѣшить на спасеніе погибавшихъ. Погибавшіе долго боролись для своего спасенія, но по мѣрѣ истощенія силъ отдавались теченію и тонули.

Одинъ изъ спасшихся разсказывалъ, что когда лодку опрокинуло, то ему удалось (а также еще двумъ-тремъ солдатамъ) ухватиться за лодку; онъ карабкался, чтобы держаться на плоскомъ днищѣ лодки, а въ тоже время съ противоположной стороны показался унтеръ-офицеръ, отличный пловецъ, но котораго тащили въ воду схватившіеся за обѣ его ноги тонувшіе люди. Чтобы не погрузиться въ воду, унтеръ-офицеръ обхватилъ разскащика и замѣтно потянулъ его за собою, но солдатикъ началъ молить унтеръ-офицера не губить его. «Ну живи себѣ съ Богомъ!» сказалъ унтеръ-офицеръ послѣ мгновеннаго колебанія, отпустилъ его, самъ же немедленно погрузился въ воду и больше уже не показывался, онъ утонулъ. Потонуло всего 45 человѣкъ, и какъ нарочно это несчастіе случилось 1-го Мая, день, въ который крѣпостные пѣхотные баталіоны, по высочайшему повелѣнію, должны были перейти отъ начальниковъ мѣстныхъ бригадъ въ непосредственное подчиненіе комендантамъ крѣпостей. Дознаніе, слѣдствіе и судъ. Виноватыми оказались командиръ роты, субалтерный офицеръ и фельдфебель. Командиръ роты говорилъ мнѣ прямо, что онъ виноватъ. «Мнѣ случалось перевозить въ такой же лодкѣ и больше людей, но при мнѣ никто не смѣлъ и шелохнуться, и все проходило благополучно» говорилъ мнѣ ротный командиръ.

Слѣдствіемъ обнаружено, что командиръ роты не жилъ въ отведенной для него квартирѣ подлѣ своей роты, а жилъ на правомъ берегу Вислы въ посадѣ Новый Дворъ, въ нанимаемой имъ квартирѣ. Субалтерный офицеръ жилъ при ротѣ, но наканунѣ катастрофы находился въ крѣпости и, узнавши, что на другой день его рота должна переправляться на правый берегъ Вислы, чтобы идти на стрѣльбу и потомъ въ лагерь, разсудилъ, что ему лучше ночевать въ крѣпости у товарища и на другой день прямо отправиться на стрѣльбу. Командиръ роты былъ лишенъ чиновъ, орденовъ, дворянскаго достоинства и сосланъ на каторгу; его же офицеръ отдѣлался арестомъ на 4 мѣсяца и нѣкоторыми ограниченіями по службѣ. Командиръ баталіона полковникъ князь Макаевъ не былъ судимъ, но все-таки года черезъ полтора вынужденъ былъ уйти со службы, получилъ отставку съ производствомъ въ генералы и удалился на свою родину въ Грузію.

19 Мая 1889 г. крѣпость Новогеоргіевскъ посѣтилъ шахъ Персидскій Насръ-Эддинъ въ сопровожденіи командующаго войсками г.-адъют. Гурко, адмирала г.-адъют. Попова и лицъ своей свиты. Почетные караулы были выставлены на станціи «Новогеоргіевскъ» Привислянской жел. дор. и у царскихъ покоевъ, гдѣ сервированъ былъ обѣдъ. Одинъ только шахъ обѣдалъ отдѣльно, въ своей комнатѣ, куда отнесли столъ съ поставленными на немъ всѣми блюдами обѣда, и изъ чего онъ со-

стоялъ, я не знаю; всѣ же мы обѣдали за общимъ столомъ, по человѣчески, т. е. дѣйствуя ложками, ножами и вилками, тогда какъ шахъ, какъ мнѣ говорили, ѣстъ при помощи собственной пятерни. Послѣ обѣда мы отправились на пароходъ, на которомъ совершили прекрасную прогулку по Вислѣ, а затѣмъ пріѣхали въ крѣпость прямо къ военной голубятнѣ, которую шахъ осматривалъ и при этомъ выбралъ нѣсколько голубей, которыхъ взялъ съ собою въ корзинкѣ въ поѣздъ въ Варшаву и на другой день два раза присылалъ ко мнѣ депеши на Персидскомъ языкѣ, а я обязанъ былъ доносить ему по телеграфу, въ которомъ часу прилетали отъ него голубиныя почты. Мнѣ говорили, что Берлинское правительство не пожелало вытерпливать скуку пріема шаха, человѣка совершенно необразованнаго, съ дикими привычками и манерами, и поэтому шахъ долженъ былъ просидѣть въ Варшавѣ нѣсколько лишнихъ дней, чтобы дать время Австрійскому двору приготовиться къ встрѣчѣ его въ Вѣнѣ, куда, по первоначальному плану его поѣздки, онъ долженъ былъ прибыть на возвратномъ своемъ пути.

Г.-адъютанту Гурко было нелегко возиться съ шахомъ и занимать его чѣмъ нибудь каждый день; полагаю, что и прогулка въ Новогеоргіевскъ, гдѣ шахъ собственно крѣпости и не осматривалъ, была придумана, чтобы убить лишній день. Мнѣ говорили, что Гурко устроилъ для шаха балъ въ своемъ г-ралъ-губернаторскомъ домѣ, въ королевскомъ замкѣ, и заботу занимать шаха бесѣдою возложилъ на свою жену Марію Андреевну, дочь Евгеніи Туръ и сестру романиста графа Саліаса. Марія Андреевна вѣрноподданнически исполнила приказаніе мужа, и шахъ, уѣзжая съ бала, сказалъ ей: «Je vous remerçi, madame, *pour la nuit* que j'ai passé si agréablement avec vous» *).

Въ Іюнѣ и Іюлѣ того же 1889 года я совершилъ поѣздку въ Закавказье; поѣхалъ въ Одессу и оттуда на пароходѣ черезъ Евпаторію, Севастополь, Ялту, Ѳеодосію, Керчь, Сочи, Сухумъ и Поти въ Батумъ.

Батумъ меня очень интересовалъ, и я познакомился тамъ съ начальникомъ инженернаго управленія, который, познакомивъ меня по планамъ съ укрѣпленіями порта, объѣхалъ со мною и показалъ въ натурѣ всѣ существующія и вооруженныя батареи, а равно и всѣ производящіяся работы по сооруженію новыхъ укрѣпленій.

На Сурамскомъ перевалѣ я встрѣтился съ инженеромъ Рыдзевскимъ, который былъ главнымъ строителемъ работъ по устройству громаднаго туннеля на новой части дороги, проложенной съ цѣлію избѣжать крутого подъема на Сурамъ. Г. Рыдзевскій сообщилъ мнѣ, что пробитіе туннеля окончено, и всѣ бурильныя машины убраны съ мѣста работъ, такъ что останавливаться въ Сурамѣ не за чѣмъ.

*) Благодарю васъ, сударыня, за ночь, которую я такъ пріятно провелъ съ вами.

Въ Тифлисъ я пріѣхалъ вечеромъ и остановился въ прекрасной гостиницѣ «Лондонъ». Я осматривалъ Ботаническій садъ и Музей, дворецъ главноначальствующаго на Кавказѣ съ превосходнымъ при немъ садомъ, Сіонскій соборъ и познакомился съ нѣкоторыми старшими инженерами, а также обмѣнялся визитами со спутникомъ моимъ на пароходѣ ректоромъ Харьковской семинаріи Иваномъ Александровичемъ Кратировымъ, бесѣды съ которымъ доставили мнѣ много удовольствія и расположили въ пользу почтеннаго пастыря. Если не ошибаюсь, то впослѣдствіи онъ назначенъ былъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. По случаю жаровъ я не оставался въ Тифлисѣ болѣе 3—4 дней и поѣхалъ по желѣзной дорогѣ до станціи «Михайлово», оттуда въ экипажѣ, вмѣстѣ съ инженеромъ путей сообщенія Б. Статковскимъ (авторъ «Задачи климатологіи Кавказа») мы проѣхали въ Боржомъ. Я ознакомился съ этимъ прекраснымъ уголкомъ міра и переѣхалъ черезъ Ахалцыхъ въ Абасъ-Туманъ на почтовыхъ лошадяхъ.

Постепенное ознакомленіе съ устройствомъ Абасъ-туманскаго курорта поражало меня тою изумительною энергіею, которая требовалась для осуществленія широко задуманнаго и щегольски исполненнаго проекта устройства купалень въ водахъ, получаемыхъ изъ натуральныхъ, мѣстныхъ источниковъ, горячихъ и холодныхъ.

Самая жизнь въ Абасъ-Туманѣ обставлена довольно плохо: нѣтъ ни порядочныхъ гостинницъ, ни ресторановъ, гдѣ бы можно было пріятно обѣдать, нѣтъ никакихъ развлеченій; все это ждетъ еще распорядительныхъ предпринимателей. Армяне, люди промышленные, на это не годятся, такъ какъ не понимаютъ требованій культурнаго человѣка.

Переѣздъ въ городскихъ экипажахъ изъ Абасъ-Тумана въ Кутаисъ черезъ Секарское ущелье былъ чрезвычайно интересенъ; дикая природа Кавказа представилась намъ въ ущельѣ во всей своей величественной красѣ. Дорога эта не совсѣмъ безопасна отъ разбойниковъ, и потому въ наиболѣе пустынной части, среди громадныхъ обрывовъ и скалъ, покрытыхъ лѣсомъ, по распоряженію властей насъ сопровождалъ конвой изъ туземцевъ; интересно было смотрѣть, что въ то время, какъ мы въ коляскахъ спускались по извилинамъ и зигзагамъ разработанной дороги, конвой нашъ, изъ нѣсколькихъ удалыхъ туземцевъ, спускался по крутизнамъ напрямикъ, и вдругъ на какомъ нибудь поворотѣ дороги мы видимъ, что на насъ налѣзаютъ свирѣпые Черкесы; на минуту мелькаетъ мысль, что вотъ насъ атакуютъ разбойники, но воображаемые злодѣи заботливо сдерживаютъ своихъ коней, чтобы дать проѣхать нашимъ экипажамъ и потомъ не слѣдуютъ за ними, а пересѣкаютъ дорогу и опять продолжаютъ сползать по кручамъ.

Къ вечеру мы были въ Кутаисѣ и послѣ утомительнаго пути были пріятно поражены гостинницею, устроенною на Европейскій ладъ, съ щегольскою прислугою въ безукоризненныхъ фракахъ, содержимою какимъ-то Французомъ необыкновенно чисто и нарядно.

Тамъ мы наняли почтовый фаэтонъ и заплатили впередъ за поѣздку до Гудаура и обратно за тройку лошадей, когда приходится подниматься въ горы и за пару, когда ѣхать сверху внизъ; вся поѣздка разсчитана на два дня. Мы выѣхали въ хорошую погоду и, поднимаясь отъ первой станціи Ласпи все вверхъ, любовались Казбекомъ и Дарьяльскимъ ущельемъ, пѣнистымъ Терекомъ и всѣми чудами живописной природы. Въ Коби мы обѣдали. Станціонный домъ намъ показался опрятно содержимымъ и привѣтливымъ, и потому я предупредилъ станціоннаго смотрителя, что на ночь я прошу приготовить для насъ ночлегъ, что мы проѣдемъ до Гудаура и къ ночи вернемся къ нему. Намъ хотѣлось видѣть самый перевалъ и вообще подъемъ къ нему; здѣсь дорога изъ долины Терека переходитъ въ узлѣ цѣлой группы ущелій въ узкое и мрачное ущелье Байдары, по бокамъ которой дорога лѣпится по краю пропасти, дѣлая частые повороты. Въ отношеніи обваловъ, снѣжныхъ и каменныхъ, это самое опасное мѣсто, и потому сдѣланъ даже на дорогѣ искуственный туннель, въ видѣ длиннаго сводчатаго корридора. Дорога представляетъ все туже суровую, дикую природу Дарьяльскаго ущелья; въ глубинѣ ущелій, по бокамъ горъ, громадными пластами лежалъ снѣгъ. Подымаясь выше, на высотѣ 7719 футъ попадается нѣсколько хорошо обстроенныхъ домиковъ, занятыхъ нѣсколькими Осетинскими семьями, которыя получаютъ содержаніе отъ правительства за то, что звонятъ въ колоколъ во время мятелей; это есть наивысшее обиталище на Кавказѣ. На самомъ перевалѣ черезъ Крестовую гору, на лѣво отъ дороги (8498 ф.) стоитъ каменный крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 году. Отсюда мы стали спускаться уже въ долину Арагвы, но къ огорченію нашему облака застилали весь этотъ дивный видъ на Кайшаурскую долину. На станціи Гудауръ мы встрѣтили генерала Аносова, ѣхавшаго въ Тифлисъ и заночевавшаго здѣсь. Намъ скоро запрягли свѣжихъ лошадей и, сообщая объ этомъ, станціонный смотритель предупредилъ насъ подходить къ экипажу сзади и скорѣе садиться, такъ-какъ удерживать лошадей очень трудно; намъ запрягли тройку чудныхъ, сытыхъ коней, которые видимо застоялись и едва не сбивали съ ногъ всю ораву дюжихъ горцевъ-конюховъ; я и сынъ мой кое-какъ вскочили въ экипажъ, намъ подкинули наши вещи, кучеръ подалъ знакъ пустить; кони взвились на дыбы и бѣшено поскакали въ гору по страшнымъ зигзагамъ дороги, идущей по самому краю пропасти. Того и гляди какъ бы не

свернули насъ въ кручу. Сзади насъ за рессоры прицѣпился на станціи конюхъ самаго дикаго вида, черномазый горецъ; сперва мы и не поняли зачѣмъ, а онъ долженъ былъ, чрезъ 6 и 7 верстъ, по достиженіи самой верхней точки перевала, отпрячь пристяжную и отвести ее на Гудауръ. Такъ скакали мы до перевала; между тѣмъ надвинулись тучи, электрическія искры показывались то тамъ, то сямъ, и выше, и ниже насъ, одна пролетѣла сбоку, на одной съ нами высотѣ; за тѣмъ явилась настоящая гроза; южные сумерки наступаютъ быстро, день смѣнился ночью. Тучи спустились, насъ окутала туманъ, молнія то и дѣло сверкала по всѣмъ направленіямъ, то надъ нами, то подъ нами, то пролетали мимо насъ—мы были въ грозѣ. Немного спустя настала такая темень, что хоть глазъ выколи, и полилъ дождь какъ изъ ведра. А мы все спускались внизъ рысью по страшнымъ извивамъ дороги, идущей по краю пропасти. Что̀ дѣлалось на душѣ у насъ, извѣстно одному Богу, да тому кто бывалъ на краю гибели; ѣхать рысью по краю пропасти на парѣ дикихъ лошадей, когда ни зги не видно, въ центрѣ грозы—было дѣломъ далеко не безопаснымъ, а тутъ еще на каждомъ поворотѣ, въ тальвегѣ горъ, кюветы или желоба, выложенные гладкимъ камнемъ, не огороженные по краю надолбой, по которымъ съ горъ страшнымъ водопадомъ низвергалась масса воды, чрезъ которую мы переѣзжали и насъ могло ежеминутно смыть вмѣстѣ съ экипажемъ какъ ни почемъ; шарахнись лошади въ сторону, жалкіе надолбы или каменные столбики по краю дороги легко могли быть выбиты изъ каменистаго грунта, и мы полетѣли бы въ бездну. Ѣдемъ мы и крѣпко молчимъ; не облокачиваясь на спинку экипажа, я сижу прямо, какъ вкопанный или окаменѣлый и только гляжу во время молніи на мѣстѣ ли ямщикъ и видны ли справа охранительные столбики, окрашенные вверху бѣлою краскою. На лѣво отъ меня, гдѣ темныя скалы поднимаются отвѣсною стѣной и откуда можно ожидать, что вотъ свалится на насъ глыба и приплюснетъ насъ, я боюсь смотрѣть, нервы напряжены въ высшей степени, глаза стараются проникнуть въ темноту, но все напрасно; одна лишь молнія помогаетъ на мигъ убѣдиться, что мы ѣдемъ вѣрно по срединѣ дороги, но она блеснетъ и ослѣпитъ, и послѣ того глаза еще менѣе различаютъ что либо во тьмѣ. Вдругъ слышенъ окрикъ.—«Что̀, что̀ такое?» Оказывается встрѣчный обозъ; начинается разговоръ и перекрикиванія между нашимъ возницею и обозными, и мы кое-какъ разминовываемся. Мы спускаемся все ниже и ниже, а темень становится все гуще и гуще; наконецъ ямщикъ оборачивается и съ облегченнымъ вздохомъ проговорилъ: «ну, слава Богу, теперь самую опасную часть дороги проѣхали». Тѣмъ не менѣе дорога казалась мнѣ томительно длинною. Я не знаю въ точности раз-

стоянія между станціями Коби и Гудауромъ, но не думаю, чтобы оно было болѣе 25 верстъ; изъ Гудаура до перевала мы ѣхали чуть не въ карьеръ, а отъ перевала внизъ сильною рысью, и нельзя думать, чтобы весь переѣздъ взялъ болѣе двухъ часовъ времени; по мнѣ эти часы показались ужасно длинными, время тянулось мучительно долго.

Вотъ наконецъ внизу, на днѣ долины, показывается огонекъ станціи каждый разъ какъ мы поворачиваемъ на зигзагъ вправо; вдругъ сильный толчекъ, коляска наклонилась вправо, слышно рѣзкое шуршанье колесъ въ щебенкѣ; «тпру, тпру»—мы наскочили на кучу щебня; ямщикъ осматриваетъ экипажъ, ничего къ счастію не сломалось, а другое главнѣйшее счастіе состояло въ томъ, что мы не попали съ наружной стороны щебня, тогда бы коляска наклонилась влѣво и могла свалиться кубаремъ съ дороги. Съѣхали съ щебня и покатили дальше; насколько было темно, можно судить по тому, что не только мы не видѣли лицъ другъ друга, но сидя подъ закрытымъ фордекеромъ не могли на темномъ фонѣ неба различить фигуры кучера на козлахъ. Доѣхали до духана на поворотѣ шоссе въ долину р. Терека; до Коби оставалось не болѣе 2-хъ верстъ, пустили хорошею рысью, какъ экипажъ нашъ ударился правымъ переднимъ колесомъ въ каменную стѣну или парапетъ, ограждающій въ этомъ мѣстѣ дорогу отъ обрыва; ударъ былъ сильный, экипажъ остановился сразу; крайне не явственно, но мнѣ показалось, что какая-то темная масса перенеслась съ того мѣста, гдѣ долженъ былъ быть ямщикъ вправо; въ одно мгновеніе я догадался, что сильнымъ толчкомъ ямщика сбросило съ козелъ на парапетъ или за парапетъ; во всякомъ случаѣ возжи не въ экипажѣ. Тишина.... неужели человѣкъ упалъ въ пропасть и убился —лошади подхватятъ и разобьютъ насъ! Но вотъ слышится голосъ упавшаго; на наше счастье кучеръ упалъ на парапетъ и удержался на немъ; онъ оглаживаетъ лошадей и старается ихъ успокоить; онъ потерялъ шапку и хотѣлъ при помощи спичекъ ее отыскать, но спички какъ его, такъ и наши, отсырѣли. Кое-какъ разбитый, онъ влѣзъ на козлы, разобралъ возжи, и мы потихоньку доѣхали до станціи. Появленіе наше тамъ произвело своего рода сенсацію; на встрѣчу насъ вышло нѣсколько человѣкъ, у нѣкоторыхъ были зажженные фонари; всѣ смотрѣли на насъ осклабя лица, съ какою-то недоумѣвающею улыбкою, какъ встрѣчаютъ людей возвращающихся съ кроваваго боя, оглядывая при этомъ, все ли благополучно, нѣтъ ли перебитыхъ рукъ или ногъ.

Намъ отвели хорошую комнату съ двумя кроватями и скоро подали самоваръ; мы скоро все покончили и легли спать. Но уснуть мы долго не могли; начали мысленно переходить всѣ моменты испытанныхъ ощущеній и сильно смѣялись; очевидно, что нервы наши, послѣ продолжи-

тельнаго напряженія, были разстроены; мы все обращали въ смѣшную сторону и вдобавокъ вспомнили возвращеніе наше также въ темный вечеръ въ Пятигорскъ, послѣ поѣздки въ Ессентуки и въ Желѣзноводскъ, когда кучеръ, везя насъ четверкою въ большой коляскѣ и желая попасть на шоссе идущее къ Пятигорску, вздумалъ рискнуть и не зная навѣрное, что у него впереди, оврагъ или глубокая яма, со словами «Ну съ Богомъ, ребятушки» направилъ свою четверку внизъ; къ счастію оказалось, что это былъ оврагъ съ отлогими берегами, непосредственно прилегавшій къ шоссе или просто резервъ шоссейнаго полотна.

На другой день утромъ я видѣлъ артиллерійскаго генерала, также ночевавшаго въ Коби, который говорилъ мнѣ, что по обязанностямъ службы онъ въ теченіи года проѣзжаетъ изъ Тифлиса въ Владикавказъ 6 разъ и никогда не рискуетъ ѣздить ночью; станціонный же смотритель объяснилъ мнѣ, что инженеръ путей сообщенія, завѣдывающій шоссейною Военно-Грузинской дорогою, поднимаясь вчера вечеромъ къ ст. Коби и застигнутый бурею, предпочелъ идти пѣшкомъ съ фонаремъ въ рукахъ. Очевидно, что я не остался ночевать въ Гудаурѣ потому только, что я съ сыномъ были новички въ горной странѣ; заикнись кто нибудь въ Гудаурѣ хотя бы полусловомъ, напримѣръ станціонный смотритель объ опасности пускаться въ дорогу вечеромъ, въ виду надвигающейся грозы, не подлежитъ сомнѣнію, что мы не поѣхали бы вечеромъ въ Коби, тѣмъ болѣе, что мы не были стѣснены временемъ: для насъ было безразлично вернуться во Владикавказъ днемъ раньше или позже.

* * *

Лѣтомъ этого года я съѣздилъ на нѣсколько недѣль въ южную Францію (9-ая заграничная поѣздка), изъ Варшавы выѣхалъ на Вѣну и оттуда на Pontebo чрезъ Верону, Миланъ, Туринъ къ Гренобля, въ окрестностяхъ котораго находится скромный Французскій курортъ Uriage les bains. Le departement d'Isère, autrefois le Dauphiné, страна тихая, живописная и здоровая. Тамъ я провелъ около 5-ти недѣль и имѣлъ удовольствіе вспомнить о старыхъ своихъ знакомыхъ, какъ Vicat, сочиненіе котораго о цементахъ когда-то читалъ; въ музеѣ Гренобля видѣлъ картину, значеніе которой отгадалъ сразу, вспомнивъ сочиненіе Ламартина «Les Girondins» (Жирондисты наканунѣ ихъ казни).

По окончаніи своихъ ваннъ въ Uriage, я выѣхалъ изъ Гренобля на Valens въ Марсель, гдѣ сѣлъ на Итальянскій пароходъ, чтобы попасть въ Геную и оттуда въ Вѣну, Варшаву и Новогеоргіевскъ.

Въ Марсель я пріѣхалъ въ 11 ч. вечера, наканунѣ національнаго праздника 2 (14) Іюля и былъ пріятно пораженъ блестящею иллюми-

націею главной улицы и массою народа ее наполнявшею, а на другой день я изъ оконъ своей комнаты смотрѣлъ на парадъ отъ войскъ, квартирующихъ въ Марсели; пѣхота, кавалерія и артиллерія, франтовски одѣтыя, продефилировали передъ моими окнами.

Въ Марсели я съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ разсматривалъ музей и зоологическій при немъ паркъ. Роскошное зданіе музея съ колонадами и шумными фонтанами невольно останавливаетъ вниманіе посѣтителя музея; нечего и говорить, что внутреннее его содержаніе по скульптурѣ, а особенно по отдѣлу живописи, находится въ соотвѣтствіи съ богатствомъ и художественнымъ величіемъ наружнаго вида зданія. На обратномъ пути я еще разъ полюбовался Вѣною, ея богатыми Ringstrasse, правительственными зданіями и дворцами нѣкоторыхъ герцоговъ.

1892-ой годъ былъ для меня знаменательный: 8-го Августа исполнилось 50 лѣтъ моей службы въ офицерскихъ чинахъ и 25 лѣтъ въ генеральскихъ чинахъ. На другой день, день юбилея, я поѣхалъ на свою квартиру въ крѣпости, чтобы быть въ соборной церкви, гдѣ я просилъ духовенство отслужить обѣдню съ молебномъ.

Первое, что я нашелъ въ своей квартирѣ, это телеграмму г.-ад. Гурко, слѣдующаго содержанія: «Приношу вашему превосходительству мои искреннѣйшія поздравленія съ совершившимся полувѣковымъ служеніемъ вашимъ Царю и Россіи и душевныя мои пожеланія о продленіи его на долгіе годы». Затѣмъ я съ братомъ, сыномъ, невѣсткою и многими моими добрыми знакомыми и сослуживцами были въ церкви, послѣ которой я пригласилъ всѣхъ къ себѣ на завтракъ.

Взойдя въ столовую, я былъ пораженъ ея убранствомъ; это былъ сюрпризъ, сдѣланный моимъ сыномъ. Напротивъ мѣста за столомъ, занятаго мною, красовался мой портретъ, приготовленный мною ко дню производства моего сына въ офицеры; портретъ былъ украшенъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ, перевязаннымъ Александровскою лентою, на концахъ которой помѣщены золотыя цыфры «1842» и «1892», а на верху портрета Римская цыфра «L». Въ то время, когда мы сидѣли за столомъ, телеграммы и письма съ поздравленіями сыпались обильнымъ дождемъ. Военный министръ также удостоилъ меня поздравленіемъ, при чемъ сообщилъ, что Государь Императоръ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія моей службы, соизволилъ пожаловать мнѣ арендное производство по 1500 рублей въ годъ на шесть лѣтъ. Телеграммы я получилъ изъ Копенгагена, Веве, Варшавы, Петербурга, Одессы, Выборга, Владимира, Вильны, Москвы, Кронштадта, Брестъ-Литовска, почти изъ всѣхъ городовъ Привислянскаго края и наконецъ получилъ письмо отъ особы, которую я зналъ только по имени и то лишь давнымъ-давно. Вотъ содержаніе этого письма:

«Немало поздравленій и пожеланій получите вы на вашъ юбилей, но едва ли найдется между ними болѣе искреннее и болѣе сердечное пожеланіе вамъ всего добраго и хорошаго, какъ это мое скромное письмо. Я была первой стипендіаткой имени покойной супруги вашей Елисаветы Александровны, рожденной Норманской, въ Патріотическомъ Институтѣ и всю жизнь свою молила Бога за васъ, за ваше благодѣяніе, оказанное мнѣ. Воспитаніе и образованіе всѣмъ необходимо, мнѣ же оно дало возможность въ продолженіи девяти долгихъ лѣтъ кормить семью и почти поставить на ноги четверыхъ дѣтей. Мужъ мой рано умеръ, я осталась съ четырьмя дѣтьми безъ пенсіи и безъ средствъ; только благодаря диплому Патріотическаго Института я не пропала; одна дочь у меня уже кончила Институтъ эту весну, другая кончаетъ на будущій годъ, и послѣднія приняты; такимъ образомъ я говорю, что семья моя спасена и почти поставлена на ноги мною, а я обязана вамъ. Я никогда не забывала въ молитвахъ вашего имени и теперь осмѣливаюсь писать вамъ, чтобы въ числѣ прочихъ принести поздравленіе, пожеланіе и искреннюю благодарность. Примите и проч.....»

При первой возможности я конечно постарался отыскать и познакомиться съ этою достойною особою, написавшею мнѣ приведенное письмо, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того я имѣлъ удовольствіе присутствовать на вѣнчаніи старшей дочери этой дамы, и тутъ же познакомиться съ ея матерью, бывшею въ Патріотическомъ Институтѣ самою близкою подругою моей первой жены Елисаветы Александровны.

Кому только могъ, я отвѣчалъ на поздравительныя телеграммы, и просидѣлъ для этого около трехъ дней, а затѣмъ, не зная адреса многихъ, обратился къ посредству газетъ, чтобы выразить мою искреннѣйшую благодарность всѣмъ почтившимъ меня своимъ вниманіемъ.

Изъ 25¼ лѣтъ моей службы я пробылъ 1 годъ въ Кіевѣ, около 7¼ лѣтъ въ Севастополѣ, 3 года въ Крымской войнѣ, 4 года въ Петербургѣ, 3½ года въ Кронштадтѣ, 3½ года въ Варшавѣ, 3 года въ Кѣльцахъ, т.-е. около 16¾ лѣтъ внѣ всякой общественной жизни какъ будто въ уединенной казармѣ, и около 8½ лѣтъ въ городѣ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1869 года я оставилъ Кѣльцы и на долгое время поселился въ Варшавѣ, не имѣя никакой связи съ цитаделью, какъ это было прежде; нѣтъ, я жилъ въ Варшавѣ на вольной квартирѣ, какъ обыкновенный гражданинъ. Жизнь Русскаго человѣка въ Варшавѣ имѣетъ извѣстныя лишенія, но умѣренный климатъ покрываетъ многое; я долго жилъ въ Варшавѣ (до іюня 1883 г.) и былъ доволенъ своимъ положеніемъ, но въ концѣ концовъ и Варшава мнѣ надоѣла, такъ что не смотря на все мое отвращеніе къ жизни въ крѣпости, я былъ доволенъ переселиться изъ Варшавы въ Новогеоргіевскъ.

Я подозрѣвалъ или лучше сказать сознавалъ, что жизнь въ крѣпости такой какъ Новогеоргіевскъ, гдѣ кромѣ военнослужащихъ нѣтъ

ни единаго свободнаго гражданина, гдѣ только крѣпостныя постройки и казармы, и нѣтъ ни одного частнаго дома, далеко не въ моемъ вкусѣ: но видное служебное положеніе съ хорошимъ содержаніемъ, а главное— большая дѣятельность мнѣ предстоящая, къ тому же обязанность заниматься предметомъ интересовавшимъ меня въ то время, а именно подготовка крѣпости къ способности перейти въ нѣсколько дней съ мирнаго положенія на военное и осадное, отодвигали на задній планъ очевидныя неудобства жизни въ крѣпости и полное отсутствіе общественной жизни.

Оглядываясь на прошедшіе годы службы, долженъ я признать, что назначеніе меня комендантомъ Новогеоргіевска соотвѣтствовало вполнѣ тѣмъ занятіямъ и тѣмъ спеціальнымъ вопросамъ, которыми я интересовался впродолженіи многихъ лѣтъ, а именно о быстрой мобилизаціи крѣпостей.

По мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ разнообразными обязанностями коменданта первоклассной крѣпости и въ особенности такой какъ Новогеоргіевскъ, которая въ случаѣ войны съ западными державами, находясь единственнымъ препятствіемъ на пути ихъ наступленія, должна была бы подвергнуться первымъ и самымъ сильнымъ ударамъ противника, я постепенно и непрерывно стремился развернуть свою дѣятельность, имѣя одну цѣль: довести крѣпость до той степени ея готовности къ бою, въ какомъ должна быть каждая пограничная крѣпость. Варшава, въ то время не была еще обнесена фортами и имѣла только цитадель, неспособную защищаться; въ Зегрже также не было никакихъ укрѣпленій, такъ что Новогеоргіевскъ, былъ нашъ единственный оплотъ на западномъ театрѣ войны, находящійся отъ Прусской границы въ разстояніи 75 верстъ. Энергія моя, охота трудиться на пользу крѣпостного дѣла, были тѣмъ сильнѣе, что командующій войсками много обращалъ вниманія на крѣпости и явно одобрялъ мои труды.

Нельзя было не замѣтить, что Гурко не ограничивается только наружнымъ знакомствомъ съ крѣпостью и окружающею мѣстностью, но имѣетъ твердое намѣреніе изучить сознательно возможные способы атаки и обороны крѣпости. Отвѣчая ему на тотъ или другой вопросъ, думалось иногда, что это только такъ, для поддержанія разговора онъ спрашиваетъ меня объ этомъ, а между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней случалось услыхать отъ него въ родѣ слѣдующаго: «вотъ, вы сказали мнѣ то-то, я думалъ объ этомъ, и вотъ какіе народились при этомъ вопросы...» и т. д. Очевидно было, что ген.-ад. Гурко интересовался крѣпостнымъ дѣломъ не только въ то время, которое посвящаемо было спеціально для крѣпости, но и въ другое время. За то года черезъ три ген.-ад. Гурко, овладѣвъ предметомъ, явился начальникомъ, способнымъ

направлять крѣпостное дѣло и руководить насъ—исполнителей. А между тѣмъ по званію Варшавскаго генералъ-губернатора, ему приходилось работать и по вопросамъ административнымъ, полицейскимъ, по дѣлу учебному, по дѣламъ католическаго духовенства, благотворительнымъ и мн. др. Занятія у ген.-ад. Гурко распредѣлялись такимъ образомъ. Понедѣльникъ, Среда и Пятница для военныхъ, а Вторникъ, Четвергъ и Суббота для гражданскихъ, и не разъ мнѣ приходилось слышать, что для Іосифа Владимировича военные дни были сравнительно днями отдыха: такъ тяжелы и продолжительны были занятія его въ дни, назначаемые для дѣлъ гражданскихъ. Между тѣмъ, какъ ни придешь къ командующему войсками въ одинъ изъ военныхъ дней, всегда у него такая масса народу, что стараешься по возможности короче изложить ему свое дѣло, потому что становится просто совѣстно отнимать у него много времени, когда его ждутъ очень серьезные и продолжительные доклады начальниковъ штаба, инженеровъ и артиллеріи, интенданта, окружнаго военно-медицинскаго инспектора, военнаго прокурора и др.

Я имѣлъ случай наблюдать неоднократно труды г.-адъютанта графа Берга, который былъ также очень дѣятеленъ; но графъ касался всего слегка и потому спускалъ доклады очень быстро. Послѣ графа Берга былъ графъ Коцебу, который очень заботливо относился къ своему здоровью, и у него было все размѣрено по часамъ и минутамъ: въ извѣстную минуту дверь его кабинета отворялась, и всѣхъ имѣющихъ къ нему дѣло онъ принималъ въ одной общей комнатѣ, отвѣчая каждому двумя-тремя словами. Изложить что нибудь подробнѣе при такомъ способѣ пріема не было никакой возможности; весь пріемъ многочисленной публики оканчивался въ нѣсколько минутъ; графъ удалялся въ свой кабинетъ, куда въ извѣстные дни и часы могли проникать очень немногія лица. Графъ Коцебу окружилъ себя весьма ограниченнымъ числомъ довѣренныхъ лицъ, которыхъ и удостоивалъ своимъ разговоромъ; эти господа и обдѣлывали хорошо свои дѣла, а всему прочему міру Коцебу, фигурка маленькая, представлялся какъ маріонетка, которая появлялась и исчезала въ опредѣленныя минуты, какъ на проволокѣ у шарманщиковъ.

Коцебу своею службою въ Привислянскомъ краѣ ничего не внесъ своего: все продолжало, какъ по гражданской, такъ и по военной частямъ двигаться одною силою инерціи. Онъ продержался въ Варшавѣ около пяти лѣтъ, успѣлъ выманить у правительства очень богатый маіоратъ, цѣнностью, какъ говорятъ, въ $1\frac{1}{2}$ милліона рублей, и былъ, кажется, за эту продѣлку удаленъ. Непонятно зачѣмъ ему понадобился этотъ злосчастный маіоратъ, такъ какъ по женѣ онъ былъ очень бо-

гатъ, сыновей не имѣлъ, а единственная его дочь вышла замужъ за барона Пиллеръ-фонъ-Пильхау, человѣка тоже достаточнаго.

Послѣ Коцебу командующимъ войсками Варшавскаго округа и генералъ-губернаторомъ былъ г.-адъютантъ Альбединскій, джентельменски вѣжливый со всѣми и несравненно болѣе доступный чѣмъ Коцебу. Но каждый проситель получалъ отъ новаго начальника почти неизмѣнно одинаковый отвѣтъ: военному онъ предлагалъ переговорить по его дѣлу съ начальникомъ штаба, а гражданскому чиновнику или частному человѣку переговорить съ директоромъ его канцеляріи.

Генералъ Альбединскій въ особенности любезничалъ съ Польскою аристократіею, и Поляки, которые начинали уже сворачивать на свою сторону Коцебу, пошли теперь несравненно смѣлѣе; если бы Альбединскій оставался въ краѣ долѣе, то можно было бы опасаться, что Русское тамъ дѣло затормозится, но въ 1882 году онъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ былъ г.-адъютантъ Гурко. Онъ сразу поднялъ на надлежащую высоту значеніе Русской власти, и всѣ мы, тамъ служившіе, вздохнули свободнѣе; мы сразу поняли, что новый начальникъ не дастъ Русскому дѣлу въ Польшѣ пропадать, что онъ не только закрѣпитъ всѣ реформы, исполненныя съ цѣлію привязать ближе Польскія провинціи къ Россіи, но и поведетъ это дѣло дальше.

Пока Новогеоргіевскъ былъ единственною крѣпостію на западномъ театрѣ войны, а комендантъ ея дѣятелемъ самостоятельнымъ, я работалъ съ большою энергіею и нерѣдко съ увлеченіемъ, потративъ при этомъ немало труда на обученіе той пѣхоты, которая предназначалась защищать, въ случаѣ войны, крѣпость. Зимою я устраивалъ для командировъ частей и вообще всѣхъ офицеровъ крѣпостного гарнизона сообщенія по крѣпостной войнѣ, крѣпостную игру, а лѣтомъ, въ періодъ общихъ сборовъ, производилъ въ возможно бо́льшихъ размѣрахъ крѣпостные маневры.

Къ 1892 году кругомъ Варшавы устроены были въ двѣ линіи отдѣльныя укрѣпленія, и такимъ образомъ въ 8—9 лѣтъ возведена значительная первоклассная крѣпость, большой стратегической важности, какъ сосредоточіе управленія всѣмъ Привислинскимъ краемъ и какъ политическій центръ бывшаго Польскаго королевства.

Въ тоже время на Наревѣ, недалеко отъ сліянія рѣкъ Нарева и Буга, устроены на правомъ берегу Нарева сильныя укрѣпленія у деревни Зегрже, и такимъ образомъ получился зародышъ укрѣпленнаго треугольника: Варшава, Новогеоргіевскъ, Зегрже; вершины его укрѣплены, стороны же треугольника, Варшава-Новогеоргіевскъ и Новогеоргіевскъ-Зегрже состоятъ изъ рѣкъ Вислы и Нарева; остается одна только сторона открытою—это Зегрже-Варшава.

Въ 1892 г. назначенъ былъ начальникъ укрѣпленнаго раіона генералъ-отъ-инфантеріи Павловъ, которому подчинены коменданты Варшавской и Новогеоргіевской крѣпостей. Работы по укрѣпленіямъ въ Зегрже еще не закончены, и потому не сформированы управленія крѣпости. Въ тоже время приступлено было къ сформированію резервныхъ бригадъ для укрѣпленнаго раіона.

Значеніе Новогеоргіевска съ устройствомъ въ Варшавѣ первокласснои крѣпости, а въ особенности съ устройствомъ укрѣпленнаго раіона, значительно измѣнилось и понизилось.

Независимо отъ сего и гораздо прежде обязанности мои по званію коменданта Новогеоргіевской крѣпости начинали тяготить меня частою перемѣною лицъ, съ которыми приходилось быть въ служебныхъ сношеніяхъ. Вмѣсто генерала Нагловскаго, внезапно умершаго, начальникомъ штаба Варшавскаго военнаго округа назначенъ былъ ген.-маіоръ Пузыревскій; затѣмъ вскорѣ, на мѣсто генерала Деппа, начальникомъ инженеровъ Варшавскаго округа назначенъ былъ ген.-маіоръ Воронцовъ-Вельяминовъ; послѣ умираетъ товарищъ генералъ-инспектора инженеровъ генералъ Звѣревъ, и на его мѣсто назначенъ главнымъ начальникомъ инженеровъ генералъ-маіоръ Заботкинъ, а наконецъ нарождается на свѣтъ Божій укрѣпленный раіонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новый начальникъ въ лицѣ генерала Павлова. Всѣ эти перемѣны происходили въ теченіе 2—3 лѣтъ, и каждый разъ, съ появленіемъ названныхъ новыхъ лицъ, приходилось возобновлять всѣ тѣ представленія и ходатайства, предположенія и проекты по улучшенію крѣпости въ боевомъ, санитарномъ и другихъ отношеніяхъ и добиваться, чтобы все это было не только принято къ свѣдѣнію, но было бы надлежащимъ образомъ разсмотрѣно, разобрано критически и одобрено. Такія повторенія одного и того же по нѣскольку разъ не могли не вліять на зарожденіе у меня въ извѣстной степени нравственнаго утомленія и нѣкотораго охлажденія къ вопросамъ, къ которымъ до того я относился весьма сочувственно.

Положеніе мое въ крѣпости утомляло меня тѣмъ болѣе, что я началъ замѣчать въ главныхъ дѣятеляхъ, имѣвшихъ вліяніе на руководительство этимъ дѣломъ, неустойчивость взгляда на лучшій способъ обороны крѣпости, на значеніе ея фортовъ и проч. Вмѣсто правильнаго и яснаго пониманія столь важнаго для коменданта вопроса, который до сего времени одинаково понимали какъ командующій войсками, такъ и высшее инженерное начальство, появились новыя толкованія, которымъ невозможно было сочувствовать. Наконецъ, къ большому моему удовольствію я услыхалъ, что г.-ад. Гурко говорилъ обо мнѣ съ военнымъ министромъ, и рѣшено было ими мое назначеніе членомъ Военнаго Совѣта, что и состоялось 3 Мая 1893 года.

Я простился съ г.-адъют. Гурко искренно, выразивъ ему, что служба подъ его начальствомъ была для меня особенно пріятна, и въ двадцатыхъ числахъ Мая мѣсяца 1893 года выѣхалъ радостный изъ Новогеоргіевска, съ увѣренностію, что мнѣ не придется уже никогда возвращаться къ жизни посреди солдатъ и казармъ и нести какую-нибудь отвѣтственную обязанность. Я чувствовалъ себя какъ-то особенно легко, какъ будто камень свалился съ моихъ плечъ.

Сынъ мой остался временно въ крѣпости, а я, забравъ его семью, т. е. мою невѣстку, внука и внучку, прислугу, отправился изъ Варшавы на Кіевъ и Курскъ въ свою деревню; тамъ я оставался всего 2—3 дня и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нанята была для меня квартира на Англійскомъ Проспектѣ.

2-го Іюня 1893 года г.-адъют. Гурко подписалъ слѣдующій приказъ № 61 войскамъ Варшавскаго военнаго округа:

„Комендантъ Новогеоргіевской крѣпости генералъ-лейтенантъ Хлѣбниковъ высочайшимъ приказомъ 3-го минувшаго Мая назначенъ членомъ Военнаго Совѣта и вслѣдствіе этого оставляетъ службу въ войскахъ ввѣреннаго мнѣ округа.

Здѣшнему военному округу и краю принадлежитъ 30-ти лѣтняя безпрерывная служба генералъ-лейтенанта Хлѣбникова въ различныхъ званіяхъ по военному и гражданскому управленію; въ должности же коменданта Новогеоргіевской крѣпости ему нынѣ истекаетъ 10-й годъ служенія. Въ это время подъ ближайшимъ его руководствомъ осуществилось преобразованіе крѣпостнаго управленія и выполнены обширные труды по подготовкѣ крѣпости къ цѣли ея назначенія.

Вынеся изъ участія при оборонѣ Севастополя опытъ боевого примѣненія сапернаго дѣла и проникнувшись любовью къ нему, подкрѣпленною многосторонними въ этой области свѣдѣніями, приложивъ затѣмъ ихъ въ мѣропріятіяхъ по боевой подготовкѣ ввѣренной ему крѣпости и по развитію сапернаго дѣла въ войскахъ постояннаго крѣпостнаго гарнизона, онъ этимъ путемъ положилъ основаніе къ наиболѣе раціональному усиленію крѣпостной обороны, въ чемъ я усматриваю одну изъ главнѣйшихъ заслугъ въ дѣятельности сего генерала.

Призванному теперь къ участію въ трудахъ одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, генералъ-лейтенанту Хлѣбникову предстоитъ приложеніе въ болѣе обширной средѣ своихъ капитальныхъ научныхъ познаній, административнаго и боевого опыта; мнѣ же остается, разставаясь съ нимъ, исполнить мой долгъ выраженіемъ ему моей искренней признательности за долговременную полезную службу въ войскахъ ввѣреннаго мнѣ округа“.

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА ХЛѢБНИКОВА.

ГЛАВА X.

Поѣздка моя въ Египетъ.

Члены Военнаго Совѣта пользуются правомъ на ежегодный отпускъ на 2½ мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія. На радостяхъ, что такъ благополучно я отдѣлался отъ своей отвѣтственной должности коменданта, я задумалъ отпраздновать такое событіе какою нибудь интересною прогулкою за границу. Послѣ разныхъ колебаній я рѣшилъ отправиться въ Египетъ.

Въ Среду 1-го Сентября 1893 г. съ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги я выѣхалъ изъ Петербурга въ 7 ч. 45 м. вечера и на другой день около 4-хъ часовъ дня былъ въ Бѣлостокѣ, куда выѣхалъ изъ Варшавы на свиданіе со мною мой сынъ Василій; тутъ мы пообѣдали и проѣхали вмѣстѣ до Бреста-Литовскаго; 3-го Сентября утромъ былъ я въ Казатинѣ, а въ 10 час. вечера въ Одессѣ.

Въ Субботу 4-го числа я былъ уже на пароходѣ «Чихачевъ», который часа въ 4 пополудни вышелъ въ море. Боже, какъ хорошо быть въ морѣ, какъ легко дышется, какой воздухъ, какая тишина! Пароходъ «Чихачевъ»—самый новый изъ пароходовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли на Черномъ морѣ, самаго усовершенствованнаго типа, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ роскошною отдѣлкою каютъ, гостиной, столовой и курительной комнаты; тамъ имѣются 72 койки для пассажировъ 1-го класса и мраморныя ванны. «Чихачевъ» обошелся обществу 1 милліонъ рублей, и по его чертежамъ заказанъ другой пароходъ. Онъ громаденъ; съ одного конца до другого на верхней палубѣ я насчиталъ 183 шага. На этотъ разъ пассажировъ было очень мало, всего 4—5 человѣкъ 1-го класса; поэтому я получилъ одинъ цѣлую каюту. Море совершенно спокойно, и я блаженствовалъ.

5-го Сентября въ 11 час. вечера мы вошли въ Константинопольскій проливъ и бросили якорь у Кавака; на другой день утромъ на пароходъ прибылъ Турецкій врачъ для осмотра всей команды и дезинфецированія, а вслѣдъ за тѣмъ всѣ пассажиры обязаны были

*) См. первую книгу нынѣшняго года, выпуски 3 и 4-й.

ѣхать на лодкахъ на берегъ въ дезинфекціонныя камеры, гдѣ мы раздѣвались, и все наше платье и бѣлье подвергалось сильному дезинфецированію. Весь день 6 Сентября мы оставались подъ карантиннымъ флагомъ у Кавака и только рано утромъ 7-го числа перешли въ Золотой Рогъ.

Панораму пролива хотя я уже и видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, но конечно не могъ отказаться отъ удовольствія полюбоваться лишній разъ этою чудною картиною. Въ проливѣ существуетъ постоянное теченіе изъ Чернаго моря въ Мраморное, и поэтому, идя отъ Кавака къ Золотому Рогу, мы шли по теченію и переходъ совершили въ часъ времени; а если-бы шли обратно, то на это потребовалось бы 1 ч. 40 м.

По прибытіи къ Константинополю, въ Золотомъ Рогѣ, пароходъ началъ выгружать воловъ и овецъ; первыхъ поднимали на тесьмахъ, подложенныхъ подъ брюхомъ (поднимутъ краномъ вола высоко и потомъ спускаютъ въ шаланду), а овецъ брали по нѣсколько штукъ разомъ, привязавъ конецъ за заднюю ногу овцы. На первый разъ мнѣ этотъ способъ выгрузки овецъ показался безжалостнымъ отношеніемъ къ животному. Въ замѣнъ этого товара, пароходъ нашъ грузился сыромъ, табакомъ и досками.

Я отправился на берегъ и сначала зашелъ въ мѣстное отдѣленіе Правленія Общества Пароходовъ и Торговли на Черномъ морѣ, которымъ вѣдаетъ г. Ивановъ; мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ талантливымъ и образованнымъ дѣятелемъ. Онъ получаетъ отъ Общества 10 т. р. жалованья въ годъ и сверхъ того извѣстный процентъ отъ стоимости грузовъ, которые по его заботливости и распорядительности будутъ доставлены въ теченіе года пароходамъ Общества, что̀ составляетъ г. Иванову также значительную сумму. Отъ него я отправился, въ сопровожденіи одного изъ секретарей правленія, въ Оттоманскій банкъ взять частицу депегъ по кредитиву отъ нашего государственнаго банка и попросить передать остальную часть кредитива въ банки Александріи и Каира.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, всю остальную часть дня я употребилъ на осмотръ лѣтняго помѣщенія нашего посла. Лѣтомъ онъ живетъ къ Сѣверу отъ города, въ живописной мѣстности Буюкдере, на Европейскомъ берегу пролива. Туда я отправился на пароходѣ, которые въ теченіе дня отходятъ каждый часъ отъ моста въ Золотомъ Рогѣ и идутъ ко многимъ пристанямъ обоихъ береговъ пролива. Самаго дома посла я не могъ видѣть, а прогуливался по обширному саду, расположенному позади дома террасами довольно крутой горы; видъ на проливъ, усѣянный по берегамъ дворцами и богатыми виллами, съ верхнихъ террасъ сада великолѣпный. Тутъ-же, не подалеку отъ дома на-

:о посла, я нашелъ очень хорошую отель, въ ресторанѣ котораго ошо пообѣдалъ, и на пароходѣ-же вернулся на «Чихачевъ».

Когда мы снимались съ якоря, въ 10 часовъ вечера, налетѣли ту- громъ и молнія, пошелъ крупный дождь. Капитанъ нашего паро- а Я. Е. Лефтеръ былъ опытный морякъ, но тѣмъ не менѣе въ та-) темную и бурную ночь я былъ не совсѣмъ покоенъ: на рейдѣ :одилось много судовъ, и я опасался столкновенія, но все прошло гополучно, и мы повернули въ Мраморное море. Я спустился въ эту спать, заказавъ приготовить себѣ на другой день утромъ, до е, ванну изъ морской воды, подогрѣтой градусовъ до 20—22 R. Я ожилъ себѣ купаться ежедневно въ морской водѣ.

На другой день 8-го Сентября, мы проходили Дарданельскій про- ъ, видѣли справа Галлиполи и вскорѣ послѣ того подошли къ лѣ- у берегу, для сдачи почты въ Дарданеллахъ. Мы постоянно держали гротъ-мачтѣ карантинный флагъ.

9-го числа, въ 6-мъ часу утра, мы подходили къ Пирею и въ :окль видѣли развалины живописнаго Акрополя и королевскій дво- ъ въ Аѳинахъ. Въ числѣ пассажировъ была съ нами жена агента, ѣдывающаго Отдѣленіемъ Русскаго Общ. Парох. и Торг.; она ѣздила Одессу на свиданіе съ матерью и сестрою, и вотъ теперь попалась этими карантинами, затѣянными въ Турціи и Греціи (послѣдняя пе- деголяла даже Турцію въ усердіи не по-разуму).

Эта дама ограничилась только тѣмъ, что посмотрѣла издали на его молодого мужа, подъѣхавшаго къ намъ на лодкѣ и, поболтавъ нимъ, рѣшилась ѣхать съ нами въ Александрію съ тѣмъ, чтобы путься оттуда съ ближайшимъ пароходомъ и какъ прибывающая изъ Россіи, а изъ Африки, избавиться карантина.

Черезъ 2 часа мы пошли дальше безъ остановки въ теченіи дня сей ночи. Утромъ 10-го числа капитанъ, встрѣтившись со мною, залъ: «а вѣдь прошедшую ночь мы съ вами чуть не утонули» и ѣмъ разсказалъ мнѣ, что часовъ около двухъ ночи, когда онъ спалъ своей каютѣ, онъ былъ разбуженъ сильными свистками; выскочивъ мостикъ, онъ увидалъ, что большой Англійскій броненосецъ идетъ нымъ ходомъ и держитъ курсъ подъ такимъ угломъ къ направленію его движенія, что столкновеніе представлялось неизбѣжнымъ. Не- ленно капитанъ приказалъ положить руль на лѣво и звонить въ ко- олъ; только тогда Англичане проснулись и также, измѣнивъ свой съ, начали отдаляться отъ насъ. «Обѣдаютъ они поздно и при этомъ ошо, конечно, выпьютъ, продолжалъ говорить капитанъ, вотъ оттого пятъ; имъ что на броненосцѣ: никто ихъ не задѣнетъ, а если они) ударятъ, то такому гибель неизбѣжная, и уже конечно Англичане

не остановятся, чтобы спасать утопающихъ; напротивъ того, уйдутъ скорѣе, чтобы и концы въ воду. Впрочемъ, кто ихъ знаетъ, можетъ быть вахтенный лейтенантъ съ намѣреніемъ приблизился къ намъ, чтобы посмотрѣть на пароходъ».

Вставали мы рано, часовъ въ 7. Я тотчасъ же бѣжалъ въ ванну, затѣмъ несложный туалетъ и кофе. Затѣмъ начинается хожденіе и сидѣніе на палубѣ; читать ничего не хочется, а хочется смотрѣть только на море. Море и небо—больше ничего не видно; иной подумаетъ, что это однообразно и долго смотрѣть наскучитъ, а между тѣмъ нельзя оторваться отъ этого спектакля. Рано утромъ, если только приближаемся къ какому нибудь берегу, замѣчается невооруженнымъ глазомъ на горизонтѣ моря сначала туманъ, который, по мѣрѣ хода парохода, начинаетъ понемногу подыматься, начинаютъ обрисовываться понемногу горы и получать различнаго рода освѣщеніе и окраску. Вдали виднѣются паровыя и парусныя суда; попутчиковъ мы обыкновенно обгоняемъ, имѣя до 14 узловъ хода въ часъ. Днемъ, часовъ около 2-хъ, жара дѣлается нестерпимою, на пароходѣ всѣ имѣютъ видъ усталый, утомленный; вахтенные дремлютъ, тишина полная. Къ вечеру становится легче, солнце близится къ закату, новое зрѣлище для наблюденія; сумерки наступаютъ быстро, пароходъ начинаетъ блестѣть своимъ электричествомъ. На морѣ, къ сторонѣ луны, начинаютъ появляться блестки, а затѣмъ эти блестки сливаются въ одну сплошную широкую блестящую полосу. Посмотрите, читатель, за бортъ парохода на пѣнящіяся волны и вырывающуюся съ глубины воду, вытѣсняемую корпусомъ парохода, и вы залюбуетесь этою картиною.

Въ 6 часовъ утра 10-го числа подошли къ острову Кандіи, обогнувъ который мы простились съ Греческимъ архипелагомъ и вступили въ Средиземное море.

Все время нашего плаванія погода была ясная, безвѣтренная, море совершенно спокойно, и днемъ и ночью очень тепло; конечно, что въ срединѣ дня приходилось скрываться отъ жары въ тѣни. Кормили насъ на «Чихачевѣ» превосходно, но морской воздухъ свое беретъ, и я съ капитаномъ сознались однажды одинъ другому, что ужъ не разъ каждый изъ насъ посматривалъ на часы, чтобы знать, далеко-ли до завтрака, когда-же наконецъ его подадутъ, а подаютъ его никакъ не позже 11 часовъ утра; обѣдъ въ 5 час., и вечерній чай въ 8 часовъ.

Все было прекрасно на «Чихачевѣ», но немного подгуляло общество. Послѣ Константинополя въ 1-омъ классѣ было 6 человѣкъ, и ни одно лицо не представляло ни малѣйшаго интереса, такъ что приходилось всѣ дни проводить одному. Собираясь еще въ Египетъ, я очень заботился подыскать себѣ какого-нибудь интереснаго компаньона и

сильно упрашивалъ М. И. Горлову, мою давнюю знакомую и даже отдаленную родственницу, которая хотѣла предпринять дальнее путешествіе куда-нибудь, въ страны ей еще невѣдомыя, упрашивалъ ее пуститься со мною на берега Нила; но М. И. боялась морскихъ переходовъ и потому предпочла на этотъ разъ ѣхать на южный берегъ Крыма по желѣзнымъ дорогамъ, даже не на Одессу, а прямо въ Крымъ, и такимъ образомъ я уѣхалъ одинъ, хорошо сознавая, что не разъ въ моемъ длинномъ пути я пожалѣю, что путешествую одинъ, безъ собесѣдника.

Когда я вышелъ 11-го числа утромъ на палубу и хотѣлъ сѣсть на одну изъ скамеекъ, я замѣтилъ, что она была обильно смочена водою, какъ бы послѣ сильнаго дождя. «Это значитъ, сказалъ мнѣ капитанъ, что мы недалеко отъ Александріи, гдѣ это явленіе есть совершенно обычное: обиліе водяныхъ паровъ въ воздухѣ».

За весь переходъ отъ Одессы до Александріи въ 1-мъ классѣ и со столомъ, почти полныхъ 7 сутокъ, я заплатилъ въ Одессѣ кредитными билетами около 102 рублей, а если бы не имѣлъ плана ѣхать изъ Египта въ Сиракузы, Палермо и Корфу и могъ бы навѣрное предвидѣть, что мой обратный путь будетъ тотъ-же, что̀ и теперь, то за билетъ изъ Одессы въ Александрію и обратно я заплатилъ бы значительно дешевле.

Но я не зналъ сколько времени потребуется на мои экскурсіи по Египту и сколько, слѣдовательно, останется у меня свободнаго до окончанія отпуска времени на Сицилію, Корфу и Грецію. Вообще для этого путешествія у меня не было никакого строго обдуманнаго плана; я зналъ одно, что у меня есть отпускъ съ сохраненіемъ всего моего содержанія на 2 $^1/_2$ мѣсяца и что мнѣ очень хочется побывать въ Египтѣ, а успѣю ли я посмотрѣть на другіе памѣченные мною пункты, мнѣ было почти все равно. Тѣмъ лучше, думалъ я, если придется дольше пробыть въ Египтѣ: лучше я всмотрюсь въ жизнь этой страны и больше наслушаюсь отъ мѣстныхъ дѣятелей.

И какъ тутъ было составлять обстоятельные проекты для путешествія, когда, ко времени моего выѣзда изъ Петербурга, я только по газетнымъ свѣдѣніямъ узналъ о распоряженіяхъ Турецкаго и Греческаго правительствъ объ учрежденіи карантиновъ для провенансовъ изъ Россіи? Кто напримѣръ могъ думать, что такая бѣдная страна какъ Греція запрется отъ насъ двухъ недѣльными карантинами, и какая надобность была строить противъ холеры подобныя защиты? А между тѣмъ бѣдный людъ въ Пиреяхъ, который только и живетъ тѣмъ, что̀ заработываетъ за выгрузку и нагрузку нашихъ пароходовъ разными товарами, остался безъ куска хлѣба.

На «Чихачевѣ» я узналъ, что намъ придется, по приходѣ въ Александрію, выдержать тамъ карантинъ въ продолженіе трехъ сутокъ, и другое обстоятельство, что въ Сентябрѣ немыслимо ѣхать въ Каиръ и дальше по Нилу вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, что весь Каирскій и Александрійскій beau-monde проживаетъ это время неподалеку отъ Александріи, на морскомъ берегу, въ Ramley, что туда идетъ желѣзная дорога, и что для меня самое лучше ѣхать по этой спеціально для дачниковъ построенной дорогѣ до самаго ея конца, гдѣ существуетъ очень хорошій отель на самомъ берегу моря San-Stefano-Club. Какой-то оригиналъ передъ своею смертію пожертвовалъ капиталъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы никогда на эти деньги не строить гостинницы; вотъ поэтому распорядители наслѣдствомъ и построили зданіе съ танцовальною залою, съ прекрасными залами для газетъ и журналовъ, съ рестораномъ и нѣсколькими номерами для пріѣзжающихъ, но эти пріѣзжающіе считаются непремѣнно членами клуба, для поступленія въ который однако ничего не вносятъ.

На 7-ой день плаванія, 11-го Сентября въ 10 час. утра, капитанъ сказалъ мнѣ, что въ бинокль видитъ Александрійскій маякъ.

Вода съ утра была уже другого цвѣта. Все время плаванія по Архипелагу и въ Средиземномъ морѣ вода была цвѣта голубаго съ чудными отливами, отливами цвѣта бирюзы, а съ приближеніемъ къ Александріи морская вода сдѣлалась зеленою; на снастяхъ парохода появилась пиголица, вѣроятно отбившаяся отъ берега на какомъ нибудь кораблѣ отошедшемъ изъ Александріи.

Въ этотъ день, равно какъ и наканунѣ, дулъ слабый попутный вѣтеръ, въ каютахъ и на палубѣ было душно. Жара отъ солнца усиливалась жарою отъ паровыхъ котловъ. Когда до входа на рейдъ оставалось всего 4—5 верстъ, насъ встрѣтилъ ботъ съ лоцманомъ. Къ полудню мы вошли на рейдъ, гдѣ было очень мало судовъ; вдали виднѣлся дворецъ хедива, гавани, городскія зданія, пальмы. Нельзя сказать, чтобы тутъ было что нибудь, что̀ восхищало-бы взоръ, возбуждало бы любопытство; одно только безоблачное небо и жгучее солнце подсказывали, что мы въ Африкѣ.

Вскорѣ пріѣхали карантинные чиновники и объявили намъ, что насъ отвезутъ въ карантинъ, временно устроенный въ зданіяхъ бывшихъ казармъ, называемый Lazaret-Gabbari.

Черезъ 2—3 часа къ «Чихачеву» подошелъ небольшой буксирный пароходикъ съ шаландою; на этой шаландѣ, совершенно грязной, была палуба, а на ней поставлены простая скамейка, некрашеная и грязная, и такіе же стулья и табуреты. Мы простились съ капитаномъ и сопровождаемые пароходною прислугою, несшею нашъ багажъ (такъ

какъ никто изъ людей на буксирномъ пароходѣ не могъ приближаться къ намъ и никого изъ нихъ не было на шаландѣ): на насъ очевидно смотрѣли какъ на зачумленныхъ. Пароходикъ потащилъ насъ въ гавань, гдѣ мы вышли на каменный молъ, оцѣпленный рядомъ часовыхъ съ ружьями. По этому молу мы прошли къ поѣзду и размѣстились въ грязныхъ вагонахъ 3-го класса; послѣ разныхъ маневрированій и длиннаго ожиданія на одномъ пунктѣ прохода поѣзда, насъ подвезли къ зданіямъ Lazaret-Gabbari: большіе дворы, по краямъ которыхъ построены каменныя одноэтажныя казармы, раздѣленныя на небольшіе участки по 3—4 комнаты въ каждомъ; при каждомъ участкѣ впереди казармы отдѣльный небольшой дворикъ или садикъ. Эти садики обнесены деревянною рѣшеткою, а съ передней стороны или со стороны двора въ разстояніи отъ рѣшетки около трехъ шаговъ поставлена другая рѣшетка, очевидно для того, чтобы посѣтители не могли имѣть никакого соприкосновенія съ выдерживающими карантинъ: на насъ смотрѣли просто какъ на зачумленныхъ. Пассажировъ 1-го класса (4 мужчины и одна дама) насъ посадили въ одно отдѣленіе; негоціантъ изъ Александріи и какой-то Грекъ взяли одну комнату, въ которую я не хотѣлъ идти, быть третьимъ; мужъ съ женою взяли вторую комнату, а 3-ья назначена быть нашею общею столовою. Вотъ въ эту комнату я и просилъ поставить мнѣ кровать съ ширмою. Впрочемъ въ столовой мы обѣдали только въ день пріѣзда, а въ остальные дни столовою служилъ дворикъ, гдѣ былъ поставленъ длинный общій столъ, который мы передвигали, смотря по солнцу, чтобы всегда оставаться въ тѣни то той, то другой пышной, развѣсистой сикоморы, сортъ дерева, который я видѣлъ тогда впервыя.

Кормили насъ превосходно, помѣщенія наши были по своему устройству и убранству крайне простыя, такъ что въ матеріальномъ отношеніи нельзя было жаловаться; прислуга состояла изъ Суданца Aley и его помощника Египтянина, и была довольно услужлива; но сознаніе, что вы арестованы—было крайне тягостное чувство.

У меня были кое-какія книги съ описаніями Египта, но мнѣ мало приходилось читать, такъ какъ нѣкоторыя я успѣлъ уже прочесть въ теченіи семидневнаго плаванія, а съ другими я хотя и поверхностно познакомился, но рѣшилъ уже ихъ не читать. Разговаривать мнѣ было не съ кѣмъ, и потому самыми пріятными минутами были тѣ часы, когда намъ приносили изъ ресторана нашъ утренній кофе, завтракъ и вечеромъ обѣдъ. Столовое бѣлье и вся посуда, вмѣстѣ съ кушаньями, передавались намъ въ ящикѣ по деревянному жолобу, утвержденному на двухъ рядахъ рѣшетчатаго забора, на переднемъ фасѣ дворика; этотъ ящикъ таскали къ тому или другому концу жолоба помощью веревки.

Мы сѣли въ карантинъ въ 3-мъ часу дня 11 Сентября и должны были быть освобождены въ этотъ-же часъ 14 числа. Съ ранняго утра этого дня всѣ мы начали собираться вылетѣть изъ клѣтки. Прежде всего насъ предупредили приготовить все носильное грязное бѣлье къ дезинфекціи; дѣло это прошло очень скоро, и также весьма скоро мнѣ принесли счетъ de l'Administration Sanitaire—5 піастровъ; затѣмъ изъ ресторана принесли счетъ въ 147 піастровъ, наконецъ Conseil Sanitaire Maritime et Quaranténaire прислалъ счетъ въ 71½ піастровъ; всего я заплатилъ за претерпѣнныя мною бѣдствія 223,5 піастра или на наши деньги 13 рублей. Послѣ завтрака, часовъ около 2-хъ пополудни, пришли къ намъ три чиновника, и одинъ изъ нихъ, довольно еще молодой человѣкъ, не безъ нѣкоторой торжественности произнесъ: «Messieurs, nous vous rendons la liberté!» и намъ роздали наши паспорты. Не чуя подъ собою ногъ, я быстро направился къ воротамъ, гдѣ насъ ожидали извощики: Aley тащилъ мою сумку: это былъ весь мой багажъ. Я сѣлъ въ ближайшій къ воротамъ фаетонъ и сказалъ по-англійски: «Ramley's station». Щегольской фаетонъ, содержимый безукоризненно опрятно, имѣя въ шорахъ пару превосходныхъ коней, покатилъ весьма скоро по наружнымъ аллеямъ Александріи къ вокзалу. На дорогѣ намъ пришлось проѣзжать черезъ ярмарочное мѣсто, густо занятое Арабскими шатрами и массою Арабовъ, двигавшихся во всѣ стороны; ловкій кучеръ чрезвычайно искусно обошелъ всѣ трудности, никого и ничего не задѣлъ и, когда выѣхалъ на свободу, то снова покатилъ сильною и ровною рысью.

Странное дѣло! Гдѣ я ни былъ въ Европѣ, въ Русскихъ городахъ, на Кавказѣ, въ такихъ отдаленныхъ и сравнительно глухихъ мѣстахъ какъ Кутаисъ или Абасъ-Туманъ, и наконецъ вотъ въ Африкѣ, нигдѣ мнѣ не привелось видѣть такихъ ужасныхъ извощиковъ съ покалѣченными лошадьми, грязными, неуклюжими экипажами, и въ одеждахъ съ заплатами, какихъ мы видимъ въ Петербургѣ. Какъ будто это какая-то его привилегія.

Между Александріею и San-Stefano поѣзда ходятъ ежечасно, какъ у насъ лѣтомъ между Петербургомъ и Павловскомъ. Къ 4-мъ часамъ дня я былъ уже въ San-Stefano-Club. Меня встрѣтила молодая и стройная дѣвица, вся черная какъ уголь, съ короткими вьющимися волосами на хорошенькой головкѣ; на изящномъ Французскомъ языкѣ она начала предлагать мнѣ различныя комнаты, я и устроился на правой половинѣ зданія, надъ газетною комнатою. Мое окно смотрѣло на море.

Все зданіе расположено параллельно морскому берегу въ 30—40 саженяхъ отъ моря; между зданіемъ и моремъ—мѣсто для прогулокъ и для оркестра, который играетъ ежедневно, немного утромъ и затѣмъ

весь вечеръ. Купальни для мужчинъ и дамъ устроены на противоположныхъ концахъ берега, принадлежащаго клубу.

Вскорѣ я познакомился съ двумя Русскими: А. Ѳ. Ивановымъ, роднымъ братомъ Константинопольскаго Иванова, и съ Н. А. Преображенскимъ. Первый изъ нихъ занимаетъ почтенное мѣсто нашего консула въ Каирѣ, а послѣдній состоитъ въ числѣ чиновъ нашего посольства въ Константинополѣ и командированъ въ Каиръ на время отсутствія нашего дипломатическаго представителя въ Каирѣ д. с. с. Коэндера, исполнять его обязанности. Оба они проживали въ San-Stefano-Club, укрываясь отъ сильныхъ Каирскихъ жаровъ. Оба прекрасно образованные и воспитанные люди, и я былъ очень доволенъ познакомившись съ ними, равно какъ очень признателенъ А. Ѳ. Иванову за оказанное мнѣ содѣйствіе къ осмотру всего примѣчательнаго въ Каирѣ и въ Верхнемъ Египтѣ.

Жизнь въ San-Stefano-Club начиналась рано, около 9 часовъ. Дамы, дѣвицы и дѣти пріѣзжали изъ окрестныхъ дачъ на осликахъ, сопровождаемыхъ Арабами, и шли въ купальню; многія изъ молодыхъ особъ, по выходѣ изъ купальни, направлялись къ газетной комнатѣ и здѣсь на открытомъ воздухѣ, пользуясь тѣмъ, что жара еще не начиналась, пили свой утренній кофе, просматривали журналы или бесѣдовали съ молодыми джентельменами; но эти утреннія встрѣчи дѣвицъ и молодыхъ людей были непродолжительны, тогда какъ по вечерамъ, во время музыки, образовывались большіе кружки блестящей молодежи, которые засиживались здѣсь до 11 и 12 часовъ ночи; бесѣды велись, конечно, на Французскомъ языкѣ.

Кормили насъ въ клубѣ очень хорошо: въ полдень завтракъ изъ 2—3 блюдъ и фрукты, свѣжіе финики, бананы, а въ 8 часовъ вечера обѣдъ изъ 4—5 блюдъ и фрукты; послѣ завтрака вся публика расходилась по домамъ предаваться кейфу—faire la sieste, раздѣвались до конца и спали или валялись на диванахъ съ книгою или газетою въ рукахъ. Въ Александріи отъ 12 до 3-хъ часовъ дня, на время сіеста, присутственныя мѣста, конторы и магазины закрываются, et tout le monde va faire la sieste.

Кромѣ пріѣхавшихъ на лѣтнее время Европейскихъ семействъ, проживающихъ въ Каирѣ и Александріи, сюда пріѣзжаютъ къ концу лѣта для купаній также достаточныя семейства изъ Италіи и Греціи. Молодые люди, въ большинствѣ были изъ служащихъ въ дипломатическихъ агентствахъ въ Каирѣ отъ разныхъ Европейскихъ государствъ и при консульствахъ въ Александріи.

По временамъ устраивались въ клубѣ балы, для чего имѣется тамъ обширная зала. Разъ или два невдалекѣ отъ клуба были интересныя

скачки на хорошихъ Арабскихъ коняхъ, привлекавшія все лучшее общество, которое только проживало въ окрестностяхъ Ramleh. Независимо отъ сего молодые люди изъ постоянныхъ посѣтителей клуба устраивали передъ самымъ его зданіемъ скачки съ разнаго рода препятствіями.

Проводя цѣлые дни на воздухѣ, на берегу моря, я даже и на ночь оставлялъ свое окно открытымъ; но потомъ мнѣ многіе говорили, что можно простудиться, и потому я началъ закрывать окно на ночь; купался въ морѣ ежедневно и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ благопріятную перемѣну: я началъ легко засыпать, чего со мною давно уже не было. Послѣ Крымской войны, въ особенности послѣ моихъ занятій съ Тотлебеномъ по составленію «Описанія обороны Севастополя» я потерялъ сонъ и въ теченіе многихъ лѣтъ не могъ избавиться отъ безсонницы, хотя и обращался за совѣтами ко многимъ врачамъ и преисправно слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Но тутъ въ Ramleh сонъ пришелъ ко мнѣ самъ собою; я чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Живя на морскомъ берегу, было возможно переносить жару. Выдѣленіе водяныхъ паровъ изъ атмосферы весьма замѣтное; садишься на скамейку—оказывается, что она вся мокрая; ощупываешь свое платье—все покрыто водою; носильное бѣлье, хоть выжимай, но это не испарина тѣла, а вода изъ атмосферы.

Расхаживая по морскому берегу, подлѣ музыки, я замѣчалъ, что съ наступленіемъ темноты по берегу становятся часовые. Не успѣлъ я разспросить кого-нибудь, зачѣмъ это дѣлается, какъ въ одинъ вечеръ слышу подлѣ себя выстрѣлъ, затѣмъ другой, какіе-то люди бѣгутъ къ самому морю; инстинктивно и я было сунулся туда, но тотчасъ одумался и остановился. Разъяснилось потомъ, что выстрѣлы были сдѣланы часовыми пограничной стражи, которые замѣтили приближеніе къ берегу большой лодки контрабандистовъ, пытавшихся привозить въ Египетъ хашишъ съ острововъ Греческаго архипелага.

Наступилъ Октябрь мѣсяцъ, и я рѣшился разстаться съ прелестнымъ Ramleh. 3-го числа отходилъ пароходъ «Цесаревичъ» Русскаго Общества Парох. и Торг. изъ Александріи въ Портъ-Сайдъ, и потому, заплативъ г. Санти, арендатору казино San-Stefano-Club'a за свой номеръ, утренній кофе, завтраки и обѣды съ 14 Сентября по 2 Октября 334 frs. 50 cent., я поѣхалъ утромъ 3-го Октября въ Александрію и тамъ прямо на пароходъ.

Мы снялись около 2-хъ часовъ пополудни 3-го Октября и пошли вдоль берега на Востокъ; вслѣдствіе этой близости къ берегу качка была чувствительная. На пароходѣ я познакомился съ извѣстнымъ нашимъ путешественникомъ по Африкѣ, докторомъ Елисѣевымъ. Онъ везъ свою сестру въ Іерусалимъ и затѣмъ разсчитывалъ предпринять

путешествіе въ глубь Африки; вечеромъ мы разговорились съ нимъ, и онъ поразсказалъ мнѣ много интереснаго объ экспедиціи Ашинова.

Рано утромъ 4 Октября мы подошли къ Портъ-Сайду. Колоссальные пароходы Англійскіе и Французскіе, только что пришедшіе изъ Индіи и Японіи съ массою народа и публики, встрѣтились намъ на рейдѣ; съ борта и всѣхъ люковъ выглядывали лица и бѣлыя и черныя всевозможныхъ національностей, всѣ грязные, какъ бы по недѣлямъ немывшіяся; многіе кричали намъ что-то, но нельзя было разобрать даже и языка, на какомъ обращались они къ намъ.

Портъ-Сайдъ въ настоящее время далеко не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ въ 1859 году, когда первая партія сотрудниковъ Лессепса поселилась на пустынной косѣ, когда деревянные бараки, поставленные на сваяхъ надъ водою, считались уже роскошнымъ помѣщеніемъ, и наконецъ когда прѣсная вода была едва ли не дороже Французскаго вина. Огромныя выемки портовыхъ бассейновъ обратились въ пространную площадь насыпи, назначенную для постройки города, который снабжается водою изъ водопровода, проведеннаго изъ Измаиліи; 5-тиэтажные дома высятся теперь по нѣсколькимъ улицамъ, большія отели манятъ къ себѣ путника, и громадные заводы и механическія мастерскія свидѣтельствуютъ бойкую жизнь Портъ-Сайда. Для образованія у Портъ-Сайда закрытаго рейда выведены два мола, въ разстояніи одинъ отъ другого на 400 метровъ до 10 и 8-ми-метровой глубины воды.

Въ Портъ-Сайдѣ я познакомился съ нашимъ инженеромъ путей сообщенія А. А. Ярковскимъ, который подобно мнѣ жаждалъ имѣть компаньона для путешествія; онъ пріѣхалъ посмотрѣть на Каиръ и его окрестности, но ѣхать далѣе по Нилу не располагалъ.

Мы поспѣшили съ нимъ отправиться на небольшой пароходъ, который поддерживаетъ срочные рейсы между Портъ-Сайдомъ и Измаиліей и скоро долженъ былъ отойти. Плаваніе по Суецкому каналу, кромѣ вида на профиль канала, ничего особо интереснаго не представляетъ; глубина канала 8 метровъ, ширина его на днѣ 22 метра, на поверхности воды 100 метровъ, вся длина канала 162 километра; уклоны откосовъ сдѣланы сообразно съ встрѣченными грунтами, но по большей части какъ 2:1. По западному краю канала мы видѣли совершенно оконченную желѣзную дорогу, открытіе которой и ожидалось на-дняхъ; встрѣтили въ каналѣ 2—3 большихъ корабля, шедшихъ изъ Индіи и Китая; они шли, согласно правиламъ движенія, по каналу, малымъ ходомъ, дабы не производить волненія, которое могло бы вредно дѣйствовать на обдѣлку откосовъ канала. Послѣ пяти часовъ плаванія по каналу мы вошли въ небольшое озеро Тимза и, свернувъ немного вправо, подошли къ пристани Измаиліе; здѣсь мы сѣли на желѣзно-конную доро-

гу и поѣхали къ вокзалу желѣзной дороги, ведущей къ Каиру. До отхода поѣзда оставалось часа два, и потому всѣ путешественники приглашены были зайти въ гостиницу для обѣда, который напомнилъ мнѣ обѣдъ на Принцевыхъ островахъ въ Греческомъ ресторанѣ: зелень, огородныя овощи и фрукты.

Сколько успѣлъ замѣтить изъ вагона желѣзно-конной дороги, Измаиліе состоитъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ обширными садами.

Переѣздъ отъ Измаиліе къ Каиру небольшой, часа 3—4; подъѣзжая къ городу, мы видѣли знаменитыя пирамиды; къ вечеру мы были въ Каирѣ.

Каиръ—это одна изъ прелестныхъ столицъ міра. Здѣсь нѣтъ 10-ти этажныхъ домовъ съ клѣтками для людей, здѣсь есть дома; но больше всего производятъ пріятное впечатлѣніе дома-особняки, расположенные въ саду и устроенные съ террасами и балконами, окруженные самою роскошною тропическою растительностью. Улицы широкія съ широкими тротуарами и обсажены деревьями; каменныхъ мостовъ нѣтъ; улицы, а часто и тротуары шоссированы. Гостиницы въ Каирѣ замѣчательны по своей роскоши и богатому убранству; напримѣръ Hôtel Continental такъ грандіозна, что я не помню, видѣлъ-ли я что нибудь подобное въ Европѣ. По совѣту А. Ѳ. Иванова, я не остановился въ одной изъ этихъ богатыхъ гостиницъ, а направился въ Villa Victoria, Private Hôtel, Ismaileh, Quartre и былъ чрезвычайно доволенъ ею за комфортабельное помѣщеніе, отличный столъ, разнообразный и всегда изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ, а главное за ту уютность, какую я испытывалъ, когда, выйдя изъ своей комнаты прямо въ садъ, я усаживался за круглымъ столомъ утромъ пить свой кофе или въ теченіе дня читать газеты; тамъ я чувствовалъ себя совершенно какъ дома. Хозяева гостиницы, братъ и сестра Rocheman, родомъ Французы, люди благовоспитанные, услужливые и крайне обязательные.

5-го Октября, на другой день пріѣзда въ Каиръ, я съ Ярковскимъ отправились къ «смоковницѣ Богородицы», а оттуда на ферму страусовъ, которою завѣдуетъ старикъ Французъ; послѣ полудня ѣздили осматривать древнюю мечеть Гассана, существующую съ половины XIV столѣтія (громадное зданіе, нынѣ совсѣмъ запущенное) а оттуда въ цитадель, гдѣ осматривали щегольски, съ большимъ вкусомъ, построенную мечеть Мохамеда-Али; видъ съ цитадели на городъ восхитительный.

6-го числа мы поѣхали въ Гизе къ пирамидамъ, запасшись холоднымъ завтракомъ и виномъ съ тѣмъ, чтобы послѣ пирамидъ осмотрѣть заодно находящійся по той же дорогѣ и Булакскій музей.

Съ нами былъ проводникъ, молодой человѣкъ, говорившій по-арабски и знакомый съ этими надоѣдливыми и навязчивыми попрошаями-Арабами. Не успѣли мы выйти изъ экипажа, какъ насъ обступила громадная толпа, и каждый требовалъ вниманія къ его словамъ; говорили и на дурномъ Французскомъ языкѣ и на дурномъ Англійскомъ. Энергичный проводникъ нашъ крикнулъ на нихъ, пригрозилъ палкою, и толпа понемногу стихла. Изъ деревни Гизе пришелъ старшина, и начались правильные переговоры по найму Арабовъ для сопровожденія насъ на пирамиду Хеопса и затѣмъ на осмотръ ея внутри. Для каждаго изъ насъ взяли по три Араба за условленную плату; двое Арабовъ должны были прыгать впередъ и тащить путешественника вверхъ, а третій долженъ подталкивать его снизу. Восхожденіе весьма утомительное, въ особенности въ верхней половинѣ пирамиды. Ярковскій пришелъ на верхъ гораздо раньше меня. Нельзя сказать, чтобы трудъ подъема на пирамиду былъ вознаграждаемъ какимъ либо особеннымъ видомъ съ вершины на окрестности.

Съ нами пошли не только нанятые нами Арабы, но и волонтеры. Приставаніямъ ихъ не было конца: одинъ предлагаетъ вамъ воды, другой лѣзетъ сдѣлать вамъ массажъ ногъ; докучливость ихъ становится просто невыносимою; мы не могли посидѣть спокойно на верхней площадкѣ пирамиды и тѣснимые со всѣхъ сторонъ Арабами рѣшили идти внизъ. Спускъ совершили скоро и безъ особаго утомленія, такъ что рѣшили идти во внутрь пирамиды, но это дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ восхожденіе.

Начало было таково, что мы должны были лечь на землю и ползти подъ низкимъ сводомъ нѣсколько шаговъ, а затѣмъ подниматься по крутымъ каменнымъ плоскостямъ, крайне скользкимъ, такъ какъ эти подъемы отполированы ногами тысячи путешественниковъ, посѣщающихъ ежегодно пирамиды. Внутри ихъ мы видѣли просторные залы, въ которыхъ помѣщались саркофаги съ мумiями фараоновъ, ихъ женъ и дѣтей. Въ настоящее время ни саркофаговъ, ни мумій въ пирамидахъ нѣтъ—они перепесены въ музеи Европы и въ Булакскій музей.

Покончивъ съ осмотромъ пирамидъ, мы отправились къ фотографу, живущему тамъ и предложили ему снять съ насъ фотографію. На ней вышли: я съ Ярковскимъ, нашъ проводникъ и Арабъ; съ праваго краю видны головы нашихъ осликовъ, а на заднемъ планѣ сфинксъ и пирамида Хеопса. Было давно уже за полдень, и мы поспѣшили сѣсть на ословъ и добраться по сыпучимъ пескамъ до нашего экипажа, оставленнаго на шоссе, гдѣ ожидала насъ холодная закуска, бананы и свѣжіе финики, а также столовое вино; мы позавтракали въ экипажѣ, въ

тѣни подъ развѣсистыми сикоморами и поѣхали въ обратный путь къ Булакскому музею. Тамъ мы познакомились съ однимъ изъ помощниковъ директора музея г. де-Моргана, подъ руководствомъ котораго и начали ознакомливаться съ музеемъ. Указанія и поясненія такого авторитетнаго чичероне были для насъ весьма цѣнны.

Устроенный на лѣвомъ берегу Нила по распоряженію хедива Измаила дворецъ Gizeh (мѣстные жители произносятъ—Гизѣ) назначенъ былъ въ 1880 году подъ музей древностей, и Гребо (M. E. Grébaut), въ то время главный директоръ музея и раскопокъ, распорядился перемѣщеніемъ изъ Булака древностей, которыя въ теченіе 30-ти лѣтъ хранились тамъ подъ наблюденіемъ Маріетта (A. Mariette), Масперо (M. G. Maspero) и наконецъ самого Гребо. Тѣснота помѣщеній въ Булакѣ и вновь сдѣланныя комиссіею раскопокъ открытія требовали значительнаго расширенія помѣщеній, Египетское же правительство не соглашалось на огромныя затраты, какія требовались для возведенія спеціальнаго зданія музея на правомъ берегу Нила, т. е. въ Каирѣ, и потому рѣшило отдать подъ музей роскошное жилище Измаила.

Цѣлая плеяда французскихъ ученыхъ работала надъ сформированіемъ интереснѣйшихъ коллекцій, по которымъ есть полная возможность изучать остатки цивилизаціи замѣчательно древней и не имѣющей себѣ соперницы, но два человѣка въ особенности способствовали этому дѣлу: Маріеттъ и Масперо.

Маріеттъ организовалъ всю службу по раскопкѣ Египетскихъ древностей, основалъ музей и учредилъ сохраненіе коллекцій; ему обязана наука за открытіе наиболѣе замѣчательныхъ сооруженій въ долинѣ Нила. Маріетта называютъ создателемъ Египетскихъ древностей.

Масперо придалъ археологіи въ Египтѣ научный методъ, которымъ и руководится она до настоящаго времени; онъ организовалъ административную часть службы, обогатилъ музей открытіемъ царскихъ мумій, а своими учеными трудами познакомилъ ученыхъ всего свѣта съ богатствами, хранившимися въ Булакскихъ галлереяхъ и разбросанными по территоріи Египта.

Незадолго до своей смерти Маріеттъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ подлѣ музея; ему очевидно хотѣлось быть безсмѣннымъ стражемъ этихъ ученыхъ сокровищъ, которымъ онъ посвятилъ всѣ свои силы. Воля покойнаго уважена, и гробница его помѣщена передъ главнымъ фасадомъ дворца Гизѣ, грандіознымъ и простымъ памятникомъ преданности Маріетта любимой наукѣ.

Мечта Маріетта была размѣстить коллекціи въ зданіи монументальномъ, ихъ достойномъ. Онъ оставилъ большую часть открытыхъ

ими монументовъ на мѣстѣ ихъ находки, но размѣры ихъ не позволяли размѣстить ихъ въ слишкомъ тѣсныхъ галлереяхъ Булакскаго музея. Къ несчастію смерть должна была вскорѣ отнять у науки этого неутомимаго трудолюбца, и его мечта не была осуществлена его непосредственнымъ преемникомъ Масперо. Только второму преемнику знаменитаго Маріетта, Гребо удалось размѣстить достойнымъ образомъ коллекціи, добытыя въ теченіе столькихъ лѣтъ. Гребо принимался за этотъ трудъ исподволь, и первые 45 залъ, заключающіе въ себѣ большое число древностей, были открыты для публики въ 1891 году. Болѣзнь и чрезвычайное утомленіе новаго директора пріостановили дальнѣйшій успѣхъ работъ; Гребо передалъ де-Моргану (J. de-Morgan) склады, переполненные древностями и галлереи новаго музея Gizeh еще не оконченными.

Безъ особыхъ, добавочныхъ ассигнованій, въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, молодой, полный силъ и энергіи де-Морганъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію E. Brugsch-bey, Daressy, Bazil, Virey, A. Barsanti, успѣлъ докончить размѣщеніе коллекцій, и въ началѣ осени 1892 года музей имѣлъ 46 новыхъ залъ, готовыхъ къ открытію для публики.

Въ этихъ 91 залѣ заключаются всѣ древности какими владѣетъ Египетъ; эти залы, какъ Египтологическій музей, суть безспорно самыя богатыя и наилучше составленныя изъ всѣхъ, какія только существуютъ на свѣтѣ. Коллекціи изображаютъ фараоническую цивилизацію въ самыхъ мелкихъ деталяхъ и, начиная со статуй и обелисковъ царей древнѣйшей имперіи до послѣднихъ художественныхъ произведеній христіанъ-Коптовъ, повѣствуютъ любознательному посѣтителю о всѣхъ проявленіяхъ художественнаго творчества у древнихъ жителей долины Нила.

Не смотря на многочисленность предметовъ, сосредоточенныхъ въ музеѣ, нельзя думать, чтобы этимъ и ограничилось дѣло по разысканію древностей: каждый годъ, каждый мѣсяцъ музей обогащается новыми экземплярами, и трудно предвидѣть всю потребность въ зданіяхъ для сохраненія Египетскихъ древностей. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что черезъ нѣсколько лѣтъ даже и дворецъ Gizeh окажется слишкомъ тѣснымъ.

Музей Gizeh есть скорѣе спеціально фараоническій; въ немъ хотя и хранятся предметы Греко-римскаго и Коптскаго періодовъ, но лишь съ цѣлію показать, какъ исчезло это искусство, столь обособленное, столь характерно развивавшееся въ долинѣ Нила. Древности Греческія, Римскія и Коптскія нынѣ имѣютъ другой центръ, онѣ должны быть сосредоточены въ спеціальномъ для этихъ эпохъ музеѣ, основанномъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1892 года въ Александріи. Это здѣсь, въ самой столицѣ Египта древнихъ Птоломеевъ, будутъ собраны предметы, относящіеся

къ исторіи страны временъ Грековъ и Римлянъ, и если въ музеѣ Гизѐ и имѣется еще нѣсколько залъ, заключающихъ предметы временъ послѣ Фараоновъ, то единственно для того, чтобы показать постепеную агонію искусства и обычаевъ независимаго Египта.

Классификація предметовъ въ музеѣ Гизѐ составлена въ залахъ нижняго этажа въ хронологическомъ порядкѣ, тогда какъ въ верхнемъ этажѣ должны были придерживаться порядка размѣщенія предметовъ согласно ихъ назначенія. Было чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно, размѣстить въ хронологическомъ порядкѣ всѣ мелкія вещицы, подчасъ не зная въ точности ихъ эпохи, и приходилось также ставить рядомъ предметы несоразмѣрной величины, потому только, что они относились къ одному періоду или принадлежали одному царствованію. Такимъ образомъ музей естественно раздѣленъ на двѣ части: одна заключаетъ всѣ громоздкіе и тяжелые предметы, размѣщенные въ нижнемъ этажѣ, а другая часть, въ которой находятся вещи малыя или легкія, наполняетъ залы верхняго этажа.

Настоящій входъ въ музей не представляетъ главнаго входа во дворецъ Измаила-паши; для музея потребовалось пробить дверь съ правой стороны зданія, и здѣсь построена временная лѣстница. Такимъ образомъ, пройдя обширный вестибюль, попадаютъ въ залы древняго міра.

Тринадцать залъ вмѣщаютъ древности первыхъ династій; здѣсь можно любоваться шедеврами Египетскаго искусства пятидесятаго вѣка до нашей эры; далѣе въ шести залахъ, украшенныхъ статуями и барельефами, представлены средніе вѣка царства.

Предметы древности послѣднихъ династій занимаютъ 17 залъ, пройдя которые мы осматривали затѣмъ послѣдовательно залы Грекоримскіе съ остатками Птоломеевой эпохи и двѣ залы Коптскіе, временъ не задолго до завоеванія Египта мусульманами.

Въ большомъ залѣ нижняго этажа, въ части дворца, называемой гаремомъ—длинный рядъ саркофаговъ всевозможныхъ эпохъ. Эти предметы, какъ крайне тяжелые и громоздкіе, не могли быть распредѣлены по историческимъ заламъ; они составляютъ часть коллекціи предметовъ погребенія, находящейся въ верхнемъ этажѣ.

Болѣе легкіе и мелкіе предметы древности наполняютъ весь второй этажъ. Они расположены по родамъ ихъ назначенія: божества сдѣланныя изъ бронзы, всѣ священныя изображенія и принадлежности обрядовъ богослуженія размѣщены въ большомъ залѣ, имѣющемъ въ планѣ видъ креста и находящемся надъ залами среднихъ вѣковъ Царства.

Рядомъ хранятся въ витринахъ масса мелкихъ вещицъ, но кажется, что болѣе всего жуковъ (scarabée) разныхъ величинъ и сдѣланныхъ изъ различныхъ матеріаловъ: изъ гранита, эмальированной глины,

цвѣтного стекла и проч. Извѣстно, что у Египтянъ жукъ служитъ символомъ превращенія и непрерывнаго возобновленія. По ихъ ученію, воспринятому и Пиѳагоромъ, ничто на свѣтѣ не уничтожается; все что умираетъ, должно снова возродиться; душа человѣка по разрушеніи одного тѣла должна перейти въ другое; но частицы этого стараго тѣла, по освобожденіи ихъ, вступаютъ въ созидательное движеніе природы, гдѣ Провидѣніе располагаетъ ими для образованія новыхъ существованій. Жукъ, символъ этихъ измѣненій, которыя поддерживаютъ жизнь творенія, есть въ тоже время символъ безсмертія. Вотъ почему древніе клали скарабею на мѣсто сердца умершаго царя, разсматривая послѣднее какъ зерно, разложеніе котораго должно породить новую жизнь. На этихъ скарабеяхъ, историческихъ, имѣются всегда царскія картуши, начиная съ IV династіи. Надо здѣсь добавить, что имена царей писались особенно: каждый слогъ имени ставился не рядомъ съ предъидущимъ, а ниже его, и всѣ они обводились чертой. Такое обозначеніе именъ царей ученые и обозначаютъ словомъ картушъ.

Кромѣ скарабей въ витринахъ находится много ювелирныхъ вещей, и всѣ предметы одѣянія, матеріи, гончарныя издѣлія, вазы металлическія, каменныя и деревянныя, оружіе и всевозможные царскіе и погребальные предметы, папирусы, раковины, модели скульпторовъ, эскизы живописцевъ, мебель, образцы промышленности, проекты архитекторовъ. Въ шкафахъ висятъ большіе куски тканей, въ которыя заворачивали усопшихъ царей. Нашъ любезный проводникъ и руководитель по музею (очень сожалѣю, что не знаю его фамиліи), вынимая и показывая намъ нѣкоторые изъ этихъ кусковъ, воскликнулъ: «Что дали бы наши дамы, чтобы имѣть теперь подобныя матеріи!»

Тутъ кончается рядъ фараоническихъ древностей; за нимъ слѣдуютъ залы Греко-римскія и Коптскія; послѣдняя заключаетъ въ себѣ всѣ предметы чуждые искусству Египта, но которые однако найдены были на его территоріи. Къ этимъ галлереямъ слѣдуетъ прибавить тѣ, которыя были исключительно предоставлены знаменитой находкѣ царскихъ мумій и залы священнослужителей Аммона.

Таковъ въ короткихъ словахъ музей Гизѣ и таковы коллекціи, заключающіяся въ обширномъ дворцѣ. Обзоръ столь значительнаго числа залъ очень утомителенъ; мы съ А. А. Ярковскимъ ходили до послѣднихъ силъ: такъ интересно и увлекательно было хотя бѣгло взглянуть на эти сокровища.

Для облеченія осмотра въ каждомъ залѣ помѣщены на стѣнахъ необходимыя указанія, дабы посѣтитель не терялъ намѣченнаго пути и легко могъ бы отыскать галлереи, которыя его интересуютъ; съ тою же цѣлію открыты ходы, облегчающіе внутреннее сообщеніе.

Наконецъ часъ закрытія музея наступилъ и мы должны были его покинуть; поблагодаривъ самымъ искреннимъ образомъ помощника главнаго директора, мы простились съ нимъ и зашли тутъ же въ магазинъ, въ которомъ отъ того же правленія музеемъ и раскопками продаются по утвержденной цѣнѣ различныя древнія вещи, найденныя при раскопкахъ и около мумій, которыя встрѣчаются во многихъ тождественныхъ экземплярахъ и во всѣхъ большихъ музеяхъ уже имѣются. На память я купилъ глиняную кружку, вполнѣ хорошо сохранившуюся, бывшую при муміи и древность которой опредѣлена археологами, какъ значится въ описи, около пяти тысячъ лѣтъ.

7, 8 и 9-го Октября мы осматривали гробницы калифовъ, Арабскій музей, церковь Коптовъ, библіотеку и окаменѣлый лѣсъ, а также успѣли быть и на службѣ дервишей-ревуновъ.

При обходѣ гробницъ калифовъ я замѣтилъ, что въ боковой бѣлой мраморной доскѣ одной изъ гробницъ пробита сквозная дыра; сквозь эту дыру просунулась маленькая ручка ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ слышны были плачевнымъ тономъ произносимые возгласы: «сисъ, сисъ!....» Попрошайничество у Арабовъ такъ развито, что вотъ это былъ, какъ оказалось, не болѣе какъ 3-хъ лѣтній ребенокъ, пролѣзшій сквозь дыру въ гробницу, чтобы укрыться отъ солнечнаго жара, а когда онъ услыхалъ говоръ иностранцевъ, онъ тоже счелъ своею обязанностью протянуть ручонку и просить бакшишъ (baksis). Православная церковь Коптовъ находится въ самомъ бѣдномъ кварталѣ Каира, очень и очень просто убранная, въ совершенно нищенскомъ положеніи; между тѣмъ по преданію, Богородица, укрывая здѣсь своего Божественнаго Младенца отъ преслѣдователей, пряталась въ пещерѣ, на мѣстѣ которой приходится алтарь храма и пребывала тутъ со Св. Іосифомъ около пяти дней.

9-го числа мы совершили большую прогулку на осликахъ къ мѣсту окаменѣлаго лѣса; прогулка эта была не изъ очень пріятныхъ, потому что пришлось ѣхать довольно далеко и по мѣстности каменистой, совершенно обнаженной; впрочемъ взглянуть на небольшіе остатки окаменѣлаго лѣса было очень интересно. Вся площадь покрыта мелкими кучками и каждая изъ нихъ по своему строенію есть непремѣнно частица ствола дерева, между тѣмъ, если ударить такой кусочекъ другимъ, то звукъ получается металлическій; ботаники легко различаютъ по этимъ кусочкамъ къ какому сорту дерева они принадлежали. Я взялъ на память нѣсколько кусковъ.

Обводненіе долины Нила не могло не интересовать меня въ высокой степени, и потому я былъ очень радъ познакомиться съ Французскимъ инженеромъ путей сообщенія m-r Roux, который про-

живалъ одновременно со мною въ Victoria-Hôtel и вставалъ, а слѣдовательно и пилъ свой кофе такъ же рано, какъ я. (Вотъ за этимъ то кофеемъ мы и бесѣдовали, ибо остальную часть дня m-r Roux въ отелѣ не было). Онъ говорилъ мнѣ, что изъ Французовъ онъ остался только одинъ, всѣ мѣста инженеровъ путей сообщенія заняты теперь въ Египтѣ Англичанами. Объяснивъ общій планъ орошенія Нильской долины, m-r Roux совѣтовалъ мнѣ отправиться по желѣзной дорогѣ на станцію «Barrages» и снабдилъ меня рекомендательною карточкою къ инженеру-Американцу, который распоряжается на этомъ пунктѣ всѣми наводненіями долины.

Весь день 10-го Октября мы употребили съ г. Ярковскимъ на поѣздку въ «Barrages», на осмотръ тамъ грандіознѣйшихъ шлюзныхъ прегражденій Нила и бесѣду съ инженеромъ-Американцемъ. Изъ его словъ видно, что въ Египтѣ есть инспекторъ земледѣлія, у котораго сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о времени посѣвовъ и о времени сбора произведеній земли—хлопка, сахарнаго тростника и маиса. Инспекторъ этотъ сообщаетъ инженеру въ «Barrages», что съ полей такой-то провинціи уборка окончена и мѣстность эта можетъ быть наводнена; инженеръ тотчасъ же распоряжается для производства этого наводненія и для сего по телеграфу отдаетъ приказанія закрыть такіе-то и такіе шлюзы, а открыть вотъ такіе-то на каналахъ, которыми изрѣзана вся долина Нила. Глубина наводненія довольно значительная, такъ что для сообщеній между поселками или городами построены высокія плотины, прерываемыя отъ мѣста до мѣста сквозными отверстіями, надъ которыми устроены деревянные мосты. Залитая такимъ образомъ вся провинція или ея часть остается подъ водою 3, 4 и 5 недѣль, послѣ чего вода по распоряженію того же инженера-Американца спускается также по соотвѣтствующимъ каналамъ. Но горячее солнце Египта скоро высушиваетъ верхній слой земли, образующій собою тогда твердую кору, чрезъ которую не могутъ пробиться и должнымъ образомъ развиваться колосья и стебли, и потому вдоль береговъ Нила молодые Арабы постоянно работаютъ, поднимая на коромыслахъ бадьи и выливая воду на берегъ, гдѣ она и направляется небольшими канавками по различнымъ частямъ поля.

11-го Октября положено было отправиться въ Мемфисъ довольно большимъ обществомъ. Кромѣ Ярковскаго и меня, пожелали ѣхать Французскій консулъ изъ Адена, Gaston Lemay съ женою, Н. А. Преображенскій, одна хорошенькая барышня изъ Аѳинъ съ братомъ и еще два-три господина. Мы выѣхали утромъ по желѣзной дорогѣ, со станціи на правомъ берегу Нила, проѣхали великолѣпный желѣзный мостъ черезъ Нилъ и направились вверхъ по рѣкѣ, при чемъ проѣзжали

лѣсомъ пальмъ. На желѣзнодорожной станціи «Bedrachin» мы покинули желѣзную дорогу и дальше поѣхали на осликахъ, ранѣе заготовленныхъ. Gaston Lemay оказался веселымъ малымъ, и своими шутками онъ настроилъ все общество на веселый тонъ. Мы осматривали колоссальную статую Рамзеса Великаго, большую Саккарскую пирамиду и послѣ того зашли въ домъ гдѣ жилъ (всего двѣ комнаты) Марріетъ.

Здѣсь мы развернули привезенныя съ собою закуски и подкрѣпились, а затѣмъ поѣхали осматривать Серапеумъ, гробницу Ти и вновь открытую, замѣчательную по своей величинѣ и богатству отдѣлки, гробницу Мера; этимъ и закончили свою экскурсію и направились на осликахъ къ той же станціи желѣзной дороги «Bedrachin», гдѣ были и утромъ. По прибытіи на станцію мы узнали ко всеобщему огорченію, что поѣзда, идущаго въ Каиръ, надо ожидать около двухъ часовъ; между тѣмъ солнце уже садилось. Въ обществѣ образовался расколъ: утомленные длиннымъ днемъ подъ жгучимъ солнцемъ и ѣздою на осликахъ предпочли скучать два часа на бѣдной по своей обстановкѣ станціи въ ожиданіи поѣзда, а большая часть общества, въ томъ числѣ и дамы, рѣшили ѣхать снова на осликахъ къ берегу Нила, отыскать тамъ баржу и переправиться на правый берегъ съ тѣмъ, чтобы поѣхать искать обѣда въ Helouan и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Каиръ.

Доѣхать до берега было дѣло нѣсколькихъ минутъ, но мы долго провозились въ ожиданіи свободной баржи, да къ тому же и ослики наши заставили потерять нѣсколько времени: баржа была безъ палубы, и ослики заупрямились прыгать въ баржу на ея днище; наконецъ все было улажено: вся публика, ослики и проводники-Арабы кое-какъ размѣстились, и мы отчалили. На Нилѣ мы почувствовали сильный вѣтеръ противъ теченія и на рѣкѣ была порядочная зыбь, а борты баржи были низкіе, превышая уровень воды всего на 3—4 вершка; поставили парусъ. Въ этомъ мѣстѣ Нилъ показался мнѣ шире Невы по крайней мѣрѣ въ 1½ раза. Доплыли до праваго берега благополучно, выгрузились безъ промедленія и пустились снова въ путь.

Еще было свѣтло, и Helouan виднѣлся отъ насъ немного влѣво, казалось верстахъ всего 5—7-ми; мы ѣхали хорошею рысью и казалось, что вотъ скоро и городокъ, между тѣмъ солнце давно уже сѣло, наступила ночь, затѣмъ появилась луна, а Helouan'а нѣтъ какъ нѣтъ. Тихая лунная ночь, очень порядочные ослики, которые идутъ хорошею ровною рысью, и всѣ мы послѣ жаркаго дня наслаждаемся настоящею прогулкою въ теплую ночь. Понемногу послышался сзади шумъ отъ топота лошадей, оглянулись и увидѣли догнавшихъ насъ двухъ саисовъ съ длинными бамбуковыми шестами въ рукахъ, которые вполголоса просили посторониться и дать мѣсто двумъ откры-

тымъ экипажамъ, въ которыхъ ѣхали мать хедива и его сестры-дѣвицы, возвращавшіяся въ Heloaun вѣроятно съ прогулки.

Какъ ни прелестна была наша ночная прогулка, но мы съ удовольствіемъ увидѣли, что подъѣзжаемъ къ этому городку, еще недавно возродившемуся, благодаря Тефикъ-пашѣ, отцу нынѣшняго хедива. Онъ построилъ здѣсь небольшой дворецъ и проживалъ въ немъ большую часть зимняго сезона, пользуясь здѣсь здоровымъ воздухомъ, сѣрнистыми ваннами и проч. Многіе изъ богатыхъ людей Каира послѣдовали примѣру покойнаго хедива и построили для своихъ семействъ богатыя виллы и дома, такъ что теперь въ Heloaun'ѣ найдется много прекрасныхъ Европейскихъ зданій и небольшихъ дворцовъ.

Сѣрнистыя ванны въ Heloaun'ѣ рекомендуются для ревматиковъ и противъ накожныхъ болѣзней.

Главною заботою нашею было поискать отеля, гдѣ можно было бы пообѣдать; но всѣ лучшіе отели заперты, такъ какъ сезонъ еще не наступилъ. Пришлось довольствоваться какимъ-то скромнымъ Греческимъ рестораномъ, гдѣ обѣщали намъ черезъ часъ приготовить обѣдъ. Въ ожиданіи такого блага мы расчитались съ Арабами за осликовъ и сходили на станцію желѣзной дороги справиться на счетъ времени отхода поѣзда въ Каиръ; оказалось, что времени у насъ довольно и что къ полуночи мы попадемъ домой. Импровизированный обѣдъ прошелъ весело и очень довольные прогулкою и порядочно уставшіе мы были наконецъ въ городѣ.

Это былъ единственный день, когда мои экскурсіи я совершалъ въ обществѣ, а на другой день я долженъ былъ пуститься опять одинъ вверхъ по Нилу въ Верхній Египетъ. Спутникъ мой по Каиру А. А. Ярковскій долженъ былъ подумать уже о возвращеніи въ Россію.

12-го Октября, въ день выѣзда въ Верхній Египетъ, я пошелъ еще разъ полюбоваться на общественный садъ въ Каирѣ—Эзбекіэ. Подобнаго сада нѣтъ конечно ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ; вкусъ и искусство Европейца и благодатное небо Африки при богатой почвѣ и обильномъ орошеніи—такія условія, которыя нигдѣ болѣе не встрѣчаются; садъ столь замѣчательный, что заслуживаетъ подробнаго описанія ученаго натуралиста, но не поддается описанію Европейца-туриста, для котораго что ни дерево, какъ сикомора или баобабъ, то новость ему невѣдомая. Въ этомъ саду находится превосходный ресторанъ, содержимый г. Санти, роднымъ братомъ того, который содержитъ ресторанъ въ San-Stefano-Club, оба люди энергичные и добросовѣстные.

Для поѣздки въ Верхній Египетъ я зашелъ утромъ въ контору Кука и взялъ билетъ для проѣзда до Ассуана, сначала по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ на пароходѣ въ 1-мъ классѣ со столомъ, за что и за-

платилъ 23 фунта стерлинговъ или 207 рублей за 14 дней; цѣна по моему мнѣнію преувеличенная, и заплатилъ бы я менѣе, расплачиваясь на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ и съ рестораторами на мѣстѣ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Во Вторникъ, 12 Октября въ 9 ч. 30 м. вечера, я выѣхалъ изъ Каира по желѣзной дорогѣ въ Guirgeh, куда и пріѣхалъ на другой день въ 11¼ час. утра и тотчасъ же перебрался на пароходъ «Ambicole», маленькій съ однимъ колесомъ позади, и потому во время хода, пароходъ такъ трясетъ, что писать можно лишь съ большимъ трудомъ. Пароходъ этотъ шелъ по Нилу въ послѣдній разъ съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи въ Каиръ, войти въ гавань для капитальныхъ починокъ. Капитанъ парохода—Англичанинъ, молодой человѣкъ, сухощавый, высокаго роста, очень любезный и обязательный человѣкъ; кормленіе на пароходѣ очень удовлетворительное. Въ 1 часъ дня пароходъ тронулся и останавливался на промежуточныхъ пристаняхъ: Baliana, Abou-Chou-cha и Homran; къ 8 ч. 40 мин. пароходъ подошелъ къ пристани города Harchout, выпустилъ пары и ошвартовался на ночь. Замѣчательно, съ какою пунктуальностью пароходы подходятъ къ каждому пункту и отходятъ согласно росписанія, минута въ минуту. Капитанъ мнѣ разсказывалъ, что такая точность въ движеніи пароходовъ достигнута настойчивостію правленія, которое въ прежнее время преслѣдовало капитановъ за малѣйшее нарушеніе расписанія и надоѣдало имъ, постоянно запрашивая ихъ о причинахъ запозданія въ прибытіи къ той или другой пристани.

На другой день, 14 Октября, мы отошли отъ Фаршута въ 4 часа утра и въ теченіи дня подходили къ 9-ти пристанямъ. На каждой изъ нихъ—тьма народа, все продавцы разныхъ съѣстныхъ припасовъ и фруктовъ; всѣ кричатъ, всѣ протягиваютъ руки свои съ товаромъ къ пассажирамъ 3-го класса, размѣщеннымъ внизу на палубѣ; многіе садятся на корточки на самомъ краю пристани, вотъ такъ и кажется, что въ такой толкотнѣ не тотъ, такъ другой упадетъ въ воду, въ пылу горячаго торга; но проходитъ минутъ пять такого шумнаго базара, пароходъ начинаетъ отходить, и всѣ смолкаютъ, все успокаивается.

Въ этотъ день мы должны были подойти вечеромъ къ Люксору (древнія Ѳивы) на ночлегъ. Вечеръ при лунномъ освѣщеніи былъ великолѣпный; я сидѣлъ на верхнемъ мостикѣ и любовался окружающею картиною: широкая рѣка, раза въ 1½ больше Невы, справа Ливійскія горы, а слѣва высокій маисъ и масса пальмъ составляли чудный пейзажъ. Мое желаніе было воспользоваться луннымъ вечеромъ и осмотрѣть въ Ѳивахъ замѣчательный храмъ Карнакъ. Мнѣ говорили, что при лунномъ освѣщеніи видъ этого храма особенно величественъ и

производитъ на зрителя особенное впечатлѣніе; на обратномъ же пути, когда я предполагалъ провести въ Люксорѣ нѣсколько дней, по моему разсчету лунныхъ ночей больше не должно было быть. Я сообщилъ о своемъ намѣреніи осмотрѣть Карнакъ въ этотъ вечеръ капитану, и по его соображенію моя поѣздка была вполнѣ осуществима. Капитанъ обѣщалъ мнѣ найти опытнаго проводника и нанять осликовъ.

Отъ пристани до ближайшихъ построекъ храма ѣзды хорошею рысью минутъ 20. Я былъ пораженъ величественною картиною Карнакскаго храма; переѣзжаю съ мѣста на мѣсто—все новые виды, все мрачно и грандіозно. Постройки храма раскинуты на значительномъ пространствѣ; колонны перекрыты не сводами или арками, которыхъ тогда не знали, а большими цѣльными массивами; нѣкоторыя изъ нихъ сошли съ мѣста и однимъ концомъ висятъ на воздухѣ; вотъ такъ и кажется, что эта громада сейчасъ рухнетъ. Тоже самое видно-и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пилоновъ, цѣлая часть зданія сильно наклонилась удивляешься отчего она не падаетъ, а между тѣмъ мой главный проводникъ, арабъ Мустафа Сезаи поясняетъ, что онъ лѣтъ уже 20 показываетъ путешественникамъ Карнакскій храмъ и что здѣсь за это время не упалъ ни одинъ камень. Мы говорили съ нимъ по-англійски.

Вся внутренность храма завалена большими массивами; во многихъ мѣстахъ приходится крутиться, чтобы объѣхать глыбы, а въ другихъ мѣстахъ и совсѣмъ невозможно пробраться, такъ что приходится ограничиться осмотромъ въ этомъ мѣстѣ храма только снаружи.

Трудно было разстаться съ Карнакомъ: все хотѣлось еще посмотрѣть что нибудь, но наконецъ пришлось отправиться въ обратный путь. Ахъ, какъ хороши лунныя ночи въ Египтѣ! Тепло и не шелохнетъ въ воздухѣ, ни шума, ни звука!

15-го Октября въ 11¼ ч. утра мы подошли къ городу Esna, довольно большой городъ; я съ капитаномъ отправились пѣшкомъ осматривать древній храмъ незначительныхъ размѣровъ, хорошо сохранившійся; онъ весь находится въ землѣ, и только верхій карнизъ храма и капители его толстыхъ колоннъ находятся выше уровня земли. Каменныя стѣны покрыты скульптурною работою и іероглифами.

Послѣ Esna подходили къ двумъ промежуточнымъ пристанямъ: Bassalié и Edfou. День былъ жаркій; it's rather too hot to day, говоритъ мнѣ капитанъ за обѣдомъ, хотя ему не привыкать стать къ жарамъ: онъ передъ тѣмъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи. На ночлегъ остановились мы въ 9½ часовъ вечера въ El-Ramodi; это не городъ, а просто пристань для остановки парохода на ночь.

16 Октября. Идемъ въ Assouan, конечный пунктъ моего путешествія, почти на границѣ 24° сѣверной широты, на границѣ Нубіи, оби-

татели которой черные, съ лоснящеюся кожею и съ вьющимися короткими волосами; ихъ здѣсь называютъ Барбарійцами.

Невдалекѣ отъ Assouan'а первые пороги Нила и островъ Филе.

На этомъ маленькомъ пароходѣ «Ambicole» есть также ванна, не совсѣмъ-то важно обставленная, но при нуждѣ все-таки ею можно пользоваться; я купался въ этотъ день, но послѣ постели вода показалась мнѣ непріятно свѣжею; думаю, что ея температура была не болѣе +18° R., а между тѣмъ въ рѣкѣ все населеніе купается совершенно свободно. Днемъ жара на воздухѣ невыносимая, въ особенности отъ 10 час. утра и до 5 ч. вечера; утро и вечеръ прекрасны, въ особенности вечеръ при лунномъ освѣщеніи.

Въ Assouan мы прибыли въ 3 часа 20 мин. пополудни; но было такъ жарко, что нельзя было и подумать высунуть носъ наружу. Въ 5-мъ часу я нанялъ лодку и гида и отправился осматривать Египетскія древности на островъ Elephantine, но кромѣ большой статуи изъ гранита и нѣсколькихъ bas-reliefs ничего не нашелъ; на этомъ же островѣ существуетъ военный госпиталь барачной системы.

17-го Октября. Въ 7¼ час. утра я отправился съ гидомъ на осликахъ по правому берегу Нила къ Югу отъ города, мѣстность холмистая и лишенная растительности, повсюду камень и часто попадается гранитъ; въ одномъ мѣстѣ осматривалъ лежащій въ землѣ обелискъ, очень тщательной работы; послѣ часовой ѣзды подъѣхалъ къ берегу Нила и на большой лодкѣ (фелука) переправился на островъ Philé, гдѣ находятся остатки храма, замѣчательнаго по громаднымъ размѣрамъ и по изяществу отдѣлки.

Здѣсь я позавтракалъ, пользуясь взятою мною провизіею, и походилъ еще немного, чтобы убѣдиться, не пропустилъ ли чего нибудь, а затѣмъ на той же лодкѣ началъ спускаться по Нилу къ его порогамъ. Все шло благополучно, мы во время остановились и вышли на берегъ, чтобы пройти еще саженъ 200; но жадные къ бакшишу Арабы и здѣсь испортили мою прогулку: одинъ за другимъ раздѣлись и бросились въ воду и послѣ начали приставать ко мнѣ дать имъ бакшишъ; я разсердился не на шутку и принялся кричать на нихъ и грозить имъ палкою; на силу успѣлъ сдержать ихъ нахальство.

Что касается до самаго вида водопада на порогахъ, то надо сказать, что я видѣлъ и Рейнскій водопадъ въ Шафгаузенѣ, и Иматру въ Финляндіи, которые куда эффектнѣе нижняго порога Нила. Извѣстное ощущеніе и силу теченія воды я ощутилъ, когда переправлялся съ лѣваго берега на правый, чтобы возвращаться въ Assouan; моя фелука попала въ верхнюю часть водоворота подъ правымъ берегомъ Нила, и гребцы съ трудомъ справлялись, чтобы выйти изъ этой струи; вода, не-

сущаяся сверху и попадая подъ плоское дно феллуки съ правой ея стороны, стремилась опрокинуть лодку черезъ лѣвый бортъ и быстро сносила впизъ; были скверныя мгновенія, когда казалось, что всѣ наши усилія не могутъ одолѣть силы теченія, и вотъ-вотъ понесетъ насъ колотить по камнямъ, но мы кое-какъ успѣли выбраться изъ бѣды. На правомъ берегу Нила насъ ожидали наши ослики, и мы поѣхали искать крокодиловъ, которые въ эту пору дня нерѣдко показываются у подножія скалъ выступающихъ со дна Нила.

Но крокодиловъ не было, и сначала мы продолжали ѣхать по тропинкѣ, пробитой у обрыва высокаго берега (мѣстность была живописная) а послѣ мы повернули вправо и попали въ селеніе. Въ селѣ, черезъ которое мы проѣзжали, въ одномъ домѣ былъ покойникъ, а кругомъ этого дома стояла толпа женщинъ, которыя голосили на всевозможные лады; когда же мы миновали село и въѣхали въ лѣсъ, то наткнулись на 12—15 мужчинъ шедшихъ по тому же направленію, какъ мы ѣхали. Всѣ рослые и статные, они несли на плечахъ носилки къ кладбищу, чтобы завтра положить на нихъ покойника; всѣ Арабы шли ровнымъ шагомъ и какъ-бы въ ногу и отъ времени до времени пѣли тихимъ голосомъ, вѣроятно, псалмы Корана; напѣвъ торжественный съ примѣсью грусти; тропинка, по которой шла эта процессія, была узкая, и я поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за нею. Пѣніе Арабовъ мнѣ очень понравилось, оно было какъ бы въ тактъ ихъ шага.

Поѣздка моя въ этотъ день была продолжительная, я чувствовалъ сильную жажду и потому, въѣхавъ въ Assouan, я остановился у лучшаго ресторана, чтобы отдохнуть и утолить жажду; расплатился съ Арабами и взойдя въ ресторанъ, спросилъ питья и газету. Оказалось 3—4 газеты Арабскихъ, 2—3 Итальянскихъ и ни одной Англійской или Французской, хотя наканунѣ я былъ въ этомъ ресторанѣ съ своимъ капитаномъ, и мы видѣли тамъ многихъ Англичанъ. За неимѣніемъ газеты, я обратился къ картинамъ, развѣшаннымъ на стѣнахъ; всѣ довольно аляповатой работы—портреты Греческаго короля и королевы (рестораторъ, очевидно, Грекъ), затѣмъ идутъ произведенія Россійскія: «Молитва Пожарскаго подъ Москвою», «Сдача крѣпости Рущукъ 20 Февраля 1878 г.,» генералъ-адъютантъ Гурко и послѣдняя—генералы Гурко и Скобелевъ. Странно было видѣть все это въ Ассуанѣ, въ Верхнемъ Египтѣ!

18 Октября. Въ 8 час. утра отправился въ лодкѣ на лѣвый берегъ Нила, гдѣ въ горѣ выдѣланы обширныя пещеры, украшенныя хорошо сохранившимися скульптурными работами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны и краски. Въ этихъ пещерахъ устанавливались каменныя и изъ мрамора саркофаги, въ которыхъ сохранялись тысячелѣтія

муміи древнихъ царей. Въ одной просторной пещерѣ находятся ниши, въ которыхъ стоймя помѣщены каменныя муміи, а въ другой находится масса череповъ и часть костей, а также много кувшиновъ, которые по обыкновенію древнихъ ставились около покойниковъ. Всѣ замѣчательные мраморные саркофаги, всѣ сохранившіяся муміи и ихъ одежды, масса тончайшихъ тканей, въ которыя обертывали покойниковъ, все это повыбрано теперь изъ пещеръ и развезено по различнымъ музеямъ, въ особенности Англійскимъ. При этомъ расхватѣ и набросано много череповъ, костей и кувшиновъ.

Послѣ осмотра мѣстъ успокоенія древнихъ царей поднялся на вершину горы, откуда открывается большая панорама: городъ Assouan и островъ Elephantine какъ на ладони; южнѣе Assouan'а Нилъ имѣетъ много острововъ покрытыхъ растительностью и зеленью и островковъ или каменныхъ скалъ, а еще южнѣе ихъ, видны первые его пороги.

Въ 1 часъ дня пароходикъ «Ambicole» отдалъ швартовы, и мы пустились въ обратный путь, вдоль по теченію; ночевали въ Edfou.

Рано утромъ 19 Октября, въ 5½ часовъ, я сѣлъ на ослика и отправился осматривать храмъ въ Edfou. Строеніе громадное, подобное храму въ Филе, но лучше сохранилось. Всматриваясь въ симметричное расположеніе храма въ Филе, я не могъ объяснить нарушеніе этой симметричности въ размѣщеніи колоннадъ ничѣмъ инымъ, какъ допустивъ предположеніе, что нѣсколько вѣковъ тому назадъ островъ Филе подвергся землетрясенію, при чемъ одна половина боковыхъ сооруженій сдвинута была къ серединѣ дворовъ.

Въ 2 часа пополудни пароходъ подошелъ къ Люксору. Какая разница въ скорости хода противъ теченія и по теченію! Отъ Люксора до Ассуана мы шли, идя вверхъ по рѣкѣ, 28 час. 45 мин., а это же разстояніе, идя внизъ, прошли въ 14 час. 25 мин.

Гостиница въ Люксорѣ вполнѣ благоустроенная, имѣетъ 140 номеровъ и съ отличнымъ садомъ, но ко дню моего пріѣзда она только готовилась къ пріему путешественниковъ: вездѣ шла дѣятельная чистка, разстилали ковры, поправляли билліарды, что-то доканчивали въ обширномъ заведеніи прачешной.

Говорятъ, что сезонъ начинается съ 1-го Ноября новаго стиля; но главная часть сезона, въ дѣйствительности, начинается послѣ праздниковъ Рождества Христова. Тогда одинъ за другимъ пароходы, комфортабельно устроенные, несутъ на себѣ многочисленные группы Англичанъ и Американцевъ, ѣдущихъ съ своими семействами и тратящихъ здѣсь большія деньги. Прогулки по Нилу и пребываніе по нѣскольку

недѣль въ Люксорѣ составляютъ для многихъ джентльменовъ и хорошенькихъ миссъ и миссисъ истинный праздникъ.

Всѣ надписи въ Люксорскомъ отелѣ на Англійскомъ языкѣ: Dining room, smoking room, reading and writing rooms, barber's salon, change of money и т. д.; въ саду есть также и Англиканская церковь. Прислуга въ отелѣ—молодые Арабы въ своихъ костюмахъ, всѣ преисправно говорятъ по-англійски. Все это показываетъ, къ какой національности принадлежитъ большинство туристовъ по Нилу; случаются путешественники изъ Франціи или Германіи, но никогда нѣтъ Русскихъ.

Въ Люксорѣ я пробылъ 5 дней и осмотрѣлъ подробно на обоихъ берегахъ Нила все, что̀ есть интереснаго. Проѣзжалъ по разнымъ городкамъ и селеніямъ. Постройки ихъ замѣчательны тѣмъ, что всѣ изъ земляного кирпича, бураго цвѣта: это илъ, наносимый теченіемъ Нила съ добавленіемъ черной земли мѣстной почвы; на домахъ нѣтъ ни крышъ, ни потолковъ, въ стѣнахъ нѣтъ оконъ. Для Арабовъ назначеніе стѣнъ очевидно ограничивается цѣлію прикрыть отъ взоровъ постороннихъ внутреннюю жизнь семейства.

Дожди въ верхнемъ Египтѣ составляютъ большую рѣдкость и очень непродолжительны; въ Англійскихъ путеводителяхъ по Нилу сказано, что въ теченіе сезона (отъ начала Ноября до конца Марта) дождь въ Люксорѣ бываетъ 2 раза, одинъ разъ въ теченіе 5 минутъ, а другой идетъ только нѣсколько секундъ.

Въ отелѣ Люксора сдѣланы были наблюденія надъ температурою какъ внѣшняго, такъ и комнатнаго воздухѣ въ теченіи 13 недѣль сезона, причемъ для измѣренія температуры наружнаго воздуха термометръ помѣщенъ былъ на фасадной стѣнѣ отеля, обращенной къ Сѣверо-западу, подъ каменною сводчатою галлерезю, гдѣ термометръ постоянно находится въ тѣни. Комнатная же температура измѣрялась ночью въ комнатѣ, обращенной къ Юго-востоку, которая днемъ вентилировалась, окно запиралось на ночь въ теченіе первыхъ девяти недѣль и держалось открытымъ послѣднія четыре недѣли. Вотъ результаты этихъ наблюденій, записанныя въ среднихъ числахъ за цѣлыя недѣли. (Наблюденія производились термометрами Фаренгейта, мало у насъ знакомыми и потому я перевелъ цифры на термометръ Реомюра).

Температура:

		Наружная.			Комнатная.	
		9 ч. у.	2 ч. пд.	6 ч. пд.	Max.	Min.
Янв.	1	13	17	16		
„	8	12	15½	14¾		
„	15	11½	15½	14¾	15½	13¾
„	22	13¼	16¾	15½	16¼	15
„	29	12½	16	15	15¾	14¼

Февр.	5	11	15	14	15	13
»	12	13½	18¼	17¼	17½	15¼
»	19	13	17¼	15½	16½	14½
»	26	13¾	18¼	17	16½	14½
Мартъ	5	17¾	23	21¼	20½	18¼
»	12	16½	20	18¾	19¾	18¼
»	19	18	22¼	21¼	21	18¾
»	26	17¾	22¼	21	20½	17¼

Изъ этого видно, какъ ничтожна разница въ температурѣ въ 2 часа пополудни и въ 6 час. вечера; это мѣстная особенность въ это время года. Небольшія разницы между maximum и minimum температуры комнатнаго воздуха объясняются способностію стѣнъ строенія, возведеннаго изъ Нильскаго ила поглощать жаръ солнечныхъ лучей и выдѣлять ночью эту теплоту въ комнаты. Такимъ образомъ, занавѣшивая днемъ окна и закрывая ихъ на ночь, достигаютъ извѣстной прохлады въ комнатахъ днемъ и теплоты ночью. Больные, осужденные проводить дни и ночи въ комнатѣ, пользуются посему одинаковою температурою въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

Средняя влажность воздуха въ Верхнемъ Египтѣ съ начала Января и до конца Марта—53, принимая 100 за градусъ полнаго насыщенія, тогда какъ, напримѣръ, въ Англіи, въ тотъ же періодъ года, влажность равна—91 и даже въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ, въ самое сухое время, влажность воздуха равча 76.

Профильтрованная вода Нила представляетъ самую чистую и лучшихъ качествъ воду для питья.

Преобладающіе вѣтры въ Люксорѣ съ Января и по конецъ Марта—сѣверные.

Въ санитарномъ отношеніи устройство Люксорскаго отеля не оставляетъ ничего желать больше; необходимѣйшія мѣста устроены по системѣ Муля (пудръ-клозеты); «for ladies» они устроены далеко отъ мужскихъ, такъ что никакого стѣсненія не можетъ быть для пользованія ими. Замѣчательно, съ какою внимательностью Англичане относятся къ удобному, даже комфортабельному устройству этой части домашняго обихода. За одно скажу здѣсь, что и на Нильскихъ пароходахъ эта статья устроена отлично хорошо, а главное въ достаточномъ числѣ экземпляровъ: запертъ одинъ номеръ, то другой или третій свободенъ.

Компанія «Cook and sons», публикуя объявленіе о своихъ пароходахъ на Нилѣ и гостиницахъ въ Верхнемъ Египтѣ, старается увѣрить публику о пользѣ пребыванія въ Люксорѣ для чахоточныхъ, ревматиковъ, страдающихъ удушьемъ и разными нервными болѣзнями.

Напрасный трудъ, ибо какъ только провѣдали въ Лондонѣ, что дѣловитая и энергичная фирма Кука взяла на себя поддерживать пароходныя сообщенія по Нилу и устраивать свои отели въ Люксорѣ и Ассуанѣ, то, начиная съ 1877 года, пріѣздъ Англійскихъ туристовъ въ Верхній Египетъ растетъ съ каждымъ годомъ въ такой мѣрѣ, что почелѣ перваго же года размѣръ первоначально устроеннаго «Luxor Hôtel» пришлось удвоить и потомъ постепенно увеличивать до современнаго размѣра въ 140 нумеровъ. Въ теченіе 1888 г. устроены обширный столовый залъ и извѣстное число добавочныхъ спальныхъ комнатъ, но и это оказалось недостаточнымъ, и компанія «Cook and sons» вынуждена была купить «Karnak-Hôtel» съ принадлежащимъ ему земельнымъ участкомъ. Расширены были сады, устроенъ отдѣльный павильонъ для биллiардовъ, lawn-tennis, добавочныя спальныя комнаты; но и это оказалось недостаточнымъ, потому что Англичане въ сезоны 1889—90, 1890—91, 1891—92, и 1892—93 г.г. пріѣзжали все въ большемъ и большемъ числѣ, и главное—это не больные одышкою или чахоткою, а страдальцы тѣмъ, что карманы ихъ переполнены фунтами стерлинговъ. Вотъ отъ какой болѣзни пріѣзжаютъ сюда Англичане искать облегченія. Около роялей я видѣлъ массу нотъ какъ для игры, такъ и для пѣнія; библіотека наполнена произведеніями лучшихъ Англійскихъ авторовъ по литературѣ, исторіи и проч. Пришлось заботиться о новыхъ постройкахъ для отеля, а пока что, поставили въ Ассуанѣ и въ Люксорѣ старые пароходы и приспособили ихъ къ жилью, поспѣшили выписать извѣстнѣйшихъ своимъ искусствомъ поваровъ и, въ добавокъ къ огородамъ, заведеннымъ на арендуемыхъ въ Ассіутѣ поляхъ, расширить огороды близъ Люксора для овощей, пастбища для откармливанія телятъ и барановъ и увеличить птичьи дворы, а также организовать заново молочное хозяйство, приготовленіе сливочнаго масла и льда. Словомъ, практическая компанія знала какъ распорядиться для пріема своихъ дорогихъ гостей.

24 Октября (5) Ноября. День былъ невыносимо жаркій, въ тѣни + 24° R, но на солнцѣ было не менѣе 40 градусовъ: такъ жгучи лучи. Къ вечеру собрались тучи кругомъ, и съ наступленіемъ темноты заблистала со всѣхъ сторонъ молнія. Въ 5¼ час. вечера пришелъ изъ Ассуана пароходъ «Amernatos», съ которымъ я и отплылъ изъ Люксора въ 6¼ час., проживъ здѣсь 5 дней.

Не знаю, какимъ считается пароходъ «Amernatos» въ большомъ числѣ пароходовъ и Dahabeah, составляющихъ большую флотилію компаніи; но на мой взглядъ «Amernatos» соединялъ въ себѣ всѣ условія для удобнаго и даже комфортабельнаго плаванія туристовъ; какъ по устройству своему, такъ и отличному содержанію, пароходъ во всѣхъ

отношеніяхъ былъ прекрасный. Капитанъ парохода изъ Арабовъ, красивый, живой и любезный хозяинъ, свободно изъяснявшійся и по-французски, и по-англійски.

Очутившись на пароходѣ, я сразу почувствовалъ отдыхъ отъ жары и духоты. На пароходѣ кромѣ меня было еще 3 пассажира: одинъ Англичанинъ-офицеръ и два Египтянина; одинъ изъ нихъ молодой человѣкъ, землевладѣлецъ въ Ассіутѣ, очень хорошо говорилъ по-англійски. Въ 8½ час. вечера мы остановились ночевать въ Nogada.

Ночью я проснулся. Вижу, что молнія кругомъ и безпрерывно дѣйствуетъ; громъ гремитъ постоянно и безъ малѣйшаго перерыва: въ каютѣ мнѣ показалось душно, я зажегъ свѣчу и вышелъ на палубу. Все спало, нигдѣ не было и признака жизни; но только что я успѣлъ войти въ каюту и лечь, какъ начался сильнѣйшій ливень и вскорѣ градъ, который стучалъ съ такою силою по палубѣ парохода, что можно было подумать, что насъ атаковала тысяча Арабовъ, которые бросаютъ въ насъ камни. Въ первое мгновеніе мнѣ и представилось, что это большіе камни; я боялся, что такой градъ пробьетъ потолокъ и закрылъ голову обѣими руками; на пароходѣ поднялась тревога: всѣ вскочили съ кроватей, въ каютахъ зажгли свѣчи. Англичанинъ-офицеръ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его солдатомъ принялись перетаскивать тюки на палубѣ, чтобы спрятать ихъ отъ подмочки, матросы крѣпили швартовы; къ счастію это скоро кончилось, черезъ 10—15 минутъ. Всѣ говорили, что подобнаго никогда въ жизни не видали.

25 Октября, въ 3 часа пополудни, «Amerpatos» пришелъ въ Guirguet, а въ 5 час. я отправился съ скорымъ поѣздомъ въ Каиръ. Вагоны этой линіи отчаянные, въ каждое купе отдѣльный входъ, вагоны запущены, грязно содержатся и всегда въ пыли; ни умывальниковъ, ни ватерклозетовъ нѣтъ, ни въ вагонахъ, ни на станціяхъ; ресторановъ на станціяхъ нигдѣ нѣтъ. Самое полотно дороги содержится до крайности небрежно и неопрятно. Ѣзда же очень скорая, тряска и подбрасываніе вагоновъ весьма чувствительныя; шумъ въ вагонахъ отъ хода поѣзда страшный; сидишь себѣ одинъ и только молишь Бога, какъ бы доѣхать до Каира, не сломавъ себѣ шеи.

26 Октября, Вторникъ, въ 6 ч. 20 м. утра, пріѣхали въ Каиръ, и я направился въ гостепріимную Victoria Hôtel мыться и чиститься.

Прежде всего заѣхалъ въ почтамтъ и получилъ тамъ второе письмо отъ сына; оказалось, что дома все благополучно; затѣмъ я написалъ письмо къ агенту Русскаго Общ. Парох. и Торг. въ Александріи г. Прассиносу, прося сообщить мнѣ, закрыты ли въ Греціи карантины противъ холеры и могу ли я ѣхать туда, не опасаясь быть посаженнымъ на нѣсколько дней на пищу св. Антонія; отвѣтъ я просилъ со-

общить мнѣ по телеграфу, дабы возможно было воспользоваться первымъ же пароходомъ, отходящимъ изъ Александріи въ Пирей.

Справивъ эти дѣлишки, я пошелъ навѣстить нашего консула А. Ѳ. Иванова, отъ котораго узналъ, что дипломатическій агентъ нашъ въ Каирѣ д. с. с. Алекс. Иван. Кояндеръ возвратился изъ отпуска, и потому я поспѣшилъ сдѣлать ему визитъ. Это дипломатъ извѣстный по своей долгой и полезной службѣ въ Китаѣ и послѣ въ Болгаріи, свѣжій человѣкъ, который принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ; опасаясь помѣшать ему въ занятіяхъ, я пытался не оставаться у него долго, но хозяинъ задержалъ меня, и я имѣлъ случай познакомиться съ пріѣзжавшими къ Александру Ивановичу съ визитами сперва съ Греческимъ архіепископомъ Синайской горы о. Порфиріемъ, сторонникомъ Русскихъ, а послѣ съ главнымъ директоромъ музея и раскопокъ Египетскихъ древностей г. де-Морганомъ: человѣкъ молодой, полный жизни и энергіи; по его словамъ весь успѣхъ возложеннаго на него дѣла зависитъ отъ размѣра ассигнованій.

Гостепріимный хозяинъ, не смотря на мои объясненія, что у меня какъ у человѣка военнаго, только временно носящаго статское платье, не имѣется надлежащаго туалета для обѣда, настоялъ на своемъ, чтобы въ этотъ день я обѣдалъ у него въ 8 час. вечера. Тутъ же былъ я представленъ и Варв. Конст. Кояндеръ. А. Ѳ. Ивановъ при мнѣ сообщилъ ей, что въ Каиръ пріѣхали на зиму двѣ сестры, Русскія барышни, и просятъ, для предоставленія имъ возможности существовать, рекомендацій для полученія уроковъ музыки, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ. В. К. Кояндеръ тотчасъ же взяла записную книжку, и что-то записывая, отвѣчала консулу: «хорошо, я сегодня же заѣду къ такимъ-то и такимъ-то, постараюсь устроить дѣло барышень; вѣрно больныя, что пріѣхали сюда». И дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, В. К. Кояндеръ успѣла доставить соотечественницамъ столько уроковъ, что онѣ могли безъ затрудненія прожить въ Каирѣ нѣсколько мѣсяцевъ и успѣли даже поправить свое здоровье. Мнѣ говорили, что когда дѣло идетъ о помощи бѣднымъ, то никто такъ просто и легко не дѣлаетъ этого, какъ m-me Кояндеръ; своею наружностію и обходительностію она произвела на меня чрезвычайно отрадное впечатлѣніе.

Послѣ обѣда любезные хозяева предложили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними на Арабскій праздникъ. Весь Арабскій кварталъ, состоящій изъ магазиновъ и разныхъ лавокъ и лавочекъ былъ обильно освѣщенъ фонарями и лампами, всѣ магазины открыты и также залиты огнемъ; повсюду гремитъ музыка и неисчислимая масса народа по всѣмъ улицамъ, переулкамъ и магазинамъ. Мои хозяева были спеціально приглашены какимъ-то именитымъ купцомъ и непремѣнно хотѣли почтить его

своимъ визитомъ. Мы пробивались сквозь густую толпу при помощи каваса и нашихъ локтей, заботясь прежде всего не разъединяться (иначе можно было совсѣмъ потеряться), наконецъ добрались до желаемаго магазина и кое-какъ усѣлись; намъ предложили по чашечкѣ Турецкаго кофе. Купецъ, изгибаясь на всѣ лады, не зналъ какъ и благодарить за оказанную ему честь. Оттуда мы заходили въ наиболѣе просторные магазины, гдѣ поменьше публики, чтобы посмотрѣть на выставку разныхъ мѣстныхъ произведеній и въ одномъ изъ такихъ магазиновъ встрѣтили г. Іонина съ женою и сыномъ; познакомившись съ нимъ, я сообщилъ ему, съ какимъ интересомъ я зачитывался описаніями его путешествій по Южной Америкѣ. Г. Іонинъ, какъ видно, бросилъ свое дипломатическое поприще и служитъ въ Каирѣ въ международной комиссіи національнаго долга.

Подобно Турціи, Египетъ, какъ извѣстно, обремененъ европейскими долгами, и въ обезпеченіе ихъ уплаты, на основаніи международныхъ трактатовъ, были отчислены извѣстныя отрасли государственныхъ доходовъ, которыя должны поступать прямо въ распоряженіе Египетской международной долговой комиссіи, въ которой и служитъ теперь г. Іонинъ, какъ представитель Россіи.

По возвращеніи съ праздника, любезный Кояндеръ подвезли меня къ Victoria Hôtel.

27 Октября. Прассиносъ отвѣтилъ, что ѣхать въ Грецію, по его мнѣнію, не слѣдуетъ, потому что Греческое правительство едва ли не каждый день мѣняетъ свои распоряженія относительно провенансовъ не только изъ Россіи, но и изъ Египта. На этомъ основаніи я рѣшилъ отказаться и на этотъ разъ отъ посѣщенія Греціи и отправиться прямо въ Россію на пароходѣ «Царица» который долженъ выйдти изъ Александріи 29 Октября, въ Пятницу; объ этомъ я телеграфировалъ Прассиносу, увѣдомивъ, что въ Четвергъ вечеромъ пріѣду прямо на пароходъ, не ночуя въ Александріи, но Прассиносъ отвѣтилъ, что вечеромъ таможня закрыта, и потому проѣхать на пароходъ нѣтъ возможности. Эти таможни въ Египтѣ учреждены, какъ мнѣ говорили, болѣе для надзора не вывозятъ ли какихъ либо Египетскихъ древностей, а можетъ быть и для сбора денегъ въ пользу казны опустошаемой англичанами, но я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ночевать для этого въ незнакомой мнѣ гостиницѣ и потому просилъ А. И. Кояндера устранить для меня лишнее затрудненіе, для чего требовалось только снабдить меня въ Александріи кавасомъ; Александръ Ивановичъ тотчасъ же телеграфировалъ объ этомъ въ Александрію.

Днемъ 27 Октября я заходилъ въ мастерскую Парвиса, замѣчательную по работѣ мебели въ Арабскомъ вкусѣ. Передъ закатомъ же

солнца напялъ фаэтонъ, чтобы прогуляться на лѣвомъ берегу Нила, около Гезири, и при этомъ случайно попалъ на мѣсто забавъ Англичанъ. Съ одной стороны дороги обширная площадка для lawn-tennis, а съ другой большое поле для игры въ поло; тутъ построенъ цѣлый домъ съ террасами къ полю, гдѣ сидѣли леди и джентльмены, наблюдавшіе за ходомъ игры, а игра состоитъ въ томъ, что двѣ группы всадниковъ, отличающихся цвѣтомъ лентъ, надѣтыхъ черезъ плечо, выѣзжаютъ на коняхъ къ деревянному шару и, имѣя въ рукахъ деревянные молотки на длинныхъ древкахъ, стараются загнать шаръ на свою сторону. Игра эта требуетъ отличныхъ коней, отличныхъ ѣздоковъ и ловкихъ игроковъ; она продолжается всего 15—20 минутъ, звонокъ даетъ знать объ окончаніи, и на смѣну первыхъ игроковъ выѣзжаютъ новые. Постоянная скачка, безпрерывныя перемѣны направленія ѣзды дѣлаютъ то, что и конь и всадникъ оканчиваютъ игру въ сильнѣйшей испаринѣ. Соскочивъ съ коней, джентльмены бѣгутъ въ домъ и, вооружась большими губками, моются и смѣняютъ бѣлье и платье свѣжими, и, закутавшись въ пальто, спѣшатъ въ тюльбюри къ своимъ женамъ, которыя и отвозятъ ихъ домой. Я не знаю націи, гдѣ бы столько любили всевозможныя физическія упражненія на открытомъ воздухѣ, какъ Англичане. Съ другой стороны, меня поражало то приволье, съ которымъ Англичане живутъ въ Каирѣ: собственные экипажи, верховыя лошади, особый костюмъ для прогулки верхомъ, для lawn-tennis, особый костюмъ для поло, туалеты ихъ дамъ, вѣдь на все это требуются большія деньги, вѣдь все это военные люди, слѣдовательно имѣютъ еще и военный костюмъ. Неужели же всѣ Англичане богатые люди? На это отвѣчали мнѣ, что Англійское правительство отпускаетъ своимъ офицерамъ, служащимъ въ Египтѣ, большое содержаніе, распоряжаясь въ этомъ случаѣ деньгами этой страны.

Въ 6 час. вечера заѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ А. И. Кояндеръ. Это человѣкъ преданный своему дѣлу и большой патріотъ, и я съ большимъ интересомъ слушалъ своего собесѣдника, когда онъ заговорилъ о нашихъ дѣлахъ въ Болгаріи, о князѣ Баттенбергскомъ, о Стамбуловѣ и наконецъ о значеніи Англійской оккупаціи Египта. Въ заключеніе своего визита А. И. Кояндеръ сказалъ, что супруга его приглашаетъ меня быть у нихъ завтра, передъ отъѣздомъ, позавтракать въ 1 часъ дня.

Прогуливаясь послѣ обѣда и проходя мимо Hôtel Continental, я увидалъ на наружной террассѣ г. Іонина и его жену; я зашелъ къ нимъ и съ большимъ удовольствіемъ просидѣлъ съ ними съ часъ; m-me Іонина родомъ изъ Черногоріи, очень видная и красивая дама.

28 Октября, Четвергъ. Въ 1 часъ дня я былъ у гостепріимныхъ Кояндеръ, тамъ были А. Ѳ. Ивановъ и Н. А. Преображенскій; по

окончаніи нашего завтрака пришелъ и г. Іонинъ, чтобы проститься со мною. Послѣ того я возвратился въ Villa Victoria, уложилъ свои вещи и заплатилъ за 7, 8 и 9 Ноября нов. ст. 36 франк. 75 сант.

Поѣздъ въ Александрію отходилъ изъ Каира въ 4 час. 45 мин.; на вокзалъ проводить меня пріѣхали А. И. Кояндеръ и Н. А. Преображенскій. Въ Александрію мы прибыли въ 8½ час. вечера. Меня встрѣтили секретарь Прассиноса и кавасъ, высланный по приказанію А. И. Кояндера. Вотъ этотъ-то кавасъ, старикъ почтенныхъ лѣтъ, и устроилъ все дѣло въ таможнѣ, гдѣ не очень желали пропустить меня, но старикъ стучалъ въ ворота, что-то кричалъ и наконецъ добился своего: не вылѣзая изъ экипажа, безъ всякаго осмотра вещей, я проѣхалъ на пристань прямо къ своему пароходу «Царица»; капитана не было дома, но мнѣ безпрепятственно дали каюту, хотя я и не имѣлъ билета на проѣздъ въ Одессу и долженъ былъ получить его завтра отъ Прассиноса, передъ выходомъ парохода въ море.

Желѣзная дорога Каиръ-Александрія несравненно лучше и опрятнѣе линій Каиръ-Гиргей и Измаиліе-Каиръ.

29-го Октября, Пятница. Въ 10 час. утра мы тронулись изъ Александріи; матросы наши кричали и посылали воздушные поцѣлуи матросамъ какого-то Французскаго корабля, которые въ свою очередь неистовствовали въ изъявленіи знаковъ дружбы; видно, наканунѣ гдѣ нибудь порядочно вмѣстѣ выпили.

Я познакомился съ капитаномъ, весьма почтеннымъ, опытнымъ и заботливымъ морякомъ. Погода превосходная, море совершенно спокойное.

Въ 1-мъ классѣ кромѣ меня былъ еще одинъ пассажиръ le baron E. de Seefried Buttenheim, второй секретарь императорскаго Германскаго посольства въ Константинополѣ; онъ командированъ былъ въ Іерусалимъ и теперь возвращался оттуда; а въ это время жена барона съ ребенкомъ своимъ ѣздила на родину повидаться съ родными и ожидала уже его въ Константинополѣ. Баронъ, изъ Баваріи, соотечественникъ знаменитому артиллерійскому генералу Зауеру и чуть ли не родственникъ ему, человѣкъ весьма образованный, сообществу котораго я былъ весьма радъ.

30 Октября, Суббота. Пароходъ «Царица» хорошій ходокъ, сполна нагруженъ хлопкомъ. Погода теплая, солнце жжетъ по обыкновенію, но вѣтеръ ЮЮЗ усилился, поставили паруса, насъ порядочно покачиваетъ, мой баронъ не переноситъ качки.

Въ 2¼—3 часа пополудни проходили мимо острова Кандія (Критъ), имѣя его съ нашей лѣвой стороны, а нѣсколько минутъ раньше видѣли съ правой стороны какой-то другой островъ. Здѣсь мы вступили въ Греческій архипелагъ.

31 Октября, Воскресенье. Ясное дѣло, что мы ужъ не въ Египтѣ: температура замѣтно понизилась, небо покрыто облаками; я принужденъ надѣть въ первый разъ свое легкое пальто и подумать, не могу ли еще какъ нибудь усилить свое одѣяніе, но увы ничего у меня нѣтъ; надо укрываться въ каютѣ, а не расхаживать по палубѣ. Сѣверный вѣтеръ, качки нѣтъ. Баронъ бодрится, но онъ такого высокаго роста, что, оставаясь со мною въ каютѣ, часто расколачиваетъ свою голову о бимсы.

Между пассажирами 3-го класса на палубѣ я встрѣтилъ мальчика лѣтъ 14—15: Татаринъ, возвращающійся съ другими взрослыми Татарами изъ Мекки въ Рязанскую губернію; говоритъ по-русски.

Въ 1 ч. 35 мин. пополудни бросили якорь въ Пиреѣ—51½ часовъ хода отъ Александріи до Пирея.

Здѣсь застали нашу эскадру, вернувшуюся изъ Тулона: «Нахимовъ», «Память Азова», «Рында» и др. Изъ Пирея вышли въ 5 час. пополудни, взявъ въ число пассажировъ 1-аго класса старшаго врача съ «Нахимова»; онъ ѣхалъ въ отпускъ въ Кронштадтъ для свиданія съ своимъ семействомъ, передъ уходомъ на «Нахимовѣ» въ дальнее плаваніе.

Разсказы этого старшаго врача о пріемѣ нашей эскадры въ Тулонѣ и о поѣздкѣ опредѣленнаго числа чиновъ эскадры въ Парижъ, гдѣ они были постоянно окружаемы наибольшимъ вниманіемъ всѣхъ сословій общества, старавшихся наперерывъ сдѣлать что-нибудь пріятное для гостей, были чрезвычайно интересны. Къ поясненію разсказовъ старшій врачъ показалъ намъ много подарковъ, полученныхъ имъ и для него, и для его жены.

1 Ноября, Понедѣльникъ. Стужа дѣлается очень чувствительною, я боюсь простудиться и потерять все, что̀ успѣлъ пріобрѣсти хорошаго для здоровья; +10°R, я не выхожу изъ каюты. Утромъ стою у окна и слышу такой разговоръ двухъ служащихъ на пароходѣ: «А вотъ, какъ я сталъ послѣ васъ въ 4 часа утра на вахту, то пока новый рулевой установилъ ходъ какъ слѣдуетъ, насъ сильно подбрасывало».—«Да», отвѣчалъ ему другой, ёжась отъ холода и переступая съ ноги на ногу, «теперь такая ужъ пора года, что какъ вышелъ изъ порта, то дуй во всѣ лопатки». По моему это значитъ, что какъ ни худо, но теперь осенью и не жди ничего лучшаго; торопись, чтобы не встрѣтить чего худшаго. Баронъ мой лежитъ, его укачало. Вѣтеръ сильный съ Сѣвера и очень холодный; этотъ вѣтеръ, а отчасти и противное теченіе сдѣлали то, что, какъ ни напрягали работу машины, вмѣсто 13½ узловъ дѣлали только 10 и потому не могли придти въ Дарданеллы до заката солнца; пришли въ 5½ час. вечера, потому и не

могли, по правиламъ Турецкихъ портовъ, получить практики, т. е. выгрузки товаровъ, и вообще права сношенія съ берегомъ, вслѣдствіе чего должны были оставаться здѣсь до утра. Переходъ отъ Пирея до Дарданеллъ 25 часовъ. Отсюда до Константинополя 130 миль, придемъ туда также послѣ заката и практику получимъ только 3-го Ноября, въ Среду; такимъ образомъ цѣлые сутки потеряны изъ за опозданія въ Дарданеллахъ на ½ часа.

2 Ноября, Вторникъ. День солнечный, но по вчерашнему холодный, ибо дуетъ тотъ же сильный сѣверный вѣтеръ. Къ намъ хочетъ сѣсть начальникъ проливовъ, паша, обязанный переѣхать, кажется, въ Константинополь, но что всего интереснѣе для насъ съ барономъ—это, что паша ѣдетъ вмѣстѣ со своимъ гаремомъ. Баронъ, а за нимъ и я сочли нужнымъ вмѣшаться по вопросу выбора каютъ для гарема, и тактика наша состояла въ томъ, чтобы выбрать для красавицъ такія каюты, чтобы для насъ оставался хотя какой-бибудь шансъ увидать ихъ. Пароходная дѣвушка въ этомъ вопросѣ была на нашей сторонѣ. Но увы, всѣ наши заботы по размѣщенію гарема были напрасны; паша прислалъ сказать, что не надѣется успѣть быть во время на пароходѣ и потому проситъ его не ожидать.

Вышли изъ Дарданеллъ въ 1 часъ пополудни и шли малымъ ходомъ, чтобы быть въ Константинополѣ только утромъ завтра. По настоящему же этотъ переходъ можно сдѣлать въ 12 часовъ времени.

3 Ноября, Среда. Пришли въ Константинополь въ 7 час. утра; вѣтра нѣтъ, но все небо покрыто тучами, идетъ дождь и очень свѣжо; ахъ, какъ это все тяжело переносить, такъ бы хотѣлось вернуться назадъ! Вѣдь дождь и холодъ—это прелести, на которыя я уже успѣлъ насмотрѣться въ Петербургѣ, проживя тамъ Іюнь, Іюль и Августъ. Вотъ входитъ въ Золотой Рогъ какой-то корабль, идущій изъ Чернаго моря, реи поломаны, на бортахъ тоже поврежденія; слышу говоръ, разсказываетъ кто-то, что на Черномъ Морѣ страшныя бури, что корабль выдерживалъ сильный штормъ; но оказалось вскорѣ, что все это невѣрно: корабль, не знаю какъ, сцѣпился съ другимъ судномъ и немного поломался.

Смотрю влѣво къ проливу и узнаю «Чихачева», который очевидно идетъ очереднымъ рейсомъ въ Александрію; не утерпѣлъ, взялъ лодку и поѣхалъ на «Чихачевъ» повидаться съ капитаномъ и посмотрѣть на счастливцевъ, ѣдущихъ въ Каиръ.

Капитанъ на этотъ разъ ѣхалъ съ женою, что дозволяется въ Обществѣ Пароходства и Торговли; онъ представилъ меня своей женѣ, и мы посидѣли нѣсколько минутъ. По словамъ капитана переходъ изъ

Одессы былъ довольно спокойный; онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ, что я за эти два мѣсяца замѣчательно поправился.

Съ «Чихачева» я поѣхалъ въ городъ въ наше посольство, гдѣ познакомился съ старшимъ секретаремъ императорскаго посольства въ Константинополѣ, камеръ-юнкеромъ Е. И. В. Юріемъ Николаевичемъ Щербачевымъ, который былъ столь любезенъ, что снабдилъ меня кавасомъ; я нанялъ коляску и поѣхалъ сперва въ Отоманскій банкъ за деньгами, а оттуда съ визитомъ къ бывшему у насъ въ Петербургѣ посланникомъ Шакиръ-пашѣ. Онъ живетъ въ нагорной части города, весьма далеко отъ центра, почти на окраинѣ города; на бѣду я не засталъ Шакира-пашу дома и долженъ былъ ограничиться отдачею своей визитной карточки. Оттуда я поѣхалъ отыскивать и къ счастію скоро нашелъ свою хорошую знакомую Наталію Ивановну Пташинскую. Съ нею я провелъ цѣлый день. Поѣхали сначала осматривать знаменитый саркофагъ, о которомъ всѣ говорятъ; его откуда-то доставили въ Константинополь въ недавнее время; изваяніе изъ бѣлаго мрамора настолько искусное, что каждому лицу, несмотря на малый размѣръ человѣческихъ фигуръ, ваятель успѣлъ придать явственное выраженіе лица; зритель безъ коментарій различаетъ мысли и чувства, воодушевляющія каждое дѣйствующее лицо въ данную минуту. Послѣ того мы посѣтили Софійскій соборъ, гробницы послѣднихъ султановъ, заѣхали въ городъ за какими-то покупками, вернулись домой къ Наталіи Ивановнѣ вечеромъ и застали у нея Шакира-пашу и еще нѣсколько человѣкъ приглашенныхъ къ обѣду. Послѣ обѣда я вскорѣ раскланялся и вернулся на пароходъ въ 9-мъ часу вечера.

4 Ноября, Четвергъ. Въ 3½ часа пополудни простились съ Константинополемъ, въ 5 ч. 10 м. миновали Кавакъ и вошли въ Черное море; погода изъ холодной становилась мягкою.

5 Ноября, Пятница. Небольшой юго-восточный вѣтеръ, довольно тепло, море совершенно спокойное, никакой качки.

Въ 12½ часовъ съ 5-го на 6 Ноября пароходъ бросилъ якорь снаружи Одесскаго брекватера, а въ 7-мъ часу утра перешелъ въ гавань. Ура! я спасенъ, не заболѣлъ простудою, ибо въ Одессѣ ожидала меня моя военная одежда, а въ томъ числѣ и зимнее пальто и калоши.

Въ 8 час. вечера 6 Ноября, въ Субботу я выѣхалъ курьерскимъ поѣздомъ на Кіевъ и Москву въ Петербургъ.

9 Ноября, Вторникъ, утромъ въ 11 час. я прибылъ въ Петербургъ.

Въ два съ небольшимъ мѣсяца мнѣ удалось совершить интереснѣйшее путешествіе, доставившее мнѣ столько новыхъ впечатлѣній и здоровья, а обошлось оно всего около 1400 руб. со включеніемъ расхода въ 150 рублей на разныя покупки.

Дня черезъ два по возвращеніи въ Петербургъ я былъ у военнаго министра и отъ него зашелъ въ главный штабъ узнать, не могу ли теперь представиться Государю Императору по случаю назначенія меня членомъ Военнаго Совѣта. Мнѣ сказали, что Государь находится въ Гатчинѣ, что по всей вѣроятности скоро получится разрѣшеніе мнѣ представиться и что о днѣ пріема мнѣ сообщатъ.

Представиться къ Государю я пытался еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, тотчасъ по пріѣздѣ изъ Новогеоргіевска, но тогда Государь собирался ѣхать въ Шхеры и на докладной запискѣ штаба о представляющихся, въ числѣ коихъ былъ и я, Государь собственноручно написалъ: «Не знаю, буду ли имѣть время принять и когда». Мнѣ тогда же пришла грѣшная мысль, что не надоѣдаютъ ли Государю наши представленія и не подлѣнивается ли нашъ симпатичнѣйшій Государь лѣтомъ, съ наступленіемъ жаркихъ дней; вѣдь что же, каждый, я думаю, изъ насъ испытываетъ въ такое время желаніе отдохнуть отъ обычныхъ своихъ занятій, какъ бы легки они ни были, и предаться ничегонедѣланію.

Вслѣдъ за тѣмъ главный штабъ увѣдомилъ, что пріемовъ у Государя совсѣмъ не предвидится въ ближайшее время. А мнѣ такъ хотѣлось видѣть Государя и именно въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ которомъ мнѣ никогда не случалось бывать и потому я не имѣлъ о немъ никакого представленія.

Потерпѣвъ такую неудачу, мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ Петербургѣ, какъ отправиться въ отпускъ, и 1-го Сентября я уѣхалъ въ Египетъ на $2^1/_2$ мѣсяца.

Теперь же, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, велико было мое удовольствіе, когда дня черезъ три послѣ моего визита въ главный штабъ, я получилъ оттуда извѣщеніе: «Государь Императоръ соизволитъ принять ваше превосходительство завтрашняго числа въ $11^1/_2$ ч. утра въ Гатчинскомъ дворцѣ».

Въ прежніе разы на подобныхъ запискахъ дѣлали обыкновенно внизу приписку карандашомъ, что «удобнѣе ѣхать съ такимъ-то поѣздомъ», но на этотъ разъ такого подсказыванія не было, а между тѣмъ въ Гатчино можно ѣхать и по Варшавской, и по Балтійской дорогамъ. На другой день я поѣхалъ наугадъ по послѣдней дорогѣ, но какъ только взошелъ въ вокзалъ, то тотчасъ же увидѣлъ, что я ошибся: на вокзалѣ никого не было въ парадной формѣ; значитъ, всѣ представляющіеся ѣдутъ по Варшавской дорогѣ и въ Гатчинѣ придворные экипажи будутъ высланы на вокзалъ этой дороги. По пріѣздѣ въ Гатчино я успокоился, увидавъ, что дворецъ въ виду вокзала и опоздать я не могу. Представляющихся военныхъ и гражданскихъ чиновъ было не очень много.

Послѣ обычнаго угощенія чаемъ и кофеемъ, насъ пригласили отправиться сначала на половину Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Я, какъ старшій въ чинѣ, представлялся первымъ и былъ удостоенъ очень милостиваго пріема. Императрица, узнавъ, что я только что вернулся изъ Египта, сдѣлала мнѣ замѣчаніе, что для здоровья опасно послѣ жаровъ въ тропикахъ попасть прямо въ страну морозовъ и снѣговъ. Покои Императрицы были въ нижнемъ этажѣ, и намъ пришлось пройти чрезъ всѣ залы нижняго этажа. По окончаніи аудіенціи у Ея Величества, меня направили къ Государю Императору, и для этого также пришлось проходить по коридорамъ и заламъ почти всего верхняго этажа дворца, который произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе: и уютно и богато, масса картинъ.

На половинѣ Его Величества я встрѣтилъ дежурнаго флигель-адъютанта, который сказалъ мнѣ, что въ слѣдующей комнатѣ кабинетъ Государя, въ которомъ Онъ въ настоящую минуту слушаетъ докладъ министра юстиціи Манасеина (какъ я узналъ послѣ, это былъ его послѣдній докладъ; на его мѣсто былъ назначенъ Муравьевъ). Еще не кончился докладъ министра, какъ въ пріемную комнату взошелъ командующій войсками Московскаго военнаго округа ген.-адъют. Костанда; онъ старше меня, и потому по выходѣ изъ кабинета Манасеина, туда позвали сперва Костанду, но онъ былъ всего 1—2 минуты, и затѣмъ наступила моя очередь.

Государь хорошо зналъ меня въ лицо, и я въ свою очередь не въ первый разъ имѣлъ случай говорить съ Нимъ. Его доступность и простота въ обращеніи съ другими всегда чаровали меня, такъ что я ожидалъ минуты встрѣчи съ Нимъ какъ особаго счастія.

Въ 1884 г Государь пробылъ пять сутокъ въ Новогеоргіевской крѣпости, и тогда я, какъ главный ея начальникъ, былъ удостоенъ приглашеніемъ каждодневно къ завтраку и къ обѣду за высочайшимъ столомъ; но тогда, неся ежеминутно громадную отвѣтственность за все, я не имѣлъ ни минуты душевнаго спокойствія и далеко не могъ безмятежно играть роль посторонняго наблюдателя; къ тому же мнѣ ни разу не приходилось въ Новогеоргіевскѣ сидѣть близко къ Царю и разговаривать съ Нимъ.

Совсѣмъ другое дѣло было въ 1892 г., когда въ Варшавскомъ округѣ назначены были въ высочайшемъ присутствіи большіе маневры въ окрестностяхъ крѣпости Ивангорода, для чего собрано было около 60 т. челов. войска, а я назначенъ былъ въ числѣ посредниковъ. Въ кр. Ивангородѣ я былъ посторонній человѣкъ, ни за что не отвѣтственный и, получивъ приглашеніе, какъ одинъ изъ старшихъ генераловъ, ежедневно завтракать и обѣдать за высочайшимъ столомъ, я имѣлъ

полную возможность предаваться занятіямъ наблюдателя независимаго и спокойнаго. Къ тому же не разъ случалось такъ, что генералы старше меня, по занятіямъ ли службы, болѣзни или другимъ какимъ либо причинамъ, не могли явиться къ столу, и мѣста ихъ, ближайшія къ Государю, оказывались незанятыми; тогда Его Величество приглашалъ насъ занимать такія мѣста, говоря: «Садитесь ближе, не оставляйте, господа, пустыхъ мѣстъ», и такимъ образомъ мнѣ случалось сидѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ къ Государю, что неоднократно или Онъ обращался непосредственно ко мнѣ съ разговоромъ, или мнѣ хорошо слышны были Его бесѣды съ Императрицею, съ министрами военнымъ или двора и другими лицами, близко къ Нему сидѣвшими. Привѣтливость Государя и простота, съ какою Онъ держалъ себя, производили на меня чарующее впечатлѣніе.

Въ день парада войскъ въ Ивангородѣ, за завтракомъ, Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «А вчера-то, подъ вечеръ, когда пошелъ дождь, я подумалъ, ну пропало наше дѣло съ парадомъ; между тѣмъ дождь скоро прекратился и вечеръ былъ превосходный, а сегодня погода вѣдь какъ на заказъ, чудо какъ хороша! Въ Петербургѣ же, повѣрите ли, дожди это лѣто идутъ постоянно и днемъ, и ночью; просто выводятъ изъ всякаго терпѣнія. Нѣтъ, господа, въ хорошемъ климатѣ вы здѣсь живете».

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, Государь всталъ и произнесъ небольшую рѣчь, выражая свое удовольствіе по поводу того состоянія войскъ Варшавскаго округа, въ которомъ онъ ихъ нашелъ. «Смотря сегодня на войска, сердце радовалось видѣть ихъ въ такомъ блестящемъ состояніи», сказалъ между прочимъ Государь. Говорилъ онъ очень плавно и свободно, голосомъ сначала и до конца рѣчи одинаково громкимъ и твердымъ; видно было, что онъ говорилъ рѣчь не заранѣе подготовленную, а она вылилась у него экспромптомъ, и видно было также, что въ эту минуту у него работалъ только разсудокъ и ни малѣйшаго участія не принимало чувство или нервы; голосъ не дрогнулъ ни на мгновеніе.

Наканунѣ этого дня парада, при заключеніи маневровъ, на фортѣ «Ванновскій», въ присутствіи Государя Императора и Государыни Императрицы, при стрѣльбѣ холостыми зарядами, случилось несчастіе съ однимъ канониромъ, которому, при заряжаніи орудія, оторвало руку; какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ, то Государыня, подойдя къ раненому, опустилась на колѣни и обѣими руками поддерживала голову несчастному во время перевязки его.

И вотъ, въ виду этого обстоятельства, когда за обѣдомъ наступилъ моментъ поднять бокалы за здоровье Государыни Императрицы,

командующій войсками округа ген.-адъют. Гурко сказалъ весьма прочувствованное слово, называя Императрицу нѣжною для всѣхъ насъ матерью, которая горячо заботится *о болѣстяхъ солдата* и проч. и проч. Нашимъ восторгамъ при здравицахъ за Ихъ Величества не было предѣловъ, мы всѣ страшно волновались; но Государь, какъ мнѣ казалось, оставался совершенно спокойнымъ; только небольшимъ наклоненіемъ головы и двумя словами Государь поблагодарилъ генерала Гурко за его пламенныя рѣчи. Очевидно, что Государь умѣлъ владѣть собою.

Съ Императрицею онъ разговаривалъ большею частію по-французски, и пріятно было слушать его говоръ щегольски правильный, а по существу всегда искренно дружескій и часто шутливый. Aimez Саша, c'est une âme de cristale—приходило въ это время на память *).

Получивъ такимъ образомъ навыкъ въ Новогеоргіевскѣ, въ Ивангородѣ и при нѣсколькихъ представленіяхъ въ Петербургѣ, въ Аничковомъ дворцѣ и въ Александріи подъ Петергофомъ, къ личнымъ встрѣчамъ съ Государемъ и зная изъ опыта, что каждая такая встрѣча оставляетъ по себѣ никогда неизгладимое пріятное впечатлѣніе, я при своемъ послѣднемъ представленіи, въ Гатчинѣ, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ былъ спокоенъ и увѣренъ, что въ бесѣдѣ съ Государемъ Императоромъ я снова испытаю величайшее для себя наслажденіе.

И дѣйствительно, какъ только взошелъ я въ кабинетъ, Государь встрѣтилъ меня съ обычною своею ласковостію, въ 3—4 шагахъ отъ входной двери и стоя началъ разговоръ. Первое спросилъ, кому я сдалъ крѣпость, и я долженъ былъ объяснить ему, что я выѣхалъ изъ Новогеоргіевска еще въ Маѣ мѣсяцѣ (разговоръ этотъ происходилъ въ Ноябрѣ) и сдалъ тогда свою обязанность старшему по себѣ; что, прибывъ въ Петербургъ въ началѣ Іюня, я искалъ счастія представиться Его Величеству, но пріемы представляющихся были тогда имъ пріостановлены. «А, помню, помню», сказалъ Государь и при этомъ такъ улыбнулся, что я невольно, мысленно, подтвердилъ себѣ свою догадку насчетъ истинной причины прекращенія въ Іюнѣ 1893 г. пріемовъ у Государя. Затѣмъ онъ спросилъ у меня, сколько лѣтъ я пробылъ въ крѣпости; на отвѣтъ мой, что комендантомъ я былъ 10 лѣтъ, Государь замѣтилъ: «Ну, это заслуга пробыть въ Новогеоргіевскѣ 10 лѣтъ». Кромѣ 10 лѣтъ въ крѣпости, я пробылъ еще 20 лѣтъ въ Привислинскомъ краѣ, доложилъ я Государю. Подумавъ немного, Его Величество сказалъ: «Тутъ, говоря откровенно, я не вижу ничего особеннаго; но повторяю, что пробыть 10 лѣтъ въ крѣпости—это заслуга, хотя Ново-

*) Такъ въ предсмертныхъ письмахъ къ своимъ братьямъ писалъ изъ Ниццы покойный Великій Князь Цесаревичъ Николай Александровичъ.

георгіевскъ еще не такая глушь, какъ Ивангородъ; а я слыхалъ, что прежде у васъ было еще худшее захолустье—это Замостье». При этомъ я позволилъ себѣ спросить Государя, справедливъ ли былъ слухъ, что въ Замостьѣ на мѣстѣ упраздненной и разрушенной крѣпости предполагается возвести новую крѣпость. «О нѣтъ, я не думаю этого дѣлать, полагая, что съ устройствомъ укрѣпленнаго раіона—Варшава, Новогеоргіевскъ, Зегрже, мы стоимъ на западномъ театрѣ войны твердо и прочно». Затѣмъ не помню, какъ разговоръ перешелъ на другіе предметы, и Государь спросилъ меня, давно ли я видѣлъ Севастополь. Я доложилъ ему, что ѣздилъ въ Крымъ спеціально для того, чтобы полюбоваться возрожденіемъ этого дорогаго моему сердцу уголка Россіи. «Да, но все таки существуютъ еще мѣстами развалины, напоминающія тяжелыя времена Севастополя», сказалъ Государь. На это я съ живостію и воодушевленіемъ говорилъ, что Севастополь до Крымской войны далеко не былъ такъ хорошъ и наряденъ какъ теперь, а что касается нѣсколькихъ развалинъ, то, право, онѣ не портятъ общаго впечатлѣнія и, какъ мнѣ сказывали, развалины эти не уничтожаются единственно по той причинѣ, что для недвижимыхъ городскихъ собственностей существуетъ законъ, по которому собственники, напримѣръ наслѣдники тѣхъ лицъ, которымъ принадлежали дома во время обороны Севастополя, сохраняютъ это право на обладаніе недвижимостію въ теченіе 50 лѣтъ. Теперь городъ даже и не знаетъ, есть ли какіе нибудь претенденты, имѣющіе право владѣть этими развалинами; а по минованіи 50 лѣтъ со дня окончанія обороны Севастополя, если таковые не объявятся, городъ будетъ имѣть право распорядиться съ развалинами и продастъ ихъ желающимъ построить новые дома.

Вся бесѣда длилась около четверти часа. Государь простился со мною и направился къ своему рабочему столу.

Увы, я и не подозрѣвалъ тогда, что это послѣдній разъ имѣлъ я счастіе разговаривать съ Государемъ.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ передавали, что Государь на праздникѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ разсказывалъ о моей поѣздкѣ въ Египетъ и какъ я тамъ страдалъ отъ жары, о чемъ я однако не докладывалъ Его Величеству и полагаю, что объ этомъ ему сообщила Императрица.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Государя въ церкви Зимняго Дворца, въ ночь на Пасху, въ 1894 году, и троекратно облобызался съ Нимъ, почти за шесть мѣсяцевъ до Его кончины.